ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ

И

РУССКАГО ЯЗЫКА.

РАЗСУЖДЕНІЕ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА.

МОСКВА.
1846.

Гвардии Екатеринославскому
драгуну
Оболенскому
от Соколова

ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ И РУССКАГО ЯЗЫКА.

РАЗСУЖДЕНІЕ

КАНДИДАТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА,

ПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ФИЛОСОФСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

МОСКВА,

Въ типографіи Николая Степанова.

1846.

Печатать по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета. Декабря 1[illegible] дня, 1845 года.

Секретарь Совѣта *Василій Спекторскій.*

Фундаментальная
библиотека
Общественных наук
Академии наук СССР

So feiert ihn! Denn, was dem Mann das Leben
Nur halb ertheilt, muss ganz die Nachwelt geben.

Goethe.

ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ

И

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Исторія нашей литературы и тѣсно связанная съ нею исторія языка до сихъ поръ еще для насъ предметъ новый и почти неизвѣстный; у насъ есть только нѣкоторыя указанія, нѣкоторыя пособія, далеко не содержащія въ себѣ историческихъ судебъ нашей Литературы, которая, должно сказать, до сихъ поръ не возбуждала еще нашего настоящаго ученаго вниманія. Но если до сего времени мы были развлечены постороннимъ, если, въ продолженіе столѣтія, вліяніе чуждое, необходимое слѣдствіе предыдущаго періода, деспотически у насъ господствовало, за то въ настоящую минуту вниманіе наше обращено къ судьбамъ отечества на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ выраженіяхъ его жизни. Энергически освобожденные Петромъ отъ оковъ исключительной національности, пережившіе періодъ безотчетнаго подражанія чуждому, наставшій логически и необходимо непосредственно за предыдущимъ, — мы съ полнымъ сознаніемъ, свободные отъ всякой возможной односторонности, возвращаемся къ нашей Исторіи, къ нашей жизни, къ нашему отечеству, нами снова пріобрѣтенному, и съ

бо́льшимъ правомъ, нежели прежде, называемъ его своимъ. Просвѣщеніе Запада, насъ нѣкогда ослѣпившее, и сначала такъ односторонне на насъ подѣйствовавшее, не можетъ уже у насъ отнять его, ибо результатомъ этого просвѣщенія, при настоящемъ его пониманіи, было необходимое сознательное возвращеніе къ себѣ (*). Въ самой истинѣ, намъ открывшейся, нашли мы доказательство, сильную опору нашему народному чувству; мы поняли необходимость національной стороны и въ то-же время ея значеніе и мѣсто. До Петра Великаго мы были неразрывно соединены съ отечествомъ, любили его; но любовь наша не была свободна, она была односторонняя; въ ней былъ страхъ чужеземнаго; только чрезъ незнаніе, чрезъ отчужденіе думали мы сохранить свою національность; здѣсь была темная сторона, которая давала возможность поколебать самое чувство. Такъ и случилось. Петръ вывелъ на свѣтъ, что̀ таилось въ мракѣ; обличилъ и поразилъ односторонность и былъ поворотною точкой. Время послѣ Петра Великаго являетъ новую односторонность, ужасную крайность, до какой когда либо достигалъ народъ: доходило до того, что мы вовсе отрекались отъ нашей исторіи, литтературы, даже языка. Столицею нашею сталъ городъ съ чужимъ именемъ, на берегахъ чуждыхъ, не связанный съ Россіею никакими историческими воспоминаніями. Это время новой односторонности, слѣпаго отрицанія памятно и намъ; оно простирается даже до настоящей минуты; между прочимъ отрицаніе отъ языка Русскаго едва начинаетъ утрачивать свою силу. Но теперь именно настаетъ новый періодъ; теперь союзъ нашъ съ отечествомъ и ясная наша любовь къ нему уже не имѣетъ той односторонности, которая могла-бы дать поколебать ее; не въ удаленіи отъ иныхъ странъ, не въ страхѣ ищетъ она опоры; нѣтъ, мы приняли въ себя просвѣщеніе Запада,

(*) Возвращеніе въ смыслѣ философскомъ и потому не шагъ назадъ, не отступленіе.

приняли его не даромъ и не боимся, чтобы оттого поколебался нашъ вновь возникшій союзъ; односторонность исчезла, просвѣщеніе доводитъ всегда до истины; его сознательнымъ путемъ дошли мы до необходимости національной жизни, но не исключительной какъ прежде, и уступая вмѣстѣ влеченію нашего чувства, никогда насъ вполнѣ не оставлявшаго, мы возвращаемся, откинувъ далеко отчужденіе предыдущаго отрицательнаго періода, полные любви и разумнаго убѣжденія къ отечеству, съ которымъ союза нашего ничто уже расторгнуть не можетъ: той прежней темной стороны въ немъ уже нѣтъ.

Естественно, что въ такое время, время уничтоженія односторонности и оправданія всего дѣйствительнаго, мы обращаемся къ памятникамъ нашей жизни въ религіи, исторіи, литературѣ, языкѣ. Находясь прежде въ первобытномъ непосредственномъ единствѣ сами съ собою, могли-ли мы понимать себя? Мы должны были оторваться сами отъ себя и вмѣстѣ выйдти изъ исключительной національности,—и мы оторвались; мы долго, даже слишкомъ долго находились въ періодѣ отрицанія, періодѣ также одностороннемъ, но также необходимомъ. Теперь-же, когда мы понимаемъ эту односторонность, когда она кончилась (для сознанія нашего по крайней мѣрѣ), однимъ словомъ, въ настоящее время, о которомъ говорили мы выше, вниманіе мысли нашей вообще обращено къ жизни нашего отечества—мысли, сферѣ которой по преимуществу природна истина, ибо она, по существу своему, первая видитъ право и указываетъ настоящій путь. У насъ нѣтъ недостатка въ богатствѣ во всѣхъ отношеніяхъ; всюду встрѣчаемъ мы жизнь бодрую, мощную, самобытную, богатую содержаніемъ, совершающую стройно путь своего развитія. Мы надѣемся, что скоро въ этомъ многіе увѣрятся, на которыхъ еще неизвѣсность наводитъ сомнѣніе.

Предметъ этого разсужденія — Русская литература, и собственно одно, по преимуществу важное, историческое лицо ея — Ломоносовъ, лицо, съ которымъ связано все ея предыдущее и послѣдующее. Вмѣстѣ съ именемъ Ломоносова соединяется представленіе о многообразной дѣятельности, которой этотъ великій человѣкъ былъ преданъ. Указавъ на сферу, составляющую предметъ нашего вниманія, т. е. на сферу литтературной дѣятельности, мы исключаемъ всѣ труды его, сюда не входящіе, труды, о которыхъ, въ ихъ совокупности, можетъ дать отчетъ только собраніе ученыхъ. Но самое слово «литтература» требуетъ опредѣленія, и произнесши его, мы еще не сказали ничего положительнаго; границы нашего разсужденія отъ того едва ли стали ясны. Это одно изъ тѣхъ несчастныхъ словъ, которыя опредѣляются чрезъ ограниченіе, стѣсненіе извнѣ. Такія слова сначала обнимаютъ чрезвычайно много и потомъ мало по малу лишаются своихъ значеній, усѣкаемыхъ одно за другимъ: объемъ ихъ тѣснѣетъ и они доходятъ иногда до очень бѣднаго круга понятій; и тутъ они не заключаютъ въ себѣ одного содержанія (положимъ съ его возможными видоизмѣненіями), ихъ наполняющаго,—нѣтъ, а впускаютъ въ себя по два по три и болѣе понятій, видимо только, близости ради, примыкающихъ другъ къ другу, и остаются лишенными единства настоящаго значенія. Слово «литтература» имѣло такую-же участь; начинаютъ съ опредѣленія, по которому сперва въ литтературу входитъ все, что только изображено буквами, но потомъ найдя, что этимъ еще ничего не сказано, хотя повидимому и очень много, начинаютъ мало по малу ограничивать тѣснѣе, отсѣкая одно значеніе отъ другаго; является нѣсколько литтературъ, доходятъ наконецъ до изящной литтературы или до лит-

тературы собственно; въ эту изящную литературу вмѣстѣ съ поэзіею входитъ и краснорѣчіе, и историческое и ученое изложеніе. Такимъ образомъ предѣлы литературы произвольны и не тверды; нѣтъ основной мысли, изъ которой бы вытекало значеніе слова, органически, ясно, необходимо опредѣленное и не принимающее въ себя уже никакого посторонняго, чуждаго или лишняго понятія. И такъ здѣсь дадимъ опредѣленіе этому слову, опредѣленіе, которое вѣроятно будетъ противорѣчить обычному его употребленію; но въ такомъ случаѣ споръ будетъ только о словахъ: слово «литература» можетъ служить условнымъ выраженіемъ понятія, тѣмъ болѣе, что оно такъ разно употребляется и такъ невѣрно и зыбко поставлено. Искусство вообще, и именно поэзія, какъ искусство въ словѣ, переходя въ дѣйствительность, осуществляясь, конкретируется въ отдѣльныхъ произведеніяхъ и вмѣстѣ у такого или другаго народа. Такимъ образомъ поэзія, какъ отвлеченная сила, обнаруживаясь въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, является послѣдовательно, исторически; эти произведенія, въ которыхъ являясь, поэзія даетъ себѣ дѣйствительность, въ ихъ исторической совокупности, есть—литература; и такъ какъ человѣчество существуетъ въ дѣйствительности, какъ совокупность народовъ, то и литература принадлежитъ именно тому или другому народу. Разница между поэзіею и литературою ясна. Поэзія есть искусство въ словѣ, понимаемое само въ себѣ, тогда какъ литература есть совокупность самихъ отдѣльныхъ произведеній, въ ихъ исторической связи, въ которыхъ необходимо конкретируется поэзія, находя въ нихъ свою дѣйствительность.

Такъ опредѣляемъ мы литературу; слѣдовательно только произведенія поэтическія, или имѣющія притязаніе быть таковыми, могутъ входить въ ея область. И такъ, разсматривая дѣятельность Ломоносова въ области литературы, мы устраняемъ его труды ученые; они не относятся къ нашему предмету и на нихъ обратимъ мы вниманіе только

въ отношеніи къ языку. Задача наша стала яснѣе, опредѣленнѣе.

Мы сказали, что литература, будучи совокупностью отдѣльныхъ произведеній, являющихся послѣдовательно, представляетъ историческое развитіе поэзіи въ явленіяхъ. Развитіе поэзіи, какъ сферы абсолютнаго духа, заключающей въ себѣ абсолютное содержаніе — необходимо; множество произведеній случайныхъ не должны насъ смущать; они носятъ смерть въ самихъ себѣ и изчезаютъ безъ слѣда; только тѣ, въ которыхъ выразилось искусство, имѣютъ постоянное значеніе, пребывающій интересъ,— тѣ, на которыхъ запечатлѣло оно судьбы свои. Такимъ образомъ всякое явленіе (*) въ литературѣ есть ея моментъ, совокупность которыхъ въ историческомъ развитіи она представляетъ. Всякое такое явленіе, всякое лице относится къ ней, какъ историческій ея моментъ, сказали мы,— и въ этомъ состоитъ все значеніе этаго явленія или лица. Явленіе Ломоносова въ нашей литературѣ есть также необходимый ея моментъ. Признавая его дѣятельность и значеніе, его неотъемлемое мѣсто въ литературѣ, мы признаемъ его *моментомъ*, и потому наша задача *опредѣлить* литературную дѣятельность Ломоносова представляется намъ вопросомъ:

Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи Русской литературы?

Не признай мы за собою права этого вопроса, тогда-бы не могло вовсе существовать вопроса о литературной дѣятельности; ибо все то, что имѣетъ только значеніе въ области литературы, есть уже необходимый ея моментъ, при ея историческомъ развитіи, и въ этомъ заключается смыслъ всякаго существеннаго литературнаго явленія. И такъ вотъ вопросъ, который должны и можемъ мы сдѣ-

(*) Мы говоримъ, само собою разумѣется, о такихъ явленіяхъ, которыя почему-бы ни было привязаны существенно къ литературѣ, къ ея исторіи, отлагая здѣсь вопросъ, имѣютъ-ли они сами по себѣ достоинство.

лать, какъ скоро обращаемъ вниманіе на литературное значеніе Ломоносова.

Опредѣливъ явленіе, какъ моментъ литературы, открывъ смыслъ его дѣятельности, мы поняли его само въ себѣ, in abstracto, т. е. моментъ получаетъ дѣйствительность, конкретируясь, и если уже это историческій полный моментъ, то онъ является конкретированнымъ; не можетъ оставаться отвлеченнымъ то, чего условіе есть конкретное; моментъ, понятый нами, какъ моментъ, получаетъ свою дѣйствительность, необходимо переходя въ явленіе. Мы должны прослѣдить это конкретированіе, мы должны рѣшить: какъ-же осуществляется этотъ моментъ? Въ исторіи литературы, какъ мы уже сказали, является развитіе поэзіи въ произведеніяхъ. Всякое существенное явленіе въ литературѣ есть необходимо историческій моментъ ея, но не всякое явленіе въ литературѣ художественно; литературное явленіе можетъ быть необходимымъ истиннымъ явленіемъ, и въ то-же время не имѣть само по себѣ поэтическаго значенія, можетъ быть явленіемъ чисто историческимъ. Поэзія и вообще искусство, въ развитіи своемъ, проходитъ такіе историческіе моменты, которые сами, по существу своему, должны выражать отсутствіе искусства, и въ тоже время это моменты того-же искусства; они являютъ, что отсутствуетъ именно искусство; однимъ словомъ, они являютъ присутствіе отсутствія его; таковы напримѣръ моменты возниканія, перехода, упадка. Такъ какъ это моменты того-же искусства, то они совершаются въ его же сферѣ; должно быть явно, что это его-же судьбы, его-же историческій ходъ. Это историческое движеніе совершается въ той общей средѣ, въ которой являются всѣ моменты искусства, въ средѣ запечатлѣнной его духомъ даже и тамъ, гдѣ онъ являетъ свое отсутствіе. Эта среда есть—*стиль*, которому здѣсь придаемъ мы, можетъ быть, болѣе обширное значеніе; подъ нимъ разумѣемъ мы образъ какого-бы то ни было искусства, образъ, иногда не испол-

енный жизни, не проникнутый его духомъ, красотою, отвлеченный, но всегда принадлежащій искусству и являющій на себѣ его историческія судьбы; такъ напримѣръ пестрая скульптура. Стиль вообще показываетъ тайное сочувствіе съ искусствомъ самаго матеріала, являетъ точку ихъ соприкосновенія, чрезъ которую матеріалъ теряетъ свою тяжесть и грубость, и искусство опредѣляется. Это-то соотношеніе удерживаетъ искусство и тогда, когда самъ духъ его оставляетъ произведенія; тогда является одно его соотношеніе съ матеріаломъ, которое служитъ ему, выражая его историческое развитіе. Стиль выдается тогда особенно, когда явленіе становится чисто историческимъ, не имѣетъ другаго достоинства,—достоинства художественнаго, и онъ, одинъ оставаясь, связываетъ его съ искусствомъ, свидѣтельствуетъ, что это явленіе—моментъ искусства. Такъ въ примѣрѣ, нами указанномъ, скульптура имѣетъ чисто характеръ только стиля. Орудіе поэзіи (здѣсь собственно говоримъ мы объ ней)—есть слово; но слово само по себѣ не есть еще та среда, въ которой совершается движеніе поэзіи, какъ не одинъ мраморъ (тогда былъ-бы вопросъ о самомъ матеріалѣ, отвлеченно отъ искусства,)—изъ котораго можетъ быть сдѣланъ шаръ, ваза,—являетъ движеніе скульптуры; не краска, которой можетъ быть выкрашена комната — движеніе живописи; нѣтъ, а стиль, образующійся на мраморѣ,—въ скульптурѣ, на краскахъ,—въ живописи. Такъ и здѣсь не слово, а стиль, который образуется на словѣ поэзіею, и показываетъ въ себѣ ея историческое движеніе. Сочувствіе искусства съ матеріаломъ растетъ по мѣрѣ перехода, при развитіи его изъ одной формы въ другую; постепенно являются архитектура, скульптура, живопись, музыка, гдѣ достигаетъ высшей степени это сочувствіе, и наконецъ поэзія. Слово—матеріалъ самый благородный и потому всѣхъ болѣе имѣющій самъ по себѣ значенія, самъ по себѣ воплотившій органически мысль и никогда ею не покидаемый; матеріалъ слѣдовательно и самъ по себѣ за-

служивающій бо́льшее вниманіе и участіе; но какъ мы сказали, не всякое слово являетъ поэзію, а опять та среда, которая выражаетъ всѣ ея моменты, даже и тѣ, въ которыхъ нѣтъ ея собственно, а являются чисто историческія ея судьбы,—однимъ словомъ—стиль, какъ мы опредѣляли его выше или (такъ какъ существуетъ здѣсь особенное слово) *слогъ*, который понимаемъ мы какъ стиль въ поэзіи. Когда мы спрашиваемъ, какъ осуществляется моментъ въ литтературѣ, у насъ еще нѣтъ вопроса, какой это моментъ; мы хотимъ знать, какъ онъ осуществляется, и слѣдовательно смотримъ на него только съ исторической стороны, и потому должны видѣть, какъ осуществляется онъ въ той средѣ, въ томъ матеріалѣ, гдѣ осуществляются всѣ моменты поэзіи въ литтературѣ, т. е. въ языкѣ, въ *слогѣ*. И такъ вопросъ: какъ осуществляется Ломоносовъ, какъ моментъ Русской литтературы, есть вопросъ:

Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ *слогу*.

При осуществленіи момента вообще мы не спрашивали: какой это моментъ: естественный ходъ конкретированія еще не допускаетъ этого вопроса. Мы смотрѣли только съ исторической стороны и не разбирали, чисто-ли это моментъ историческій, только въ одной средѣ, или лучше въ стилѣ, въ слогѣ принадлежащій искусству,—или въ тоже время моментъ поэтическій, не только въ историческомъ смыслѣ, но проникнутый духомъ поэзіи, моментъ и самъ по себѣ поэтическій. Но теперь возникаетъ этотъ вопросъ, основанный на существѣ самого момента, на дальнѣйшемъ изслѣдованіи его существа, и мы спрашиваемъ: идетъ-ли конкретированіе далѣе и моментъ изъ историческаго момента, связаннаго съ искусствомъ только движеніемъ его, получаетъ-ли индивидуальное живое значеніе и предстаетъ-ли намъ какъ лицо, гдѣ уже вполнѣ совершается явленіе момента, гдѣ онъ является возможно конкретнымъ? Этотъ вопросъ есть вопросъ необходимо вытекающій, исчерпывающій полноту момента, послѣднюю степень его конкре-

тированія, вполнѣ опредѣляющій моментъ. Этотъ вопросъ есть:

Былъ-ли Ломоносовъ поэтъ, или Ломоносовъ—какъ поэтъ?

Такимъ образомъ, смотря на Ломоносова, какъ на лицо въ нашей литературѣ, согласно съ вышесказаннымъ ея опредѣленіемъ, мы вправѣ предложить одинъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи Русской литературы, вопросъ, который въ своемъ собственномъ развитіи, вмѣстѣ съ конкретированіемъ самого предмета, является какъ вопросъ: Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, — и какъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ поэтъ.

Въ сущности эти три вопроса не что иное, какъ одинъ: *Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи нашей литературы,*—вопросъ возможно полный и единственный, который въ своемъ развитіи ставитъ моменты своего конкретированія, сообразно съ моментами конкретированія самого предмета (ибо вопросъ, изслѣдованіе, есть не что иное, какъ сознаніе самого предмета и имъ условливается) и раздѣляетъ такимъ образомъ диссертацію нашу на три части, именно:

I. Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи литературы, моментъ самъ въ себѣ, in abstracto.

II. Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, моментъ чисто историческій.

III. Ломоносовъ, какъ поэтъ; гдѣ мы отъ чисто историческаго опредѣленія переходимъ къ нему самому, какъ индивидууму, и гдѣ моментъ получаетъ полнѣйшее конкретированіе и имѣетъ значеніе самъ для себя—моментъ личный.

Третья часть есть не что иное, какъ только заключеніе, окончательный выводъ, результатъ осуществленія момента. Подробнѣйшее изслѣдованіе Ломоносова, какъ поэта, обратилось-бы въ критику отдѣльныхъ его произведеній, которая не есть предметъ нашего разсужденія.

I.

Поэзія, конкретируясь въ своемъ развитіи, является въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, совокупность которыхъ понимаемъ мы подъ словомѣ: литература; это развитіе поэзіи совершается въ нихъ послѣдовательно, конкретируя въ нихъ свои моменты; исторія такого развитія есть исторія литературы. И такъ если всѣ они, эти отдѣльныя явленія—осуществленіе поэзіи, то̀ поэзія есть то общее, которое соединяетъ, содержитъ ихъ, какъ свои явленія поэтическія. Мы видимъ здѣсь общее, предстающее въ совокупности своихъ явленій; это общее переходитъ въ явленія, слѣдовательно отрицаетъ себя какъ общее, какъ чистое общее, и вмѣстѣ съ тѣмъ не теряетъ, а находитъ себя и сохраняетъ въ совокупности своихъ отдѣльныхъ явленій, слѣдовательно при отрицаніи себя, какъ чистаго общаго. Связь явленій съ общимъ понятна, необходима; то, что́ является отдѣльно, уже содержится въ общемъ и слѣдовательно, можетъ выразить только это общее, и вмѣстѣ себя, ибо оно въ немъ содержится. Съ другой стороны общее, чтобы быть, явиться, должно непремѣнно не быть общимъ, а быть явленіемъ, слѣдовательно отречь себя какъ общее, — выразиться въ явленіи, въ которомъ оно выражаетъ необходимо и себя, ибо это *его* явленіе, его необходимое условіе осуществленія; и такъ:

общее, — *явленіе* — не что иное собственно, какъ только моменты развитія одного и того-же. Въ законѣ развитія лежитъ причина и объясненіе значенія и отношеній этихъ моментовъ, перехожденіе общаго въ явленіе, или отрицанія общаго, какъ общаго Это перехожденіе общаго въ явленіе, это полное конкретированіе совершается необходимо въ живомъ законѣ развитія, условіи всего. На него обратимъ мы теперь вниманіе. Это только видимо отдалятъ насъ отъ предмета; общія начала необходимы, и намъ необходимо разсмотрѣть ихъ для дальнѣйшихъ слѣдствій. Они нужны для полнаго обнятія предмета; это мы увидимъ далѣе. Трудно избѣжать здѣсь темноты и повтореній, при желаніи изложить общую мысль понятно, и въ тоже время во всей ея строгости и отвлеченной чистотѣ.

Общее, какъ общее, не существуетъ; это бытіе въ отвлеченности, in abstracto. Напримѣръ: вы не можете найти человѣка, какъ общее, искусство, какъ общее и т. д ; вы видите людей, произведенія искусства и т. д. Въ этомъ множествѣ явленій, въ которомъ вы видите, какъ бы стремленіе общаго удалиться отъ самаго себя, вы узнаете однако общее, ихъ связующее, ихъ проникающее. И такъ съ одной стороны вы видите присутствіе этого общаго, съ другой видите также, что оно можетъ предстать только въ явленіяхъ, слѣдовательно, не какъ общее (общее, не какъ таковое), — такъ сказать, при отсутствіи самаго себя, какъ общаго. И такъ общее, не существуя какъ таковое, чтобы перейти въ существованіе, должно отречь себя, какъ общее; и путь, который избираетъ оно, дабы явить себя, есть слѣдовательно путь отрицанія, путь необходимый. На него-то устремимъ наше вниманіе.

Общее, бытіе въ отвлеченности, явиться не можетъ; понятіе чистаго общаго исключаетъ понятіе явленія и наоборотъ; слѣдовательно, если мы удержимъ общее какъ общее, отсюда необходимо происходитъ невозможность его явленія, необходимо оно должно остаться въ отвле-

ченности, слѣдовательно оно не можетъ быть, оно въ небытіи. Общее — понятіе отвлеченное; вотъ причина, по которой уже оно должно явиться, выдти изъ отвлеченности. Все отвлеченное само по себѣ, — не можетъ быть, и не можетъ такъ оставаться,—есть ложь; все отвлеченное само въ себѣ, т. е. могущее остаться безъ проявленія, слѣдовательно и неотвлеченнымъ въ тоже время—невозможно. Оставаясь при этомъ (удерживая представленіе общаго, какъ отвлеченнаго), мы дойдемъ до *ничто*, и очутимся у начала логики Гегеля и всей философіи. Но оставаться мы при этомъ (при отвлеченномъ общемъ) не можемъ. Тогда мы-бы отняли значеніе его, какъ момента. — Здѣсь мы не вдасмся болѣе въ объясненіе: этотъ трудный вопросъ логики сюда не входитъ; это былъ-бы предметъ долгихъ разсужденій и доказательствъ, который не есть собственно предметъ нашего вниманія; мы изслѣдуемъ здѣсь вопросъ философской, сколько то намъ нужно и сколько то возможно безъ полнаго изслѣдованія внѣ самой философіи. И такъ пойдемъ далѣе.—Всякое явленіе есть уже отрицаніе общаго, какъ таковаго. И такъ общее, чтобы явиться, чтобы быть слѣдовательно, должно отречь себя, какъ общее Это отрицаніе необходимо, ибо говоря, что общее не можетъ существовать какъ общее, мы съ одной стороны признаемъ его, и въ тоже время въ немъ самомъ находимъ отрицаніе его самаго; мы видимъ въ общемъ бытіе in abstracto, и въ то-же время невозможость быть, явиться ему; отсюда раждается противорѣчіе, которое разрѣшается необходимымъ отрицаніемъ общаго, обличеніемъ того, что лежитъ въ существѣ вещи, или лучше сказать: здѣсь понятіе объ общемъ имѣемъ мы уже при его отрицаніи, какъ общаго; такъ что момента общаго какъ общаго, самаго по себѣ выразившагося, нѣтъ. Мы имѣемъ его говоря: *общее какъ общее не существуетъ*; онъ тутъ несомнѣнно, онъ моментъ положительный и начальный, — самая фраза уже доказываетъ это. — И такъ общее, какъ общее, отрицаетъ се-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

бя и становится начальнымъ моментомъ, точкою отправленія. Общее разрѣшило противорѣчіе, отвлеченность перваго своего опредѣленія, момента, и отрекло себя. Вспомнимъ, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ представленій, кромѣ чисто отвлеченныхъ. Какъ-же опредѣлило себя общее, признавъ въ себѣ невозможность быть таковымъ? что совершило оно чрезъ это? Оно отрекло себя; въ этомъ второмъ своемъ моментѣ, общее не находитъ себя; этотъ моментъ есть только отрицаніе общаго, логическое слѣдствіе предыдущаго —Здѣсь является *не-общее*, здѣсь заключенъ и первый моментъ, но онъ все рѣшительно отдѣленъ, и въ этомъ опредѣленіи общее теряетъ себя. Между тѣмъ этотъ путь развитія есть путь самаго общаго, и отсюда вновь является противорѣчіе: общее движется его исключающимъ путемъ, общее (эта точка отправленія, начало, источникъ всего) — не есть общее. Отрицаніе само есть вмѣстѣ и подтвержденіе; вспомнимъ, что мы ничего ни видимъ, кромѣ отрицанія; въ такомъ случаѣ отрицая вещь, мы ее признаемъ, и становимъ моментомъ самое отрицаніе. Мы говоримъ, что общее существовать не можетъ; слѣдовательно: если его нѣтъ, оно было, могло быть, т. с., ибо мы имѣемъ представленіе о немъ-же при отрицаніи его;—но оно быть не могло вообще. Вновь являющееся отсюда противорѣчіе должно разрѣшиться, и если чувствуется, что отрицаніе моментъ, то моментъ долженъ явиться моментомъ, пройти, перейти въ другой моментъ развитія, двинуться далѣе и противорѣчіе тогда разрѣшится. Какъ-же можетъ разрѣшиться это противорѣчіе? Оно разрѣшается чрезъ обличеніе противорѣчія; отрицаніе общаго какъ общаго отрицается (при неимѣніи другихъ опредѣленныхъ представленій инаго и быть не можетъ), и общее вновь себя находитъ. Путь абсолютнаго отрицанія привелъ его къ нему самому-же, оправдалъ его существованіе; но для того, чтобы найти себя, общее должно было пройти кругъ отрицанія. Общее, которое вновь находится, не есть общее отвлеченное,

но общее, на которомъ было отрицаніе, общее оправданное, испытанное, доказанное, такъ сказать. Такимъ образомъ общее заключаетъ кругъ своего развитія, своего абсолютнаго отрицанія. — Здѣсь прослѣдили мы самое отвлеченное движеніе абсолютнаго отрицанія и его моменты, являющагося также само по себѣ конкретнымъ. Эти моменты отрицанія имѣютъ образъ, такъ сказать, характеръ и опредѣленіе, конкретпрующее въ себѣ ихъ значеніе, опредѣленіе сохраняемое ими всюду, гдѣ только является развитіе и необходимые его моменты. Здѣсь этотъ характеръ, это опредѣленіе есть ихъ характеръ и опредѣленіе вообще. Общее отрицая себя какъ общее, являясь какъ необщее, принимаетъ характеръ необщаго—*особности* (Besonderheit)—отрицаніе общаго, какъ общаго.—Это отрицаніе вводитъ насъ въ область количества, въ область множества безконечнаго явленій, произведенныхъ отрицаніемъ, явленій, смыслъ которыхъ — каждаго,—есть — *не-общее.*—И нѣтъ конца явленіямъ, какъ нѣтъ конца этому опредѣленію; не-общее дало право возникнуть этому безграничному количеству; въ этой количественности, ничѣмъ неудержимой, въ этой области особности теряется общее. И здѣсь, въ сферѣ особности, видимъ мы осуществляющимся то противорѣчіе, которое замѣтили мы уже прежде во второмъ моментѣ (моментѣ отрицанія общаго какъ общаго). Эти безчисленныя отдѣльныя, особныя явленія безъ конца, это безчисленное количество, въ которомъ теряется общее,—какъ противорѣчіе и моментъ, отрицается. Это новое отрицаніе совершается уже въ этой сферѣ, ему предшествовавшей, въ сферѣ предыдущаго отрицанія; слѣдовательно на (an) количествѣ (точно также какъ отрицаніе отрицанія необходимо совершается на отрицаніи общаго). Количество отрицается предъ *единымъ*, значущимъ само по себѣ, носящимъ въ себѣ невозможность повториться; это количественное опредѣленіе, опредѣленіе множества безчисленныхъ отдѣльныхъ явленій, гдѣ единицы имѣли количественное значеніе, изчезаетъ предъ опредѣленіемъ *еди-*

наго; *особность* отрицается до *единичности* (Einzelnheit)— отрицаніе отрицанія. Общее, отрицая себя до особности, въ которой теряется, отрицаетъ свое отрицаніе, *особность* до *единичности*, въ которой вновь себя находитъ, и особность низводится до момента. Но это вновь нахожденіе себя не можетъ быть шагомъ назадъ, возвращеніемъ общаго къ самому себѣ, какъ къ отвлеченному общему, въ первобытное состояніе. Это не есть общее въ первомъ, чисто отвлеченномъ своемъ моментѣ—*до отрицанія*; это есть общее, на которомъ уже было отрицаніе, моментъ особности—общее *по отрицаніи*, и только съ отрицаніемъ отрицанія общее доходитъ вновь до себя, получаетъ дѣйствительность; и новое отрицаніе, съ которымъ вновь освобождается общее, условливается предыдущимъ моментомъ, моментомъ отрицанія общаго какъ общаго, моментомъ особности. И такъ общее является здѣсь какъ *единое*, возникшее только чрезъ отрицаніе количества, особности. Особность становится необходимымъ присущимъ моментомъ, ибо она уже есть въ самомъ ея отрицаніи, которое слѣдовательно, и какъ вмѣстѣ моментъ отсюда являющійся, — единичность, условливается ею. Только отрицаніе дало возможность общему (отрицая отрицаніе себя) найдти само себя и слѣдовательно выразиться, осуществиться. Es iſt um der Negation reicher geworden. Отрицаніе отрицанія есть само по себѣ непремѣнно положительное нахожденіе самаго себя, ибо какъ скоро я отрицаю то, что меня отрицаетъ, я нахожу самого себя. И такъ общее отрицаетъ отрицаніе, отрицаетъ себя отъ особности до единичности, въ которой находитъ оно вновь само себя и такимъ образомъ заключаетъ кругъ своего абсолютнаго отрицанія. Это послѣднее отрицаніе общаго, послѣднее его опредѣленіе, единичность, есть также только моментъ его, моментъ заключительный, въ которомъ оно находитъ вновь себя, находитъ свободу своего проявленія; только совершая свой путь развитія, путь, въ которомъ всѣ моменты необходимы

и всѣ моменты, находитъ оно дѣйствительность, освобождая и совокупляя такимъ образомъ всѣ свои, съ послѣднимъ моментомъ освобождаемые моменты. И такъ общее, невозможное для выраженія какъ общее чистое, въ отвлеченномъ опредѣленіи, in abstracto, проходитъ кругъ абсолютнаго отрицанія, лежащаго въ немъ самомъ, который необходимо совершаетъ оно, чтобы перейти въ дѣйствительность, быть дѣйствительно тѣмъ, что оно есть, и только въ совокупности своихъ моментовъ *общаго какъ общаго* отрицанія общаго *(особности)* — и отрицанія отрицанія *(единичности)*, находитъ оно свое дѣйствительное, истинное, единое, конкретное выраженіе. Этотъ путь отрицанія имѣетъ мѣсто во всѣхъ сферахъ духа — всюду, гдѣ есть развитіе.

Искусство, дѣятельность духа въ одной изъ абсолютныхъ его сферъ, и именно поэзія, искусство въ словѣ (предметъ нашего вниманія), какъ поэзія вообще, не существуетъ и слѣдовательно отрицаетъ себя какъ поэзію вообще и переходитъ отъ общаго въ область особности. Здѣсь является безконечное множество произведеній поэзіи на этой степени, произведеній, какъ необходимое отрицательное движеніе, вытекшихъ изъ самой поэзіи, въ которыхъ она себя не находитъ; ибо всякое отдѣльное, особное произведеніе въ поэтической сферѣ, уже по существу своему отрицаетъ поэзію, какъ общее. Въ этомъ отрицаніи поэзія изчезаетъ; ибо здѣсь отрицаетъ она себя только, какъ поэзію вообще; другаго условія нѣтъ, и потому всякое, отдѣльное, только произведеніе имѣетъ право здѣсь явиться, и по этому нѣтъ конца произведеніямъ. Мы должны помнить, что не говоримъ здѣсь о неопредѣленномъ общемъ; мы беремъ опредѣленную, абсолютную дѣятельность духа, мы говоримъ о поэзіи, какъ общемъ, слѣдовательно въ отрицаніи, изъ нея истекающемъ, необходимо является, что это отрицаніе поэзіи (а не чего нибудь другаго), ибо это

есть ея движеніе, и всякое явленіе, всякое произведеніе въ ея сферѣ должно быть запечатлѣно ея характеромъ, должно носить отпечатокъ ея духа, результатомъ движенія котораго оно возникаетъ. Всякое произведеніе значитъ какъ отдѣльное: *не-общее;* и именно здѣсь: *не-общее—поэзія*, не поэзія вообще

И такъ съ первымъ отрицаніемъ поэзіи мы находимся въ области отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ теряется поэзія. На всякой случай приведемъ примѣръ, который, надѣемся, уяснитъ нашу мысль: трагика не является, какъ трагика вообще; для того, чтобы явиться, она должна отречь себя какъ общее; тогда она является, какъ *трагедія*, которая, каждая, есть отрицаніе трагики какъ общаго; но въ этомъ отрицаніи общаго, въ этой сферѣ *не-общаго*, особнаго, общее себя не находитъ. Трагика въ своемъ отрицаніи, какъ общаго, отрицаніи, которое выразилось, какъ множество трагедій, не находитъ себя; здѣсь является еще только опредѣленіе трагики какъ не-общаго, по которому всякая особая трагедія (ибо всякая особая трагедія исполняетъ это требованіе) можетъ явиться,—и нѣтъ конца ихъ числу. Но выразилась-ли въ этомъ опредѣленіи поэзія-трагика, находится ли она здѣсь? Въ такомъ случаѣ каждая трагедія была-бы уже произведеніемъ искусства, произведеніемъ изящнымъ. Неужъ-тоже трагедія уже потому произведеніе искусства, что она трагедія; развѣ не можетъ быть плохой трагедіи? Съ этимъ спорить нельзя, и такъ это показываетъ, что это опредѣленіе особности еще недостаточно для поэзіи, что явленіе трагедіи, какъ отдѣльнаго произведенія, есть только отрицаніе трагики (ибо мы взяли ее въ примѣръ) вообще. Дѣло въ томъ, что въ этой области особности является только видимымъ, что отрицаніе совершается въ сферѣ трагики или вообще поэзіи; что здѣсь слѣдовательно только принадлежаніе къ сферѣ поэзіи; что слѣ-

довательно въ области, которая есть только отрицаніе поэзіи какъ общаго, нѣтъ еще поэзіи; что въ этомъ опредѣленіи особности (какъ простомъ только отрицаніи поэзіи какъ общаго) поэзія теряется. Но отрицаніе поэзіи есть отрицаніе въ ея-же сферѣ; это ея-же необходимое движеніе; и такъ степень ее неудовлетворяющая не можетъ оставаться; поэзія проходитъ ее, идетъ далѣе, она отрицаетъ свое отрицаніе, отрицаетъ особность и переходитъ въ область единичности, отрицаетъ безчисленное количество отдѣльныхъ произведеній искусства, которыя только потому произведенія искусства, что суть произведенія въ области искусства,—къ единому произведенію значущему для себя, мгновенно отрывающемуся отъ всего множества, изчезающаго передъ нимъ, произведенію, имѣющему индивидуальный смыслъ и достоинство,—здѣсь поэзія вновь себя находитъ. Это отрицаніе совершается на предыдущемъ опредѣленіи, единое возникаетъ изъ множества; и такъ отдѣльность произведеній, грозившая поглотить поэзію, на себѣ приняла это новое отрицаніе, и только условила его; изъ области, особности, изъ множества *произведеній* возникло единое *произведеніе*, въ сферѣ единичности. Здѣсь находимъ мы вновь поэзію, совокупляющую свои моменты, поэзію, прошедшую чрезъ отрицаніе себя, чрезъ особность, чрезъ отдѣльность произведеній и вновь нашедшую себя въ сферѣ единичности, въ единомъ произведеніи, отрекшемъ особность и вмѣстѣ сю условленномъ,—произведеніи, которое значитъ для себя и съ которымъ уже, не какъ отвлеченное общее, является поэзія конкретно въ присутствіи всѣхъ своихъ моментовъ.— Мы можемъ повторить примѣръ нами приведенный и провести его дальше. Трагическая поэзія, какъ общее не существуетъ; она отрицаетъ слѣдовательно себя, какъ общее и является, какъ трагедія; всѣ произведенія трагики имѣютъ потому только смыслъ, что они произведенія трагики, что они не трагика вообще, слѣдовательно трагика въ особенности, въ своихъ явленіяхъ—*трагедіи;* но, какъ сказано выше,

въ трагедіяхъ (*) еще нельзя найдти поэзіи трагической, потому только, что они въ ея сферѣ; трагедія еще не поэтическое трагическое произведеніе, потому что она только трагедія въ трагедіяхъ, одна изъ трагедій. И такъ трагическая поэзія отрицаетъ эту степень, въ которой «только трагедіи,» отрицающія ее, какъ общее; отрицаетъ слѣдовательно множество, и множество безконечное, ибо здѣсь степень дастъ равное право проявляться всѣмъ возможнымъ произведеніямъ, и доходитъ до *единаго* (**),—прямаго отрицанія всей предыдущей области, которая вся изчезаетъ предъ *единымъ* (имѣющимъ индивидуальное значеніе), слѣдовательно носящимъ въ себѣ невозможность того движенія, многоразличія, невозможность повториться. Единое значитъ (gilt) само для себя; какъ отрицаніе, вытекшее изъ предыдущей сферы, оно имѣетъ ее на себѣ, какъ моментъ; такимъ образомъ трагическая поэзія, какъ таковая, какъ *общее*, отрицая себя *до трагедіи* (*особности*), отъ *трагедій* опять (*особности*) отрицаетъ себя до *трагедіи* (*единичности*), въ которой находитъ она вновь сама себя, и выражается вполнѣ такимъ образомъ, въ присутствіи всѣхъ своихъ моментовъ. Такъ какъ объ этомъ было уже говорено, и въ другомъ мѣстѣ и другими словами, то мы думаемъ, что не нужно пояснять еще болѣе слова наши. Исторія развитія искусства оправдываетъ этотъ взглядъ.

И такъ вотъ путь, необходимый путь отрицанія искусства вообще и слѣдовательно поэзіи. — Но самый этотъ путь конкретированія, понятый какъ самъ въ себѣ, конкретируется также. Искусство, какъ абсолютная дѣятельность человѣческаго духа, являетъ на себѣ необходимо опредѣленіе самаго этаго человѣческаго духа: это опредѣленіе ни сколько не стѣсняетъ его, напротивъ согласно съ

(*) Мы употребляемъ здѣсь множественное число, какъ выражающее естественно особность, ибо здѣсь лежитъ количественное неограниченное значеніе.

(**) Не до единственнаго. Во всякомъ художественномъ произведеніи, для себя значущемъ, есть это единое, индивидуальное, не могущее повториться.

его сущностію, а слѣдовательно необходимо даетъ ему истинную, стало свободную, дѣйствительность. — Человѣкъ, какъ человѣкъ, какъ общее, не существуетъ; онъ отрицаетъ себя, какъ общее, переходитъ въ сферу особности: здѣсь на степени особности является онъ, какъ только рядъ, собраніе индивидуумовъ, какъ множество, здѣсь отношеніе чисто количественное. — Въ такомъ опредѣленіи является намъ человѣкъ, какъ народъ, какъ нація (*). Если мы будемъ помнить путь отрицанія, то увидимъ, что здѣсь на степени національности, отрицается общее человѣка, и вмѣстѣ онъ не имѣетъ значенія индивидуума, значенія *единаго*, которое является только въ области единичности, которая, какъ отрицаніе отрицанія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе, освобожденіе, т. с., общаго, утраченнаго въ предыдущемъ отрицаніи особности. И такъ, на степени особности, опредѣленіе человѣка есть чисто національное; гдѣ нѣтъ общаго,—чего не допускаетъ исключительная національность и нѣтъ значенія индивидуума, какъ таковаго, которое также невозможно въ сферѣ національности. Здѣсь каждый индивидуумъ имѣетъ по стольку смыслъ, по скольку онъ нація; на этой степени особности, выражающейся въ развитіи человѣка, какъ національность,—поэзія, дѣятельность человѣка, соотвѣтствуя слѣдовательно степени его развитія, можетъ быть опредѣлена только до особности. и другими словами, можетъ быть только національна. Мы сказали выше, что поэзія на степени особности заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя произведенія поэтическія, только-бы принадлежащія поэтической области, только имѣющія поэтическую форму (извѣстно уже, что здѣсь не въ смыслѣ достоинства принимается слово: поэтическій, а въ смыслѣ просто принадлежанія поэтической сферѣ). И такъ мы можемъ сказать, что поэзія на этой степени опре-

(*) Здѣсь употребляемъ мы собственно слово нація, ибо это слово (какъ понимаемъ мы) выражаетъ опредѣленіе; тогда какъ народъ есть то, что опредѣляется.

дѣлила себя только, какъ отдѣльныя произведенія, и въ тоже время отрицая общее, дала возможность всякому явленію уже быть поэтическимъ потому только, что оно принадлежитъ къ сферѣ ея. Слѣдовательно нѣтъ конца поэтическимъ произведеніямъ, когда нѣтъ другаго условія на этой степени развитія; выше мы видѣли, что здѣсь необходимо заключается противорѣчіе, что поэзія на степени перваго отрицанія не находитъ полнаго осуществленія, — и выразили это ощутительными и для здраваго смысла словами, говоря: развѣ трагедія имѣетъ поэтическое достоинство, развѣ она хороша потому только, что она трагедія. И такъ на степени особности всѣ поэтическія произведенія имѣютъ значеніе, по стольку, по скольку они — особныя произведенія въ поэтической сферѣ. Этотъ моментъ особности поэзіи конкретируется въ человѣкѣ, котораго она абсолютная дѣятельность, и именно въ народѣ, необходимомъ опредѣленіи человѣка, условливающемъ и поэзію вмѣстѣ съ тѣмъ и дающемъ ей дѣйствительность. Здѣсь возникаетъ вопросъ, какъ становится этотъ моментъ поэзіи конкретнымъ, историческимъ? Другими словами, какъ осуществляется онъ въ исторіи литературы? — Мы сказали, что человѣкъ является исключительно, какъ народъ или лучше, какъ нація, будучи на степени своего отрицанія особности. Поэтическая его дѣятельность опредѣлена слѣдовательно также до этой степени, поэзія народа въ эту минуту также національна и можетъ выразить только его. Только исключительно національную жизнь народа отражаетъ она; здѣсь не можетъ быть общаго, общихъ человѣческихъ интересовъ, не можетъ быть единичной, индивидуальной жизни; индивидуумъ на этой степени значитъ лишь по стольку, по скольку онъ нація; и такъ жизнь индивидуума только въ народѣ и только какъ народъ, можетъ выразить поэзія. Какую-же форму принимаетъ она, какъ является на степени своего отрицанія, особности, получающей дѣйствительность въ

человѣкѣ, въ развитіи человѣческаго духа, и становящейся историческимъ, конкретнымъ ея моментомъ и потому пріобрѣтающей постоянный смыслъ, значеніе? Эта форма поэзіи, опредѣленной до особности, изключительно національной поэзіи, — есть *народная пѣсня*. Въ народной пѣсни выражается жизнь народа, только народа, подъ изключительно національнымъ опредѣленіемъ. Здѣсь нѣтъ обще-человѣческаго содержанія, отреченнаго уже самымъ опредѣленіемъ народа, націи, моментомъ особности; здѣсь нѣтъ и индивидуальной жизни человѣка, недопускаемой еще той-же степенью. Пѣсня опредѣлена только жизнью народною; по этому пѣсня равно принадлежитъ всякому въ народѣ, по этому народную пѣсню поетъ весь народъ, имѣя весь на нее равное право, по этому на пѣсни нѣтъ имени сочинителя, и она является вдругъ, какъ-бы пропѣтая всѣмъ народомъ. Въ періодъ развитія національности, поэзія съ нею получающая свое осуществленіе и слѣдовательно ей соотвѣтствующая, именно находится на такой степени, на которой отдѣльность поэтическаго произведенія, или лучше поэтическая форма, сама, отвлеченно взятая, есть уже ручательство за достоинство. Мы уже сказали прежде, что на этой степени форма покуда все; ложность этаго условія мы уже видѣли выше. Это условіе, единственное условіе поэзіи опредѣленной до особности, здѣсь совершенно выполняется, и, получая въ народѣ возможность осуществленія, становясь историческимъ, имѣетъ пребывающее значеніе. Національная пѣсня потому прекрасна, что она національная пѣсня; здѣсь, слѣдовательно, форма есть уже ручательство за достоинство, и такое ручательство, которое не обманываетъ; но за то это и есть единственная форма поэзіи, завѣряющая въ достоинствѣ поэтическомъ (трагедія, комедія и пр. не суть такія формы). Если это еще не кажется необходимымъ съ перваго взгляда, то постараемся объяснить. Въ опредѣленіи народа осуществляется здѣсь опредѣленіе поэзіи. Моментъ отрицанія

поэзіи получаетъ историческій, пребывающій смыслъ. Народъ есть всегда дѣйствительное лицо, есть необходимое опредѣленіе; поэзія отражающая только народъ, только націю постоянно, будучи произведеніемъ только націи, необходимо дѣйствительна и истинна, ибо содержаніе всегда неизмѣнно, необходимо, дѣйствительно. Вся субстанція народа, со всею глубиною своею и богатствомъ, со всѣми своими сторонами, но только какъ народная субстанція, выражается въ поэзіи. Народъ является еще одною цѣльною массою, поглощающею индивидуумовъ: по этому неизмѣняемъ, всегда себѣ вѣренъ; по этому и національная поэзія всегда истинна и, имѣя въ то-же время, поэтическую форму, всегда прекрасна. И такъ есть точно сфера, въ которой первое отрицаніе поэзіи до особности получаетъ пребывающій историческій смыслъ, сфера, въ которой форма есть единственное ручательство, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрное ручательство, за поэтическое достоинство. Эта сфера, эта поэзія, опредѣлившаяся дѣйствительно вмѣстѣ съ народомъ и въ народѣ до особности, есть поэзія національная, народная пѣсня. Здѣсь поэтовъ нѣтъ, здѣсь поэтъ — народъ. Слѣдовательно, вездѣ, гдѣ есть народъ, есть и національная поэзія и народныя пѣсни. Великое значеніе имѣетъ народная поэзія, выражая вѣчную и истинную сущность народа; она открываетъ намъ его, она всегда остается вѣрною опорою, вѣрною порукою за будущее народа, къ какимъ бы сомнѣніямъ и противорѣчіямъ ни привело насъ его дальнѣйшее развитіе, разрѣшившееся отъ цѣлости чисто-національнаго, необходимо-вѣрнаго, опредѣленія. Эту степень, какъ мы сказали, имѣетъ въ своемъ движеніи каждый народъ; она уже необходимо въ немъ, потому что онъ народъ, нація.

Но, какъ можно уже заключить, эта сфера не есть полная истинная сфера; это только моментъ, эта степень развитія, есть только степень, и потому развитіе должно перейдти ее и идти далѣе, сохраняя свое, данное этой сте-

пенью, опредѣленіе, только какъ моментъ. Выше было объяснено значеніе перваго отрицанія особности и необходимость разрѣшенія, необходимость отрицанія отрицанія. Здѣсь нѣтъ еще общаго, въ этомъ простомъ его отрицаніи. Только съ единичностью возможно конкретное проявленіе общаго.

Отсюда уже вытекаетъ необходимость разрѣшиться сферѣ національной. Сфера національная отрицаетъ, поглощаетъ т. с. человѣка вообще, и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ ничто иное, какъ степень развитія человѣка вообще, она такимъ образомъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, долженствующее разрѣшиться. Мы объяснили переходъ изъ сферы особности, мы показали, что отрицаніе особности есть единичность. Въ націи, опредѣленіи человѣка въ особности, долженъ совершиться то-же этотъ переходъ. Онъ совершается. Изъ національнаго опредѣленія, гдѣ каждый имѣетъ по стольку значенія, по скольку онъ нація,—человѣкъ вырывается, изторгаетъ себя, отрицаетъ особность—національность, и является какъ единичность, какъ *индивидуумъ*, значитъ какъ индивидуумъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ вообще. Только съ единичностью возможно проявленіе и общаго, только съ индивидуумомъ или съ значеніемъ индивидуума (какъ индивидуума) возможно въ народѣ общее человѣческое значеніе. Точно такъ-же какъ единичность, будучи отрицаніемъ отрицанія, предыдущее отрицаніе—особность, полагаетъ въ себѣ, какъ моментъ, ею условливается; такъ точно и индивидуумъ, отрицая національность, необходимо полагаетъ ее въ себѣ какъ моментъ, ею условливается. Періодъ изключительной національности проходитъ, индивидуумъ освобождается и въ то-же время освобождается человѣкъ вообще; но національность, какъ необходимый моментъ, не теряетъ своего мѣста, а только становится, какъ моментъ вѣчно пребывающій. Здѣсь образуется, отсюда выходитъ индивидуумъ, освобождающій и являющій въ себѣ общее, но,—какъ индивидуумъ такого-то народа, опредѣленный такимъ-то народомъ, дающимъ ему

дѣйствительность, и, стало быть, дѣйствующій изъ него, его стороною, его участіемъ, значеніемъ въ общемъ, его силою и вмѣстѣ его средствами и орудіями, носящими, разумѣется то-же опредѣленіе народа. Укажемъ, напримѣръ, на языкъ. Національность, переставая быть исключительною, ни сколько отъ того не теряетъ, напротивъ въ дальнѣйшемъ развитіи народа, при наполненіи его чрезъ индивидуумовъ общимъ содержаніемъ, она возвышается, ибо въ ней стало быть лежала, лежитъ эта возможность возвыситься до общихъ интересовъ; тутъ только, на этой третьей степени постигается и значеніе народа, и его отношеніе къ общему, ко всему человѣчеству,—и чѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе проявляется въ народѣ общее, человѣческое, тѣмъ, стало быть, выше становится нація, пребывающая всегда условіемъ такого пониманія; здѣсь хвала націи; тогда-то получаетъ она истинный, глубокій смыслъ. Народъ восходитъ на высшую степень своей дѣятельности; въ этой его сферѣ въ одно и то-же время является человѣкъ, нація и индивидуумъ. Эти моменты родные другъ другу, говоря не философски; слѣдовательно между собою дружественно связаны. Не нужно и говорить (это видно само собою), какъ далеки мы отъ космополитизма, отъ того недѣйствительнаго и жалкаго усилія создать сферу въ самой себѣ ложную и потому навсегда далекую отъ дѣйствительности. Въ то-же время мы также смотримъ на исключительную національность, какъ на историческій моментъ и слѣдовательно также не останавливаемся на ней.

Такое-же развитіе, такой-же шагъ совершаетя вмѣстѣ съ народомъ и въ исторіи литературы, гдѣ, въ народѣ, осуществляется и получаетъ дѣйствительность — необходимое движеніе, развитіе поэзіи. Всякой человѣкъ перестаетъ имѣть значеніе по стольку, по скольку онъ нація, принадлежитъ ей. Опредѣленіе ложное проходитъ, становится моментомъ. Отдѣльность поэтическаго произведенія, форма, перестаетъ уже быть ручательствомъ за достоин-

ство; оно перестаетъ имѣть значеніе, потому только, что оно произведеніе въ сферѣ поэзіи, — какова національная пѣсня. Поэзія переходитъ въ *единичность*; вмѣстѣ съ тѣмъ общее становится ея содержаніемъ. Въ области поэзіи разрушается пѣсенная сфера; освобождается духъ, наконецъ могущій развить всего себя, всю глубину свою, все свое значеніе, и зиждетъ новую область, истинную область поэзіи, вполнѣ ей соразмѣрную; произведеніе въ ней получаетъ новое высшее значеніе. Съ разрѣшеніемъ особности и съ явленіемъ единичности, произведеніе значитъ само для себя, какъ единое; получаетъ, такъ сказать, собственное индивидуальное достоинство. Это развитіе конкретируется въ народѣ и съ народомъ, какъ развитіе литтературы. Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ особности и національности—разрѣшается пѣсенная сфера. На національныхъ пѣсняхъ зиждется новая сфера — литтература. Поэзія не отражаетъ уже въ себѣ только жизни цѣлаго нераздѣльнаго народа, національной жизни: народъ самъ уже не живетъ этою нераздѣльною жизнію; общее вмѣстѣ съ пробужденіемъ индивидуума проникаетъ въ него. И такъ поэзія, не отражая уже только національности, наполняется общимъ содержаніемъ, могущимъ явиться только съ пробужденіемъ единичности въ поэтическомъ мірѣ. Опредѣленіе поэтической формы разумѣется недостаточно; только въ области особности, осуществляющейся въ народѣ исторически въ національности,—въ народныхъ пѣсняхъ, могла она имѣть законное мѣсто, какъ форма. Здѣсь, напротивъ, она становится только необходимымъ присущимъ моментомъ поэтическаго созданія. Вмѣсто пѣсенной формы являются со всѣми различіями *драма*, *эпосъ*, предчувствіе которыхъ и, подчиненный общему условію, образъ лежалъ уже и въ періодѣ національности, и собственно вмѣсто пѣсни— *лирика*. Вмѣстѣ съ необходимостью всякому произведенію имѣть свое индивидуальное достоинство лежитъ возможность явиться и множеству плохихъ произведеній, чего не могло быть прежде: ибо въ этой новой сферѣ, въ сферѣ единич-

ности, форма по прежнему доступна, но не по прежнему ручательство вѣрное за достоинство. Если-же здѣсь взглянемъ мы на народъ, то съ пробужденіемъ въ немъ индивидуальной жизни увидимъ и пробужденіе всѣхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ, неровностей, ошибокъ; разность индивидуумовъ, освободившихся теперь, ихъ собственная неровная дѣятельность,—все это, потому самому, является и въ сферѣ искусства, отношеніе котораго къ развитію народа такъ близко и глубоко, и которое явило новыя высшія формы, съ требованіемъ индивидуальнаго достоинства. Совсѣмъ тѣмъ только избранные, только художники проникаютъ въ его священный міръ, а дерзкіе и слабые бьются только съ формою, уже лишенною своего смысла, который она имѣла именно чрезъ ихъ отсутствіе, какъ индивидуумовъ. И такъ необходимость единичнаго достоинства уничтожаетъ равенство поэтическихъ произведеній и даетъ возможность быть многимъ произведеніямъ, которыя хотя и поэтическія произведенія, но плохи. Плохія произведенія, новость доселѣ неизвѣстная, то, о чемъ и не слыхать было въ періодѣ національности, гдѣ форма была все. Соотвѣтственно съ этимъ, пробужденная дѣятельность индивидуумовъ въ народѣ, нарушаетъ первобытную его цѣлость, производитъ то-же самое; вмѣстѣ съ этою свободою являются непризванные и становятся плохими сочинителями, чего также не могло быть прежде; ибо въ періодѣ національности, гдѣ индивидуумы вообще значили по стольку, по скольку они нація, творцемъ была нація, вѣчная сущность (субстанція), слѣдовательно всегда необходимая, неизмѣнная и ровная. И такъ вмѣстѣ съ пробужденіемъ единичности въ народѣ, какъ индивидуума, и, соотвѣтственно, въ поэзіи, какъ единаго, для себя значущаго, произведенія — является возможность плохихъ индивидуумовъ - производителей и плохихъ отдѣльныхъ произведеній; но тѣмъ выше стало искусство, котораго и требованія стали выше.

Оно совершило полный кругъ своего развитія, оно вышло изъ неподвижной сферы перваго отрицанія, изъ которой вышелъ и человѣкъ, оставивъ свою исключительную національность. Кончено противорѣчіе, присущее поэзіи на степени конкретировавшейся въ народѣ особности, — національности; поэзія освободилась отъ него и достигла сферы единичности, въ которой она вновь себя находитъ, какъ общее, — сферы, гдѣ возможно ея полнѣйшее выраженіе — литературы собственно; эта сфера, эта степень единичности есть сама не что иное, какъ моментъ; она не уничтожаетъ предыдущаго развитія; будучи моментомъ, она не исключаетъ, а полагаетъ въ себѣ и предыдущіе моменты. Такимъ образомъ здѣсь видимъ мы и *общее*, и *особность*, и *единичность*. Въ единомъ художественномъ произведеніи выражается и поэзія вообще, какъ искусство, поэзія, какъ поэтическое отдѣльное, особное произведеніе, и вмѣстѣ, какъ единое, само для себя значащее произведеніе, имѣющее индивидуальный, неотдѣлимый смыслъ, и потому немогущее повториться. Поэзія совершаетъ сей внутренній путь своего развитія и совершаетъ его конкретно въ совокупности своихъ произведеній,—въ литературѣ вообще, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ переходя въ дѣйствительность, какъ дѣятельность человѣческаго духа, осуществляется она въ развитіи человѣческаго духа, въ народѣ;— являясь на степени *особности*, какъ *національная поэзія*, именно *національная пѣсня*; на степени *единичности*, какъ *литтература собственно*. Опредѣленіе національности стало необходимымъ присущимъ моментомъ. Эта литтература, содержаніемъ которой вмѣстѣ съ едиными, для себя значащими произведеніями, стало общее, — не отражаетъ исключительно народъ, но выражаетъ это общее чрезъ него-же, возвысившагося до общечеловѣческаго значенія; она можетъ принадлежать только именно такому-то народу; самое живое орудіе ея — языкъ, принадлежитъ непремѣнно извѣстному народу. Здѣсь выражается, какъ именно въ

такомъ-то народѣ проявилось общее въ сферѣ литтературы. Такимъ образомъ въ литтературѣ видимъ мы и общее (обще-человѣческое), и національность, и индивидуальность произведенія; въ индивидуальномъ произведеніи видимъ мы и общее содержаніе, и національное опредѣленіе, и въ тоже время индивидуальное значеніе. Въ этой высшей области литтературы вообще видимъ мы уже разнообразные роды поэзіи, въ ней вполнѣ опредѣляющіеся; то, что было предчувствіемъ можетъ быть въ народѣ, покоряясь общей пѣсенной формѣ, развилось въ опредѣленныхъ родахъ поэзіи; сама пѣсня возвысилась до лирическаго стихотворенія (*). Эти роды опредѣленны въ своемъ различіи; это не только одна пѣсня и пѣсня, обнимавшая собою нѣкогда все, всю жизнь народа, цѣльно, нераздѣльно проходившую; нѣтъ, народъ вышелъ изъ этого состоянія, и поэзія также вмѣстѣ съ нимъ доходитъ до полнаго развитія, гдѣ и предыдущая степень не теряетъ своего значенія, но становится присущимъ моментомъ; полнѣе сталъ народъ, полнѣе стала поэзія. Какъ ни высоко и ни истинно философское воззрѣніе, какъ ни вполнѣ примиряются предъ нимъ всѣ противорѣчія, и многообразная жизнь является только вѣчною гармоніею, чудною теодицеею — но свойственно полнотѣ души человѣческой отрываться отъ этого великаго воззрѣнія и жалѣть о минувшемъ времени, о изчезнувшемъ величіи. Становится грустно, когда взглянешь на колоссальныя развалины нѣкогда исполинскаго великаго зданія, когда посмотришь на слѣды прошедшаго, нѣкогда полнаго, кипѣвшаго одною жизнію, хотя оно и уступило

(*) Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: роды поэзіи (лирика, эпосъ, драма) и виды человѣка вообще. народы, и пр., гдѣ получаютъ свое раздѣленіе? Разумѣется оно заключается въ самомъ общемъ; общее конкретируясь, проявляетъ свои стороны, также общія, необходимо въ немъ лежащія и развивающіяся при конкретированіи, сперва въ области особности, которая представляетъ ихъ отвлеченными сначала. Впрочемъ здѣсь устраняемъ мы вопросъ этотъ о раздѣленіи поэзіи и вообще о раздѣленіи общаго; это удалило-бы насъ слишкомъ въ сторону.

мѣсто другому высшему явленію и хотя въ общемъ развитіи все прекрасно, — прекрасно самое развитіе. Въ комъ, человѣкѣ, не пробуждалось грустное чувство при взглядѣ на свѣтлый міръ Греціи, на Римъ, на средніе вѣка, нѣкогда жившіе полно и изчезнувшіе? Такъ и умолкшія, утратившія свою всеобъемлемость, пѣсни народа, памятники его національнаго періода, невольно наводятъ печаль на душу. Но кромѣ этого человѣческаго чувства, само философское воззрѣніе чтитъ съ благоговѣніемъ въ изчезнувшемъ моментальное выраженіе вѣчной истины, хотя наслаждается самымъ ея развитіемъ, — и это воззрѣніе полно любви, все обнимающей, все живящей. Одни профаны и невѣжды, полные грубой дерзости, готовы топтать эти памятники, крича: старое, старое! и ругаться надъ ними: имъ недоступно знаніе, и они лишены человѣческаго чувства; — дѣти чисто проходящаго, они уносятся безъ вреда и слѣда въ потокѣ времени.

Взглянемъ теперь на результатъ нашихъ изслѣдованій.

И такъ поэзія, какъ общее, проходитъ необходимый путь отрицанія; мы видѣли, что этотъ путь совершается въ человѣческомъ духѣ, въ развитіи котораго поэзія, дѣятельность человѣческаго духа, находитъ свое конкретированіе. Въ немъ осуществляются моменты поэзіи и получаютъ истинное историческое значеніе. Такимъ образомъ поэзія, при осуществленіи своемъ являясь литературою, въ моментѣ особности является, какъ національная поэзія, національная пѣсня, вполнѣ отражающая народъ и только народъ находящійся на степени особности, въ сферѣ изключительной національности. Моментъ особности, національныхъ пѣсенъ разрѣшается, и поэзія переходитъ въ моментъ единичности, гдѣ она является, какъ литература собственно, въ которой уже совершается новое требованіе; всякое про-

изведеніе, истинно изящное, имѣетъ значеніе само для себя, индивидуальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ общее значеніе: поэзія не отражаетъ уже только народъ, но вмѣщаетъ въ себѣ обще-человѣческое содержаніе, возникшее въ народѣ,— который вышелъ изъ момента исключительной національности, особности и который, вмѣстѣ съ освобожденіемъ индивидуума, переходитъ въ моментъ единичности, гдѣ индивидуумъ значитъ какъ индивидуумъ, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ является обще-человѣческое значеніе въ народѣ.

Всякая литтература (подъ литтературой, какъ мы сказали уже, разумѣемъ мы поэзію, конкретирующуюся исторически необходимо въ совокупности своихъ произведеній у такого-то народа), всякая литтература должна слѣдовательно пройдти въ своемъ историческомъ развитіи эти необходимыя степени; ими-то, этими существенными моментами знаменуется ея развитіе; эти моменты составляютъ ея главныя эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ эпохи жизни народа, въ развитіи котораго она конкретируется и котораго бытіе въ поэзіи, въ этой одной изъ сферъ безконечнаго духа, она представляетъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ необходимые моменты развитія поэзіи въ литтературѣ, взглянемъ теперь на нашу литтературу, и посмотримъ, какъ выразился и опредѣлился въ ней этотъ общій законъ развитія; бросимъ взглядъ на все ея историческое движеніе, на кругъ, обнимающій всѣ ея явленія. Тогда литтература наша въ своей исторіи представится намъ стройнымъ цѣлымъ, въ послѣдовательности своихъ необходимыхъ моментовъ; явленія ея получатъ смыслъ, отнесутся къ извѣстному мѣсту; мы уразумѣемъ ихъ отношеніе къ общему развитію, однимъ словомъ уразумѣемъ ихъ историческое значеніе.

Россія является намъ сперва строго подъ опредѣленіемъ особности; степень, на которой находится сначала Русской народъ, есть степень изключительной національности. Въ этомъ кругѣ времени раздаются пѣсни отъ края до края, обнимая собою и выражая всю сущность народа, какъ народа,—націи,—цѣльную, истинную, со всѣми многоразличными сторонами. Едва только явился народъ, уже должна была пѣться пѣсня, и потому взоръ нашъ теряется въ невѣрной, изчезающей дали этого пѣсеннаго періода, изъ-за которой гремятъ намъ, наконецъ уже едва слышные, едва понятные, отрывочные звуки; но чѣмъ ближе, тѣмъ громче раздаются пѣсни, и въ срединѣ этого круга времени, гремятъ онѣ вполнѣ торжественно въ своихъ многоразличныхъ тонахъ и напѣвахъ, но принадлежащихъ одному народу. Вся жизнь народа въ этомъ опредѣленіи, вся находитъ въ нихъ прямый отголосокъ; все сознаніе его самаго, его вѣрованія, его дѣла и преданія, его фантазія, его историческіе подвиги и семейная исторія сердца, его радость и горе, веселье и тоска — все, все раздается въ его пѣсняхъ, которыя звучатъ стройнымъ, гармоническимъ хоромъ надъ его національною жизнію.

Кругъ нашихъ національныхъ пѣсенъ многообъемлющъ и обширенъ; широко простираясь, гремятъ онѣ звучно, выражая всѣ интересы народа, какъ народа. Въ національныхъ пѣсняхъ можемъ мы видѣть, какъ велико содержаніе, какъ велика сущность народа, вся въ нихъ, цѣльно высказывающаяся; по этому изученіе національныхъ пѣсенъ, съ которыхъ должна начинаться исторія литтературы народа, очень важно; духъ народный рѣшительно открывается въ нихъ; это полный міръ, гдѣ все связано между собою, гдѣ все существуетъ подъ однимъ общимъ опредѣленіемъ націи. Какъ ни мало издано у насъ по этой части, какъ ни мало знакомы мы по собственной волѣ съ этимъ великимъ періодомъ народа, но

все мы не можемъ не признать и не удивляться богатству нашему въ этой сферѣ. Всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстенъ міръ нашихъ пѣсенъ; ихъ протяжный напѣвъ, такъ намъ знакомый, встрѣчалъ насъ у колыбели, сопровождалъ насъ въ дѣтствѣ и вводилъ насъ такимъ образомъ прямо въ сферу жизни того народа, къ которому мы принадлежимъ; мы становились прежде всего причастны общей субстанціи народа — однимъ словомъ, мы входили сперва прямо въ періодъ національной пѣсни, такъ дѣйствительно воспитывавшей нашъ духъ, чтобы потомъ перешагнуть за эту грань, выдти изъ этой исключительно національной области и съ полнымъ правомъ продолжать наше развитіе уже въ другой высшей сферѣ, но въ томъ-же отечествѣ, на его-же пути, съ его-же силами. За многими изъ насъ лежитъ это время, гдѣ національность, гдѣ народная пѣсня съ преданіями и сказками, составляла всю нашу жизнь; потому почти каждый изъ насъ знакомъ хотя отчасти съ этою сферою и знаетъ какую нибудь пѣсню, какое нибудь преданіе, имъ особенно услышанное— обломки нѣкогда полнаго, все обнимавшаго періода. Чувство человѣческое всегда заставляетъ насъ внутренно трепетать при звукахъ нашихъ пѣсенъ, а знаніе, удаляя ложныя мнѣнія и сужденія, заставляетъ насъ понимать ихъ глубокое значеніе.

Мы имѣемъ большой отдѣлъ пѣсенъ религіозныхъ, духовныхъ, такъ называемыхъ *стіховъ*. Здѣсь выразилось великое, религіозное созерцаніе народа; эти стихи не популярны; ихъ не запоетъ крестьянинъ, ѣдучи въ телѣгѣ, по необозримой степи; для нихъ надобно особое расположеніе духа, важное, далекое отъ шутки; они поются кѣмъ нибудь предъ народомъ, ихъ слушающимъ. Съ этимъ родомъ пѣсенъ мы всего менѣе знакомы; а онѣ именно исполнены изумительно глубокаго и могущественнаго созерцанія. Наши пѣсни историческія, гдѣ народъ сознаетъ себя какъ историческое лице, въ образахъ, вполнѣ его

выражающихъ, его представителяхъ,—въ разныя эпохи своей жизни,—составляютъ особенный кругъ; это міръ живыхъ, опредѣленныхъ образовъ; всякое лице имѣетъ свой характеръ и ни одно, встрѣчаясь нѣсколько разъ, нисколько не измѣняетъ себѣ,—и понятно: народъ, цѣльная субстанція, не можетъ ошибаться, не можетъ противорѣчить себѣ. Каждая эпоха въ этихъ историческихъ пѣсняхъ отличается отъ другой; вы никакъ не смѣшаете пѣсни о богатыряхъ Владиміра съ пѣснью временъ Новогородскихъ, Іоанна Грознаго, хотя и тамъ и здѣсь является богатырская сила. Но безчисленны, безконечны въ своихъ оттѣнкахъ, поются пѣсни семейныя, частныя пѣсни народа. Это не думы его въ пѣсняхъ религіозныхъ, ни объективные образы въ пѣсняхъ историческихъ, въ которыхъ колоссально онъ является; нѣтъ, это просто его внутренній, субъективный міръ, съ радостями и бѣдами, съ долею и бездольемъ, съ временемъ и безвременьемъ. Но здѣсь можете вы сказать: такъ вотъ онъ этотъ народъ, у котораго такія думы, такіе могущественные, исполинскіе, объективные образы, которымъ дивились вы въ другихъ пѣсняхъ; вотъ онъ самъ, вотъ онъ какъ тоскуетъ и веселится;—то, чего не видать еще было въ другихъ пѣсняхъ. Эти-то домашнія, личныя пѣсни неразлучны съ человѣкомъ въ народѣ, подъ національнымъ опредѣленіемъ; онѣ всюду у него на устахъ; онѣ-то оглашаютъ далекія степи и широкія рѣки, сопровождаются скокомъ лошади и плескомъ весла. Тутъ любовь и кручина, тутъ всегда печальное замужство. Невѣста горюетъ, это не ея бѣда, не бѣда какой нибудь одной невѣсты; это общая участь, удѣлъ невѣсты въ народѣ. Все здѣсь принадлежитъ каждому въ народѣ, ибо здѣсь индивидуумъ — нація, здѣсь онъ живетъ чисто подъ этимъ національнымъ опредѣленіемъ, о которомъ такъ долго говорили мы выше. Разнообразныя и истинныя, всегда ровныя, вѣрныя сами себѣ, всегда полныя одною опредѣленною жизнію, стройно и невозмутимо поднимают-

ся пѣсни надъ народомъ, живущимъ въ періодѣ изключительной національности.

Мы не станемъ болѣе распространяться о пѣсняхъ; не онѣ собственно предметъ нашего вниманія; намъ необходимо было взглянуть на нихъ, какъ на моментъ въ исторіи литтературы, безъ чего-бы у насъ не было полнаго и живаго созерцанія ея историческаго развитія. Только до этой степени интересуютъ насъ эти пѣсни. И такъ пойдемъ далѣе.

Русской народъ, находясь въ своемъ пѣсенномъ періодѣ, въ періодѣ изключительной національности, принялъ христіанскую религію. Но вмѣстѣ съ христіанской религіей дано было ему то общее, уже готовое (fertig für sich), для котораго онъ еще не развился, котораго принять и понять не былъ онъ въ состояніи. Естественно, что все великое, общее, лежащее въ христіанской религіи, не могло перейдти въ народъ, понявшій ее истинно, но въ своей тогда сферѣ, по стольку, по скольку онъ могъ ее понять. Общее-же въ христіанской религіи должно было какъ кладъ вручиться народу, кладъ, который тогда только долженъ былъ открыться, когда народъ ступитъ на степень достойную для обладанія имъ. И это великое религіозное содержаніе общаго заключилось въ сокровищницу, ограждавшую отъ народа святыню глубокой истины, великій удѣлъ его будущаго. Церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкѣ церковно-Славянскомъ (*), языкѣ не нашемъ, который сталъ такимъ образомъ со-

(*) Мы не будемъ входить въ изслѣдованія, до насъ теперь некасающіяся, къ какому собственно наръчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги; мы скажемъ здѣсь только, что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него

кровищницей святыни религіи, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нее, гремѣвшій для нее въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него,—и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ; всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимоидущихъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нуждъ и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его затѣй и намѣреній: такъ точно какъ прекрасное небо простирается надъ нами, доступное для нашего созерцанія; мы поднимаемъ къ нему взоры и любуемся его вѣчною красотою,—но оно никогда не сойдетъ къ намъ на землю, оно никогда не будетъ намъ доступно и всеизмѣняющая дѣятельная рука человѣка никогда не достигнетъ его. По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. с. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено

по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе, что надѣемся мы въ послѣдствіи отчасти доказать.

присутствіемъ безконечнаго, божества. Таково было у насъ, со времени принятія христіанства, значеніе языка церковно-Славянскаго, скрывавшаго отъ народа общее, собственно въ сферѣ религіи, въ періодъ его національности. Народъ усердно молился въ храмахъ, исполняясь весь глубоко религіознаго благоговѣнія, но никогда не преступалъ и не могъ преступать за священную ограду, и, вѣрный себѣ, пѣлъ свои пѣсни, оглашая ими всѣ дѣла своей жизни, своей національной жизни, надъ которою, какъ свѣтлый міръ, являлся церковно-Славянскій языкъ съ своимъ вѣчнымъ, религіознымъ содержаніемъ, съ своимъ общимъ, тайною, удѣломъ будущаго.

За этою оградою была своя уединенная дѣятельность. Отдѣлившіеся отъ міра, обрекшіе себя на служеніе вѣрѣ, подвижники изливали на бумагу мирное созерцаніе сокровищъ духовныхъ, христіанское чувство любви и смиренія. Изъ тишины кельи, смотря на рядъ событій несшихся мимо, — описывали они также, «не мудрствуя лукаво». Нерѣдко голосъ ихъ раздавался изъ-за стѣнъ монастырей, то наставительный, то увѣщательный, иногда указующій (*). И люди, принадлежащіе міру, въ томъ числѣ Князи и Цари наши удалялись въ эту священную область религіозной жизни и сами становились причастны духовному содержанію и вмѣстѣ языку церковно-Славянскому. Но это опять нисколько не противорѣчитъ тому, что мы сказали выше; эта сфера религіи все не менѣе была отдѣлена отъ народа, и тѣ, которые туда входили, еще не служатъ свидѣтельствомъ, чтобы эта религіозная жизнь переходила въ народъ; они сами удалялись туда и принимали вмѣстѣ и языкъ церковно-Славянской, орудіе истинъ религіозныхъ; всѣ люди мірскіе, писавшіе о духовномъ по-церковно-Сла-

(*) Посланія Никифора Митрополита къ Владиміру Мономаху. Посланіе Россійскаго Духовенства къ Углицкому Князю Дмитрію. Посланія Митрополитовъ въ разные города. Слово Вассіана Рыла Великому Князю Іоанну III, и пр.

вянски, были, если можно такъ выразиться, болѣе или менѣе дилеттанты, любители, отдѣлявшіеся сами въ ту минуту отъ своей обычной жизни (*). Не всякое и религіозное сочиненіе заключало впрочемъ въ себѣ общее, хотя и принадлежало къ сферѣ религіи. Общее религіи было часто недоступно самимъ дѣятелямъ той сферы, какъ общее —Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовною письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь пестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъбы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и соплеменныхъ, языковъ. Или-же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вмѣшиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ. Въ сущности-же, это самое сближеніе показываетъ границу, лежавшую между міромъ религіознымъ и жизнію народа, или что́ нераздѣльно съ этимъ, между языкомъ церковно-Славянскимъ и Русскимъ, ихъ представителями. Міръ религіозный съ своимъ общимъ, какъ мы сказали, пребывалъ и дѣйствовалъ въ себѣ, отдѣльно отъ народа, жизнь котораго была чисто національна, поэзія-же выражалась соотвѣтственно только въ національныхъ пѣсняхъ. Такъ развивалась и шла наша исторія, наша литтература, въ періодъ національности. Мы не станемъ преслѣдовать его подробно, во все его продолженіе, со всѣми измѣненіями, событіями въ немъ случившимися; во весь этотъ періодъ пѣлись пѣсни, ибо таково было опредѣленіе наро-

(*) Таковы напримѣръ: посланія Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго къ Константинопольскому Патріарху и Царю Константину Палеологу; посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь; переписка его съ Курбскимъ; исторія Князя Курбскаго;—исторія вообще была удѣломъ религіозной-же сферы,—и пр. и пр.

да. Бросимъ бѣглый взглядъ на это пространство времени, сколько то нужно для нашей цѣли.

Въ періодъ національности вырабатывалось политическое тѣло Россіи. Безпорядочное, вѣчно волнуемое время удѣловъ представляетъ это броженіе, результатомъ котораго была Москва; она была внутреннею, существенною цѣлью, задачею предыдущаго періода, тѣмъ плодомъ, къ которому стремится кругъ развитія. Безпрестанное стремленіе, исканіе, которое видимъ мы въ предыдущее сей время, кончилось, какъ скоро найдено было то, чего искалось. Москва является намъ, какъ единство Русскаго государственнаго, и еще болѣе *земскаго*, организма, начавшаго отселѣ побѣдоносную свою дѣятельность. Улеглись мало по малу шумныя волны, и даже до предѣловъ Россіи распространилась тишина; умолкли частные подвиги, утихли шумъ и безпорядокъ предъ важнымъ и стройнымъ шествіемъ государства. Скрылись Удѣльные Князья; явился одинъ Царь Московскій и всея Россіи. Скоро предѣлы наши далеко раздвинулись; безъ жажды завоеванія, безъ воинственнаго изступленія, всегда краткаго и непрочнаго, не какъ рѣка въ половодьи, шумно и быстро выходящая изъ береговъ своихъ, — тихо разширялась Россія, пріобрѣтая область за областью, страну за страною, такъ что разширеніе ея можно было назвать не покореніемъ чуждыхъ земель, а свободнымъ ростомъ ея собственнаго исполинскаго организма. Скоро заняла она положительное мѣсто среди Государствъ Европы. Судьба Россіи долго отдѣляла ее отъ Европейскаго Запада; не одни историческія событія впрочемъ произвели это; ея сущность, религія, ею принятая и вполнѣ сродная ея сущности, все рѣзко отдѣлило ее отъ другихъ Государствъ и поставило

если не во враждебное, то въ противное положеніе Западу. Вмѣстѣ съ Москвою національность ея, современное ея опредѣленіе, обозначилась явственнѣе, стала могущественною, ибо Россія, не выходя изъ этого опредѣленія, стала могущественнымъ цѣлымъ. Внѣшнія соприкосновенія съ Европой, мирныя и бранныя, не измѣняли нисколько ея физіогноміи. Все, что принимали мы, — принимали мы не съ тѣмъ, чтобы перемѣнить себя, но принимали точно также, какъ пріобрѣтали чуждыя страны и народы, вводя ихъ въ свои предѣлы. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь чисто внѣшнимъ образомъ открытіями Европы, мы не приняли въ себя духа, ихъ производившаго. Россія оставалась въ своей исключительной національности, обезопасенная своимъ могуществомъ; найденъ былъ истинный центръ, все скрѣпившій и все содержащій — Москва, которая, будучи центромъ Россіи, была, само собою разумѣется, и центромъ національнаго духа, ее оживлявшаго.

Такъ стояла Россія подъ опредѣленіемъ исключительной національности, во всей силѣ могучаго Государства, наконецъ имѣющая единый центръ и вмѣстѣ единаго Царя. Ей нѣчего было опасаться, ей сплоченной такъ крѣпко; враги ея съ робкимъ изумленіемъ смотрѣли на дивное явленіе, возникшее предъ ними изъ-подъ цѣпей Татаръ, изъ безпорядковъ внутреннихъ; чуждыя государства искали ея дружбы. Но при всемъ томъ могла-ли Россія остаться всегда подъ исключительнымъ опредѣленіемъ національности? Русской народъ былъ-ли такимъ народомъ, который могъ-бы довольствоваться тѣснымъ кругомъ *своей* жизни и никогда не достигнуть общей человѣческой сферы, народомъ, слѣдовательно, отрѣшеннымъ отъ самобытнаго значенія въ сферѣ общаго, самобытнаго участія въ общей жизни? Должна-ли была Россія вырваться изъ сферы исключительной національности, должна-ли была

шагнуть за эту степень и стать на другую, высшую, гдѣ освобождается индивидуумъ и, вмѣстѣ съ освобожденіемъ индивидуума, непоглощаемаемаго уже изключительно національною жизнію, общее становится содержаніемъ народа? — Такова-ли была Россія, чтобы сфера изключительной національности могла удовлетворить, обнять и вполнѣ опредѣлить ея субстанцію? Вотъ важный вопросъ, важная задача. Для того, чтобы разрѣшить ее, посмотримъ на дальнѣйшій историческій ходъ Россіи.

Мы сказали, что Россія приняла постоянное, твердое опредѣленіе національности. Цари правили ею наслѣдственно, восходя на престолъ одинъ за другимъ. Прочіе потомки Рюрика лишились значенія властителей, какъ скоро одна Москва соединила все государство. Такимъ образомъ явилась и одна династія Московскихъ Царей, династія, образовавшаяся въ періодѣ крѣпкой національности, тѣсно, нераздѣльно соединенная съ народомъ, славно царствовавшая и возвеличившая государство; ни одинъ голосъ не подымался противъ, никто не думалъ возставать на Царей. Но эта крѣпкая національная жизнь въ самой себѣ носила уже свое разрѣшеніе; но при этой національной династіи не могла разрушиться сфера національности; чтобы развитіе двинулось впередъ, династія должна была прекратиться. Подъ сѣнію неколебимой династіи, любезной народу, видимъ мы, является новое лицо, имѣющее особое, новое значеніе. При Іоаннѣ IV, Царѣ, облеченномъ всею грозою власти, является царедворецъ, не привязанный родомъ къ Россіи; его любитъ Іоаннъ; при немъ уже можно угадывать его начинающуюся значительность. Въ этомъ юношѣ, котораго ласкаетъ Іоаннъ, таится гибельная гроза его династіи и вмѣстѣ всей національной жизни Россіи. По смерти Іоанна, Борисъ Годуновъ пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ; при лицѣ

Царя увидали лице, до сихъ поръ небывалое, увидали Правителя, не только дѣломъ, но и именемъ, ибо бездѣйствующій Царь вручилъ ему все и назвалъ Правителемъ. Въ лицѣ Ѳеодора видимъ мы, съ одной стороны, бездѣйствіе прежней династіи, и при немъ, съ другой стороны, видимъ мы новую дѣятельность, новый возникающій элементъ въ государствѣ, въ лицѣ Годунова, лицѣ посторонемъ, являющемъ уже сильное властительное участіе въ судьбахъ Россіи. Но это новое начало, возникшее въ Борисѣ, стремится къ полному своему проявленію; гроза, собравшаяся надъ древней Московской династіей, должна была разразиться. Въ Угличѣ жилъ Царевичь Димитрій, братъ и наслѣдникъ Ѳеодора, единственная отрасль Царей Московскихъ; на немъ долженъ былъ разразиться ударъ, на вѣтви свѣжей, исполненной надежды. Борисъ погубилъ его (*). Въ лицѣ Димитрія пала прежняя, древняя династія Московскихъ Царей, съ которой такъ тѣсно была связана національность. Борисъ Годуновъ взошелъ на престолъ, Борисъ, лице, непривязанное никакимъ воспоминаніемъ къ исторіи Русской, потомокъ Татарина. Это было новое, необыкновенное явленіе въ нашей исторіи; Царь избранный, вчера бояринъ; Царь, который, говоря прекраснымъ выраженіемъ Іоанна IV, не народился на царствѣ. — Опредѣленіе исключительной національности, о которомъ мы говорили, опредѣленіе столь твердое доселѣ, не уничтожилось вмѣстѣ съ паденіемъ національной династіи, національной силы; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, открылась возможность и необходимость его уничтоженія; новый элементъ проникнулъ въ Россію; возвращеніе было невозможно; она должна была идти впередъ; новая жизнь ждала ее.

(*) Мы не разсматриваемъ здѣсь вопроса, именно-ли Борисъ убилъ Димитрія Царевича; во всякомъ случаѣ, онъ былъ виною его смерти; самое явленіе его есть знакъ прекращенія прежней династіи, и въ понятіи народа онъ непремѣнно является ея прекратителемъ.

Наступило время перехода и вновь всколебалась Россія. Въ самомъ уже лицѣ Бориса видимъ мы потребность новаго, видимъ желаніе просвѣщенія, желаніе сблизить Россію съ Западомъ. Это выражается собственно въ воспитаніи его сына; онъ готовилъ въ немъ Царя для Россіи, и на его образованіе истощалъ всѣ попеченія; онъ старался ему передать то просвѣщеніе, которымъ хотѣлъ озарить Россію. Образованіе сына наслѣдника — очень важно; до сихъ поръ принимали мы людей просвѣщенныхъ, какъ людей полезныхъ, и они посторонним образомъ входили въ Россію; но образованіе будущаго Царя, источника всей дѣятельности, образованіе его какъ лица, показывастъ, что просвѣщеніе, имъ полученное, должно было отъ него проникнуть внутренно всю Россію. Борисъ, избранный народомъ, привыкшимъ къ его правленію, не долго царствовалъ спокойно. Народъ не могъ забыть любимой имъ династіи, отъ которой онъ былъ такъ насильственно оторванъ; не могъ разстаться съ нею.... и она къ нему воротилась еще,—какъ призракъ, которому онъ жадно повѣрилъ. Явленіе Димитрія Самозванца нисколько не было случайно, ни сколько не было смѣлою мыслію одного человѣка, нѣтъ, это была потребность народа, мечта, имъ самимъ созданная, которою онъ обольщалъ себя. Мысль о томъ, что Димитрій живъ, можетъ быть, выразилась въ народѣ прежде, нежели явился самозванецъ. Въ самозванцахъ видимъ мы продолженіе Московской династіи въ призракахъ, которая не вдругъ покинула Россію; видимъ усиліе народа воскресить, оживить, удержать родъ, который прекратился; это тѣнь династіи, вызванная, такъ сказать, любовію народа. Но надо замѣтить, что династія эта, какъ мы сказали, имѣла важный смыслъ для народа; съ нею была тѣсно связана національность, и слѣдовательно народъ, разставаясь съ нею, разставался, хотя не сейчасъ-же и мгновенно, съ цѣлою сферою своего бытія, разставался съ своимъ исключительнымъ опредѣленіемъ націо-

нальности, которой она была представительницею и силой. Отсюда, любовь его къ ней и борьба, ея ради, получаетъ глубокое значеніе. Народъ не давалъ себѣ отчета, чего онъ хочетъ, какой жизни; онъ хотѣлъ только національной династіи; но одно съ другимъ было неразрывно связано. Скоро начались волненія, началась борьба; раздалось имя Димитрія, и народъ бросился къ нему; всѣ усилія Бориса едва могли удержать внезапность добровольнаго покоренія Лжедимитрію. Сыну Бориса назначено было продолжать борьбу съ Самозванцемъ, Борисомъ недоконченную. Борьба продолжалась недолго. Имя Димитрія все побѣдило, и прекрасный юноша погибъ, поставленный судьбою на великомъ пути историческихъ событій, жертвою исторической коллизіи. Радостный народъ возвелъ на престолъ призракъ древней династіи, думая возвести снова потомка своихъ Царей, Димитрія Іоанновича;—но это былъ только призракъ! Очарованіе длилось не долго; скоро дѣйствительность обнаружила мечту, скоро открылся обманъ. Подъ именемъ, священнымъ для народа, вошла измѣна въ Россію, измѣна всему, что было дорого и свято народу; подъ этимъ именемъ, съ которымъ связывалась вся національность Россіи, явилось именно оскорбленіе ея національности. Димитрій Самозванецъ, обязанный своимъ возшествіемъ на престолъ національному значенію своего имени, дерзко оскорбилъ еще могучую національность Россіи. Съ изумленіемъ глядѣлъ народъ, какъ онъ, нарушая обычаи старины, держалъ скомороховъ, надѣвалъ личины, не спалъ послѣ обѣда, ѣлъ телятину. Мы не говоримъ уже о другихъ важныхъ оскорбленіяхъ; но можемъ сказать, что и это были тоже тяжелые, непростительныя вины Самозванца въ глазахъ народа, что нисколько не смѣшно и не странно. Опредѣленіе національности и по существу своему такъ исключительно, такъ рѣзко и строго, что малѣйшее уклоненіе есть уже оскорбленіе ея; отсюда очень понятно, почему ѣсть телятину, не спать послѣ обѣда и

тому подобное, могло быть достаточною причиною къ негодованію и возстанію народа въ періодъ его національности; такъ и должно быть; здѣсь является сила идеи; это показываетъ всю объемлемость, всю исключительность, всю силу и пространство опредѣленія національности. Лже-Димитрій слишкомъ дерзко и рано оскорбилъ національность и вызвалъ на себя страшную ея бурю. Народъ увидалъ, что ошибся. Оскорбленный и негодующій, поднялся онъ на Самозванца, который мгновенно погибъ въ неровной борьбѣ. Димитрій Самозванецъ дерзнулъ въ Россію ввести иностранное, и погибъ; но все-же онъ внесъ новое въ предѣлы Россіи, и начатое явленіемъ Годунова, собственно въ этомъ внутреннемъ отношеніи, продолжалось. Послѣ паденія Лже-Димитрія, вновь былъ избранъ Царь, когда лишились надежды имѣть Царя законнаго, наслѣдственнаго. Но надежда не совсѣмъ еще угасла; явился новый самозванецъ, и народъ вновь, хотя и не весь, и не съ прежнею увѣренностію, былъ увлеченъ къ нему. Во время этихъ смутъ, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи національной, въ Россіи насильственно входили новые элементы; вмѣстѣ съ тѣмъ безпорядки и смятенія. Сосѣди, видя ее лишенною властителей, колеблемую и шаткую, вторгнулись матеріально въ ея предѣлы. Волненіе распространилось отъ края до края. Василій Шуйскій хотя и предъявилъ въ грамотахъ (*) при возшествіи на престолъ наслѣдственныя права свои на вѣнецъ Русской, но не могъ уже ничего внушить древностію своего рода, своимъ произхожденіемъ отъ Рюрика; Удѣльныя Князья потеряли свое значеніе. Не Рюрикова династія, но Московскихъ Царей, была единственною династіею всея Россіи, какъ Государства. Шуйскій, какъ и другіе удѣльные Князья, былъ бояриномъ Московскаго Царя; время ихъ

(*) Собр. Госуд. грам. и догов. — Москва, 1819 г., т. 2, стр. 299, 300, 302, 306.

миновалось, а народъ въ историческомъ развитіи не дѣластъ шага назадъ. Имя Димитрія, враги внѣшніе и внутреннее состояніе Россіи, потерявшее прежнюю твердость и стойкость, и преданное новымъ волненіямъ, предшествіе новой жизни — все возстало противъ него, и онъ, также какъ и его предшественники, долженъ былъ пасть съ престола, невѣрнаго въ то время послѣ послѣдняго Царя прежней династіи.

Престолъ остался праздень и смятеніе возросло. Здѣсь— усиліе внѣшнимъ образомъ поколебать нашу національность. Но только при своемъ внутреннемъ развитіи, только самъ, можетъ народъ дѣйствительно выйдти изъ сферы національности и перейдти въ высшую сферу своего бытія, положивъ предыдущую въ себѣ вѣчноприсущимъ моментомъ. Какъ-же скоро другія націи разрушаютъ, внѣшнимъ образомъ все устройство національнаго быта, измѣняютъ все его существованіе, налагая свои-же національныя и совершенно чуждыя для него формы, то вмѣстѣ съ тѣмъ гибнетъ самобытность и жизнь народа, и онъ, если не даетъ настоящаго отпора, навсегда изчезаетъ съ лица земли между народами. Иностранцы, губя народъ, губятъ національность. Враждебные сосѣди наши стремились поработить Россію: нападали на нее извнѣ. Раздѣленная сама въ себѣ, преданная на жертву врагамъ, жадно на нее устремившимся, стариннымъ врагамъ Полякамъ, Шведамъ, Польскимъ и казацкимъ шайкамъ, волнуемая внутренними раздорами, Россія защищалась въ частяхъ своихъ, гдѣ, уже не въ общей массѣ, какъ прежде, но отдѣльно, толпами, такъ сказать, являла она всю свою силу и мощь, дѣлая тщетными усилія многочисленныхъ противниковъ. Среди такого положенія, Ляпуновъ первый возсталъ съ великою мыслію, не держаться никакой партіи, и сдвинуть все это чуждое нашествіе народовъ, всѣхъ

этихъ дерзкихъ претендентовъ на землю и на престолъ Русской; удалить всякое насильное чужеземное притязаніе, пагубное для народа, очистить, освободить Россію,—вотъ чего хотѣлъ онъ и другіе,—а тамъ, вновь свободные, рѣшить дѣло, какъ Богу будетъ угодно. Но ему не удалось видѣть исполненіе своего замысла. Вслѣдъ за нимъ, съ тою-же мыслію освобожденія и отстраненія всего чуждаго, поднялся Мининъ съ землею Нижегородскою и другими; эта мысль стала общею и единственною; великій народъ все принесъ въ жертву ей, двинулся, непреоборимый, противъ дерзкихъ Западныхъ враговъ и выгналъ изъ Москвы и Россіи всѣ ихъ разноплеменныя толпы. Россія была свободна; не доставало Царя. Потомковъ прежней династіи не было; имя Димитрія, дважды (даже трижды) обманувшее напрасно народъ, не могло воскреснуть снова; надежда и съ этой стороны рушилась. И такъ снова надо было избрать Царя. Избрали юношу, не участвовавшаго ни въ какихъ предыдущихъ волненіяхъ, не игравшаго никакой роли, не могшаго слѣдовательно питать ни пристрастія, ни ненависти, не имѣвшаго однимъ словомъ никакихъ воспоминаній изъ прошедшаго періода, — юношу отдѣленнаго эпохою междуцарствія отъ предыдущаго времени, изъ котораго оно вытекло,—юношу, который не былъ потомокъ Рюрика, но былъ связанъ родствомъ съ династіей Царей Московскихъ, былъ племянникъ Ѳеодора, послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ любимаго Царя древней Московской династіи, о которомъ съ такою нѣжностію выражаются наши лѣтописи. Вновь думали возстановить Россію во всемъ ея прежнемъ видѣ; вновь былъ на царствѣ Царь, свободно, единодушно избранный со всѣмъ потомствомъ; національность, казалось, являлась снова во всемъ ея величіи, послѣ всѣхъ потрясеній и бурь, когда государство, одолѣвъ враговъ, вновь имѣло столицею Москву и на престолѣ ея Царя, съ его родомъ. За Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ слѣдовалъ безмятежно Алексѣй

Михайловичь, возвратившій Россіи многія ея области. Казалось при новой династіи возвращаются прежнія времена; но предыдущее бываетъ не даромъ; неколебимость національной сферы была потрясена; новые элементы вошли въ Россію, и въ ней пробудилась уже потребность новой жизни. Словомъ сказать, мы видимъ, какъ, еще упорная, исключительная національность лишается внутренней, современной силы; мы видимъ вполнѣ, даже въ совокупности тогдашнихъ фактовъ, какъ невозвратенъ предыдущій періодъ, какъ не можетъ онъ быть возстановленъ въ своей прежней жизни, какъ въ глубинѣ его рождается новая потребность, имѣющая его разрѣшить, и онъ становится анахронизмомъ. Но старое не вѣритъ своему разрушенію; не признаетъ часа своего паденія; слыша врага, оно становится дерзко и выходитъ на открытый бой. Эту дерзость предыдущей сферы видимъ мы въ образовавшейся военной силѣ, подающей уже самовольный голосъ въ дѣлахъ государства,— въ *стрѣльцахъ*; эта дерзость замѣнила прежнюю благоговѣйную исключительность національности, которая тогда уже искажалась, хотя извнѣ, принятыми обычаями, вошедшими чуждыми элементами, но все вѣрила своей жизни и, возвышая сама свой голосъ, образовала въ наглую самовольную силу, уже по этому самому противорѣчившую существу національности, и слѣдовательно являвшую ея отрицаніе. Здѣсь выразился страхъ національности, темное сознаніе, что время ея проходитъ. — Къ этой эпохѣ относятся споры религіозные, особенно сильно волновавшіе тогда Россію, въ которыхъ выразилась та-же отвлеченная, крайняя сторона національности; споры были за букву, за преданіе, за внѣшнее различіе; наши раскольники были старовѣры. Мы не говоримъ о другихъ религіозныхъ движеніяхъ въ то время и объ отношеніи ихъ къ національному опредѣленію, о вліяніи католическаго и лютеранскаго элементовъ; это не относится къ нашему предмету. — И такъ все великое государство

Русское находилось въ нестройномъ, въ неестественномъ состояніи. Опредѣленіе изключительной національности было потрясено; уже прошло его исторически-истинное, современное значеніе, и, какъ всегда бываетъ, и должно быть всегда, опредѣленіе національности являлось въ самомъ себѣ уже изкаженнымъ, испорченнымъ, не имѣя духа жизни современной. Оно было уже ложно, ибо не могло болѣе быть единственнымъ выраженіемъ всего содержанія народа, и въ тоже время имѣло на то притязаніе; изкажаясь какъ національность даже, она сама носила въ себѣ свидѣтельство своей недостаточности, своего разрушенія. Въ Россіи пробудилась уже новая потребность, потребность высшей сферы, о которой говорили мы прежде, гдѣ развитіе оставляя степень особности — національности, является на степени единичности — индивидуума, гдѣ народъ, переходя уже за опредѣленіе національности, въ которомъ индивидуумъ еще вполнѣ поглощенъ націей, въ которомъ общее еще не составляетъ содержанія народа, возвышается на степень, на которой освобождается индивидуумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общее, обще-человѣческое становится его содержаніемъ. И такъ потребность этой конечной сферы развитія (ибо она замыкаетъ его кругъ, освобождая и сохраняя всѣ его моменты), пробудилась въ народѣ; нація не могла уже вполнѣ обнимать и заключать въ себѣ его, стремящуюся въ развитіи, дѣятельность; въ немъ пробудилась потребность индивидуума, индивидуумъ въ немъ долженъ былъ освободиться. — И этотъ индивидуумъ возсталъ, какъ индивидуумъ, въ колоссальномъ образѣ; не какъ просто потребность индивидуальной жизни, разно выразившаяся, — нѣтъ, а воплощенный, какъ одинъ индивидуумъ. Этотъ колоссальный индивидуумъ — былъ Петръ.

Для Россіи настало время рѣшительнаго освобожденія отъ изключительной національности, рѣшительнаго перехода въ другую высшую сферу, рѣшительнаго преобразованія. Началась страшная борьба. Съ одной стороны изключительная національность, опиравшаяся на уже образовавшуюся положительную силу стрѣльцовъ, старовѣровъ, имѣвшая съ собою, если не весь, то большинство народа. Она силилась удержать свои права, сохранить жизнь по старинѣ, и, лишенная уже жизни внутри, она хотѣла удержать ея прежній образъ, сохраняя развѣ одинъ призракъ прежняго опредѣленія, навсегда утратившаго свою дѣйствительность; она упорно противилась новому свѣту и поддерживала ложную свою необходимость. Пробужденная рѣшительнымъ ударомъ, она совокупила всѣ свои силы, поднялась и начала ожесточенный бой за свою мнимую современность.—Съ другой стороны, противъ народа, упорствовавшаго въ своемъ національномъ опредѣленіи, — Петръ, опиравшійся на дѣйствительную потребность Русскаго народа, сему послѣднему самому можетъ быть неизвѣстную. Онъ рѣшительно возсталъ на эту національность, сокрушая прежнее, только мѣшавшее уже свободному развитію народа. Раскрывая передъ нимъ новую сферу жизни, онъ круто поворачивалъ въ противуположную сторону, принималъ опредѣленія другихъ народовъ, обильно наполнялъ чуждымъ предѣлы Россіи, презирая и уничтожая страхъ національности, только въ одномъ огражденіи находившей свое спасеніе; напротивъ, онъ принималъ отъ Запада все, къ чему только дошелъ Западъ въ своемъ развитіи, и настежъ распахнулъ для него ворота Россіи, становясь съ нею, какъ была она дотолѣ и тогда, въ рѣзкую противоположность. Дѣйствительность дѣла его побѣдила. Въ страшной кровавой борьбѣ пала навсегда изключительная національность Россіи; наступила новая эпоха.

Таково было опредѣленіе Россіи передъ явленіемъ Петра Великаго Но въ историческомъ развитіи нѣтъ прямаго перехода на настоящую точку; доводя до крайности каждый моментъ, она производитъ новую крайность, уничтожающую въ своемъ соприкосновеніи смыслъ предыдущаго; въ преемствѣ моментовъ необходимо каждый доходитъ до односторонности, которая односторонне, живо отрицается, такъ что только послѣ является истинное значеніе отреченнаго момента. Односторонность есть та связь, которая соединяетъ моменты между собою во всякомъ историческомъ движеніи, односторонность, необходимая принадлежность выступающаго въ жизнь момента, въ которомъ живое бытіе современной дѣйствительности составляетъ и силу и вмѣстѣ съ тѣмъ ложь; ибо эта современность и должна изчезнуть; моментъ, теряя ее, доходитъ до ложной односторонности, производящей одностороннее отрицаніе. Односторонность есть рычагъ исторіи.

То-же видимъ мы и въ настоящемъ случаѣ. Исключительная національность, дѣйствительное историческое опредѣленіе, является крайнею, одностороннею; ложь обличается; отрицаніе исключительной національности является также одностороннимъ, крайнимъ. Петръ долженъ былъ начать съ отрицанія совершенно полнаго; и если національность въ тотъ моментъ явилась передъ нимъ какъ одна сторона, то и онъ, какъ одна сторона, односторонне, долженъ былъ сначала возстать на нее. Односторонность отрицанія была условлена односторонностью предыдущаго періода. Дѣло Петра, однимъ словомъ, было дѣло отрицанія, отрицанія чистаго; но необходимаго, не мертваго, а

плодотворнаго въ общемъ развитіи, являющагося одностороннимъ только, какъ одинъ, отвлеченно по себѣ взятый моментъ. Такъ какъ дѣло Петра было отрицаніемъ опредѣленія, но не народа самаго, то оно и не уничтожило его; дѣйствуя односторонне, отрицая національность, опредѣленіе народа, — Петръ необходимо долженъ былъ отвлечь самый народъ, отвлечь Русскую субстанцію, лишившуюся тогда своего опредѣленія и потому необходимо переходящую въ отвлеченность. То мы и видимъ. Все что только составляло выраженіе народной жизни, все на чемъ лежало опредѣленіе національности, государственное устройство, чины, сословія, управленіе, войско, все въ чемъ выражался народъ,—все подверглось отрицанію; съ другой стороны народъ, вслѣдствіе этого, естественно является отвлеченнымъ, какъ Русская субстанція, лишенная своего опредѣленія. Эту отвлеченную Русскую субстанцію видимъ мы въ *простомъ народѣ*, молчащемъ, оторванномъ отъ всей жизни государства. Онъ сохранилъ, слава Богу, свой древній образъ, пожертвованіе которымъ въ внезапный періодъ отрицанія не могло быть въ немъ сознательно, было-бы или слабостью или обезьянствомъ; онъ сохранилъ себя такъ какъ есть и такимъ образомъ сберегъ въ себѣ Русскую сущность, долженствовавшую въ отвлеченномъ спастись отъ отрицанія, которое въ противномъ случаѣ погубило-бы всю Россію. Простой народъ, для насъ, повторимъ, представляетъ отвлеченную Русскую субстанцію; на немъ отрицаніе обозначилось его молчаніемъ, его оторванностью,—его отвлеченіемъ. Естественно, что Петръ, отвлекая Русской народъ, Русскую субстанцію, долженъ былъ отвлечь то, что составляло истинный центръ его; это было необходимо для успѣха его дѣла. Естественно, что Москва, истинная столица Россіи, столица ея духа, не могла оставаться столицею, въ періодъ односторонняго отрицанія, когда Русская сущность, Русской народъ былъ отвлекаемъ. Такъ и случилось. Но понятно, что новая столица была

только положенный временный центръ, на время періода отрицанія, выражавшій чистое отрицаніе, и потому немогущій имѣть никакой своей жизни: но онъ необходимъ какъ преходящее явленіе, какъ необходимое выраженіе необходимаго періода отрицанія. Это было одно изъ дѣйствій всеобщаго чистаго отрицанія, то, съ чего долженъ былъ начать Петръ. Необходимая односторонность его начала произвела за собою дальнѣйшія послѣдствія. Новая столица ничѣмъ не была привязана къ преданіямъ Россіи, къ ея Исторіи; необходимая въ Исторіи развитія, какъ моментъ, она даже осталась чуждою внутреннему, настоящему духу дѣлъ Петровыхъ; она, никогда неимѣвшая жизни историческаго возрастанія и поставленная готовою на берегахъ моря. Явился, необходимое слѣдствіе односторонности начала, Петербургскій періодъ, періодъ того отчужденія отъ самихъ себя, той полной подражательности иностранному, Россія вошла въ сферу чистаго отрицанія своей національности, которое казалось отрицаніемъ ея самой,—отрицанія, на которое не отваживался ни одинъ народъ, а чѣмъ болѣе уничтожаетъ въ себѣ народъ исключительную національность, тѣмъ болѣе, стало быть, и можетъ обнять онъ общее, тѣмъ болѣе обще-человѣческое значеніе имѣетъ онъ и тѣмъ выше онъ самъ, какъ народъ. Но надо, чтобъ при этомъ отрицаніи своего опредѣленія, Россія осталась жива; чтобъ сохранился ея духъ, ея субстанція въ этотъ періодъ чисто отвлеченный, отрицательный, дабы потомъ уже освобожденная отъ тѣснаго, ей неназначеннаго круга исключительной національности, она предстала въ своемъ великомъ общемъ и самобытномъ въ то-же время значеніи. Дѣло было отважно; но не извнѣ (какъ было-бы при покореніи чуждой державою), а извнутри явилась потребность этаго отрицанія. Русской духъ не убоялся его, не убоялся этой видимой гибели, увѣренный въ своей силѣ, неся въ себѣ убѣжденіе, что онъ не погибнетъ на краю бездны, перейдетъ ее и вступитъ въ сферу, гдѣ можетъ вновь явить

себя, но уже не въ тѣсномъ, ему несоотвѣтственномъ опредѣленіи, а вполнѣ, въ своемъ общемъ, человѣческомъ, всемірномъ значеніи. Ни одинъ народъ не отваживался на такое рѣшительное, совершенное, строгое отрицаніе своей національности, и потому ни одинъ народъ не можетъ имѣть такого общаго, всемірно-человѣческаго значенія, какъ Русской. Такой смыслъ имѣетъ въ общемъ развитіи Петербургскій періодъ. Но если Петербургъ развилъ только внѣшнюю сторону дѣла Петрова, то Москва, на время устраненный, но въ сущности всегда истинный центръ Россіи, — Москва, отвлеченная вмѣстѣ съ жизненною стихіею, съ субстанціею Русскаго народа, — Москва, не оставившая народъ въ опалѣ и раздѣлившая ее съ нимъ, — Москва приняла въ себя духъ его дѣла и развила внутреннюю, существенную, безсмертную сторону его подвига; въ нее проникло просвѣщеніе, въ ней совершается умственная дѣятельность мысли. Наступило время, когда, послѣ необходимыхъ уклоненій, имѣющихъ историческое значеніе, дѣло Петра получаетъ свою великую дѣйствительность, когда проходитъ отвлеченный періодъ отрицанія для мысли покрайней мѣрѣ, когда вновь возникаетъ Русской духъ, пока еще въ наукѣ, свободный отъ своей исключительности, съ своимъ всемірнымъ общимъ значеніемъ; когда для насъ открывается, еще внутренно, въ самомъ началѣ, великая сфера, — о которой мы сейчасъ говорили, и еще подробнѣе прежде, — сфера, гдѣ народъ живетъ полною жизнію, гдѣ онъ исполняется содержаніемъ общимъ, исполняется самобытно, и слѣдовательно остается собою и тѣмъ выше становится, какъ народъ, тѣмъ выше его національность, но не исключительная уже, а въ общемъ значеніи находящая смыслъ свой. И такъ возвращеніе къ себѣ необходимо. Никакой искуственный разукрашенный образъ жизни не замѣняетъ живаго органическаго начала, какъ сдѣланное красивое дерево никогда не замѣнитъ живаго растенія. Элементы

именно народа, его жизненныя силы, способы его существованія, однимъ словомъ, вся его субстанція здѣсь самобытно, вполнѣ развивается и находитъ свое полное оправданіе, полное значеніе въ общемъ значеніи. Всѣмъ явленіямъ народной жизни возвращаются права, въ это время, время разумнаго признанія, разумнаго оправданія, полной народности. Оно наступаетъ; о немъ говорили мы въ самомъ началѣ нашего разсужденія. Въ эту высшую сферу открываетъ намъ путь Петръ Великій, въ лицѣ котораго совершилось освобожденіе, освободился индивидуумъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушилось опредѣленіе исключительной національности и общее значеніе стало доступно, открылось народу. Таково, думаемъ мы, значеніе Петра въ Исторіи Россіи, которое мы старались опредѣлить.

Во весь періодъ исключительной національности Русскаго народа, поэзія была на степени національныхъ пѣсенъ; вся-же духовная жизнь, общее, недоступное тогда народу, таилась въ области языка церковно-Славянскаго. Но этотъ періодъ кончился; исключительное опредѣленіе націи пало, и передъ народомъ открылась новая жизнь; вмѣстѣ съ движеніемъ народа, съ освобожденіемъ его отъ оковъ національности, должна была и поэзія перейдти изъ тѣсной сферы національныхъ пѣсенъ въ другую, высшую, въ сферу литтературы и идя путемъ своего историческаго развитія, въ которомъ она осуществляется, выразить то, что лежитъ въ существѣ ея, что составляетъ развитіе самой поэзіи, — отъ особности перейдти къ единичности. Мы считаемъ ненужными здѣсь дальнѣйшія объясненія, ибо выше было объ этомъ говорено подробнѣе. Но Петръ, уничтоживъ національную сферу и переведя народъ въ

другую, не могъ сдѣлать того для поэзіи. Это не могло зависить отъ его дѣятельныхъ рукъ. Уничтоживъ изключительную національность народа, онъ давалъ съ этимъ возможность его поэзіи развиться, перейдти на другую степень, или лучше это было необходимымъ слѣдствіемъ его великаго дѣла, но не онъ самъ могъ произвести это.

Народъ былъ освобожденъ отъ сферы національности; поэзія, бывшая вѣрнымъ отраженіемъ его только жизни, не могшая уже быть тѣмъ,—поэзія немогущая вмѣстѣ съ тѣмъ уже сохранить въ чистотѣ всю ту форму національной пѣсни, ложную въ своемъ изключительномъ притязаніи,—поэзія, лишившаяся своей прежней жизни, должна была ожить къ новой прекрасной жизни, для полнаго своего развитія. Но не внѣшняя сила могла перенести ее въ эту сферу; въ ней самой должна была возникнуть новая дѣятельность; изъ нѣдръ ея самой долженъ былъ явиться новый геній, перенесшій ее въ новую область. Здѣсь долженъ былъ возстать индивидуумъ, поглощаемый до сихъ поръ изключительно національною сферою поэзіи, выражавшею народъ, какъ націю, гдѣ индивидуумъ имѣлъ по стольку значенія, по скольку онъ нація; долженъ былъ возникнуть индивидуумъ въ сферѣ поэзіи, съ именемъ,—авторъ, поэтъ; долженъ былъ явиться геній, съ которымъ совершилось-бы это освобожденіе, геній, для новаго великаго момента въ исторіи поэзіи. Онъ долженъ былъ прекратить сферу національныхъ пѣсенъ, не уничтожая, а возвышая тѣмъ народъ, ввести поэзію въ новую область, опредѣленную выше, дать ей общее содержаніе и вмѣстѣ освободить каждое произведеніе, которое получаетъ уже отдѣльное для себя значеніе,—однимъ словомъ окончить, разрѣшить періодъ, уже потерявшій

свою дѣйствительность — періодъ національной пѣсни, и начать новый періодъ — литературы. Индивидуумъ долженъ былъ возникнуть въ сферѣ поэзіи. Этотъ индивидуумъ, этотъ геній былъ — Ломоносовъ.

И такъ вотъ его мѣсто въ исторіи Русской литературы; вотъ великое его въ ней значеніе, какъ момента. Онъ кончилъ періодъ національныхъ пѣсенъ и началъ новый періодъ, ввелъ въ новую сферу поэзіи. Ломоносовъ былъ авторъ, лице индивидуальное въ поэзіи, первый возставшій, какъ лице изъ этаго міра національныхъ пѣсенъ, въ общемъ національномъ характерѣ поглощавшихъ индивидуума; онъ былъ освободившійся индивидуумъ въ поэтическомъ мірѣ; съ него началась новая полная сфера поэзіи, собственно такъ называемая литература: этотъ подвигъ ему принадлежитъ.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что Кантемиръ былъ прежде Ломоносова, но Кантемиръ не имѣлъ никакого значенія; онъ ни сколько не вытекаетъ изъ исторіи нашей литературы, на которую онъ и не имѣлъ вліянія. Что-же касается до того, что онъ является съ именемъ, то мы уже упомянули, что извѣстность имени еще ничего не значитъ, и можетъ произойдти случайно отъ внѣшнихъ причинъ; надобно, чтобы имя было не *на* произведеніи, но *въ* произведеніи, если будетъ понятно такое выраженіе. Здѣсь мы можемъ сказать, что произведенія принадлежали Кантемиру, но въ отношеніи поэтическомъ мы не видимъ ихъ запечатлѣнными его личностью, его, какъ автора. Кантемиръ былъ острый человѣкъ, что выражается въ его сочиненіяхъ, и больше ничего; онъ былъ человѣкъ посторонній въ нашей литературѣ; дѣятельность

его въ ней не была дѣйствительна. Самое то, что онъ извѣстенъ, какъ сатирикъ, свидѣтельствуетъ его отрицательное отношеніе къ Русской литературѣ. Во время Петра Великаго, время сокрушенія стараго, могло возникнуть такое направленіе, одностороннее и не животворное, порожденное одною стороною великаго дѣла.— И такъ о Контемирѣ больше говорить не будемъ; острота его нравилась Ѳеофану Прокоповичу, который, можетъ быть, былъ наклоненъ нѣсколько и самъ къ сатирическому насмѣшливому направленію, — и онъ написалъ къ нему посланіе, начинающееся:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый!

Что касается до новыхъ формъ поэзіи, то не здѣсь находимъ мы осуществляющимся значеніе Ломоносова, не смотримъ на него какъ на перваго ихъ вводителя; онѣ извѣстны были и до него. Кантемиръ писалъ сатиры и оды. Драмы, конечно въ самомъ грубомъ ихъ видѣ, мы находимъ еще прежде у Симеона Полоцкаго, у Св. Димитрія Ростовскаго; сама Царевна Софія Алексѣевна была драматическою писательницею. Къ намъ пришло это вмѣстѣ съ чужеземнымъ католическимъ направленіемъ съ юга изъ Кіева, гдѣ всякой выходящій изъ Академіи долженъ былъ написать драму; мы знаемъ, что и Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій не избѣжали этой участи. Такъ формы поэзіи, формы внѣ національной пѣсни, были извѣстны намъ и до Ломоносова; но онѣ были извѣстны только съ своей внѣшней стороны; всѣ эти произведенія поэзіи уже не національной, но поэзіи литературной, существовали у-насъ только *по формѣ*, что еще ничего не значитъ; все это было только свидѣтельствомъ того, что національная сфера поэзіи не могла уже обнимать всего, не была уже дѣйствительностью и

должна была разрѣшиться, чтобы перейдти къ новой сферѣ, что, слѣдовательно, возникала потребность новой жизни; это совершалось въ то время — послѣднее время до Петра — и въ Государствѣ, о чемъ говорили мы выше. Наконецъ явился Ломоносовъ и вмѣстѣ съ нимъ начался у насъ новый періодъ поэзіи; на національныхъ пѣсняхъ воздвиглась собственно такъ называемая литература.

Мы опредѣлили значеніе Ломоносова какъ момента, момента въ самомъ себѣ, in abstracto; моментъ, будучи самъ въ себѣ дѣйствительнымъ, необходимо переходитъ въ жизнь, осуществляется. Какъ-же осуществляется этотъ моментъ?

II.

Наше вниманіе должно быть обращено на самое осуществленіе момента вообще и именно осуществленіе момента въ искусствѣ.

Общее, и именно искусство какъ общее, мы сказали уже, не остается таковымъ, но переходитъ въ дѣйствительность для того, чтобы проявиться. Когда искусство, изъ отвлеченнаго собственнымъ необходимымъ движеніемъ, переходитъ въ дѣйствительность, стремясь къ своему проявленію, оно опредѣляется, согласно съ внутреннимъ его развитіемъ и въ то-же время созидаетъ образъ, вполнѣ соотвѣтствующій его опредѣленію и переводящій его во внѣ. Этотъ образъ является непосредственно, конкретнымъ, возникаетъ на отдѣльномъ чувственномъ предметѣ, который теряетъ тогда свое отдѣльное значеніе, какъ предметъ, и становится матеріаломъ; искусство, избирая матеріалъ, находитъ его сообразнымъ съ своимъ требованіемъ; онъ относится здѣсь по стольку, по скольку онъ удобенъ для воплощенія сущности искусства. Такъ архитектура беретъ многоразличную массу, удобную для ея проявленія; такъ скульптура беретъ бѣлый мраморъ, живопись — краски, музыка — звукъ, поэзія — слово; всюду матеріалъ теряетъ значеніе *самъ для*

себя. Искусство выражается въ немъ, но это ни сколько не значитъ, чтобы матеріалъ, который избираетъ оно какъ матеріалъ только, самъ по себѣ уже, какъ нѣчто отдѣльное, заключалъ его въ себѣ; не таково его отношеніе къ нему. Мраморъ, неорганическая громада, еще ни сколько не скульптура, удостоивающая брать его своимъ матеріаломъ только; и не все то, что произведено изъ мрамора, есть произведеніе скульптуры; все зависитъ отъ того, чей молотъ застучитъ по его крѣпкой поверхности: молотъ-ли ремесленника или художника. Только при опредѣленіи, получаемомъ чрезъ искусство, вмѣщаетъ матеріалъ его въ себѣ; это опредѣленіе исторгаетъ его, освобождаетъ его отъ массы, вся тяжесть, вся недвижность, вся случайность отпадаетъ отъ него, и онъ, переставая быть матеріаломъ по себѣ, какъ скоро коснется до него искусство, становится соразмѣрнымъ, вольнымъ его выраженіемъ:

.... bringt bis in der Schönheit Sphäre,
Und im Staube bleibt die Schwere
Mit dem Stoff, den sie beherrscht, zurück.
Nicht der Masse qualvoll abgerungen,
Schlank und leicht, wie aus dem Nichts entsprungen,
Steht das Bild vor dem entzückten Blick: *

То, что сказали мы, думаемъ, слишкомъ понятно; но надобно замѣтить, что выборъ матеріала не произволенъ. Искусство, въ которомъ лежитъ глубокое, полное конкретированіе, въ непосредственномъ образѣ, неравнодушно къ своему матеріалу. Мы видимъ тайное сочувствіе между имъ, на всѣхъ ступеняхъ его, и матеріаломъ имъ избираемымъ; нельзя вмѣстѣ здѣсь не замѣтить, что въ послѣдовательномъ ходѣ искусства, въ формахъ его одной за другою, связь его съ матеріаломъ становится тѣснѣе. Всего менѣе

* Schillerts sämmtliche Werke. Das Ideal und das Leben, т. 1, 1838 г. Stuttgart und Tübingen, стр. 344 — 345.

видно это сочувствіе въ архитектурѣ. Архитектура еще почти равнодушна въ красотѣ своей къ качеству массы, являющей ея изящныя очертанія. Въ скульптурѣ мы не видимъ уже того равнодушія къ матеріалу, — камень самъ участвуетъ въ торжествѣ ея; она выбрала его для своего выраженія, и крѣпость, и цвѣтъ мрамора, и качество самой массы нужны ей; но связь все еще слаба; скульптура можетъ и не только въ мраморѣ явить свой образъ; не поэзію этого камня она выражаетъ; матеріалъ самъ собственно изчезаетъ въ статуѣ, гдѣ предстаетъ скульптура, являя въ твердой бѣлизнѣ только, идею своей красоты. Въ живописи, искусствѣ романтическомъ, видимъ мы уже другое, видимъ живое отношеніе матеріала, красокъ, къ искусству; матеріалъ одухотворяется, и вопросъ его становится вмѣстѣ и вопросомъ искусства; мы видимъ, какъ искусство любитъ свой матеріалъ и какъ тѣсно уже связуетъ его съ собою; какъ яркость краски уже, колоритъ, имѣетъ здѣсь мѣсто и значеніе, хотя и здѣсь еще не до полной степени возросло сочувствіе; не только краска, но и простой очеркъ и силуетъ и бѣлая вырѣзанная бумага удерживаютъ хотя бѣдно рисунокъ, основную часть живописи. Вмѣстѣ съ этимъ возрастающимъ сочувствіемъ искусства съ его матеріаломъ видимъ мы, какъ и физическое дѣйствіе руки человѣческой для искусства облегчается мало по малу: меньше надобно тяжкихъ матеріальныхъ усилій. Толпа, необходимая для зодчества, скрывается; выходитъ человѣкъ съ уединеннымъ трудомъ; многоразличныя орудія архитектуры: тяжелый воротъ и отвѣсъ, замѣняются рѣзцомъ и молотомъ; наконецъ и вмѣсто нихъ въ облегченной рукѣ человѣка явилась кисть. Напряженіе всѣхъ силъ, сопровождаемое необходимо разнообразнымъ громомъ и шумомъ, замѣнилъ ударъ и однообразный стукъ желѣза о камень; наконецъ изчезъ и ударъ и стукъ умолкнулъ, когда натянулось полотно и стали на него ложиться краски. Изъ тишины живописи вновь возникаетъ звукъ, уже не внѣшній, а внутренній.

Музыка представляетъ намъ уже во всей силѣ сочувствіе искусства съ матеріаломъ, и идея музыки такъ сильно связана съ звукомъ, что она какъ-бы хотѣла передать намъ тайну красоты самаго звука, внести въ него поэзію, такъ что ее почти можно назвать поэзіею звука. До сихъ поръ внѣшнимъ образомъ обработывала свой предметъ рука человѣка; между ею и произведеніемъ былъ болѣе или менѣе посредникъ, рѣзецъ, кисть; но здѣсь, свободная отъ всего, рука человѣка сама касается струнъ, посредственно или непосредственно, становится органомъ; сама производитъ, сама дѣйствительно участвуетъ въ красотѣ произвожденія, и произведеніемъ становится самое произвожденіе: таковъ характеръ звука и музыки (*). Но здѣсь, не смотря на эту полную связь, видимъ мы матеріалъ, звукъ, еще внѣшнимъ искусству, одухотворяющимся тогда, когда касается его человѣкъ въ художественной дѣятельности; звукъ взятъ еще изъ внѣшняго, изъ міра природы: тамъ еще его родина. Поэзія являетъ полное одухотвореніе матеріала; слово, матеріалъ ея, есть весь произведеніе человѣческаго духа; природа никогда не могла дойдти до матеріальной основы его, до буквы. Но этотъ матеріалъ, слово, отразившее въ себѣ все, уравнявшись, т. е., съ духомъ, не требуетъ уже, какъ матеріалъ, себѣ разрѣшенія въ поэзіи, которая однако въ то-же время сохраняетъ съ нимъ полнѣйшее внутреннее сочувствіе; ибо слово все проникнуто духомъ: законы одного и того-же духа ихъ породили. Слово само по себѣ есть цѣлый міръ, но оно совершенно соединено и находится въ полномъ сочувствіи съ искусствомъ, и какъ красота, получаетъ свое полное оправданіе и разрѣшеніе въ поэзіи, воплощающей въ немъ свое глубокое абсолютное содержаніе. И такъ самое полное сочувствіе съ матеріаломъ видимъ мы въ поэзіи: ибо слово есть само созданіе то-

(*) Надо вспомнить, что мы здѣсь не опредѣляемъ формъ искусствъ; онѣ имѣютъ полное опредѣленіе; здѣсь ограничиваемся мы отношеніемъ ихъ къ матеріалу.

го творящаго духа, проявляющагося во всякой степени искусства вообще; но слово въ то-же время есть цѣлый міръ, и по этому связь его не такъ тѣсна, какъ въ музыкѣ; оно самобытно т. с. сочувствуетъ съ поэзіею, сочувствуетъ съ нею, какъ часть, какъ красота, но не изчерпываясь ею, а распростираясь въ то-же время надъ всѣмъ міромъ, вполнѣ въ немъ отражаемымъ Физическая трудность, облегченная въ музыкѣ, еще облегчается; рука не трудится; произношеніе здѣсь единственный трудъ. Хотя въ музыкѣ между рукой и звукомъ ничего не было, хотя рука сама была участвующимъ органомъ произведенія; но рука все-таки внѣшній органъ, приводившій въ движеніе внѣшній предметъ и тѣмъ самымъ посредствомъ доказывала, что онъ внѣшній. Здѣсь уже совсѣмъ не нужна рука; изъ устъ раздается поэзія; здѣсь человѣкъ откинулъ уже внѣшнее; здѣсь возвѣщаетъ самъ человѣкъ; извнутри, изъ груди его является самое полное, великое, совершенное произведеніе его; матеріалъ принадлежитъ также ему вполнѣ. Такое отношеніе опредѣленныхъ искусствъ къ своему матеріалу лежитъ уже въ существѣ самихъ искусствъ; но мы не станемъ говорить о томъ болѣе, полагая, что это не входитъ уже въ предѣлы нашего разсужденія; сказанное-же нами для насъ нужно и надѣемся разовьется еще въ послѣдствіи.

И такъ искусство изъ отвлеченнаго общаго переходя въ міръ явленій, осуществляясь, принимаетъ возникающій изъ его существа опредѣленный образъ; этотъ образъ заключаетъ въ себѣ искусство со всѣми его судьбами; этотъ образъ есть та среда, въ которой искусство являетъ весь ходъ своего развитія, не только тѣ моменты, когда выражается прекрасное содержаніе искусства, но и тѣ, когда является его возниканіе, переходъ, изкаженіе, упадокъ, — среда, которая выражаетъ и то положеніе, когда нѣтъ искусства, такъ, что мы знаемъ чего нѣтъ, что отсутствуетъ: слѣдовательно здѣсь искусство присутствуетъ и въ своемъ отсутствіи. И такъ, этотъ образъ, эта среда, въ которой

являетъ искусство всѣ свои моменты, и моменты вполнѣ выражающіе его сами по себѣ, и моменты чисто историческіе, моменты необходимые въ его развитіи, однимъ словомъ, гдѣ искусство выражаетъ все необходимое свое историческое движеніе,—этотъ образъ, эта среда есть *стиль*.—Мы говорили уже выше о значеніи стиля въ началѣ разсужденія при раздѣленіи. Но повторимъ здѣсь отчасти сказанное и прибавимъ нѣсколько словъ, дополняющихъ наше опредѣленіе стиля. Въ немъ видимъ мы то, что̀ собственно остается въ матеріалѣ отъ искусства, видимъ мы то соприкосновеніе, въ которое идея искусства, еще отвлеченная, пришла съ матеріаломъ, и явился опредѣленный образъ; здѣсь видимъ мы, что искусство какъ будто очистило себѣ мѣсто, опредѣлило сферу, въ которой станетъ развиваться, сферу ей всегда принадлежащую, и въ ту минуту, когда внутренній смыслъ, духъ красоты искусства, ее оставляетъ,—сферу ей всегда вѣрную; здѣсь-то воплощаетъ оно всѣ свои моменты, какъ-бы ни были, если взять отвлеченно, противны они существу самаго искусства; это воплощеніе въ образѣ данномъ на матеріалѣ себѣ искусствомъ, образѣ всегда ему принадлежащемъ, и есть *стиль*. Мы еще болѣе уяснимъ и придадимъ общее крѣпкое опредѣленіе стилю, если скажемъ, что онъ возникаетъ на степени особности; въ немъ видимъ мы тотъ отдѣльный образъ, который получаетъ искусство на этой степени, образъ ему вполнѣ соотвѣтствующій, но еще подъ опредѣленіемъ особности, еще не заключающій существа искусства, которое здѣсь въ моментѣ особности отрицается, какъ искусство, и которое только на степени единичности является вновь и вполнѣ. Стиль выдается тогда именно, когда является періодъ искусства, не выражающій искусства собственно.

При всякомъ опредѣленномъ искусствѣ необходимо находится стиль, какъ необходимое присущее его опредѣленіе, какъ необходимая среда, въ которой совершаетъ оно

все свое историческое развитіе. Стиль является и въ поэзіи разумѣется. Этотъ стиль есть *слогъ*; здѣсь придаемъ мы ему вѣроятно другое значеніе, не то, которое придавалось ему прежде; но если можетъ быть тутъ споръ, то споръ будетъ о словахъ. *Слогъ* понимаемъ мы, какъ *стиль* въ поэзіи на матеріалѣ слова, матеріалѣ необходимо избираемомъ поэзіею для своего воплощенія. И такъ всякой моментъ поэзіи. осуществляясь въ словѣ, какъ въ матеріалѣ, долженъ явиться въ слогѣ, въ стилѣ, связывающемъ его съ матеріаломъ,—образъ, который получается на матеріалѣ. Это опредѣленіе необходимо; слогъ также, какъ стиль вообще, заключаетъ въ себѣ все развитіе поэзіи, въ то-же время и тѣ моменты, въ которыхъ отсутствуетъ она, и когда онъ преимущественно выдается, моменты, чисто историческіе; слогъ,—но не слово, ибо слово, какъ слово, не заключаетъ въ себѣ поэзіи, не принадлежитъ даже къ ея сферѣ. По самобытности своей, слово даже свободнѣе въ этомъ отношеніи другихъ матеріаловъ въ другихъ опредѣленныхъ искусствахъ. И такъ всякой историческій моментъ поэзіи, являющейся, при переходѣ въ дѣйствительность, въ исторической совокупности отдѣльныхъ произведеній, другими словами являющейся, какъ литтература — всякой моментъ поэзіи, историческій-ли только, или моментъ высказывающій существо поэзіи, осуществляясь, долженъ явиться въ слогѣ; разница въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ слогъ не заключаетъ въ себѣ, не изчерпываетъ значенія момента. Думаемъ, что это довольно понятно, и не нужно болѣе объяснять. И такъ опредѣливъ Ломоносова, какъ моментъ вообще, мы должны видѣть, какъ осуществляется этотъ моментъ, какъ переходитъ онъ изъ отвлеченно полнаго въ дѣйствительно полный моментъ; и такъ какъ Ломоносовъ есть моментъ литтературы, то слѣдовательно, мы должны видѣть какъ осуществляется этотъ моментъ въ слогѣ, стилѣ поэзіи, необходимой средѣ, въ которой совершается ея развитіе. Есть-ли Ломоносовъ

моментъ чисто историческій, только въ слогѣ имѣющій значеніе, или выразилось въ немъ и существо поэзіи? Это увидимъ мы впослѣдствіи. И такъ нашъ вопросъ теперь есть: какъ моментъ, выражаемый Ломоносовымъ, моментъ литтературы, осуществляется,—и слѣдовательно, осуществляется въ слогѣ? — Вотъ предметъ второй части нашего разсужденія. Или, говоря обыкновеннымъ выраженіемъ: какое значеніе имѣетъ Ломоносовъ въ языкѣ, слогѣ? Все развитіе, все историческое движеніе, сообразно съ вышесказаннымъ, осуществляется въ слогѣ. Прослѣдя развитіе литтературы у насъ вообще и опредѣливъ значеніе Ломоносова, мы должны прослѣдить это развитіе въ его осуществленіи, въ слогѣ и слѣдовательно опредѣлить значеніе Ломоносова въ осуществленіи, въ слогѣ (*).

Первый моментъ литтературы, совпадающей съ развитіемъ народа,—поэзія подъ исключительно національнымъ опредѣленіемъ — народныя пѣсни; это мы уже видѣли. Пѣсни поются на языкѣ чисто народномъ, на языкѣ вполнѣ запечатлѣнномъ всею физіогноміею, всею силою и исключительностію національности; здѣсь языкъ самъ не вышелъ за предѣлы этого необходимо-тѣснаго опредѣленія, и это и составляетъ характеристику слога пѣсенъ; онъ является въ нихъ со всѣми національными, характеристическими оборотами, со всѣми простонародными фразами, поговорками и словами; вся эта сила народной субстанціи, подъ такимъ твердымъ опредѣленіемъ національности, со всею, если можно такъ сказать, своею грубостью, энергически высказывается въ языкѣ пѣсенъ, слогѣ, являющемъ намъ языкъ исключительно народный, имѣющій на себѣ,

(*) Предпринимая прослѣдить историческое движеніе нашей литтературы въ слогѣ, мы не думаемъ писать исторію языка и именно языка Русскаго. Это была-бы другая задача; мы уже отдѣлили *языкъ*, *слово* отъ *слога* (см. выше); но такъ какъ матеріалъ поэзіи есть матеріалъ того-же человѣческаго духа и такъ какъ онъ здѣсь находится въ высшемъ сродствѣ съ искусствомъ, поэзіею, то исторія самаго языка соединена съ исторіею слога.

какъ языкъ, исключительное національное опредѣленіе соотвѣтственно съ народомъ, и слѣдовательно вполнѣ выражающій національную его поэзію. То самое, что мы сказали о національной поэзіи, то самое должны мы сказать и о языкѣ въ слогѣ пѣсенъ, о языкѣ народномъ. И та крѣпость, та печать силы, которая лежитъ на цѣльной національной субстанціи, лежитъ и на языкѣ его, на слогѣ его поэзіи, слогѣ пѣсенъ. Энергія этой національности составляетъ характеристику слога поэзіи національныхъ пѣсенъ. Какъ могучь и крѣпокъ здѣсь языкъ, какое сочувствіе пробуждаютъ эти простыя фразы, въ которыхъ слышите вы еще цѣльный юный духъ народа, слышите, какъ выражается онъ въ словѣ, которое дрожитъ, такъ сказать, все полное внутреннимъ своимъ содержаніемъ. Не мимо здѣсь бываетъ ни одно слово; лишняго слова, неточнаго — здѣсь нѣтъ: нація, цѣльная субстанція не ошибается, а опредѣленіе ея вполнѣ конкретируется въ языкѣ, и поэзія ея конкретируется въ слогѣ, который исключительно національнъ; по этому и языкъ этотъ здѣсь чрезвычайно важенъ, вообще для уразумѣнія языка всякаго народа, какъ относительно его сущности, здѣсь выражающейся, такъ и его историческаго развитія. И такъ слогъ нашихъ пѣсенъ исключительно національнъ, представляя въ высшей степени характеристику языка подъ исключительно національнымъ опредѣленіемъ; всѣ обороты, фразы проникнуты имъ. Такой языкъ, такія фразы, являя намъ непосредственно цѣлую сферу, моментъ духа народнаго, возбуждаютъ въ высшей степени національное сочувствіе; формы этого слога, совершенно проникнутыя единымъ духомъ, запечатлѣны вмѣстѣ этою народною субстанціею, являющеюся здѣсь еще цѣльною. Всѣ оттѣнки, вся особность, словомъ сказать, вся національность языка, если такъ выразиться, являлась здѣсь со всѣмъ своимъ исторически-важнымъ, глубокимъ значеніемъ. Здѣсь эти свои обороты, эти непереводимыя фразы, такъ доступныя вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго Русскаго; обо-

роты, свойства языка, которые очень важны, до сихъ поръ еще не объяснены и ждутъ еще живаго ученаго взора. Сколько такихъ выраженій, на которыхъ отпечатывается вся національность языка въ слогѣ нашихъ пѣсенъ. Напр:

Не много съ Дюкомъ живота пошло,
Что куякъ и панцырь чиста золота.

или:

Что гой еси ты, любимой мой зятюшко,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь,
Что нѣту де во Кіевѣ такого стрѣльца....

или наконецъ:

Высота-ли высота поднебесная,
Глубота-ли глубота океанъ море
Широко раздолье по всей землѣ (*).

и проч.

Любуясь свободно этимъ національнымъ міромъ, такъ живо выражающимся въ самомъ слогѣ языка, мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ здѣсь только моментъ языка, первую ступень, опредѣленіе, отъ котораго онъ долженъ отрѣшиться, чтобы потомъ вмѣстѣ съ народомъ, въ которомъ пробудится общее значеніе, стать выраженіемъ общаго, — на этой ступени, при изключительно національномъ опредѣленіи, ему недоступнаго.

Мы сказали уже, что въ періодъ національности нашего народа внесено было къ намъ Христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ то общее, которое еще недоступно при опредѣленіи особности, національности. Народъ Русской, при тогдашнемъ такомъ своемъ опредѣленіи, не могъ постигнуть общаго, даннаго ему въ религіи, и языкъ Русской опредѣленный также, т. е. одинаково съ народомъ, не

(*) См. Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. М. 1818, стр. 23, 98, 1.

могъ быть соразмѣрнымъ живымъ органомъ общаго И такъ все христіанское содержаніе выразилось на другомъ, соотвѣтствующемъ ему языкѣ, на языкѣ церковно-Славянскомъ, языкѣ родственномъ, но не языкѣ народа. Вмѣстѣ съ христіанствомъ внесенъ былъ къ намъ и этотъ церковно-Славянскій языкъ, отвлеченно хранящій отвлеченное общее, еще недоступное народу. Такъ видимъ мы, какъ конкретируется здѣсь ощутительно историческая задача. Съ одной стороны народъ, съ своимъ изключительно національнымъ опредѣленіемъ, съ своими пѣснями, и вмѣстѣ его народный, то-же изключительно національный языкъ; съ другой стороны общее, данное въ религіи народу, общее, не стѣсненное національностью, и потому его еще непроникающее, ему недоступное, отвлеченно ему являющееся, и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ церковно-Славянскій, вполнѣ ему соотвѣтствующій, языкъ не народный, но понятный ему (иначе-бы общее было просто незнаемо, *игнорировано* народомъ), языкъ чуждый текущей жизни, оторванный отъ всего случайнаго: онъ весь проникся вѣчнымъ истиннымъ содержаніемъ; сокровище религіи хранилось за его оградою. Народъ благоговѣлъ и молился, внимая звукамъ языка ему понятнаго, но не подвластнаго ему, постигая религію истинно, но столько, сколько могъ постигнуть тогда при своемъ опредѣленіи, и, вѣрный ему, пѣлъ онъ свои пѣсни на своемъ живомъ народномъ языкѣ. И такъ мы видимъ съ одной стороны національность народа и его національно опредѣленный языкъ; съ другой великое общее, данное ему при крещеніи, въ христіанской религіи, и языкъ церковно-Славянскій, вполнѣ соотвѣственно выражающій общее и сохраняющій его среди толпы въ его отвлеченности, самъ отвлеченный и недоступный.

Здѣсь разница слога есть вмѣстѣ разница языковъ.

И такъ вотъ два слога и вмѣстѣ два языка, которые встрѣчаемъ мы современно въ началѣ исторіи нашей литературы, соотвѣтственно съ закономъ развитія.

Взглянемъ ближе на эти языки, на кругъ ихъ письменности, который легко опредѣлить сообразно съ сказаннымъ нами выше.

На языкѣ церковномъ выразилось все религіозное содержаніе, на немъ вся религіозная письменность. На немъ были писаны Евангеліе и другія священныя книги; на немъ совершалось богослуженіе; писанія святыхъ отцевъ, благочестивыя поученія, размышленія были на немъ-же. Словомъ сказать, все, что входило въ область церкви, на немъ находило себѣ выраженіе. Сверхъ того, отшельники и монахи изъ тишины монастырей, взирая на дѣла міра сего, съ шумомъ мимо ихъ текущія, описывали ихъ неполненные благочестивыхъ размышленій. Созерцаніе, столько имъ свойственное, созерцаніе мірской жизни, преданной волненіямъ, являющей на себѣ милость и гнѣвъ Божій, побуждало ихъ къ изображенію того, что совершалось передъ ними, чему они были молчаливыми свидѣтелями. Дѣла міра сего переносились на бумагу; въ нихъ не было кипѣнія и шума, сопровождавшаго ихъ въ ихъ дѣйствительности, не видно было живаго сочувствія участника,—нѣтъ, созерцаемыя благоговѣйно отшельниками и подвижниками церкви, они передавались спокойно и тихо. Естественно, что входя такимъ образомъ въ міръ религіознаго созерцанія, проникнутые духомъ церкви, лѣтописи писались на языкѣ церковно-Славянскомъ. Иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь, языкъ, на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая Формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе. Это религіозное созерцаніе было почти единственнымъ, обыкновеннымъ отношеніемъ нашихъ монаховъ и духовныхъ въ дѣлахъ міра сего. Но иногда, взирая на беззаконія или бѣдствія людскія, церковь возвышала наставительный или ободрительный голосъ свой, и онъ, всегда священный, какъ голосъ самой церкви, раздавался на томъ-же языкѣ, обреченномъ служенію вѣчному.

Бесѣды, посланія духовныхъ писались на Славянскомъ-же языкѣ и имѣли то-же значеніе. Напр: посланія Никифора Митрополита къ Владиміру Мономаху; посланіе, необыкновенно умилительное, Симона Епископа Суздальскаго къ Поликарпу; посланіе Россійскаго Духовенства къ Князю Димитрію Углицкому и др. И люди свѣтскіе, какъ упомянули мы выше, также вступали въ эту область духовной жизни, совлекаясь всего преходящаго и бреннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ общее было недоступно сферѣ народа, сферѣ національности, отрѣшались отъ народнаго слова, облекая тогда и рѣчь свою въ формы языка церковно-Славянскаго. Примѣромъ можетъ быть поученіе Владиміра Мономаха, посланія Василія Васильевича Темнаго, также переписка Іоанна съ Княземъ Курбскимъ и пр. Хотя причина переписки послѣднихъ свѣтская и до нихъ лично касающаяся, но они хотятъ возвести свои упреки въ другую область, въ сферу высшую, истинную, стараясь подкрѣпить слова свои священными текстами. Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше и, надѣемся, объяснили это. И такъ вотъ гдѣ являлся языкъ церковно-Славянскій, вотъ кругъ его письменности: все, что только касалось общей, религіозной сферы, все принимало формы языка церковно-Славянскаго.

Первое выраженіе языка народнаго есть разговоръ, рѣчь живая; тамъ, гдѣ языкъ является въ области случайности, слѣдовательно, гдѣ, раздаваясь мгновенно, со всею живостью настоящей мимолетящей минуты, онъ не оставляетъ слѣдовъ и изчезаетъ вмѣстѣ съ нею. Но не вся народная жизнь изчерпывается разговоромъ и по этому не вся, раздавшись, умолкла въ отдаленіи времени; самый разговоръ, такъ сказать, замѣчался въ частяхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, вмѣстившихъ въ себѣ существенный взглядъ народа, отрывался отъ случайности и хранился въ народной памяти, снабжая и опредѣляя разговоръ, проникая его ду-

хомъ народа, давая прочность рѣчи. Такимъ образомъ явились и уцѣлѣли, проходя изустно много лѣтъ, вѣковъ даже, сберегаясь во всей точности, (ибо слово вполнѣ соотвѣтствовало внутреннему содержанію, вполнѣ выражало мысль народа и было совершеннымъ),—народныя выраженія, замѣтки его опытной мудрости, поговорки, пословицы—этотъ разговоръ, какъ разговоръ въ разговорѣ оторванный отъ случайности. Другой характеръ имѣетъ уже разсказъ; по существу своему онъ уже болѣе изъятъ отъ прерываній случайности: онъ одинокъ; это слова, повѣствованіе одного человѣка; и разсказъ отрывается вполнѣ отъ случайности, когда событіе достопамятное или созерцаніе народа въ немъ выражается; онъ повторяется тогда почти не измѣняясь, переходя изъ устъ въ уста; онъ становится *преданіемъ*; самое слово преданіе показываетъ, что онъ передается. Преданія простираются чрезъ пространство и время, также не измѣняясь или почти не измѣняясь; народъ свято повторяетъ ихъ; самыя измѣненія не что иное, какъ варіанты. Но кромѣ всего этого, существенная жизнь народа находитъ себѣ выраженіе въ другой высшей сферѣ, въ поэзіи, сферѣ великой, высказывающей его можетъ быть болѣе, нежели самая политическая его дѣятельность, ибо здѣсь постоянно и свободно безъ внѣшнихъ помѣхъ и затемнѣній высказывается сущность народа и вмѣстѣ то, что онъ долженъ осуществить, хотя-бы современное положеніе и не соотвѣтствовало тому,—его судьба, его будущее.—Въ народныхъ пѣсняхъ высказывается народъ; въ нихъ онъ является со всѣмъ своимъ богатствомъ, во всей своей силѣ; онѣ также изустно повторяются, онѣ поются, и элементъ музыкальный, соединяясь съ поэтическимъ созданіемъ, также высказываетъ духъ народа. Они также простираются надъ пространствомъ и временемъ, какъ все, что дышетъ цѣльною, неразрывною народною жизнію. Сюда можно отнести сказки народныя, какъ то-же поэтическія созданія; рѣдкія изъ нихъ не принимаютъ пѣсенныхъ формъ. Это все міръ

изустнаго слова, живаго глашенія; здѣсь нѣтъ и тѣни начертанной буквы или бумаги, и въ то-же время этотъ міръ изустнаго доказываетъ, что и безъ этой внѣшней помощи пера и бумаги, остаются незыблемыми слова, созданія въ словѣ,—живутъ и сохраняются неизмѣнно и безконечно; но за то здѣсь все, что вырвано изъ преходящаго, все, что помнится и неизмѣняемо сохраняется, уже прекрасно. Письменность въ то-же время имѣетъ свое значеніе, свою область, о чемъ теперь мы не будемъ распространяться. Весь этотъ міръ изустнаго слова находится и у насъ, разумѣется. Но языкъ народный имѣетъ и письменные памятники; онъ употреблялся въ дѣлахъ житейскихъ, и какъ скоро дѣла житейскія, договоры народа, судебныя постановленія и пр. переносились на бумагу,—являлся на бумагу и онъ. На немъ у насъ писались грамоты, договоры, законоположенія и т. п., на немъ также писались письма. И если въ нѣкоторыхъ грамотахъ и вообще въ письменности простаго языка встрѣчаемъ мы выраженія церковно-Славянскія, то также и этотъ простой языкъ находимъ мы прорывающимся въ сочиненіяхъ, писанныхъ на языкѣ церковно-Славянскомъ.

Вотъ слѣдовательно гдѣ и какъ сообразно съ сущностью вещи, въ какихъ памятникахъ литтературы, являются намъ два слога, о которыхъ мы сей-часъ говорили. Языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога, были два разные языка или два разныя нарѣчія, если называть такъ языки одной вѣтви. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсужденіе, какому именно народу Славянскаго племени принадлежалъ языкъ церкви, собственно такъ называемый Славянскимъ, это выходитъ изъ предѣловъ нашего разсужденія, но мы постараемся показать, сколько нужно, различіе его отъ языка Русскаго и тѣмъ утвердить мнѣніе, что это два отдѣльные самобытные языка.

Языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою; это видно съ перваго взгляда и при поверхност-

номъ вниманіи. Но вопросъ въ томъ, была-ли эта разница и въ началѣ, и какая: существенная-ли это разница, или, какъ нѣкоторые думаютъ, Русской языкъ былъ въ древности языкъ церковно-Славянскій, произошелъ отъ него? что̀ такое былъ слѣдовательно Русской языкъ прежде, что такое былъ онъ въ отношеніи къ настоящему, разнился-ли съ нимъ и какъ разнился? Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣчать.

Здѣсь должны мы кинуть общій взглядъ на отношеніе языка церковно-Славянскаго и Русскаго; на различіе не только настоящаго, но и древняго,—различіе существенное,—Русскаго языка отъ церковно-Славянскаго; также на сходство его съ нимъ, которое теперь стало меньше, или измѣнилось, и на отношеніе и различіе древняго Русскаго языка съ нынѣшнимъ, или, другими словами, на историческое движеніе Русскаго языка.

Различіе языка церковно-Славянскаго и Русскаго очевидно при первомъ взглядѣ. Разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на разность этихъ двухъ языковъ; не могли-же слова Русскаго языка, будучи совершенно Рускими и слѣдовательно имѣя корень Славянскій, возникнуть внезапно неизвѣстно откуда, когда сверхъ того были уже въ языкѣ слова совершенно даже однозначительныя (напр: *плечо*, *рамо*; *очи*, *глаза*): они двойственно были всегда въ устахъ Русскаго народа, и это говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Рускіе говорили въ старину по-церковно-Славянски. Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова*, *брада* и *борода*—разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится; достаточно просто

одного очевиднаго признанія этого различія. Что касается до грамматическихъ формъ, то здѣсь отношенія болѣе измѣняемы, болѣе неопредѣленны и потому болѣе подвержены сомнѣнію; здѣсь должны мы уже обратить вниманіе на древній Русской языкъ, предполагая, что историческое развитіе могло измѣнить его живыя, подвижныя формы и слѣдовательно произвесть различіе, прежде не существовавшее. Мы видимъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ особенныя формы склоненій, преимущественно въ множественномъ числѣ; мы видимъ разницу именительнаго и винительнаго (напр. *человѣци* и *человѣкы*), особенное окончаніе дательнаго, творительнаго и предложнаго мужескаго и средняго родовъ въ множественномъ числѣ (*городомъ*, *городѣхъ*), однимъ словомъ разницу множественнаго числа мужескаго и средняго родовъ отъ рода женскаго, тогда какъ въ языкѣ Русскомъ видимъ мы въ множественномъ одну форму склоненія для всѣхъ родовъ, и именно форму женскаго рода церковно-Славянскаго языка,—не говоря о другихъ различіяхъ. Что-же касается до глагола, до этой дѣятельной и важной части рѣчи, открывающей существо языка, то въ спряженіяхъ находимъ мы особенность церковно-Славянскаго языка, именно: прошедшее время безъ вспомогательнаго глагола (*придохъ*), время, котораго нѣтъ въ Русскомъ, ибо его прошедшее, имѣющееся и въ церковно-Славянскомъ языкѣ, не есть собственно время глагола, а отглагольное прилагательное. Въ грамматическомъ отношеніи такая разница очень важна.—И такъ это различіе, существующее нынѣ между Русскимъ и церковно-Славянскимъ языкомъ, существовало-ли и прежде, и всегда?—Мы указали уже на памятники Русскаго языка; ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ, нигдѣ въ памятникахъ настоящаго Русскаго языка, не находимъ мы сходства въ этихъ случаяхъ съ языкомъ церковно-Славянскимъ. Остаются однѣ грамоты. Здѣсь встрѣчаются церковно-Славянскія формы (мы говоримъ о формахъ собственно церковно-Славянскихъ, а не о сходствахъ,

которыя надо отличать, что́ увидимъ ниже); но онѣ вошли сюда по выше изложеннымъ нами причинамъ; грамоты писались дьяками, образованными людьми по тогдашнему и знавшими слѣдовательно языкъ церковно-Славянскій И здѣсь мы найдемъ разные оттѣнки и измѣненія; мы можемъ видѣть, какъ: чѣмъ древнѣе грамота, тѣмъ ощутительнѣе самобытность языка, тѣмъ менѣе славянизмовъ, и въ то-же время, какъ нѣкоторые славянизмы тверже удерживаются прежде и измѣняются въ послѣдствіи, иногда уже въ очень позднѣйшемъ времени. Здѣсь можно поставить нѣкоторое отношеніе различія между грамотами Новогородскими и грамотами Московскими; въ первыхъ нѣсколько болѣе видѣнъ самобытно Русской языкъ, тогда какъ въ Московскихъ нѣсколько болѣе церковно-Славянскаго языка. Различіе впрочемъ весьма малое и почти сомнительное.

Первое, что кладетъ разницу между двумя языками или лучше между намятниками ихъ, есть то, что одинъ былъ языкъ письменный и только письменный, другой былъ языкъ почти только, если не только, разговорный, изустный; письменность его совершенно подчинена его постоянно изустному характеру (мы говоримъ про прежнія времена), что надѣемся видѣть ниже. Это имѣло прямое вліяніе на синтаксисъ. Въ языкѣ церковно-Славянскомъ синтаксисъ явился уже со всѣми своими оборотами, служа выраженіемъ мысли, текущей стройно, тогда какъ съ другой стороны рѣчь народа не могла предсгавить всего синтаксическаго движенія языка, выражая или настоящую случайную минуту, какъ разговоръ, или, какъ тотъ-же разговоръ, но запечатлѣнный въ своихъ правильныхъ избранныхъ оборотахъ, перенесенный въ сферу поэзіи, или также на дѣловую бумагу, выражавшуюся простымъ языкомъ, безъ утонченныхъ хитростей; все это мы надѣемся въ послѣдствіи сказать полнѣе и яснѣе. Но этотъ простой народный языкъ, не возвысившійся еще далѣе изключительно-національнаго слога, далѣе разговора, изустности, не перенесен-

ный еще въ собственную область письменности, всегда долженъ остаться для насъ вѣрнымъ образомъ и мѣриломъ прямаго народнаго духа языка и вмѣстѣ истиннымъ источникомъ его настоящаго письменнаго синтаксиса; важность его несомнѣнна и непреходяща. Что касается собственно до отдѣльныхъ частностей синтаксиса, то управленіе не представляетъ разницы, хотя здѣсь есть то-же спорные пункты; но относительно оборотовъ, послѣдовательности словъ, мы найдемъ противное. Какъ мы сказали уже, тамъ, въ области церковно-Славянскаго языка, синтаксисъ является со всѣми своими измѣненіями; тамъ языкъ, посвященный письму, принадлежащій высшей области духа. Здѣсь на оборотъ, языкъ преимущественно являвшійся въ разговорѣ, въ простыхъ, но прекрасныхъ, чисто національныхъ формахъ своихъ, постоянно носящій характеръ изустности и въ письменности, выразившійся въ пѣсняхъ или въ грамотахъ, разумѣется не могъ дать вполнѣ развиться своему синтаксису, время котораго еще не пришло. Ограничимся здѣсь пока этими словами. И такъ здѣсь разница налагается уже самою судьбою, значеніемъ двухъ языковъ. Вообще-же обороты, встрѣчаемые нами въ этихъ древнихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка, нисколько не противорѣчатъ духу Русскаго языка, за нѣкоторыми исключеніями, или развѣ когда отвлеченное состояніе синтаксиса придавало имъ свой соотвѣтствующій особенный характеръ Въ оборотахъ, въ рѣчи чисто простонародной находимъ мы и теперь сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ И такъ различіе,—при сходствѣ, какъ наречій одного корня, сходствѣ, о которомъ мы не считаемъ за нужное говорить,—и теперь находящееся между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ, видимъ мы и въ древнихъ, письменныхъ и изустныхъ памятникахъ этихъ языковъ. Слѣдовательно Русской языкъ и прежде, какъ и нынѣ, разнился отъ церковно-Славянскаго и былъ всегда языкомъ отдѣльнымъ, самобытнымъ.

*

Съ другой стороны видимъ мы сходство, не находящееся теперь, съ языкомъ церковно-Славянскимъ и вмѣстѣ, слѣдовательно, различіе древняго Русскаго языка отъ нынѣшняго,—сходство, впрочемъ, нисколько не вредящее самобытности Русскаго языка и не измѣняющее его отношенія къ языку церковно-Славянскому. Постараемся опредѣлить это сходство и въ то-же время опредѣлить точнѣе языкъ Русской и церковно-Славянской и этимъ опредѣленіемъ этого ихъ сходства еще вѣрнѣе означить ихъ отношеніе другъ къ другу, и вмѣстѣ самую разницу, которая все остается по прежнему та-же; вмѣстѣ опредѣлимъ древній Русской языкъ въ отношеніи къ настоящему: въ чемъ состояло его различіе?

Языкъ имѣетъ свой первоначальный періодъ, когда лежитъ на немъ отпечатокъ того времени, въ которомъ онъ находится. Его формы еще грубы, его измѣненія неразвиты, слова являются неподвижными массами, въ которыхъ еще спитъ будущее разнообразное движеніе, окончанія почти не измѣняются. Но эта неподвижность, эта грубость и необтесанность слова, не есть свидѣтельство его безжизненности, нѣтъ; — отсюда, изъ этихъ массъ возникнетъ движеніе; эти упорныя окончанія склонятся и геній языка явится во всей полнотѣ, великолѣпіи и разнообразіи.

Въ этомъ-то первомъ періодѣ или въ ближайшемъ къ нему видимъ мы языкъ церковно-Славянскій, который находился въ немъ, когда общее религіозное содержаніе его исполнило и освободивъ отъ случайности, отъ преходящаго, устранило отъ всякаго измѣненія, неразлучнаго съ преходящимъ и чуждаго вѣчному; на этой ступени (какъ-бы ни опредѣляли самую ступень) языкъ церковно-Славянской остался и до сего дни. Что касается до измѣненій его, они имѣютъ другой смыслъ.

Языкъ Русской въ свой первый періодъ, современный языку церковно-Славянскому, имѣетъ, но совершенно самобытно, разумѣется тотъ-же характеръ, свойственный пе-

ріоду; падежи его почти не измѣняются, предлоги не соединяютъ управляемыхъ словъ, въ извѣстныхъ случаяхъ буквы не утратили, покоряясь законамъ развитія, первоначальнаго своего звука. Здѣсь найдемъ мы сходство между древними памятниками Русскаго языка и церковно-Славянскимъ языкомъ, основанное на современности; не на современности появленія или существованія въ одно время, но на другой современности, на ровномъ возрастѣ языковъ. Здѣсь точка ихъ сближенія; и это-то можетъ показаться призракомъ того, что Русской языкъ былъ въ древнія времена близокъ къ церковно-Славянскому. Онъ былъ близокъ къ себѣ, если угодно, какъ и Славянскій къ себѣ-же; онъ былъ также близокъ къ церковно-Славянскому, какъ былъ церковно-Славянскій близокъ къ Русскому. Разница въ томъ, что древнія формы языка сохранились въ языкѣ церковно-Славянскомъ неизмѣненныя, а въ Русскомъ, которому онѣ принадлежали точно по тому-же праву, вмѣстѣ съ движеніемъ времени и ходомъ языка, онѣ измѣнились и развились въ другія настоящія формы. Но видя формы эти (1) въ церковно-Славянскомъ языкѣ и не встрѣчая ихъ въ настоящемъ Русскомъ, и находя ихъ въ то-же время въ древнихъ его памятникахъ, — думаютъ, что Русской былъ прежде похожъ на церковно-Славянскій, или даже былъ церковно-Славянскій въ древности, что это по преимуществу формы языка церковно-Славянскаго, тогда какъ эти формы принадлежатъ ему собственно по такому-же точно праву, по какому и языку церковно-Славянскому.—И такъ вотъ откуда сходство, находящееся между церковно-Славянскимъ языкомъ и языкомъ Русскимъ (не вредящее, какъ мы сказали, ни сколько самобытности послѣдняго), какимъ мы встрѣчаемъ его въ памятникахъ; — и вмѣстѣ вотъ различіе, которое находится между нынѣшнимъ Русскимъ

(1) Вспомнимъ, что здѣсь не всегда одинаковость; часто только сходство, а часто и разница; хотя формы вообще носятъ на себѣ отпечатокъ древній и теперь уже не встрѣчаются.

языкомъ и древнимъ; такимъ образомъ нисколько не славянизируя, можемъ мы представить себѣ нашъ древній языкъ. Это сходство надо опредѣлить въ подробностяхъ, что́ мы и надѣемся исполнить, и также отдѣлить отъ дѣйствительныхъ церковно-славянизмовъ, входившихъ въ Русскій языкъ.—Въ языкѣ простонародномъ, ускользнувшемъ въ частяхъ отъ хода развитія и, особенно, отъ преобразованія, и теперь можемъ мы найдти формы, обороты, одинакіе или сходные съ древними формами и оборотами Русскаго языка, встрѣчаемыми нами въ грамотахъ и другихъ его памятникахъ, или объясняющіе намъ во многомъ употребляющіяся тамъ слова, формы и обороты. Мы не говоримъ уже о пѣсняхъ, о преданіяхъ, сказкахъ, пословицахъ, то-же намъ представляющихъ.

И такъ эта первобытная грубость, это первоначальное упорство словъ, это жесткое ихъ столкновеніе безъ всякаго посредства измѣненій въ окончаніяхъ видимъ мы въ первомъ состояніи языка, которое вмѣстѣ съ этимъ носитъ характеръ какой-то силы и грандіозности, тѣмъ болѣе, что въ этой неизмѣняемости лежитъ будущее развитіе, что это сѣмя, полное надеждъ. Живая дѣятельность словъ спитъ еще въ этихъ твердыхъ, неподвижныхъ формахъ, силы языка еще покоятся, и этотъ важный покой язычныхъ силъ конечно имѣетъ въ себѣ что-то величавое и мощное (1). Въ этомъ первомъ состояніи встрѣчаемъ мы языкъ церковно-Славянскій и Русской, въ древнихъ памятникахъ, но

(1) Эту неподвижность языка не должно смѣшивать съ тою неподвижностью, которая является въ послѣдній періодъ языка и, — какъ первая была зародышемъ, началомъ его жизни, такъ эта есть уже конецъ, истощеніе ея; и то и другое состояніе различаются рѣзко собственно въ язычныхъ формахъ; сей-часъ видно, что это настоящая неподвижность; движеніе словъ, гибкость его членовъ, можно сказать, изчезла; многія буквы потеряли голосъ, разнообразная дѣятельность, измѣняемость утратилась, слово стало, и является неподвижность; но это не та неподвижность, о которой говорили мы, нѣтъ, изъ этой неподвижности не разовьется уже жизнь; она результатъ истощенія силъ, отсутствія жизни языка. Напр. языкъ Англинскій.

какъ мы уже сказали, оба самобытно въ немъ находящіеся.—Но мы должны замѣтить, что въ церковно-Славянскомъ языкѣ, при всемъ его первообразіи (въ томъ видѣ, какъ застало его священное содержаніе и оторвавъ отъ всего случайнаго и вмѣстѣ отъ измѣненія, утвердило въ немъ каждую форму языка, каждый оборотъ, каждое слово), тогда сходномъ въ этомъ отношеніи по времени, съ Русскимъ, гораздо менѣе неподвижности, нежели въ Русскомъ. Въ немъ много уже развитыхъ, гибкихъ, образованныхъ формъ, которыхъ нѣтъ въ Русскомъ, въ древнихъ памятникахъ разумѣется, и которыя или развились въ послѣдствіи, или вовсе не явились, противорѣча вѣроятно духу языка. — Это еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что характеръ неподвижности и вообще первобытнаго состоянія, словомъ сказать, то сходство, которое находимъ мы между церковно-Славянскимъ и древнимъ Русскимъ языкомъ въ ихъ памятникахъ, нисколько не заимствовано, и самобытно принадлежитъ языку нашему. Это утверждаетъ также вообще мнѣніе о самостоятельности нашего языка, о независимости его отъ языка церковно-Славянскаго и вообще то мнѣніе, что это два самостоятельные, разные языка, сродные между собою. Здѣсь взглянемъ мы на отношеніе этихъ двухъ языковъ, церковно-Славянскаго и Русскаго, какъ выражается это отношеніе; мы не намѣрены пространно здѣсь его разсматривать, ибо въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи надѣемся представить это пространнѣе. Намъ придется вѣроятно дѣлать повторенія; но нельзя безъ этого, чтобы дать, какъ теперь мы хотимъ, предварительное понятіе объ отношеніи этихъ двухъ языковъ.

Во множественномъ числѣ именъ мужескаго и средняго рода церковно-Славянскаго языка видимъ мы особенный творительный; этотъ творительный въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа сходенъ съ именительнымъ и одинаковъ съ винительнымъ. Такъ напримѣръ: въ именительномъ церковно-Славянскаго языка: *языци*, *человѣци*

и т. д., въ винительномъ *языкы*, *человѣкы;* въ творительномъ совершенно такъ-же. Мы не можемъ назвать это прямо неразвитостью падежей, хотя сходство ихъ какъ будто намекаетъ на это,—тѣмъ менѣе, что въ именахъ средняго рода окончанія на *ы* или на *и* совершенно не сходно ни съ именительнымъ, ни съ винительнымъ, кончащимися постоянно на *а* или *я*; имена-же женскаго рода кончаются на *ами* или *ми*. Но вотъ замѣчанія, которыя можемъ мы сдѣлать: въ именахъ мужескаго рода именительный и винительный, особенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ (*воини—воины*, и тому под.) такъ сходны, что творительный падежъ, будучи здѣсь одинъ съ винительнымъ, въ то-же время сходенъ и съ именительнымъ, падежемъ основнымъ, сходство съ которымъ было вообще первоначально у всѣхъ падежей, какъ намъ кажется; времени мы не опредѣляемъ (1) И такъ мы можемъ предположить здѣсь неразвитость падежа. Что касается до именъ средняго рода, то конечно тамъ различіе опредѣлительно; но вспомнимъ, что въ послѣдствіи почти при всѣхъ окончаніяхъ средняго рода въ именительномъ падежѣ,—стало встрѣчаться въ творительномъ падежѣ окончаніе на *ми*; напримѣръ: *знамении*, позднѣе *знаменьми*. Примѣровъ такъ много, что мы не считаемъ нужнымъ дѣлать особыя выписки, которыя мы намѣрены привести въ послѣдствіи при подробнѣйшемъ изложеніи историческаго развитія языка Что касается до именъ женскаго рода, то въ нихъ безъ исключенія встрѣчается окончаніе на *ами*, *ями* или *ми*. Въ древнемъ Русскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы то-же эту сходную съ именительной форму творительнаго падежа; но здѣсь встрѣчаются еще обстоятельства, измѣняющія самую вещь и въ то-же время утверждающія, что это въ Русскомъ языкѣ точно неразвитость, неподвижность падежей. Вотъ замѣчанія, которыя, дума-

(1) Впрочемъ въ словѣ *мужи* твор. сходенъ съ имен., а не съ винит., который. *мужи*.

емъ, можемъ мы сдѣлать. 1-е: Въ Русскомъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода не находимъ мы различія между именительнымъ и винительнымъ падежами; и такъ здѣсь окончаніе творительнаго падежа является не богатствомъ, не особенною, хотя сходною формою творительнаго для именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ, но просто тѣмъ-же окончаніемъ именительнаго падежа. Это, какъ и другія наши теперь предварительныя положенія, намѣрены мы оставить къ подтвержденію въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего разсужденія. 2-е: Въ именахъ женскаго рода въ церковно-Славянскомъ языкѣ рѣшительно является въ томъ-же падежѣ окончаніе на *ами* или *ми*, тогда, какъ въ Русскомъ языкѣ встрѣчается и здѣсь то-же одинакое окончаніе съ именительнымъ падежемъ. Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ, приведемъ здѣсь примѣръ изъ Кирши Данилова:

Повадился вѣдь Васька Буслаевичь
Со пьяницы, съ безумницы (1).

Это доказываетъ намъ, и даже въ противорѣчіе языку церковно-Славянскому, что это просто одинаковость формы творительнаго падежа съ формою именительнаго падежа. Слѣдовательно, что это именно есть неразвйтость формы и первоначальное сходство или лучше тождество съ формою именительнаго падежа, какъ перваго и главнаго, сначала явившагося съ своею формою и для всѣхъ падежей; пока, естественно, въ новыхъ положеніяхъ падежей не развились другія формы, обозначающія эти особенныя положенія. Теперь обратимъ еще вниманіе на падежъ винительный, очень важный, заключающій въ себѣ и предыдущее объясненіе творительнаго падежа. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ находится различіе между именительнымъ и винительнымъ. Винительный имѣетъ свою форму; но это различіе находится только во множественномъ числѣ мужескаго рода и въ един-

(1) Др. Рус. стих., собр. К. Даниловымъ. М. 1818 г., стр. 73.

ственномъ женскаго рода. Въ именахъ мужескаго рода и средняго онъ совершенно тождественъ съ именительнымъ или-же вмѣсто него употребляется и родительная форма. Добровскій думаетъ (1), что винительный въ древнемъ церковно-Славянскомъ языкѣ совершенно одинаковъ съ именительнымъ; но онъ ошибается; ибо въ Остромировомъ Евангеліи (2), уже является въ винительномъ падежѣ форма родительнаго; по нашему мнѣнію, это не было самобытное сходство, одинаковость, но была просто родительная форма, или лучше родительный падежъ, могущій становиться на мѣсто винительнаго и дающій особенной оттѣнокъ отношенію падежа винительнаго, — винительнаго, ибо здѣсь родительный все входитъ въ его права, становится на его мѣсто предметомъ дѣйствія. Пока скажемъ здѣсь только, что такъ какъ соразмѣрно употребляются съ родительною формою и такія имена и въ такомъ числѣ, гдѣ есть самостоятельная форма винительнаго падежа, или гдѣ не можетъ быть винительнаго особеннаго, какъ въ среднемъ родѣ, (употребляется-же родительный непремѣнно при отрицаніи): слѣдовательно, и вообще употребленіе этой родительной формы есть просто употребленіе родительнаго падежа на мѣстѣ винительнаго и совершенно съ сохраненіемъ духа родительнаго падежа, въ то-же время совершенно могущаго стать на мѣстѣ винительнаго. И такъ въ древнихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка видимъ мы различіе, существовавшее между винительнымъ и именительнымъ во множественномъ числѣ мужескаго рода, также въ единственномъ числѣ женскаго рода. Въ остальныхъ-же случаяхъ винительный преимущественно одинаковъ съ именительнымъ; форма родительнаго падежа въ винительномъ хотя и является, но является рѣдко въ древности. Винитель-

(1) Грамм. яз. Славянскаго, Добровскаго. Спб. 1833 г., ч. 2, стр. 2, 5.

(2) Остр. Еванг., изд. Вост. 1843 г., *листъ 6: и оузрѣ Іисуса идуща, листъ 7: и обрѣтѣ Филипа, листъ* 8 на об: *имать живота вѣчнаго. листъ* 12 на об: *тако въ злюби Богъ мира, яко сына своего единочаадаго дасть и прінять.*

ный падежъ у насъ именно не приобрѣлъ потомъ собственной своей формы, въ именахъ мужескаго и средняго рода; но преимущественное употребленіе на его мѣстѣ падежа именительнаго, этаго пѣрваго падежа, показывающаго родъ спокойствія предмета, которое встрѣчаемъ мы въ древнихъ памятникахъ, вмѣсто, какъ потомъ видимъ, формы падежа родительнаго, положившаго уже оттѣнокъ винительному падежу — показываетъ его неразвитость. Что касается до особенной, собственной формы падежа винительнаго во множественномъ числѣ мужескаго рода, отличающей его отъ именительнаго, котораго теперь мы у насъ не встрѣчаемъ,— то мы не находимъ этого различія въ нашихъ грамотахъ; если-же гдѣ встрѣчается это различіе, то здѣсь можно предположить вліяніе церковно-Славянскаго языка; ибо здѣсь видны употребленія формы именительнаго и формы винительнаго, но въ то-же время видно, что такое различіе было чуждо языку Русскому; ибо часто эти формы употреблены невпопадъ, смѣшаны; видно только, что онѣ были извѣстны писавшему, и не болѣе. Примѣровъ привести мы можемъ довольно, но мы пока не приводимъ ихъ. И такъ въ этомъ случаѣ можемъ мы сказать, что здѣсь вездѣ употреблялась именительная форма въ винительномъ падежѣ, ибо того тонкаго различія не существовало. Да и наши переписчики скоро стали смѣшивать и упускать чуждое для нихъ различіе. Слѣдовательно эта неразвитость винительнаго падежа была у насъ еще сильнѣе, нежели въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Въ нашихъ памятникахъ видимъ мы такимъ образомъ не только такое-же, но и большее употребленіе, чрезъ отсутствіе различія, именительной формы въ винительномъ падежѣ, нежели въ языкѣ церковно-Славянскомъ. И хотя винительный падежъ въ именахъ мужескаго и средняго рода въ единственномъ числѣ (что и въ церковно-Славянскомъ) и во множественномъ числѣ, для котораго въ именахъ мужескаго рода было различіе въ церковно-Славянскомъ, не пріобрѣлъ особенной формы,

которая не лежала вовсе въ языкѣ Русскомъ, но опредѣленіе и употребленіе его теперь, отношеніе, которое имѣетъ къ нему родительная форма, занявшая опредѣленно свое мѣсто,—все это есть уже его развитіе, чего не было прежде и чего не представляютъ намъ наши древніе памятники языка, въ которыхъ, какъ мы сказали выше, винительный падежъ является въ его неразвитости.—Въ церковно-Славянскомъ языкѣ имена женскаго рода, кончащіяся на *я*, *жда*, *жа*, *ша*, *ца*, *ча*, *ща* (1), не измѣняются въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, также въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа; но это неизмѣненіе только видимое; здѣсь есть разница, ибо въ родительномъ падежѣ становится не *іа* (*я* или *а*), а Ѧ. Сверхъ того если-бы и считать это за неподвижность, то неподвижность этаго падежа опредѣлена и становится правиломъ только въ этомъ извѣстномъ случаѣ; это уже одно само по себѣ даетъ смѣлость думать, что это не есть та неподвижность, о которой говорили мы и которая во первыхъ не исключительна, не принадлежитъ такому-то роду словъ; во вторыхъ допускаетъ исключенія, не такъ строга и имѣетъ нерѣдко подлѣ себя другую уже болѣе развитую свободную форму, еще не смѣло возникающую, часто изъ нея-же самой. Этого мы не видимъ при употребленіи именительной формы или лучше сходной съ именительною единственнаго числа, вмѣсто другихъ вышесказанныхъ падежей въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ нашихъ памятникахъ не встрѣчается такого употребленія; тамъ встрѣчается другая и теперь употребляющаяся форма въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, а также въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа женскаго рода. Иногда можно встрѣтить и окончаніе на *я*, большею частію безъ различія *іа* и Ѧ; но это уже вліяніе церковно-Славянскаго

(1) Грамм. яз. Славянскаго, Добровскаго, Спб. 1833 г., ч. 2, стр. 24—25, и Остр. Еванг., 1843. Грамм. прав. стр. 8—9.

языка, что́ видно и изъ того, что въ Русскомъ не было этаго ѧ, имѣвшаго, какъ думаетъ справедливо Востоковъ, носовой звукъ; и сейчасъ Русская рѣчь измѣняетъ чуждое ей окончаніе; оно переходитъ или какъ-бы невѣрно въ *е*, или просто въ Русское *и*, обыкновенно и въ старину у насъ употребляющееся *(отъ ладье, отъ ладьи)* (1).

И такъ сходство, которое находимъ мы въ неподвижности, въ сомкнутости формъ слова языка Русскаго съ церковно-Славянскимъ. кажется намъ самобытнымъ; мы исключаемъ отсюда, что́ собственно принадлежитъ языку церковно-Славянскому, какъ послѣдній приведенный нами примѣръ. Здѣсь это является какъ постороннее уже, чуждое вліяніе и часто искажается; но сходство Русскаго языка съ церковно-Славянскимъ вообще въ неподвижности, въ неразвитости формъ самобытно, и зависитъ, какъ намъ кажется, отъ точки времени, отъ періода. Сверхъ того, въ древнемъ Русскомъ языкѣ еще болѣе этой неподвижности, неразвитости, нежели въ языкѣ церковно-Славянскомъ, въ самыхъ чистыхъ, древнихъ его памятникахъ, что́ еще болѣе доказываетъ наше мнѣніе, что характеръ неподвижности принадлежалъ самобытно Русскому языку и что Русской языкъ былъ и въ древности самобытенъ. Такъ въ нашемъ древнемъ языкѣ, въ нашихъ старинныхъ грамотахъ встрѣчаемъ мы въ винительномъ падежѣ именъ женскаго рода форму на *а* и *я*; стало тамъ, гдѣ винительный могъ пріобрѣсти, и пріобрѣлъ въ послѣдствіи свою ясно образованную форму, форму падежа именительнаго; слѣдовательно здѣсь уже рѣзко является характеръ неподвижности. Но форма винительнаго падежа, и теперь употребляющаяся, встрѣчается и тамъ подлѣ этой формы, какъ-бы еще неутвердившись и показывая, что это та форма, которая можетъ измѣниться. Мы можемъ привести примѣры въ Новогородскихъ грамотахъ, напр: *А ту грамоту, Кня-*

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, грам. Новог.

же, отъялъ еси, а та грамоша, Княже, дати ти назадъ. Дати тому исправа.... Великому Князю грамота изрѣзати, что докончали на городищѣ на Волзѣ и другая грамота Новоторзьская, что въ Торьжку докончали.—А порука и целованіе свести. (1) Примѣровъ много, и они доходятъ до самаго позднѣйшаго времени, до Петра Великаго; эта крѣпкая форма все еще сохранялась. Въ древнихъ пѣсняхъ Киршы Данилова встрѣчаемъ мы то-же употребленіе, несправедливо принимаемое Калайдовичемъ за сибирское. Напр: *хоть ноги изломить, а двери вышибить.* (2) Въ народѣ до сихъ поръ въ пословицахъ и поговоркахъ сохранилась эта старинная форма; напр. поговорка: *рука подать.* Этого употребленія нѣтъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, нѣтъ въ Евангеліи Остромировомъ, нѣтъ и у Нестора и у другихъ. Въ нашихъ грамотахъ встрѣчаемъ мы также другое явленіе неразвитости. Въ родительномъ падежѣ множественнаго числа встрѣчается форма падежа именительнаго множественнаго-же числа; напр: *что свободъ Дмитріевыхъ и Андреевыхъ, что сельцы тягнуло къ тымъ свободамъ*, или: *а что головы поймано по всей волости Новогородской, а тѣ поидутъ къ Новугороду безъ окупа* (3) Здѣсь очевидно, не можетъ быть родительный падежъ единственнаго числа, ибо послѣдующія слова доказываютъ, что здѣсь говорится во множественномъ. Сверхъ того, въ подтвержденіе того, что мы сказали, мы встрѣчаемъ: *съ обѣ половинѣ* (4). именительный падежъ двойственнаго числа, еще не утратившагося въ Русскомъ языкѣ въ то время, вмѣсто родительнаго. Также выраженіе не разъ встрѣчаю-

(1) Собр. Гос. грам. и догов., ч. 1. Грам. Новг. стр. 3, 4, 6. Грам. въ государств. В. К. Василія Димитріевича, ст. 67.

(2) Древн. Росс. стих., собр. Киршею Даниловымъ, стр. 92.

(3) Собр. Гос. Грам. и даг., ч. 1. Грамоты Новогородскія, стр. 9, 15.

(4) Мы приводимъ здѣсь преимущественно Новгородскія грамоты, тѣмъ болѣе теперь, при общемъ обзорѣ, потому что въ нихъ всего болѣе является простой Русской языкъ, народная рѣчь, ибо грамоты шли отъ народа.

щееся: *а то поиде въ ту-же двападцать тысячи*.. Извѣстно, что всѣ числительныя начиная съ *пяти*—имена существительныя; это видно и теперь, но въ древности это было вполнѣ ярко и всѣ эти имена числительныя склонялись и употреблялись прямо какъ существительныя; *двьнадцать* сюда-же принадлежитъ и еще болѣе указываетъ на употребленіе какъ существительнаго, въ приведенномъ примѣрѣ, выраженіе: *въ туже двападцать*. И такъ здѣсь надо бы родительный падежъ, но мы встрѣчаемъ именительный множественнаго. Это употребленіе повторяется. Вотъ еще слово, повторяющееся нѣсколько разъ въ каждой грамотѣ, появляющееся съ разными измѣненіями въ родительномъ падежѣ множественнаго числа: *волость, волости*. Если мы не видимъ прямо въ самыхъ древнихъ грамотахъ довольно твердо употребляющейся именительной формы въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, хотя встрѣчаемъ ее всегда, какъ мы говорили выше, за то видимъ мы, какъ еще не вѣрна была родительная форма; мы застаемъ ее тутъ, какъ она еще образуется и бродитъ, если можно такъ сказать.

Въ первыхъ грамотахъ Новогородскихъ мы видимъ уже родительную форму, но такъ просто, такъ близко поставленную; видно, что она только что возникла; въ этой первоначальной формѣ ясно ея первое образованіе. Изъ: *волости* именительнаго, образуется родительный чрезъ приближеніе той-же буквы: *и* съ краткой, *волости* — *й* (вѣроятно прежде было безъ краткой, какъ видимъ мы иногда въ другихъ примѣрахъ), и эта первая, ближайшая форма встрѣчается въ иныхъ древнихъ грамотахъ Новогородскихъ до 1305 года. Далѣе: въ двухъ грамотахъ 1305 года, 6 и 7, видимъ мы, какъ *и* родительнаго падежа не имѣетъ уже той *краткой* ˘ , опредѣляющей вмѣстѣ его родительное свойство; оно имѣетъ полный звукъ; *и* предыдущее сокращается, и выходитъ новая форма, похожая на форму именительнаго падежа; можетъ быть именительная форма, форма, отъ которой не вполнѣ освободилась роди-

тельная и которая не вполнѣ уступила, можетъ быть она преодолѣла и дала себѣ выраженіе. Мы читаемъ въ этихъ грамотахъ вездѣ: *волостьи* (постоянное употребленіе не дастъ думать, что это описка); но вездѣ, гдѣ употребляется именительный падежъ, тамъ стоитъ: *волости*. Мы здѣсь опять видимъ, какъ именительная форма вновь дастъ себѣ выраженіе, но уже на самой формѣ родительнаго, и форма эта: *волостьи*, различаясь внѣшне, употребляется всегда для родительнаго. Далѣе вновь мы видимъ, какъ возникаетъ предыдущая, болѣе опредѣленная, родительная форма; въ слѣдующихъ грамотахъ употребляется вновь: *волостій*,— если не обратить вниманіе на чистую въ томъ-же родительномъ падежѣ именительную форму *волости*, встрѣтившуюся въ грамотѣ 15-й 1327 года. *Что волости Новогородскихъ, тьхъ ти волостій, Княже*, и пр., и сомнительное употребленіе: *А Новгородицемъ волости и оброковъ Княжихъ не таити*. Потомъ когда эта форма родительная, нами приведенная, утвердилась, то она развилась и измѣнилась, какъ уже родительная форма, — измѣнилась въ ней самой, и самобытная развитая родительная форма осталась за родительнымъ падежемъ. Въ грамотѣ 18-й 1426 года, и далѣе, встрѣчаемъ мы: *волостей* (1), форма уже постоянно потомъ встрѣчаемая, оставшаяся за родительнымъ падежемъ, форма настоящая, теперешняя. Тоже самое встрѣчается не только въ этомъ словѣ, но и въ другихъ словахъ; покрайней мѣрѣ если не всѣ оттѣнки, то первообразная форма уже собственно родительнаго падежа: *ии*.

И въ другихъ мѣстахъ грамотъ и въ другихъ словахъ замѣчаемъ мы тоже употребленіе именительной формы вмѣсто формы родительной для родительнаго падежа. Многія слова, такъ употребленныя, могли-бы объясниться и иначе, т. е. такъ, что форма именительная употреблена совершенно справедливо, что слова находятся точно въ имс-

(1) Собр. Гос. гр. и дог. — Грамоты Новогородскія.

нительномъ падежѣ; но тѣ-же самыя слова въ другихъ грамотахъ и мѣстахъ, встрѣчающіяся въ тѣхъ-же самыхъ оборотахъ и употребленныя уже въ явственно родительной формѣ, даютъ право, покрайней мѣрѣ возможность думать, что соотвѣтствующая этому родительному падежу,—встрѣчающемуся въ одномъ мѣстѣ,—именительная форма,—находящаяся въ другомъ,—является, какъ употребленная для родительнаго падежа вмѣсто родительной формы. Но что касается до этихъ примѣровъ, то мы не утверждаемъ нашего объясненія и говоримъ только, что это даетъ возможность, какъ намъ кажется, очень достовѣрно предполагать нами сказанное.

И такъ, думаемъ, достаточно видно, что сходство церковно-Славянскаго съ древнимъ Русскимъ языкомъ, сходство въ этой неподвижности, неразвитости падежей, въ этой грубости,—совершенно самобытно и основано на времени, на періодѣ языка, именно на первоначальномъ его періодѣ. Мало того; въ языкѣ Русскомъ въ древности видѣли мы несравненно большую неподвижность и неразвитость, что́ еще болѣе должно насъ убѣдить въ самобытности его сходства съ языкомъ церковно-Славянскимъ.

Но въ первомъ періодѣ, кромѣ этого характера неподвижности, отсутствія измѣняемости, мы встрѣчаемъ еще другой признакъ то-же первобытности языка. Въ этотъ древній періодъ видимъ мы еще все образованіе словъ, какъ оно должно было произойдти, видимъ посредствующія буквы (1), еще не стертыя употребленіемъ, находимъ звуки, при образованіи слова долженствовавшіе быть произнесенными,—еще не умолкнувшими, еще не поглощенными другими, или еще не измѣнившимися въ другіе; коротко: находимъ слово, почти только еще произнесенное, какъ оно вылетѣло изъ устъ человѣка, еще не увлеченное быстрымъ потокомъ разговора. По этому въ этотъ первый періодъ мы

(1) Подъ буквою мы разумѣемъздѣсь не начертаніе, но опредѣленный звукъ, этимъ начертаніемъ выраженный.

встрѣчаемъ много буквъ, умолкнувшихъ впослѣдствіи и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы другія формы. Но это нисколько не противорѣчитъ первобытному характеру языка; неподвижность остается та-же; а эти лишнія противъ нынѣшняго буквы нисколько ея не измѣняютъ; онѣ, какъ сказали мы, необходимо должны были явиться и произнестись при образованіи слова, которое вмѣстѣ съ ними принимало неподвижную, неизмѣняемую форму. Когда слово разрѣшило свою неподвижность, когда въ немъ пробудилось и стало изъ него развиваться богатство новыхъ формъ, то многіе изъ этихъ звуковъ, изъ этихъ буквъ были утрачены въ быстромъ развитіи. Думаемъ, это никому не покажется противорѣчащимъ или страннымъ, что при развитіи были утрачены нѣкоторыя буквы, нѣкоторые звуки; это совершилось именно при развитіи, дальнѣйшемъ ходѣ и если было утрачиваемо нѣсколько буквъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ развивались новыя формы, возникло новое разнообразіе, и новыя буквы и звуки, новая жизнь. Слово на пути своемъ утратило, въ своихъ быстрыхъ переворотахъ и среди быстрой новой дѣятельности, нѣсколько буквъ, нѣсколько болѣе полныхъ употребленій, особенностей, свидѣтелей его образованія, его прежняго давняго времени, его перваго періода, въ которомъ сохранились они и въ которомъ самая неподвижность слова давала имъ возможность оставаться; эти особенности носили на себѣ его отпечатокъ и, само собою разумѣется, что слово, по мѣрѣ отдаленія своего отъ перваго періода, должно было отдаляться и отъ нихъ, или лучше ихъ оставлять, уничтожать. Здѣсь опять найдемъ мы сходство между нашимъ древнимъ языкомъ и языкомъ церковно-Славянскимъ. Въ языкѣ церковно-Славянскомъ и вмѣстѣ въ памятникахъ нашего древняго языка находимъ опять совершенно самобытно и въ томъ и въ другомъ, какъ свойство періода, въ которомъ находился языкъ, то первообразное полногласіе, тѣ особенности, тѣ буквы, впослѣдствіи утраченныя у насъ, о которыхъ мы говорили. Мы видимъ, напримѣръ, эти

окончанія глаголовъ въ неопредѣленномъ на *ти* въ языкѣ церковно-Славянскомъ: *дѣлати*, *ходити* и т. д.; ихъ мы встрѣчаемъ въ нашихъ грамотахъ, ихъ встрѣчаемъ въ пѣсняхъ Кирши Данилова и въ настоящихъ пѣсняхъ; это окончаніе сохранилось отчасти и въ нашемъ современномъ употребленіи во многихъ глаголахъ. Примѣровъ такъ много, что мы не считаемъ за нужное здѣсь приводить ихъ.— Въ грамотахъ встрѣчаемъ мы слово, употребляемое въ церковно-Славянскомъ языкѣ. *ино*: Напр: *а на него взговорятъ изъ Новогородскихъ волостей на Тферьскаго татя или разбойника, а възмолвятъ пытъ: ино ему и потомъ не быти во Тферьскыхъ волостехъ; а будетъ, ино его безъ суда выдати по христьному человѣчью*, (1) и пр.; но это слово и до нынѣ употребляетъ народъ; только буква о, первоначально явившаяся въ немъ, преобразовалась въ ъ— *инъ*: *инъ поди туда, инъ быть такъ*. По тому-же основанію употребляется *како* въ древнемъ языкѣ.—Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, но надо прибавить: въ древнѣйшихъ памятникахъ,—прилагательныя, такъ называемыя неусѣченныя, или правильнѣе, производныя, сохраняютъ въ падежахъ окончанія болѣе полныя, окончанія долженствовавшія явиться при образованіи ихъ (2). Въ Евангеліи Остромировомъ, этомъ древнѣйшемъ памятникѣ церковно-Славянскаго языка, встрѣчаемъ мы такіе примѣры: *И буля рекоша мудрыимъ* (3). Въ грамотахъ Новогородскихъ и другихъ встрѣчаемъ мы также, хотя не всегда, такое употре-

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 23. Грам. Новогородскія. Гр. 18. См. древн. грамоты.

(2) Дальнѣйшее опредѣленіе, почему при образованіи слова являются такія буквы, такія формы, окончанія, удерживаемся мы предлагать и оставляемъ это до другаго труда.

(3) Остромирово Евангеліе. 1843. Ев. отъ Мат. XXV. 8, листъ 148. — Тамъ-же Ев. отъ Іоанна V. 30, *л.* 14: *Рече Господь къ пришедъшимъ къ нему Іудеомъ.*—Тамъ-же отъ Луки VI. 35, *л.* 91: *аще благотворите благотворящимъ вамъ.* — Тамъ-же отъ Марк. 1. 8, *л.* 56: *Азъ оубо крьстихъ вы водою атъ крьстить вы духъмъ святымъ.*—Это употребленіе твердо существуетъ въ Остромировомъ Евангеліи.

бленіе этихъ прилагательныхъ. Мы можемъ привести примѣры; въ грамотѣ 7-й Новогородской 1305 встрѣчается это часто; напр: такъ она начинается: *Поклонъ отъ посадника и отъ тысячького и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ мышихъ;* также какъ въ двухъ договорныхъ грамотахъ Шемяки съ Василіемъ Темнымъ 1436 года встрѣчается почти вездѣ то-же употребленіе прилагательныхъ производныхъ; напр: *бытии ти Господине со мною съ своимъ братомъ съ молодшимъ*, или также: *съ Московскими жребьи* (1). Наконецъ въ древнихъ Русскихъ пѣсняхъ Кирши Данилова встрѣчаемъ мы то-же такіе примѣры:

Двумъ братцамъ родимыимъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.

или:

А и ѣздитъ Добрыня не долго въ нихъ
Въ тѣхъ ордахъ немирныихъ (2).

и проч.

Наконецъ: и теперь въ устахъ народа, въ его пѣсняхъ, употребляются эти прилагательныя съ полными окончаніями. Причина, почему эта первая форма сохранилась до сихъ поръ въ народномъ употребленіи, тогда какъ она была скоро оставлена и въ церковно-Славянской письменности,—во первыхъ та, что народъ вообще болѣе сохраняетъ языкъ, что рѣчь гласная, произносящаяся, болѣе дружна съ звуками, что́ и естественно, и болѣе удерживаетъ полногласіе, тогда какъ молчаливое письмо враждебно звукамъ, тѣмъ болѣе повторяющимся повидимому безъ нужды, — враждебно полногласію. Во вторыхъ вѣроятно, что эта полная форма прилагательныхъ шла хорошо къ

(1) Собр. Гос. грам. и дог., т. 1, Грамоты Новгородскія стр. 7. —Грамоты В. К. Г. стр. 124—30.

(2) Древн. Росс. стих., собр. Киршею Даниловымъ. 1818 г., стр. 36, 199.

протяжнымъ пѣснямъ, изчерпывавшимъ каждый звукъ слова; въ пѣніи не пропадаютъ буквы, звуки; пѣніе не пренебрегаетъ ими, но заставляетъ раздаваться, — а эта полная форма такъ кстати и хороша въ пѣніи. По этому, можетъ быть, и теперь еще есть пѣсни, въ которыхъ раздается эта форма, пѣсни, въ которыхъ поется на примѣръ про:

Солдатъ бѣглыихъ, людей бѣдныихъ.

Кромѣ этого полногласія, извѣстнаго богатства звуковъ собственно, кромѣ этого еще очевиднаго образованія языка, когда части составныя сохраняютъ свою самостоятельность, есть еще его особенность, богатая принадлежность перваго періода, долженствовавшая однако изчезнуть вмѣстѣ съ нимъ, не вслѣдствіе обѣдненія языка (1), но вслѣдствіе того, что эта особенность—свидѣтельница его перваго періода, родилась въ немъ и носитъ на себѣ, слѣдовательно, его характеръ. Мы говоримъ о двойственномъ числѣ. Двойственное число возникло очень естественно, явленіе его объяснить очень возможно, и мало того, оно, намъ кажется, необходимо должно было явиться въ первомъ періодѣ при образованіи языка и по этому другими словами въ языкѣ древнемъ. Какъ скоро понятіе объ *единомъ* было отречено, такъ являлось—*не одно*, *другое*, и понятіе о другомъ, слѣдовательно о числѣ *два*, есть первое и ближайшее понятіе, могшее возникнуть при отреченіи единаго; число два есть отреченіе единаго, тутъ нѣтъ еще *множества*, здѣсь видимъ мы уже: *не-одно*. Далѣе является понятіе множественнаго, гдѣ уже не обращается вниманіе на единое; дальнѣйшій счетъ уже не можетъ быть отрицаніемъ единаго, ибо единое прежде отречено; здѣсь является уже чистое количество (могущее явиться только послѣ отрицанія единаго). По этому число двойственное и число множественное разнятся

(1) Мы не признаемъ этого обѣдненія, какъ единственнаго хода языка отъ начала, отъ прежняго богатѣйшаго состоянія, которое иначе намъ неизвѣстно, какъ въ развалинахъ.

въ существѣ своемъ. Очень понятно, что когда это внутреннее логическое движеніе мысли, выражалось, какъ и все, въ языкѣ, слѣдовательно въ первомъ его періодѣ, тогда и языкъ, какъ языкъ, выразилъ это различіе; и понятіе числа: *два* приняло одну особенную форму — число двойственное, а понятіе числа: *множество*, другую—число множественное. По этому въ каждомъ коренномъ и древнемъ языкѣ двойственное необходимо; съ теченіемъ-же времени, съ отдаленіемъ отъ эпохи этого движенія и выраженія въ языкѣ мысли, число двойственное пропадало болѣе и болѣе и наконецъ утратилось; еще болѣе, потому что оно составляло необходимый переходъ, путь отъ единственнаго къ множественному: это число историческое. Впослѣдствіи же времени, единству просто противополагалось множество; двойственное число, доведшее до этаго множества, согласно съ путемъ самой мысли, и выразившее этотъ путь, почлось уже ненужнымъ: множество уже было. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ мы находимъ двойственное число; въ древнемъ Русскомъ самобытно находимъ мы его также; это доказывается: употребленіемъ двойственнаго въ древнихъ грамотахъ, въ письменныхъ народныхъ памятникахъ; самымъ искаженіемъ двойственнаго, его постепеннымъ уничтоженіемъ, что̀ надѣемся мы изложить при историческомъ развитіи; сохранившимися до сихъ поръ употребленіями двойственнаго въ нѣкоторыхъ словахъ, отвердѣвшихъ въ языкѣ народномъ; напр: *двѣсти*, *въ очію* и пр.; и наконецъ нѣкоторыми грамматическими употребленіями, именно: склоненіемъ числительнаго *два*, числительнаго, которое имѣетъ форму совершенно прилагательнаго, какъ *три* и *четыре*. *Два*, *двѣ*, самый именительный падежъ имѣетъ уже окончаніе двойственнаго на *а* для мужескаго, на *ѣ* для женскаго и средняго; впослѣдствіи, когда утратилось живое употребленіе двойственнаго, по сходству мужескаго съ среднимъ, во множественномъ числѣ *а* принято и для средняго. Родительный имѣетъ *двухъ*, гдѣ *хъ*, окончаніе мно-

жественнаго прибавлено просто къ правильному окончанію родительнаго двойственнаго: *дву*, *дву-хъ;* тогда какъ въ прилагательномъ родительный падежъ оканчивается на *ы-хъ*. Это окончаніе *дву*, обнаружившее первое ясно двойственное свойство, осталось уже какъ корень, къ которому прилагались окончанія прилагательнаго множественнаго; такимъ образомъ являются: дательный *дву-мъ*, винительный какъ именительный, или съ формою родительнаго: *два двухъ;* творительный хотя сохраняетъ тотъ-же корень *дву*, но въ окончаніи его опять видно двойственное окончаніе, хотя нѣсколько измѣненное: *дву-мя*, въ двойственномъ *двѣма*. Предложный какъ родительный: *дву-хъ*. Когда двойственное уничтожилось, то оно и въ измѣненіи было смѣшано съ подлѣстоящими прилагательными числительными: *три*, *четыре*, и уничтожаясь и смѣшиваясь, передало по сосѣдству окончанія свои имъ, принимая въ то-же время ихъ окончанія, т. е. прилагательныхъ множественнаго числа. *Три*, *четыре*, въ творительномъ падежѣ также оканчиваются: *тремя*, *четырьмя* вмѣсто *треми*, *четырьми*, какъ и встрѣчается прежде въ эпоху броженія. Въ прочихъ падежахъ эти числительныя имѣютъ особенныя окончанія прилагательныхъ множественнаго числа. Сверхъ того окончаніе двойственнаго на *а* удержалось и сдѣлалось особеннымъ родомъ множественнаго, имѣющимъ особенный смыслъ, особенное значеніе, именно собирательнаго; это окончаніе, это особенное множественное употребляясь само по себѣ, смотря по характеру рѣчи, необходимо употребляется при числительномъ *два*, и такъ какъ числительныя *три* и *четыре* были смѣшиваемы въ свойствахъ своихъ, когда уничтожалось двойственное, съ числительнымъ *два*, то *два* перенесло свое двойственное свойство и на числительныя *три* и *четыре*, и окончаніе на *а* употребляется также и послѣ нихъ, тѣмъ болѣе, что за: *три* и *четыре*, числительными прилагательными, слѣдуютъ уже числительныя существительныя: *пять*, *шесть* и пр. Прежде-же, когда не установились отношенія

языка, когда двойственное число еще не уничтожалось въ дѣятельномъ своемъ значеніи двойственнаго, тогда употреблялось еще: *три, четыре города* и т. д. съ разными видоизмѣненіями.—Есть еще различія, также происходящія отъ періода, въ которомъ находится языкъ, особенности, которыя находятся въ древнемъ и не находятся въ новомъ языкѣ, неся на себѣ отпечатокъ періода. Напр: въ глаголахъ возвратныхъ, явно образовавшихся изъ глагола и мѣстоименія *ся*, видимъ мы въ древности еще ясно это образованіе; *ся* не только сохраняетъ свою форму, но и отставляется; это видимъ мы въ церковно-Славянскомъ языкѣ и до сихъ поръ; примѣровъ много: мы можемъ ихъ и не приводить; это мы видимъ и въ древнемъ Русскомъ согласно съ характеромъ періода, совершенно самобытно. Употребленіе возвратнаго глагола хранило на себѣ ясно причину и способъ его образованія. Мы можемъ привести примѣры. Въ Новогородскихъ грамотахъ употребляется: въ гр 1-й Новогородской 1365: *А мы ти ся Княже Господине кланяемъ*, или: въ гр. 12-й 1317: *Что ся учинило промежи Князя и Новгорода розратья* (1). Мало по малу употребленіе это изчезало и теперь изчезло; кажется, оно не сохранилось и въ народѣ. — Въ церковно-Славянскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы еще употребленіе: *ти, тя*, хотя встрѣчается и *тебѣ, тебя* (2). *Ти* не было совершенно то-же что *тебѣ*; употребленіе это имѣло свое опредѣленіе и свои границы. *Ти* говорилось между словъ какъ прибавка, какъ дополненіе: не теряя своего смысла, оно примыкало къ другому слову какъ подчиненное; тогда какъ *тебѣ* всегда имѣло полный смыслъ, было самостоятельно и употреблялось одно; и тогда, когда смыслъ особенно падалъ на него, или самостоятельно оставался на немъ. Это употребленіе встрѣчаемъ мы и въ древнемъ Русскомъ языкѣ: *ти* и *тебѣ* или

(1) Собр. Гос. гр. и дог., т. 1. Грам, Новг. стр. 2, 15.

(2) Также почти употребляются, хотя рѣже, и другія личныя мѣстоименія.

тобѣ съ тѣмъ-же отличіемъ употребленія. Въ древнихъ грамотахъ мы находимъ много примѣровъ. Напр: Новг. гр. 1305: *А что ти, Княже, пошло*, или: въ гр. Новг. 11-й 1317: *Тебѣ, Княже, не кърмити его Новгородъскимъ хлѣбомъ* (1). Примѣровъ много и потому мы ихъ не приводимъ, а отсылаемъ къ Собранію Государственныхъ грамотъ и договоровъ. У Кирши Данилова встрѣчаемъ мы также много примѣровъ Въ употребленіи народномъ сохранилась и до сихъ поръ эта разница, эта форма: *ти*; онъ употребляетъ ее и теперь только какъ: *тъ*. Въ нашемъ языкѣ, собственно въ Великорусскомъ замѣтно сильное преобладаніе *т* надъ *и*, преобладаніе, обнаруживающееся явственно съ ходомъ времени, отъ того-ли что болѣе опредѣлялся языкъ и болѣе обнаруживалось это свойство въ немъ лежащее; такъ *тъ* вмѣсто *ти*, *всѣ* вмѣсто *вси* и пр.

Въ пѣсняхъ Кирши Данилова встрѣчаемъ мы то-же *ти*, согласно употребленію Русскаго народа, какъ *тъ* (пишутъ обыкновенно *те*). Вотъ примѣры:

А и дамъ те Марина поученьице.

или:

Вотъ де те Дунаю будетъ паробочекъ (2).

и проч.

И такъ вотъ гдѣ и вотъ на чемъ основано сходство между церковно-Славянскимъ и Русскимъ, - именно древнимъ языкомъ. Надѣюсь, мы показали, что это сходство совершенно самобытно и не есть слѣдствіе вліянія. Мы не говоримъ о церковно-Славянизмахъ въ Русскомъ и о руссицизмахъ въ церковно-Славянскомъ; это уже не сходство:

(1) Собр. Гос. гр. и дог., т. 1. Грам. Новгород. стр. 11, 14.

(2) Древн. Росс. стих., собр. Киршею Даниловымъ. Москва. 1818 г., стр. 70, 88.

это вносныя употребленія, возможныя взаимно при самобытности двухъ языковъ и остающіяся, отдѣльно, безъ настоящей связи и безъ участія; это уже смѣсь, а не сходство. По этому и надо отдѣлять примѣсь отъ самобытнаго сходства. Это сходство двухъ языковъ церковно-Славянскаго и древняго Русскаго зависитъ отъ извѣстнаго времени, періода языка, и современность языковъ относительно развитія или хода, составляетъ основаніе ихъ сходства. Судьба ихъ различна въ томъ, что церковно-Славянскій языкъ остался на той степени, на которой былъ, что́ согласно было съ его назначеніемъ; а Русской языкъ двинулся путемъ своего развитія и оставилъ ту точку, на которой находился (современность, столь важная въ первомъ періодѣ, уже изчезла) Отсюда чѣмъ древнѣе Русской языкъ, тѣмъ сходнѣе онъ самобытно съ языкомъ церковно-Славянскимъ; и отсюда несходство съ послѣднимъ нынѣшняго Русскаго языка. Мы должны прибавить, что кромѣ причины несовременности, вообще языки, особенно соплеменные, чѣмъ ближе къ первому періоду, тѣмъ ближе между собою, потому уже, что не были развиты формы, что не развилось самое различіе. Языки современные, но уже находясь въ дальнѣйшемъ развитіи, не въ первомъ періодѣ,— разнятся болѣе между собою, сохраняя, въ томъ-же порядкѣ, относительное сходство; и такъ здѣсь и эта причина перваго, или если угодно, древняго, хотя-бы относительно древняго періода, конечно лежитъ въ основаніи сходства древняго Русскаго съ церковно-Славянскимъ и несходства съ послѣднимъ нынѣшняго Русскаго. По этому мы и сказали выше, что современность столь важна въ первомъ періодѣ.

И такъ мы можемъ сказать, что сходство Русскаго, и собственно древняго Русскаго, языка съ церковно-Славянскимъ нисколько не подчиненно, напротивъ совершенно самобытно. Оно основывается, при соплеменности языковъ, на характерѣ перваго періода языка, на современности ихъ въ

этомъ періодѣ, слѣдовательно на степени развитія историческаго хода языковъ, тогда болѣе или менѣе общей церковно-Славянскому и Русскому,—чѣмъ единственно и различается, какъ мы думаемъ, древній Русской языкъ отъ нынѣшняго Русскаго языка. Свойствомъ перваго періода является намъ неподвижность, неразвитость формъ слова; если мы узнаемъ слѣды этой неподвижности въ языкѣ церковно-Славянскомъ, то въ Русскомъ видимъ ихъ еще болѣе; что, по нашему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу самобытности Русскаго языка (въ самобытности котораго скорѣе возможно сомнѣніе). Нужно-ли упоминать, что это въ то-же время два разныя нарѣчія. Мы не говоримъ, чтобъ не было вліяній и внѣшнихъ заимствованій; но это ничему не противорѣчитъ. Церковно-Славянскій языкъ является языкомъ также совершенно самобытнымъ, имѣвшимъ свои измѣненія въ падежахъ (именахъ) и во временахъ (глаголахъ), измѣненія, ни отъ кого не взятыя и никому не указующія. Онъ оригиналенъ въ отношеніи къ Русскому во всѣхъ сторонахъ своихъ. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, въ древнемъ его состояніи, въ эпоху для него единственную, находимъ мы, сравнительно, гораздо болѣе развитія, нежели въ современномъ ему тогда Русскомъ. Стало быть этотъ языкъ, самъ въ себѣ оригинальный, успѣлъ уже развить въ себѣ ему свойственныя надлежащія формы, формы, изъ которыхъ нѣкоторыя въ нашемъ еще не существовали. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, правда не во всѣхъ случаяхъ, есть падежъ, и теперь неимѣющій у насъ своей формы: это падежъ винительный во множественномъ числѣ. Но не успѣвъ еще развить всѣхъ своихъ формъ, не утративъ вообще характера первобытнаго періода, еще не потерявъ первобытной грандіозности, этотъ языкъ сдѣлался хранителемъ вѣчнаго, святаго, и остался самъ неизмѣняемъ, непреходящъ, чуждый развитія. Въ замѣнъ этаго живаго развитія, онъ проникнулся весь вѣчнымъ значеніемъ и всѣ слова его и звуки освятились; неразвивающее-

ся слово, неизмѣняющійся оборотъ являлъ неподвижную истину; весь языкъ навѣки сталъ ея неколебимымъ выраженіемъ. Языкъ церковно-Славянскій не развивался и не могъ развиваться; всѣ измѣненія, которыя мы встрѣчаемъ въ немъ у насъ въ теченіи времени, пришли къ нему извнѣ и ни сколько не плодъ его собственнаго движенія. Иначе и быть не можетъ; только въ народѣ и только жизненнымъ, живымъ образомъ можетъ развиваться языкъ; языкъ въ этомъ случаѣ слитъ съ народомъ; это *его языкъ*, однимъ словомъ; и если не возможно для народа говорить двумя языками, такъ точно не возможно, чтобъ онъ могъ развить другой языкъ; слѣдовательно и языкъ, принесенный къ другому народу, не можетъ развиваться; для того, чтобы онъ развивался, нужно, чтобы онъ былъ говоримъ, говоримъ народомъ, котораго вмѣстѣ сущность онъ выражаетъ. Церковно-Славянскій языкъ не былъ у насъ языкомъ, которымъ говорилъ народъ; многіе посвященные знали его у насъ, но онъ не дѣлался ихъ разговорнымъ языкомъ; у нихъ былъ свой уже языкъ, уста ихъ были уже заняты живою рѣчью, которая была ихъ рѣчь; это былъ другой народъ, однимъ словомъ; передъ ними были готовыя формы слова, которымъ они учились, но которыя не могли жить въ устахъ людей, имъ научившихся, людей, языковое развитіе которыхъ уже совершалось, уже имѣло мѣсто. Только народъ знаетъ живую тайну своего языка, только въ устахъ народа можетъ онъ развиваться. Не въ силахъ понять и взять на себя посторонніе люди его подвига; только жизнію внутреннею, жизнію даваемою народомъ, можетъ подняться эта громада словъ, могутъ двигнуться окончанія, пробудится всеобщее звучное движеніе, и новыя формы, измѣненія будутъ стройно раждаться, образовываться, развиваться изъ сомкнутыхъ дотолѣ или изъ иначе устроенныхъ буквъ. Всѣ формы церковно-Славянскаго языка должны были оставаться такъ, какъ онѣ суть, и только въ ихъ священномъ храненіи должно было состоять значеніе и изученіе церковно-

Славянскаго языка. Развитіе церковно-Славянскаго языка, слѣдовательно, у насъ быть не могло и мы его и не находимъ; это былъ языкъ не нашъ, и люди владѣвшіе имъ и знавшіе его говорили другою рѣчью. Но мы опираемся въ тоже время всею силою на существенную причину отсутствія измѣняемости въ церковно-Славянскомъ языкѣ, на то, что́ сдѣлало такимъ этотъ языкъ; мы говоримъ о вѣчномъ содержаніи его освятившемъ; если-бы языкъ былъ проникнутъ имъ даже у своего народа, у народа имъ говорящаго, то и тогда слова, заключившія въ себѣ религіозную недоступную для народа святыню, освятились-бы во всѣхъ своихъ формахъ, и языкъ разговорный, преданный случайности, двинувшись впередъ, отдѣлился-бы отъ языка письменнаго церковнаго вообще, который остался-бы въ своей первой формѣ, въ той формѣ, въ которой, однажды навсегда, застало его религіозное содержаніе и освятило. Если-бы впослѣдствіи какъ нибудь, пользуясь единствомъ языка, и вкрадывались нововведенія въ языкъ церковный, то они являлись-бы въ немъ чужды, какъ если-бы принадлежали другому языку; связь была уже расторгнута, живой моментъ развитія (1) упущенъ, и измѣненіе было-бы дико и насильственно.

Языкъ церковно-Славянскій не имѣлъ и не могъ слѣдовательно имѣть у насъ развитія; мы можемъ его разсматривать и изучать въ его составѣ, единожды навсегда утвердившемся, но не можемъ и думать о его историческомъ движеніи. Мы встрѣчаемъ измѣненія, въ него вошедшія, но вошедшія чисто внѣшнимъ, чуждымъ образомъ. Русскіе переписчики, а также и писатели, вносили въ него, пользуясь сродствомъ языка, образовавшіяся между тѣмъ безъ его вѣдома, въ отдаленіи отъ него, новыя формы сло́ва въ языкѣ Русскомъ, формы, во всякомъ случаѣ

(1) Мы знаемъ мнѣніе, отвергающее развитіе языка, но слова наши въ этомъ случаѣ относятся собственно до дальнѣйшаго хода языка, не входя въ разсужденіе, развитіе-ли это или нѣтъ.

ему чуждыя. Такія измѣненія встрѣчаемъ мы постоянно; подъ конецъ они умножились. Какъ ни прекрасенъ слогъ и разсказъ на церковно-Славянскомъ языкѣ Св. Димитрія Ростовскаго, но мы должны сказать, что это не церковно-Славянскій языкъ, весь являющійся здѣсь изпещренный окончаніями, измѣненіями, которыя не ему принадлежатъ, ни коимъ образомъ изъ него не вытекали и не могли вытечь по существу вещи, а внесены въ него извнѣ изъ языка Русскаго. Но мы разумѣется обратимъ вниманіе и на это стороннее вліяніе, испытанное языкомъ церковно-Славянскимъ,—вліяніе, имѣющее свой интересъ въ общемъ развитіи языка у насъ. По нашему мнѣнію, языкъ церковно-Славянскій, чтобы явиться во всей чистотѣ и во всемъ величіи своемъ, долженъ отрѣшиться и очиститься отъ всѣхъ этихъ измѣненій, принесенныхъ къ нему изъ другаго языка, которыя во всякомъ случаѣ не плодъ его развитія,—измѣненій, долетѣвшихъ до него изъ области случайности, отъ которой онъ навсегда оторвался.

Россія, находясь подъ опредѣленіемъ изключительной національности, приняла христіанство и вмѣстѣ общее; это было важнымъ моментомъ исторіи языка въ Россіи. Во времена принятія христіанства видимъ мы два языка или лучше, въ отношеніи къ содержанію, два слога: одинъ, языкъ народа какъ и самъ народъ, весь національно опредѣленный, — другой, оторванный отъ народа, вмѣщающій общее и весь проникнутый имъ. Это различіе не было одно внутреннее или случайное; нѣтъ, это выражалось чувственно въ языкѣ. Изключительная національность, опредѣляя все только жизнію народа, какъ народа, жила въ словахъ, оборотахъ, во всемъ языкѣ; это опредѣленіе обнимало весь языкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало его недоступнымъ для общаго, изключающимъ своею національностью языка, общее, религіозное, содержаніе. На этой степени языка, слово по преимуществу выражаетъ національно опредѣленный духъ народа, на этой степени, гово-

ря собственно объ насъ, Русской духъ такъ силенъ, что одна фраза, одно выраженіе переноситъ насъ прямо въ глубину субстанціи народа, національно опредѣленной. Съ другой стороны, общее, принесенное народу въ христіанской религіи, общее, которое было ему недоступно по степени его опредѣленія, является заключенное въ языкъ церковно-Славянскій, о значеніи котораго мы говорили; на него оно положило печать свою; въ немъ, языкѣ церковно-Славянскомъ, также чувственно, во всей жизни языка, выразилось его содержаніе. Думаемъ, что намъ не нужно здѣсь болѣе объ этомъ распространяться, что это, надѣемся, достаточно видно изъ предыдущихъ словъ нашихъ.

И такъ какъ народъ съ одной стороны былъ подъ опредѣленіемъ національности, съ другой ему дано было уже общее въ христіанской религіи, котораго онъ понять былъ не въ состояніи,—такъ съ одной стороны въ устахъ у него былъ свой Русской національный языкъ, чувственно, какъ языкъ выражавшій опредѣленіе націи; съ другой на письмѣ языкъ церковно-Славянскій, понятный, но недоступный народу, заключавшій и выражавшій въ себѣ, какъ языкъ также, непонятное тогда общее. Задача того времени осуществляется, внутреннее содержаніе находитъ себѣ выраженіе. Это мы видимъ въ двухъ языкахъ, которые были тогда въ Россіи. Мы сказали уже объ отношеніи церковно-Славянскаго языка къ языку Русскому, о различіи ихъ, объ общемъ ихъ характерѣ. Это отношеніе лежитъ въ самомъ существѣ языковъ; должно, слѣдовательно, было имѣть мѣсто тогда, когда самобытность ихъ была въ цѣлости, — и такъ, въ первыя времена обоихъ языковъ. Языкъ церковно-Славянскій былъ неприкосновенъ въ своей самобытности, свободенъ отъ всякихъ измѣненій; языкъ Русской не входилъ въ языкъ церковно-Славянскій и самъ не имѣлъ еще многихъ, также внѣшнимъ образомъ въ него пришедшихъ словъ, выраженій языка церковно-Славянскаго, которому онъ уступалъ въ

богатствѣ формъ; Русской языкъ еще не развилъ своихъ формъ, не обозначилъ вполнѣ своей личности, оставаясь въ то-же время совершенно самобытнымъ, словомъ сказать въ томъ отношеніи къ церковно-Славянскому языку, о которомъ мы говорили. Въ такомъ состояніи находимъ мы у насъ языкъ въ древнія времена. Теперь, сказавъ о языкѣ вообще, о языкѣ церковно-Славянскомъ и Русскомъ, постараемся, хотя несовершенно вполнѣ, разсказать историческое движеніе языка въ нашемъ отечествѣ и именно: историческія судьбы языка церковно-Славянскаго и Русскаго, и взаимное ихъ отношеніе.

Наши памятники языка церковно-Славянскаго простираются гораздо глубже въ древность, нежели памятники Русскаго. Русской языкъ былъ преданъ разговору, живому глашенію; за полную совершенную жизнь минуты, минуты настоящей, платилъ онъ *длительностью* въ будущемъ. Отсутствіе памятниковъ нисколько не полагаетъ отсутствія языка. Русской языкъ былъ всегда, когда былъ Русской народъ, и былъ всегда Русскимъ, тѣмъ-же языкомъ, которымъ говоримъ мы и теперь, только условленный временемъ, именно характеромъ первоначальнаго періода; но онъ не имѣлъ въ тѣ отдаленныя времена памятниковъ. Правда, не всякая живая рѣчь народа умираетъ; выраженія, въ которыя онъ слагаетъ свои практическія замѣтки, результаты своихъ наблюденій,—еще лучше, его пѣсни, также сказки, преданія, гдѣ поэтически являетъ онъ всю глубину своей сущности, не пропадаютъ по произнесеніи; раждается отзывъ, и, повторяясь въ теченіи долгихъ временъ, они доходятъ до позднѣйшихъ потомковъ. Но во первыхъ: очень трудно опредѣлить время пѣсенъ и пословицъ, если историческія событія не помогутъ положительно; во вторыхъ: самый языкъ пѣсенъ, повторяясь въ разныя времена, произносясь живыми устами, невольно измѣняется и принимаетъ въ себѣ иногда оттѣнокъ или

слово, современныя эпохѣ ихъ произношенія; но это только въ отношеніи къ языку, и то скорѣе къ внѣшней сторонѣ его; поэтическій характеръ и духъ языка также, большею частію и почти всегда, не мѣняется *Черкесы пятигорскіе*, *Алюторы*, въ пѣсняхъ собранныхъ Киршею Даниловымъ, явно не измѣняютъ, древнѣйшаго этихъ словъ, характера пѣсни. Даже въ отношеніи къ языку можно устранить многое, неловко приставшее, къ древнему его виду, и если многое прибавилось, измѣнилось, утратилось, при живомъ повтореніи, то также многое сохранилось, потому что пѣсня, и также другія созданія народныя, *передавалась*, и измѣненіе въ ней было развѣ невольное. Пословица говоритъ: *изъ пѣсни слова не выкинешь.*

Есть пѣсни, какъ кажется, очень древнія, восходящія можетъ быть къ баснословному періоду нашей исторіи; но, какъ мы сказали, очень трудно опредѣлить время живыхъ памятниковъ народнаго языка; и поздно, очень поздно пишутся онѣ на бумагу. И такъ памятниковъ опредѣленныхъ, памятниковъ письменныхъ Русскаго языка мы еще долго не встрѣчаемъ, когда уже довольно давно имѣемъ у себя памятники языка церковно-Славянскаго. Самое содержаніе этихъ памятниковъ объясняетъ и дѣлаетъ необходимымъ присутствіе языка церковно-Славянскаго. Мы не говоримъ уже о св. Евангеліи, переведенномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ на церковно-Славянскій языкъ; кромѣ этого сюда-же принадлежатъ житія святыхъ, поученія духовныхъ лицъ и сочиненія тому подобнаго содержанія, и наконецъ лѣтописи. И такъ, слѣдуя за ходомъ памятниковъ, сообразно съ вліяніемъ языка, съ временемъ появленія его въ сферѣ письменности и мѣстомъ имъ въ ней занимаемымъ, должны мы начать съ памятниковъ языка церковно-Славянскаго.

Древнѣйшій памятникъ языка церковно-Славянскаго у насъ, и языка церковно-Славянскаго вообще, есть переводъ

Евангелія Кирилломъ и Меѳодіемъ. Собственно мы имѣемъ его въ спискѣ 1056—7 года. Этотъ истинно драгоцѣнный памятникъ церковно-Славянскаго языка, всей его оригинальной жизни, можетъ быть, сохранившій безъ измѣненія всѣ формы, всѣ обороты, однимъ словомъ всю современную жизнь языка, на который сдѣланъ былъ переводъ св. книгъ, у насъ недавно изданъ (1). Въ Евангеліи Остромировомъ находится языкъ Славянскій такимъ, какимъ его застало св. Писаніе, со всѣми падежами, разностями, измѣненіями, со всею оригинальностью, составляющей физіономію отдѣльнаго, самобытнаго языка. Въ Евангеліи Остромира правильность языка почти неизмѣнна, если нѣкоторыя отступленія мы станемъ считать за особенныя, дозволенныя, различающіяся употребленія. Это уже языкъ, развившій свои формы склоненія, спряженія, и сохраняющій всю тонкость и подробность различій; въ немъ видимъ мы все, о чемъ говорили мы выше, какъ о свойствахъ языка церковно-Славянскаго; въ немъ видимъ мы, вопреки мнѣнію Добровскаго, и форму родительнаго падежа въ именахъ мужескаго рода единственнаго числа для падежа винительнаго; видимъ это тонкое различіе то-же въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа двухъ падежей именительнаго и винительнаго, находимъ эту, и въ послѣдствіи долго сохраняемую, особенность сходства родительнаго съ именительнымъ въ именахъ женскаго рода

(1) Я руководствовался до сихъ поръ отрывками изъ Остромирова Евангелія, помѣщенными въ *Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи Спб. 1827. Кеппена; въ Glagolita Clozianus, Копитара; въ Экзархѣ болгарскомъ; у Греча, въ Исторіи Русской Литтературы; у Шафарика.* Разсужденіе это было уже окончено, какъ появилось изданіе Остромирова Евангелія, и по этому я не могу представить столь подробный отчетъ и изслѣдованія, какъ-бы желалъ объ этомъ важномъ памятникѣ, чего во всей полнотѣ я-бы ни въ какомъ случаѣ не могъ сдѣлать, ибо тогда это составило-бы особое сочиненіе. Указанія свои дѣлаю я на недавно изданное Остромирово Евангеліе, которое изучилъ, сколько успѣлъ.

на *л* и пр.; сверхъ того именно въ этомъ, и почти только въ этомъ памятникѣ, находимъ мы полнѣйшую форму прилагательныхъ, еще неутратившихъ слѣда своего образованія, какъ напр: *добрыихъ*. Даже въ древнихъ памятникахъ языка, сохранившихся въ соплеменныхъ земляхъ Славянскихъ, какъ въ *Судѣ Любуши* и въ *отрывкахъ Евангелія Іоанна*, относимыхъ Шафарикомъ къ X столѣтію, не находимъ этой полной, явственно первообразно-древней формы прилагательныхъ; напротивъ тамъ всегда употребляется или обыкновенная настоящая форма, или даже не достаетъ этой полноты формы и тамъ, гдѣ она сохранилась и до сихъ поръ у насъ, и гдѣ этотъ выпускъ, этотъ недостатокъ чувствителенъ и ясно обозначается. Это встрѣчаемъ въ Судѣ Любушиномъ, напр: *Всяк от свеи челеди воіеводи*, или: *розеня для свего*, или *гласы по народу свемоу* (1). Это ясно намекаетъ на позднѣйшее ихъ время въ сравненіи съ языкомъ Евангелія Остромирова. Мы не находимъ въ нихъ также того сходства, конечно произношеніемъ различающагося, именительнаго падежа съ родительнымъ единственнаго, и имѣтельнымъ и винительнымъ множественнаго числа, въ именахъ женскаго рода извѣстнаго окончанія, гдѣ у нихъ становится *е* или *іе*, которыя приблизительно могутъ быть употреблены, какъ замѣна ѧ, имѣвшаго носовой звукъ, по справедливому мнѣнію Г. Востокова; что̀ видимъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ есть соотвѣтствіе съ церковно-Славянскимъ ѧ. Въ Судѣ Любуши, напр: *по Святослав от любице бѣле* (2), или въ Евангеліи Іоанна *i kto nenavidi dušе svoje* (3). Также замѣчательно употребленіе въ Евангеліи Іоанна почти вездѣ въ винительномъ формы именительнаго, а не родительнаго падежа и именно тогда, когда въ

(1) Die Aelsesten Denkmähler der Böhmischen Sprache Krnisch beleuchtet von P. S. Safarik und Franz Palacky. стр. 34, 35, 36.

(2) Тамъ-же стр. 35.

(3) Тамъ-же, стр. 114.

Остромировомъ Евангеліи встрѣчается уже форма родительнаго падежа, что́ указываетъ также на неразвитость языка этихъ памятниковъ (во всякомъ случаѣ эта форма явилась впослѣдствіи), не противорѣча первому свидѣтельству о позднѣйшемъ его времени; ибо то, о чемъ упомянули мы выше, отсутствіе полноты въ образованіи прилагательныхъ, есть уже всегда потеря формы, необходимо долженствовавшей существовать; тогда какъ употребленіе формы родительнаго падежа въ винительномъ могло еще долго не возникать. Надо не забывать между прочимъ, что мы говоримъ здѣсь о древности не рукописей, но языка, въ нихъ являющагося. Вотъ примѣры винительнаго падежа: *jeli že mnozi pron' chodiachu iz judev i verichu v Jesus* (1). Въ Остромировомъ Евангеліи: *и вѣровааху въ Іисуса* (2). Или: *Vynide ze učennik drugy, jen-že bĕde znam papezi, i reče dverny i vvede Petr* (3). Въ Остромировомъ Евангеліи: *вѣведи Петра* (4).

Въ Фрейзингенскихъ рукописяхъ (5) встрѣчается то-же отсутствіе полныхъ прилагательныхъ и въ такой-же степени, напр: *i me delo*, или *prideta otza mega izvuoleni* (6); но родительный падежъ въ именахъ женскаго рода на *я* и пр. сохраняетъ сходство съ именительнымъ, онъ встрѣчается въ рукописи только разъ: окончаніе его написано *a* латинскимъ, которое не различаясь отъ *a*, употребляемаго во всѣхъ другихъ случаяхъ, не выражало этого тонкаго различія между *ia* (или *a* послѣ *ч*, *ж*, *ц*, и пр.) и *ѧ*; точно такъ-же, какъ у насъ безъ различія сохранялась эта форма родительнаго падежа, и буквы, принимаемыя за равногласныя, здѣсь и

(1) Тамъ-же, стр. 113.
(2) Ост. Евангеліе, 1843. л. 142 об. Ев. отъ Іоанна, II, 11.
(3) D. A. D. der Böhmischen Sprache и т. д. стр. 118.
(4) Остр. Ев. 1843. и. 178. Ев. отъ Іоан. XVIII. 16.
(5) Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи, книга 1, отдѣленіе 1.
(6) Тамъ-же, книги 1, отдѣленіе 1, стр. 5.

въ другихъ случаяхъ часто перемѣшивались. Вотъ этотъ примѣръ: *jli ese iesem ne zpasal nedela* (1). Есть еще примѣръ подобнаго родительнаго въ прилагательномъ: *od szlauui bosige* (2) (*отъ слови божіе*, какъ читаетъ Кеппенъ). Здѣсь мы видимъ на концѣ *е*, но нѣтъ носоваго звука; а такого рода измѣненіе возможно скорѣе въ прилагательномъ и послѣ гласныхъ (и, думаемъ, не противорѣчитъ сказанному нами и оставляетъ во всей силѣ приведенный примѣръ); мы также до сихъ поръ говоримъ: *ее, самое*. Это, вопреки Кеппену, наводитъ на мысль, что эти памятники не принадлежали собственно той землѣ, въ которой были написаны и вообще не были оригинальнымъ памятникомъ языка; одинаковость окончанія въ родительномъ и именительномъ падежѣ показываетъ присутствіе носоваго звука, ибо только такъ являлась эта видимая одинаковость, различаясь въ то-же время носовымъ звукомъ; теперь, въ памятникахъ, эта одинаковость падежа сохранена, а свойство ея, носовой звукъ (въ родительномъ падежѣ и пр.) не сохраненъ; только внѣшнее сходство, сходство буквъ схвачено. Ясно, что тамъ, гдѣ написана была рукопись, не было носоваго звука; но ясно также, что слова, которыя писались въ этой рукописи, имѣли носовой звукъ: слѣдовательно эти слова не принадлежали той странѣ, гдѣ писалась рукопись, не были тамошними. Однимъ словомъ, вѣроятно это былъ списокъ латинскими буквами съ церковно-Славянскаго подлинника, подлинника, написаннаго, покрайней мѣрѣ, кириловскими буквами, —списокъ, во многихъ мѣстахъ изказившій оригиналъ, не смотря на что языкъ церковно-Славянскій обозначается кажется явно; впрочемъ здѣсь въ древнія времена сходство могло быть само собою, (какъ напр: *Судъ Любуши*). Кеппенъ называетъ это изключеніемъ и напротивъ указываетъ на то, что буквы носовыя ѧ и ѧ выражаются не такъ какъ у и я

(1) Тамъ-же, стр. 5.
(2) Тамъ-же стр. 9.

но что пишущіе, не находя настоящихъ буквъ въ латинской азбукѣ для выраженія этихъ звуковъ, выражали розно, стараясь приблизиться къ ихъ произношенію; впрочемъ (что̀ онъ и самъ замѣчаетъ) ѫ выражается болѣе чрезъ латинское: *u* (*v*); и. *o*, прибавляетъ онъ; но, какъ это очевидно, преимущественно чрезъ: *u*. Кеппенъ говоритъ далѣе въ защиту мнѣнія, что носовой звукъ принадлежалъ языку Фрейзингенскихъ рукописей; что ѧ преимущественно выражается чрезъ *e*, и что *я* (*ia*) черезъ латинское *ia*; это справедливо, но не совсѣмъ. Какъ могъ переписчикъ выразить смягченіе въ словахъ *мя* и пр. (гдѣ употребляется *я*), какъ не прибѣгая къ замѣненію его буквою *e*; тѣмъ болѣе, когда ударенiе не обозначало и по его произношенію буквы: *a* въ двугласномъ: *я;* составная буква латинская *ia совсѣмъ не то*, что наша *двугласная я*, гдѣ *нераздѣльно слышатся оба звука*; это слитіе еще сильнѣе послѣ *согласной*. *И* такъ на этомъ основаніи, какъ намъ кажется, писалъ переписчикъ *ia* и *e*, ставя *e* послѣ согласныхъ и *ia* вначалѣ и послѣ гласныхъ, гдѣ звукъ этотъ слышится яснѣе и самостоятельнѣе, а не на основаніи различія *я* и носоваго ѧ. Это доказывается тѣмъ, что когда *я* встрѣчается послѣ согласныхъ, то часто пишется *e*; напр: *do dineznego dine, natrouuechu, u vedechu, tepechu* (1); впрочемъ подъ строгое правило подвести этаго нельзя; послѣ согласной встрѣчается и *ia*, которое замѣняется иногда просто *a*; но зато оно пишется здѣсь и вмѣсто ѧ; напр: *grechi vuasa* (ѧ) (2). Если *e* считать приближенною замѣною ѧ, потому что нельзя было выразить его латинскою буквою, то съ другой стороны зачѣмъ-же *я* не всегда писалось чрезъ *ia*, зачѣмъ-же писалось оно и черезъ *e* и зачѣмъ-же встрѣчается и ѧ, написанное чрезъ *a* даже? Также не вездѣ въ началѣ, *я* пишется чрезъ *ia*, но иног-

(1) Тамъ-же, стр. 8, 10. 11.
(2) Тамъ-же. стр. 11.

да чрезъ *e*; напр: *ese sunt dela sotovina*, или, въ сложномъ словѣ, *vlichogedén* (1). Это съ другой стороны доказываетъ нерѣшительную замѣну ѧ чрезъ *e*; но можетъ быть это сдѣлалось просто, также какъ и у насъ, безъ всякаго носоваго звука, перемѣнилось *ясть* въ *пьсть*. Въ словѣ-же *недѣля* (nedela) латинскій выговоръ и безъ того мягокъ, и поэтому, такъ какъ (если принять это предположеніе) не было замѣтно разницы произношенія носоваго между *я* и ѧ, написано было просто *a*. Наше предположеніе состоитъ въ томъ, что всѣ эти три рукописи были переписаны или передѣланы съ церковно-Славянскаго, отъ чего древность ихъ, X столѣтіе, ни сколько не теряетъ; впрочемъ все это одна гипотеза, которую далѣе мы не подтверждаемъ. Какъ-бы ни были точно древни эти рукописи, относимыя къ IX, къ X столѣтію, но языкъ ихъ не есть языкъ совершенно древній, о которомъ мы имѣемъ понятіе; мы видимъ утраченную полноту прилагательныхъ въ окончаніяхъ падежей и глаголовъ, также въ спряженіяхъ, хотя полнота глаголовъ не такъ очевидно необходима; стало быть Евангеліе Остромирово, какъ рукопись, принадлежа къ XI столѣтію, сохранило церковно-Славянскій языкъ, а вмѣстѣ съ этимъ въ немъ языкъ Славянскій вообще, во всей его чистотѣ, во всемъ его древнемъ полномъ видѣ, въ такомъ, смѣемъ сказать, въ какомъ засталъ его переводъ Священнаго Писанія.

И такъ лучшій памятникъ языка церковно-Славянскаго и въ то-же время (такъ какъ здѣсь онъ представитель) языка Славянскаго вообще—это Остромирово Евангеліе. Чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встрѣчаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссицизмовъ. Евангеліе Остромирово представляетъ намъ

(1) Тамъ-же, стр. 9, 8.

церковно-Славянскій языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполнѣ мы говорили, всѣ хранятся тамъ. Но и Евангеліе Остромирово представляетъ иногда изключенія изъ правилъ языка, въ немъ являющихся, — ошибки, если смѣть такъ сказать; это были можетъ быть видоизмѣненія, можетъ быть вслѣдствіе особенныхъ правилъ и основаній. Между прочимъ, не говоря о формѣ родительнаго падежа въ винительномъ, часто встрѣчающейся, мы укажемъ еще на одну особенность, ярко поражающую въ Остромировомъ Евангеліи. Глаголъ: *есмь*, употребляющійся во временахъ сложныхъ, совсѣмъ не непремѣнно присутствуетъ: не говоря о томъ, что онъ иногда не встрѣчается въ третьемъ лицѣ, не встрѣчается и во второмъ и въ первомъ, когда тутъ находятся личныя мѣстоименія, (что мы увидимъ еще позднѣе и что надѣемся объяснить),—мы видимъ, что онъ не встрѣчается даже въ первомъ лицѣ, гдѣ нѣтъ личнаго мѣстоименія.

Въ концѣ Остромирова Евангелія есть приписка то-же на церковно-Славянскомъ языкѣ; но здѣсь, вдругъ встрѣчается намъ употребленіе несвойственное духу языка Остромирова Евангелія, употребленіе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно-Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангеліи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленіе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношеніи къ церковно-Славянскому. Здѣсь именно этотъ предложный падежъ употребленъ при именахъ собственныхъ Переписчикъ, въ припискѣ своей (отъ себя) два раза употребляетъ его: *Кыевѣ, Новѣгородѣ. Самъ-же Изяславъ Князь пра-*

вллаше столъ отца своего Ярослава Кыевъ. А брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу Остромироу Новъгородъ (1). Что это не ошибка, доказывается во первыхъ: двукратнымъ употребленіемъ такого падежа; во вторыхъ: это употребленіе очень часто подкрѣпляется позднѣйшими памятниками и, даже и до сихъ поръ сохранившимися у насъ, выраженіями, которыя объясняются, какъ предложный безъ предлога. Сверхъ того само Остромирово Евангеліе можетъ служить намъ подкрѣпленіемъ. Предложный безъ предлога находится въ Остромировомъ Евангеліи, но встрѣчается очень рѣдко. Въ текстѣ, напримѣръ: *И отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (2), *явѣ* очевидно есть предложный падежъ, употребленный безъ предлога: *въ явѣ*. Но это показываетъ слѣды такого употребленія, которое уже не вездѣ встрѣчалось въ языкѣ церковно-Славянскомъ Евангелія Остромирова; что оно было въ этомъ языкѣ, это естественно и даже необходимо, и отсутствіе его въ немъ показывало-бы тогда, что языкъ перешелъ этотъ моментъ. И такъ въ Остромировомъ Евангеліи находится это употребленіе, но не въ такой силѣ, въ какой находится оно въ современномъ языкѣ Русскомъ; въ послѣднемъ встрѣчается оно особенно при именахъ городовъ, мѣстъ, которыя именно употребляются въ Евангеліи Остромировомъ вездѣ, или почти вездѣ, съ предлогомъ. Въ этомъ случаѣ, этотъ древнѣйшій памятникъ даетъ намъ возможность довольно ясно изслѣдовать въ немъ это употребленіе и оправдать слова наши, заключая въ себѣ святцы, гдѣ такъ часто встрѣчается мѣстный предложный падежъ, именно при именахъ собственныхъ. И такъ мы находимъ здѣсь только два изключенія изъ общаго употребленія, именно: *святааго священномученика Петра Капетуляихъ и стра*

(1) Остр. Евангеліе, 1843. листъ 291 об.

(2) Тамъ-же, листъ 122 об.

святаго мученика Климента Роумьхъ (1). Другихъ примѣровъ не находится, кажется; напротивъ, вездѣ предложный мѣстный употребляется при именахъ съ предлогомъ. Въ этой припискѣ встрѣчаемъ мы также полное прилагательное, написанное безъ сохраненія полнаго своего произношенія, именно: *дароуи Богъ стяжавшоумоу* (2) и т. д. Но это произошло отъ того, что писцы наши, еще новые въ знаніи азбуки, не понимали, какая польза будетъ въ томъ, какая разница звуковъ произойдетъ отъ того, если двѣ одинакія буквы напишутъ они рядомъ одну подлѣ другой; различіе это для нихъ изчезало и двѣ одинакія буквы сливались въ ихъ понятіи, они принимали ихъ за одну. Кромѣ этой приписки въ самомъ Остромировомъ Евангеліи, въ приписанныхъ къ тексту примѣчаніяхъ, о чтеніи Евангелій, встрѣчаются подобныя ошибки, описки, конечно; напримѣръ, часто попадутся: *новоумоу* и *повумоу лѣту* и рѣдко какъ надобно: *повоуоумоу*; также въ словѣ *святой*, часто встрѣчающемся, видимъ такого-же рода ошибки. Мы не выписываемъ мѣстъ и не указываемъ на страницы, ибо эти ошибки попадаются часто и это было-бы излишнимъ. Въ этихъ-же припискахъ встрѣчается приписанное съ боку: *и прочимъ пророкомъ* (3). Эти приписки были, вѣроятно, писаны не такъ тщательно; въ нихъ встрѣчается еще другая ошибка: въ родительномъ падежѣ употреблено *Богородищи: и бъ на погребени сѣтыя Бѣи* (4). Сверхъ того, даже въ самомъ текстѣ, находимъ мы такую-же ошибку; тамъ два раза употреблено: *мьньшихъ*: *единомоу отъ сихъ малыихъ братъ моихъ мьньшихъ*, и далѣе: *единомоу отъ сихъ мьньшихъ* (5). Изъ этаго-же неумѣнія от-

(1) Тамъ-же, лист. 228.
(2) Тамъ-же, лист. 299 об.
(3) Тамъ-же, лист. 128.
(4) Тамъ-же, лист. 228.
(5) Тамъ-же, лист. 151 об., 152.

дѣлять при написаніи одинакія или сходныя буквы, думаемъ мы, происходитъ и вообще то, что въ послѣдующихъ, даже почти непосредственно, памятникахъ, мы не встрѣчаемъ полныхъ, написанныхъ прилагательныхъ: тогда, какъ гласно они сохранились и теперь въ устахъ народа; онъ не потерялъ этихъ полногласныхъ прилагательныхъ, въ иныхъ случаяхъ, покрайней мѣрѣ; онъ употребляетъ ихъ и теперь въ своихъ старинныхъ пѣсняхъ, въ пѣсняхъ современныхъ, и даже иногда въ своемъ разговорѣ. Другое дѣло рукописи иностранныя; тамъ это употребленіе, если-бъ было оно въ самомъ языкѣ, могло-бы прорваться, какъ прорывалось и у насъ и въ позднѣйшихъ рукописяхъ; но тамъ не встрѣчается этого употребленія; если-же такого основанія для заключенія было-бы недостаточно, то выраженія: *свему* и т. п. (примѣры приведены выше) доказываютъ уже отсутствіе въ живой рѣчи этой формы прилагательныхъ. Потому въ написаніи прилагательныхъ, сокращенная ихъ форма, или лучше, сокращенное ихъ изображеніе нисколько не есть вліяніе Русской рѣчи, въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти прилагательныя то-же самобытно существовали, покрайней мѣрѣ не были ей чужды.

И такъ Остромирово Евангеліе представляетъ намъ самый древній, самый чистый памятникъ церковно-Славянскаго языка и вообще языка Славянскаго; въ немъ является весь языкъ церковно-Славянскій со всѣми своими особенностями, измѣненіями, своимъ существомъ и устройствомъ, какъ языкъ. Изученіе Остромирова Евангелія есть изученіе языка церковно-Славянскаго, который хотя и имѣетъ другіе памятники, но чище и древнѣе не имѣетъ.

Послѣ этаго перваго памятника письменности у насъ, своимъ языкомъ восходящаго въ самую отдаленную древность, спискомъ-же относящагося къ 1056 — 57 году, является уже памятникъ оригинальный по содержанію, памятникъ писанный, а не списанный, но разумѣется на томъ-

же церковно-Славянскомъ языкѣ, исключительномъ языкѣ письма, которое само по себѣ было чуждо народу, чуждо его тогдашней національной жизни, и, вмѣстѣ съ общимъ содержаніемъ религіознымъ и церковно-Славянскимъ языкомъ, было принесено къ нему. Письмо стало, слѣдовательно, (согласно и съ существомъ своимъ) на сторонѣ общаго, недоступнаго для народа, и каждое слово уже, касаясь бумаги, должно было становиться церковно-Славянскимъ или принимать покрайней мѣрѣ отпечатокъ языка церковно-Славянскаго; переходъ этотъ, это преобразованіе было возможно, по сродству языковъ. — Мы говоримъ теперь о Ярославовой Правдѣ, относимой ко времени отъ половины XI до начала XII вѣка включительно, и по этому отчасти современной съ приписки Остромирова Евангелія. Какъ и все тогда, писана она на языкѣ церковно-Славянскомъ; но опять мы видимъ, какъ Русская рѣчь врывается иногда въ него; онъ становится то неправиленъ, то допускаетъ чуждыя ему формы, и только по этимъ неправильностямъ и измѣненіямъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, можемъ мы видѣть или лучше чувствовать темно, угадывать присутствіе иной живой рѣчи, Русской рѣчи, которая сама скрыта за языкомъ церковно-Славянскимъ,—только такъ и не болѣе. Русская Правда писана на языкѣ церковно-Славянскомъ, писана правильно, но здѣсь уже часто сквозь языкъ церковно-Славянскій пробиваются новыя чуждыя ему употребленія слова: ибо Русская Правда была собственное сочиненіе, а не списокъ, и въ то-же время имѣла содержаніе народное, была памятникъ народный. Въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ не менѣе, если не болѣе формы именительнаго падежа, употребленной въ винительномъ единственнаго числа въ именахъ мужескаго рода. Напр: *Аже кто познаетъ челядинъ свои украденъ. Аже кто переиметъ чужъ холопъ. Поати у него отрокъ. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячетъ. Аже кто крънетъ чюжь холопъ.*

Холопъ пояти (1) и пр. Далѣе: измѣняется склоненіе церковно-Славянскаго языка; извѣстно, что слова женскаго рода кончащіяся на *я*, на *жа* и проч., должны были имѣть въ извѣстныхъ падежахъ то-же *я*, писавшееся чрезъ ѧ, имѣвшее носовое произношеніе; это различіе не существуетъ въ Русскомъ языкѣ и родительный падежъ имѣетъ и въ именахъ женскаго рода, такъ кончащихся, такое-же, свое собственное окончаніе, какъ и въ именахъ, обыкновенно кончащихся на *а*. Въ церковно-Славянскихъ памятникахъ иногда свято соблюдается въ склоненіи это сходство и вмѣстѣ различіе *я*, (*іа*—ѧ), что впрочемъ сдѣлалось у насъ однимъ буквеннымъ сходствомъ, ибо *іа* и ѧ, не разнились у насъ: носовой звукъ былъ намъ чуждъ. Въ Русской Правдѣ напротивъ видимъ мы, какъ уже нарушается или лучше вовсе не исполняется непонимаемое сходство, какъ измѣняется употребленіе, что̀ очень важно и придаетъ Русской Правдѣ особенный характеръ; видно, что она писана для народа, памятникъ народный; нѣтъ ни одного примѣра окончанія въ родительномъ и другихъ падежахъ въ извѣстномъ случаѣ на ѧ, или даже, по ошибкѣ, на обыкновенное *я (іа)*. Но чтобы на письмѣ выразить неясное *и* въ именахъ женскаго рода на *я* и пр.—окончаніе родительнаго и другихъ падежей,—которому не соотвѣтствовала буква ѧ, рука, какъ будто была невѣрна, ошибалась и писала *е*, измѣняя церковно-Славянское окончаніе, и наконецъ *и*. То встрѣчаемъ мы въ Русской Правдѣ. Вотъ примѣры: *Ві гривне продаже* и вездѣ, гдѣ встрѣчается слово: *продажа*, въ томъ-же падежѣ. Также: *Аже крадеть скотъ на поли или овци или козы или свинье. — А дѣтемъ не дати воле* (2). Но далѣе находимъ мы: *а от бортьнои земли*, два раза—и *от ролеинои земли* (3) и пр. Еще но-

(1) Русскія достопамятности, ч. 1, стр. 36, 56, 57. Русская Правда.
(2) Русская достопамятности, ч. 1, стр. 32, 37, 45. Русская Правда.
(3) Тамъ-же, стр. 46.

вость, невиданнаго досель употребленія, встрѣчаемъ мы въ Русской Правдѣ и, надобно замѣтить, съ Правды Владиміра; мы читаемъ: *томоу взяти гривна кунъ. Закладаюче городьня куна взяти, а кончавше, погата* (1) и пр. Форма именительнаго надежа въ винительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться. Какъ объяснить это? Мы сказали прежде, что неподвижность слова въ падежахъ есть характеръ перваго періода языка; что въ ту минуту, когда еще не выработались формы падежей, именительный падежъ, какъ тотъ, изъ котораго они потомъ вытекаютъ, есть главная, на мѣстѣ и другихъ падежей встрѣчающаяся, ихъ вначалѣ замыкающая падежная форма, изъ которой потомъ они освобождаются Кажется, здѣсь видимъ мы подобный примѣръ; но мы должны еще болѣе вникнуть. Значеніе винительнаго падежа, въ отношеніи къ именительному, совершенно отлично отъ другихъ; винительный падежъ не измѣняетъ именительнаго; онъ только выводитъ его изъ его непосредственнаго состоянія спокойствія, становитъ его предметомъ, объективируетъ его однимъ словомъ; по этому, одно отношеніе именительнаго и винительнаго можетъ назваться прямымъ, тогда какъ всѣ другія косвенны. И такъ, въ винительномъ падежѣ мы не встрѣчаемъ ничего новаго; это есть просто движеніе падежа именительнаго, только разрѣшеніе имъ своего непосредственнаго состоянія;—и развитіе чисто буквенное, звуковое выражаетъ это. Отсюда это сходство падежей именительнаго и винительнаго. Что новаго въ звукахъ слова встрѣчаемъ мы въ падежѣ винительномъ? Онъ ничего намъ не приноситъ и не можетъ принести; по этому форма именительнаго падежа сохраняется въ винительномъ, какъ именительный падежъ сохраняется въ винительномъ; но тамъ онъ объективировался, тамъ двинулся онъ, если можно такъ

(1) Тамъ-же, стр. 46, 53.

сказать; это, только, его прямое движеніе выражается въ склоненіи въ формахъ падежей; отсюда, какъ мы сказали уже, во первыхъ: сходство падежей именительнаго и винительнаго; отсюда совершенное тождество этихъ падежей въ именахъ средняго рода, рода, опредѣляющаго собственно предметы неодушевленные, вообще лишенные прямаго собственнаго опредѣленнаго движенія, предметы неимѣющіе самобытности, гдѣ невозможно слѣдовательно объективированіе, ибо: все объектъ Но во вторыхъ: въ именахъ другихъ родовъ, именно женскаго въ языкѣ церковно-Славянскомъ, это объективированіе именительнаго выражается; какъ значеніе падежей, такъ и самая форма ихъ при переходѣ изъ именительнаго въ винительный, сохраняясь тою-же, только выражаетъ движеніе въ ней самой; это обозначается носовымъ звукомъ, почти вездѣ встрѣчающимся; таково окончаніе ѫ, въ языкѣ церковно-Славянскомъ, ą въ Польскомъ въ именахъ женскаго рода. Но въ именахъ мужескаго рода, въ языкѣ Славянскомъ вообще, встрѣчаемъ мы ту-же именительную форму именительнаго падежа въ винительномъ въ древнихъ памятникахъ. Если смотрѣть на буквенное опредѣленіе родовъ въ словѣ, не какъ на безсмысленное и случайное, но какъ долженствующее выражать сущность рода, если находить въ словѣ опредѣленіе внутреннее, то мы можемъ сказать, что, если въ среднемъ родѣ невозможна была потому разница, что онъ выражаетъ только объектъ, не допуская самобытнаго движенія, то въ именахъ мужескаго рода преобладаетъ другая сторона, именно сторона субъективнаго, тоже недопускающая разницы, — такъ, что когда *мужъ*, напримѣръ, употребляется въ винительномъ падежѣ; напр: *посла свой мужъ*; то, кажется, онъ не теряетъ своего субъективнаго, личнаго достоинства, не склоняется, не повинуется и идетъ самъ. Да и самый ъ не допускаетъ этаго; онъ не можетъ измѣниться въ букву; къ нему надо прибавить, а прибавка

въ винительномъ невозможна. Родительный падежъ, замѣняющій здѣсь винительный и потомъ опредѣленно его замѣнившій, еще болѣе указываетъ, что причина здѣсь сходства и различія падежей чисто внутренняя; ибо теперь, когда родительный падежъ опредѣленно замѣняетъ винительный, имена одушевленныя становятся, въ случаѣ винительнаго, въ родительномъ падежѣ, а имена неодушевленныя, по существу своему относящіяся къ среднему роду, сохраняютъ, какъ имена средній, и въ винительномъ форму именительнаго падежа; тогда какъ видимъ другое въ именахъ женскаго рода, гдѣ есть именно форма падежа винительнаго. Родительный падежъ пришелъ здѣсь на помощь: *посла своего мужа*; здѣсь косвенно падаетъ дѣйствіе на имя: *мужъ*, какъ-бы: *отъ своего мужа*; но *мужъ* не склонился. Это уступки со стороны усилія покорить мужа, или поставить въ винительномъ падежѣ имя мужескаго рода. Такъ въ нашемъ Русскомъ и вообще Славянскомъ языкѣ. Въ именахъ женскаго рода, составляющихъ средину между мужескимъ и среднимъ, субъектомъ и объектомъ, и выражающихъ полноту, винительный падежъ имѣетъ свое образованіе, какъ мы упомянули уже, образованіе, которое мы опредѣлили; въ нашемъ языкѣ онъ имѣетъ его довольно явственно, о чемъ намѣрены мы говорить дальше. Во множественномъ числѣ то-же, невидное почти различіе именительнаго и винительнаго, встрѣчается въ церковно-Славянскомъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода: *ве* (*Татарове*) явная прибавка; ибо иногда сохраняется во всѣхъ падежахъ; впрочемъ *ве* не вездѣ и является. *Іе* кажется одна изъ формъ, сверхъ имѣющейся формы множественнаго, форма съ характеромъ существительнаго, соотвѣтствующая, можетъ быть, нѣмецкому *ge*. Напр: *сукъ*, мн. *суки*, по церковно-Славянски *суци* или *сучи*, и: *сучіе*, *сучья*, *сучьё*. Подобная форма встрѣчается даже въ женскомъ: *бабьё*. *Ы* вмѣсто *и*—лишь грубо произнесенный звукъ; тотъ-же па-

дежъ видѣнъ ясно; сверхъ того иногда винительный падежъ имѣетъ форму совершенно особенную отъ именительнаго; напр: *Князь*. Во множественномъ числѣ нѣтъ субъективной силы; количество ее уже умѣряетъ; по этому и въ именахъ женскаго рода нѣтъ различія винительнаго отъ именительнаго; но въ именахъ мужескаго рода, гдѣ преобладаетъ субъективная сила, во множественномъ, когда она умѣряется количествомъ, появляется различіе, соотвѣтственное съ значеніемъ и отношеніемъ падежей. И этотъ законъ о сходствѣ этихъ двухъ падежей и о различіи ихъ безъ существеннаго измѣненія ихъ формы, т. е. большею частію чрезъ носовой звукъ, едва-ли не общій. Въ языкѣ Греческомъ въ именахъ женскаго рода находимъ это; напр: Μοῦσα—Μοῦσαν. Здѣсь новый звукъ является только опредѣленіе, какъ *v*. Въ Латинскомъ языкѣ видимъ mensa—mensam, гдѣ носовой звукъ перешелъ уже въ *m;* но въ Латинскомъ языкѣ и имена мужескаго рода имѣютъ это носовое окончаніе; въ Греческомъ тоже во второмъ склоненіи (надо разсматривать, мнѣ кажется, собственно въ единственномъ числѣ, почему?—мы уже упомянули объ этомъ). Сходство не прекращается и во множественномъ числѣ въ Латинскомъ языкѣ, именно въ третьемъ склоненіи, гдѣ уже является тождество. Вотъ образованіе винительнаго падежа; вотъ необходимость, какъ намъ кажется, сходства его съ падежемъ именительнымъ, и вмѣстѣ опредѣленіе этаго сходства. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ это сходство выражалось: ѫ, имѣвшимъ носовой звукъ; но въ языкѣ Русскомъ, которому носовые звуки противны до того, что *гнусный* у насъ значитъ брань,—это сходство и сродство двухъ падежей выражалось просто сходствомъ или лучше тождествомъ двухъ окончаній Такъ какъ винительный падежъ вытекаетъ прямо изъ именительнаго, то онъ болѣе чѣмъ всякой другой могъ имѣть форму именительнаго, форму, какъ сходную, всегда ему болѣе принадлежащую, но из-

мѣнившуюся, какъ мы показали выше. У насъ-же первоначально это сходство не могло выразиться иначе; эта форма именительнаго, вмѣсто юса встрѣчаемая, совершенно принадлежитъ Русскому языку, который не понималъ юса и вмѣсто него вносилъ свои формы падежей. Рядомъ съ этой тождественной формой вытекала и другая: у; случается, что одно и тоже слово употребляется (въ винительномъ падежѣ) и съ *а* и съ *у*; у — форма, въ которую должна была перейти первая, то измѣненіе, которое должно было совершиться въ формѣ первоначальной и тождественной; въ окончаніи: *у* лежало что-то соотвѣтствующее носовому звуку ѫ въ винительномъ падежѣ въ другихъ соплеменныхъ языкахъ; тѣмъ болѣе, что у насъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ церковно-Славянскаго ѫ. или вообще носоваго ему соотвѣтствующаго звука другихъ языковъ, звукъ носовой замѣняется просто *у*. Стало быть, было что-то общее между юсомъ, который вмѣстѣ выражалъ падежъ винительный, между *а*, всегда полнымъ звукомъ именительнаго и употреблявшимся у насъ въ падежѣ винительномъ, по существенному отношенію этихъ падежей и при отсутствіи у насъ носоваго звука (выражавшаго почти тоже), и *у*, которое потомъ сдѣлалось господствующею формою винительнаго падежа. Очень можетъ быть, что юсъ, принесенный къ намъ и принятый нами за *у*, прежде времени раскрылъ въ языкѣ форму *у* въ винительномъ падежѣ; покрайнеймѣрѣ можемъ сказать, что въ тоже время, съ формою именительнаго падежа въ винительномъ, встрѣчается и эта послѣдняя; не смотря на то форма на *а*, т. е. форма именительнаго падежа въ винительномъ, постоянно и упорно является въ памятникахъ письменности именно народныхъ, и хотя уже образовалась и утвердилась опредѣленная форма на *у*, но она долго сохраняетъ свою силу и доходитъ до временъ Петра Великаго. Въ письменности его времени встрѣчаемъ мы такіе примѣры; эта форма даже теперь употребляется въ иныхъ губерніяхъ, что доказываетъ, что

это употребленіе глубоко лежитъ въ языкѣ, и подтверждаетъ слова наши объ отношеніи и буквенномъ выраженіи отношенія, именительнаго и винительнаго падежей; хотя и опредѣленна форма винительнаго, но за то встрѣчаемъ мы продолжительное и упорное употребленіе формы сходной или лучше тождественной. Съ другой стороны это позволяетъ предполагать, что, въ самомъ дѣлѣ, преждевременно, изъ церковно-Славянскаго языка, чрезъ непонятный іосъ перенесена была къ намъ форма на *у*; во всякомъ случаѣ въ древнихъ памятникахъ мы видимъ, что опредѣленная форма винительнаго падежа еще не утвердилась; и та и другая формы встрѣчаются вмѣстѣ; значеніе ихъ мы показали; одна должна была уступить другой. Мы сказали, какъ мы объясняемъ форму на *а;* она есть древнѣйшая и настоящая Русская; ее не встрѣтишь въ церковно-Славянскомъ языкѣ; она въ него насильственно вторгается, есть всегда признакъ, слѣдъ Русской рѣчи, и здѣсь разумѣется буква не обманываетъ звука, выражаетъ звукъ, ибо здѣсь звукъ вводитъ букву; вмѣсто ѫ могли написать *оу* по ошибкѣ, но никакъ, вмѣсто его, *а*. Въ хорошихъ, настоящихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка встрѣчается ѫ или *оу* въ винительномъ падежѣ; но въ памятникахъ, близкихъ по языку или по содержанію даже, къ рѣчи народной, встрѣчаете вы и эту форму на *а*, намекающую на живое современное употребленіе; слѣдовательно она собственно принадлежала народу; ея существованія, и живаго, разумнаго существованія, отрицать нельзя; присутствіе формы на *у* показывало только, что возникала новая форма, но еще нисколько не имѣла полной силы; въ тоже время сохранялась первая форма, еще неуступившая своего мѣста, форма, выражавшая первое буквенное опредѣленіе винительнаго падежа и въ тоже время форма, имѣвшая жизнь, опиравшаяся на живое употребленіе. — Въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ мы еще важную ошибку,

именно противъ различія между именительнымъ и винительнымъ во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода; тамъ сказано; *ѡже нань выведеть послоуси* (1). За простую описку это трудно принять: здѣсь перемѣнена не одна буква, здѣсь перемѣненъ падежъ, что можетъ служить доказательствомъ, что это употребленіе и это различіе было намъ чуждо, было выучено и извнѣ принято. И такъ вотъ какъ проявилась здѣсь, въ Русской Правдѣ, Русская рѣчь сквозь языкъ церковно-Славянской; вотъ какъ въ самомъ церковно-Славянскомъ языкѣ, нарушая его цѣлость и правильность, слѣдовательно еще отрицательно, незаконно, являлась она и оставила себѣ памятники. Само содержаніе Русской Правды, законы, слѣдовательно вмѣстѣ и приложеніе ихъ къ народной живой жизни, давало возможность пробиться и рѣчи Русской, но только такъ, какъ мы видѣли, отрывочно, слабо, почти какъ ошибки въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Памятниковъ Русской рѣчи въ это время еще нѣтъ предъ нами, и только по памятникамъ церковно-Славянскаго языка отрицательно, по измѣненіямъ, по ошибкамъ въ этомъ языкѣ, можемъ мы угадывать и слѣдить Русскую рѣчь. (Мы говорили уже, что въ Русскомъ древнемъ языкѣ, сверхъ того, было и самобытное сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ).

Памятники церковно-Славянскаго языка не прекращаются; они сохраняютъ намъ выраженія, если и не въ Русскомъ словѣ, Русскаго духа. Въ самомъ началѣ XII столѣтія является замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ памятникъ: Лѣтопись Нестора, писанная монахомъ, писанная о дѣлахъ житейскихъ, но не среди нихъ, не современнымъ ихъ участникомъ, а въ кельи монастыря, смиреннымъ отшельникомъ. Лицо писателя и содержаніе рукописи, т. е. историческое повѣствованіе о дѣлахъ мимошедшихъ міра

(1) Русскія Достопамятности, ч. 1, стр. 38. Русская Правда.

сего, упрочиваютъ еще болѣе за ней языкъ церковно-Славянскій. И вся лѣтопись Нестора (мы беремъ Лаврентьевской списокъ) написана правильнымъ церковно-Славянскимъ языкомъ, священнымъ языкомъ монаха. Грубая, буйная, живая жизнь, и вмѣстѣ Руская рѣчь, какъ ея выраженіе, не проторгается сквозь стройныя формы и фразы языка церковно-Славянскаго. (Развѣ въ тѣхъ мѣстахъ и то болѣе синтаксически, гдѣ приводятся чьи нибудь слова). Всѣ грамматическіе оттѣнки языка соблюдаются строго, не смѣшиваются во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода падежи именительный и винительный, чему одинъ примѣръ видѣли мы въ Русской Правдѣ (1); ни разу не встрѣчается признакъ рѣчи народной: форма именительнаго падежа на *а* въ винительномъ въ именахъ женскаго рода единственнаго числа, какъ часто въ Русской Правдѣ; въ сложныхъ прошедшихъ временахъ глагола, и въ третьемъ лицѣ, большею частію сохраняется вспомогательный глаголъ, что не такъ часто встрѣчается въ Русской Правдѣ; впрочемъ это не есть употребленіе, необходимо требуемое церковно-Славянскимъ языкомъ. Но не смотря на эту правильность, мы замѣчаемъ постоянно сохраняющійся и часто попадающійся, одинъ оттѣнокъ, признанный нами за оттѣнокъ Русской рѣчи, — именно то, что въ первый разъ встрѣтилось въ припискѣ Остромирова Евангелія: это отсутствіе предлоговъ въ падежѣ предложномъ и даже вообще отсутствіе предлоговъ при падежахъ, собственно при дательномъ вмѣсто предлога: *къ*, и при родительномъ вмѣсто *отъ*, особен-

(1) Есть изключеніе: *три строци отъ пещи*. Лѣт. Нест. по древнѣйшему списку мниха Лаврентія. 1824. стр. 33. Но здѣсь отдаленъ винительный отъ глагола; къ тому-же это можно принять за описку, ибо это различіе именительнаго и винительнаго строго и долго сохраняется и въ позднѣйшихъ памятникахъ, не говоря уже о Лѣтописи Нестора. Есть еще изключеніе: тамъ-же 61 стр: *во сны дние*; но это поправилъ издатель Тимковскій, въ подлинникѣ *дни*, что скорѣе можно допустить какъ описку, какъ ошибочное повтореніе *и*, и какъ-бы то ни было скорѣе нежели *дние*—положительно падежъ именительный.

но когда говорится о городахъ или мѣстахъ. Напр: *Святославъ бяше Переяславци. —Иде Вольга Новугороду* (1) Примѣровъ много, и не только для собственныхъ именъ городовъ или мѣстъ. Такъ объясняются и теперь встрѣчающіяся употребленія: *горѣ*, *долу* и пр. Въ лѣтописи Нестора встрѣчаемъ еще выраженіе: *идите съ данью домови* (2); то-же датсльный падежъ безъ предлога, который потомъ перешелъ черезъ *домовь* въ *домой* и употребляется и теперь; какъ *долови* чрезъ *доловь*, встрѣчаемое въ грамотахъ (3), перешло въ употребительное и теперь *долой*. Сверхъ того, при сохраненіи всѣхъ законовъ и формъ языка церковно-Славянскаго, могущихъ выразиться буквенно, мы видимъ, что нѣсколько разъ нарушается правило употребленія ѧ въ извѣстныхъ случаяхъ въ склоненіи, и пишется вмѣсто него *е* или даже *и*, вѣроятно потому, что это была буква, намъ непонятная, особенно посвященная на выраженіе звука, у насъ не существовавшаго; ее смѣшивали съ ꙗ (*ia*), буквою совершенно чуждою для родительнаго и другихъ падежей, у насъ, да и въ самомъ языкѣ церковно-Славянскомъ (4). Вотъ примѣры нарушенія этого правила, нарушенія, которое всего чаще и всего скорѣе встрѣчается даже и въ самыхъ правильныхъ рукописяхъ: *Аще Богъ хощеть помиловати рода моего и*

(1) Лѣтопись Нестора по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, 1824. стр. 36, 31.

(2) Тамъ-же, стр. 27.

(3) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 25. Грам. Новогород. гр. 19: *ѧ съ насъ правда доловь*, и др.

(4) Юсъ другое дѣло, юсъ смѣшивали съ *у*; но *у* была у насъ возможная и, впослѣдствіи, образовавшаяся форма изъ тождественнаго съ именительнымъ окончанія; и такъ буква выражала по-крайней-мѣрѣ то, что подъ ней подразумѣвали; здѣсь правильность (если назвать правильностію смѣшиваніе *оу* и ѧ) языка церковно-Славянскаго и отсутствія формы на *а* понятно, ибо подъ буквой понимали то, чему современное употребленіе хотя и противорѣчило, но что не было чуждо языку, а можетъ быть только предупреждало его форму.

земль Русскіе. Повель исковати лжицъ, чужея земли ищеши и блюдеши (1), и пр. Вслѣдствіе этого непониманія ѧ нарушается и различіе между именительнымъ и винительнымъ падежами множественнаго числа въ именахъ мужескаго рода; напр: *Созва Володимеръ боляры своя и старци градскиѣ.* Но дальше правильно: *Созва Князь боляры своя и старца.* Еще: *и почя нарубати мужь лучьшиѣ.* (2). Это можетъ быть и вина переписчика, но конечно не описка его пера. Списокъ принадлежитъ къ XIV вѣку; но можетъ быть и самъ Несторъ невольно, ошибаясь, уступалъ употребленію своей Русской рѣчи. Не надо забывать, что тутъ-же рядомъ встрѣчается и правильная форма церковно-Славянскаго языка, очевидно извѣстная писавшему, такъ, что иное употребленіе является какъ изключеніе, какъ нарушеніе правила. Замѣчательно, что въ Русской Правдѣ вовсе не встрѣчается формы на ѧ, или на замѣнявшіе эту букву *я* или просто *а* въ должныхъ случаяхъ, но вездѣ *е* или *и*. Есть еще одно очень странное употребленіе въ Несторовой лѣтописи именительнаго падежа множественнаго числа въ именахъ женскаго рода вмѣсто творительнаго, употребленіе, не встрѣчающееся и въ Русскихъ послѣдующихъ памятникахъ, но, и то очень рѣдко, только въ гораздо позднѣйшихъ, и въ пѣсняхъ Кирши Данилова. Вотъ примѣръ: *съ малыми дружины* (3). Это употребленіе такъ рѣдко и такъ здѣсь странно, что можно подумать, не родительный-ли это падежъ единственнаго числа. Особенность церковно-Славянскаго языка, его устройство, склоненія и спряженія, соблюдаются правильно въ Несторовой лѣтописи; склоненіе женскаго рода, какъ *мать*,

(1) Лѣтопись Нестора по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, 1824 стр. 35, 37, 89.

(2) Тамь-же, стр. 72, 74, 85.

(3) Лѣт. Несг. по др. сп. мн. Лаврентія, 1824. стр. 43.

церковь и др. сохраняется правильно съ своими оттѣнками; но полногласія въ прилагательныхъ и глаголахъ нѣтъ. Впрочемъ въ предѣлы нашего разсужденія не входитъ подробное изслѣдованіе и разборъ Несторовой лѣтописи. И такъ мы ограничимся этими замѣчаніями, которыя считаемъ достаточными для нашей цѣли.

Лѣтопись Нестора важна еще, какъ первое сочиненіе орагинальное, собственное, а не переводъ на языкѣ церковно-Славянскомъ, нашемъ, потому что онъ былъ у насъ выраженіемъ извѣстнаго великаго содержанія; и если языкъ церковно-Славянскій не былъ живымъ языкомъ писателя, то въ этомъ сочиненіи видимъ мы по-крайней-мѣрѣ Русскую мысль, Русской умъ, въ немъ выражающійся. Драматичность разсказа еще болѣе оживляетъ рѣчь; нѣкоторые обороты, если согласны съ духомъ языка церковно-Славянскаго, то въ тоже мгновеніе живо указываютъ, или являютъ коренные Русскіе обороты. Здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ языкъ Греческій имѣлъ вліяніе на синтаксисъ языка церковно-Славянскаго, собственно языка Нестора; но этотъ вопросъ, не смотря на весь его интересъ и на все желаніе дать обстоятельный на него отвѣтъ, мы отстраняемъ; онъ могъ-бы быть предметомъ обширнаго изысканія и вѣроятно завлекъ-бы насъ далеко. Скажемъ только, что часто напрасно приписываютъ вліянію то, что самородно возникаетъ въ языкѣ; что въ церковно-Славянскомъ языкѣ, многіе, хотя и не всѣ, такъ называемые Греческіе обороты, если съ ними и сходны, то въ тоже время самостоятельно принадлежатъ и языку церковно-Славянскому, и что наконецъ переводъ Остромирова Евангелія несравненно свободнѣе позднѣйшихъ переводовъ и вообще сохраняетъ почти вездѣ, если не вездѣ, самобытность оборотовъ языка и не носитъ на себѣ слѣдовъ робкой подражательности. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія будемъ мы называть обороты письменныхъ памятниковъ на церковно-Сла-

вянскомъ языкѣ, оборотами церковно-Славянскими, не разбирая, были-ли которые изъ нихъ перенесены въ языкъ съ Греческаго слѣдствіемъ вліянія, или принадлежатъ самому языку самобытно по такому-же праву собственности, какъ и языку Греческому; тѣмъ болѣе, что церковно-Славянскій языкъ не есть языкъ рѣчи живой, и всѣ обороты его могутъ и должны принять его наименованіе.

Въ другихъ памятникахъ современныхъ встрѣчаемъ мы тотъ-же характеръ, тотъ-же церковно-Славянскій языкъ и тѣ-же ошибки, производимыя живою Русскою рѣчью; но, сохраняя одинъ характеръ, всѣ вообще памятники того времени раздѣляются между собою. Въ однихъ памятникахъ, собственно церковныхъ, видимъ мы церковно-Славянскій языкъ, принимаемый, какъ соразмѣрное единственное выраженіе писателя, языкъ, который вмѣстѣ и цѣль его, какъ языкъ, цѣль не всегда вѣрно имъ достигаемая, но къ которой очевидно онъ стремится; ошибки здѣсь противъ языка могутъ быть и тѣ-же, но за то множество оборотовъ, выраженій, оттѣнковъ языка церковно-Славянскаго (собственно ему принадлежащихъ) сохранено, поставлено на видъ, такъ какъ-бы языкъ этотъ былъ природнымъ языкомъ писателя; встрѣчается ошибка, но въ тоже время и правильное употребленіе, такъ что къ незнанію вы не можете относить ошибку. Въ другихъ памятникахъ, гдѣ напротивъ народный интересъ долженъ былъ явиться письменно, въ памятникахъ собственно т. с. *народныхъ*, жизненныхъ, церковно-Славянскій языкъ является только средствомъ; слово, касаясь бумаги, непремѣнно должно было явиться церковно-Славянскимъ, словомъ языка, соединявшаго письмо и письменность съ собою. И Русская живая рѣчь, переходя въ письменную, опредѣлялась церковно-Славянски; но здѣсь языкъ былъ только внѣшнимъ опредѣленіемъ, здѣсь все, что являлось, являлось въ его сферѣ, имъ условленное; но самый языкъ церковно-Сла-

вянскій здѣсь не могъ выступать съ своими оборотами, съ своею собственною жизнію языка, давая только чуждому языку свои формы по стольку, по сколько нужно было выразиться. По этому совсѣмъ другой характеръ имѣютъ эти народные памятники; здѣсь вы встрѣчаете полное отсутствіе иныхъ формъ церковно-Славянскаго языка, которыхъ не было въ языкѣ Русскомъ, которыя не нужны были для того, кто только свои слова славянизировалъ и не заботился о томъ, есть-ли еще иныя грамматическія формы въ языкѣ, и когда-бы, согласно съ духомъ языка, надобно ихъ употребить. Формы языка писателя опредѣлены по церковно-Славянски; другія формы, хотя-бы для того-же отношенія, находящіяся еще въ языкѣ церковно-Славянскомъ, ему не нужны; жизнь этого языка съ его оттѣнками до него не касается; если что принято, то принято только необходимое отъ него опредѣленіе. Здѣсь языкъ не является съ своею роскошью; здѣсь онъ средство, а не цѣль; а для того, чтобы писать совершенно въ духѣ языка церковно-Славянскаго, не могъ онъ быть иначе, какъ цѣлью, ибо онъ былъ языкъ чуждый Здѣсь встрѣчаете вы постоянную ошибку, постоянно производимую живымъ присутствіемъ элемента другаго языка, ошибку не поглощаемую ученою памятью и цѣлью писать по церковно-Славянски; здѣсь встрѣчаете ошибки, вовсе не входящія въ памятники церковные. какъ скоро была возможность и въ Русскомъ языкѣ не ошибаться. Говоря подробнѣе, главныя отличія народнаго памятника отъ церковнаго — это отсутствіе собственно прошедшаго (несложнаго) времени, не свойственнаго ни сколько Русскому языку, и присутствіе окончанія именительнаго падежа на *а* въ винительномъ въ именахъ женскаго рода единственнаго числа. Прочія измѣненія, формы, волнуются и могутъ быть и тамъ, и здѣсь. Два письменные памятника, на которые мы указали, отражаютъ въ себѣ порознь оба эти характера языка: Ев-

топись Нестора и Русская Правда; мы уже сказали о ихъ языкѣ; но сравнивъ, мы, еще яснѣе опредѣлимъ ихъ и вмѣстѣ разницу самихъ языковъ. И такъ, главное отличіе, о которомъ мы сейчасъ упомянули, раздѣляетъ эти два памятника; въ Русской Правдѣ находимъ мы отсутствіе прошедшаго и форму въ винительномъ падежѣ на *а* въ извѣстныхъ случаяхъ. Далѣе, въ сложномъ прошедшемъ времени въ третьемъ лицѣ, не является глаголъ *есть*, сохраняющійся только во второмъ и первомъ: *еси*, *есмь*. Это употребленіе глагола въ прошедшемъ времени съ отглагольнымъ прилагательнымъ не чуждо Русскому языку, хотя въ употребленіи его, относительно церковно-Славянскаго языка, есть выше указанная разница; но о глаголѣ *есмь*, въ сложномъ прошедшемъ, надѣемся поговорить ниже. Въ Русской Правдѣ видимъ мы постоянную ошибку противъ языка церковно-Славянскаго въ словахъ женскаго рода, кончащихся на *я* и пр.; нигдѣ не употреблено въ склоненіи непонятное для насъ ѧ или *я* (*ia*), съ которымъ однозначительно оно для нашего слуха, но *е* и потомъ *и*. Въ ней хотя и однажды, но нарушено различіе именительнаго и винительнаго въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа, именно: *послоуси*, что мудрено считать просто за описку; различіе это впрочемъ въ ней строго сохраняется и есть одно изъ необходимыхъ церковно-Славянскихъ употребленій, которыя принималъ нашъ языкъ, являющійся церковно-Славянскимъ на бумагѣ, но столько, сколько ему нужно. Все это даетъ языку Русской Правды свой особенный отпечатокъ.—Лѣтопись Нестора имѣетъ другой характеръ; здѣсь уже языкъ церковно-Славянскій является съ своею жизнію. Первое отличительное свойство этого языка — присутствіе всѣхъ формъ, хотя-бы и употребляемыхъ ошибочно и съ ограниченіями, языка церковно-Славянскаго. На оборотъ, здѣсь встрѣчаемъ мы настоящее прошедшее время глагола, отсутствіе винительнаго падежа

на *а*; *есть*, почти всегда послѣ третьяго лица въ сложномъ прошедшемъ времени; *ѧ* или *я* въ склоненіи, окончаніе, которому однако часто измѣняетъ рука Русскаго писателя; твердое, почти безошибочное, различіе именительнаго и винительнаго падежей во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода. Все это дастъ намъ другое представленіе. Ошибки противъ правильнаго употребленія встрѣчаются и въ Несторѣ: мы привели выше примѣры; въ позднѣйшихъ памятникахъ этого рода—еще болѣе; но они не уничтожаютъ характера слога. Въ памятникахъ этого рода вездѣ видимъ мы хотя и неправильный, но все церковно-Славянскій языкъ съ его характеромъ.

Изъ начала XII столѣтія сохранился до насъ драгоцѣнный письменный памятникъ, долженствующій быть отнесеннымъ къ народнымъ памятникамъ (на церковно-Славянскомъ языкѣ, разумѣется). Это грамота Мстислава и Всеволода, данная Юрьеву монастырю. Она очень коротка, и въ ней не встрѣчается случаевъ, которые-бы опредѣляли точнѣе языкъ ея; но все мы должны скорѣе отнести его къ языку Русской Правды, къ народнымъ памятникамъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Въ ней отсутствуетъ прошедшее несложное время; встрѣчается даже *я* (а не *азъ* или *азъ*, въ которое оно переходитъ), употреблено *за моѧ дѣти*, но эта ошибка попадается и въ церковно-Славянскихъ памятникахъ (1). Самое содержаніе еще болѣе упрочиваетъ ее за памятниками, съ Русской Правдой однородными. Къ этой грамотѣ, по времени, должно отнести и другую, Князя Всеволода, данную Новгородской церкви Іоанна Предтечи; въ ней мы находимъ всѣ признаки, нами указанные, языка Русской Правды и вообще народныхъ памятниковъ; даже слишкомъ много видимъ мы тамъ неправильностей противъ церковно-Славянскаго языка, ошибокъ, употребленій, встрѣчающихся уже гораздо

(1) Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. III, кн. 1, стр. 26.

позднѣе. Это заставляетъ насъ даже думать, что причиною этому то, что грамота существуетъ въ спискѣ XVI столѣтія. Не смотря на то, приведемъ примѣры: *Имати с коупець тая старина. Оу святаго Захарьи*, вѣроятно отъ именительнаго *Захарья* (1). До сихъ поръ мы еще не видимъ ничего, выходящаго за предѣлы этого времени, но перемѣшанное двойственное число, но дательный падежъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго рода на *амъ* или *ямъ*, а не на *омъ* или *емъ*, какъ напр: *отъ двоу бърковска вощанныхъ А сторожомъ три гривны серебра. Ино коупцамъ положить* (2) и пр.—явленія позднѣйшаго времени. Сюда-же по языку и времени подходитъ уставъ Новогородскаго Князя Святослава Ольговича; списокъ его гораздо древнѣе предыдущаго письменнаго памятника; онъ находится въ древней рукописи XIII вѣка, именно Кормчей, гдѣ находятся и другіе многіе памятники нашей письменности. Мы не встрѣчаемъ уже въ этомъ памятникѣ ошибокъ, на которыя указали выше, какъ на позднѣйшія; напротивъ: и двойственное соблюдается, и дательный оканчивается на *омъ* въ именахъ мужескаго и средняго рода множественнаго числа. Это также памятникъ народный и странно встрѣчается: *обрѣтохъ*, въ немъ, написанномъ совершенно языкомъ Мстиславовой грамоты и Русской Правды; вспомнимъ, что онъ списанъ позднѣе; кромѣ духа языка, вездѣ, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ употребленіе должно обнаружиться, мы видимъ единство этихъ слоговъ; напр: *отъ всее земли*, и даже, какъ въ Мстиславовой грамотѣ, встрѣчается *я* вмѣсто *азъ* или *язъ*: *что я оурядилъ*; сверхъ того здѣсь встрѣчаемъ прошедшее сложное въ первомъ лицѣ безъ *есмь* и также безъ *я*, безъ личнаго мѣстоименія; при мѣстоименіи глаголъ *есмь*, и въ первомъ и во второмъ лицѣ, обыкновенно отсутствуетъ, но безъ мѣстоименія, какъ

(1) Русскія Достопамятности, 1815. ч. 1, стр. 81. 78.

(2) Тамъ-же, стр. 79, 78, 78.

замѣна его, онъ выступаетъ обыкновенно наружу. Здѣсь видимъ мы противное послѣднему, очень замѣчательное, очень рѣдкое употребленіе: *толико от вир҃ъ и продажь десятины зьрпълъ;* (1) перваго личнаго мѣстоименія нѣтъ и подлѣ; правда употреблено въ первомъ лицѣ, въ предыдущей фразѣ: *обрѣтохъ;* но отношеніе все кажется намъ далеко для того, чтобъ перенести силу личнаго характера на глаголъ: *зьрпълъ.*

Поученіе Владиміра Мономаха, сохранившееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ и напечатанное отдѣльно, написано языкомъ церковно-Славянскимъ. Слогъ его, особенно въ началѣ, очень правиленъ, и пелена церковно-Славянскаго языка такъ густа, что подъ нею и не замѣтишь Русской рѣчи, если иногда ошибка не напомнитъ вамъ, что это не разговорный языкъ пишущаго лица; развѣ иногда синтаксическій оборотъ живой и простой, не противный впрочемъ и языку церковно-Славянскому, пахнётъ на васъ живымъ, звучащимъ словомъ. Искусно и вѣрно по церковно-Славянски написано поученіе Владиміра Мономаха. Есть нѣкоторыя ошибки; напр: *птицы небесныя*, далѣе: *и ты же птиць* и пр., *да не преступни погубите душе свое от всякоя крови; не хотѣхъ бо крови твоея видѣти* (2) и пр. Но въ слогѣ очень соблюдается характеръ церковно-Славянскаго языка, его выраженія, тонкости, особенности, обороты, и вообще онъ правиленъ. — Къ Владиміру Мономаху, какъ къ ученому и любознательному человѣку, сохранились два посланія Никифора Митрополита, тѣмъ-же слогомъ, разумѣется, написанныя: *Посланіе объ отступленіи Латинъ отъ православной церкви* и *О постѣ и душѣ.* Языкъ этихъ посланій большею частію правиленъ; ошибки могли встрѣтиться отъ переписчика, ибо онѣ со-

(1) Русскія Достопамятности, 1815. ч. 1, стр. 83, 85, 84, 83.

(2) Духовная В. К. Владиміра Всеволодовича Мономаха, 1793, стр. 18, 13, 17, 56.

хранились намъ въ рукописи XVI столѣтія; но не смотря на позднѣйшій списокъ, ошибки не важны, ошибки почти неизбѣжныя. Напр: *отъ царскоѳ и Княжьское крови* (1) вм. *крове*; *церкви* вм. *церкве*; *развъ единоя суботы великое*; (2) *въ змге* (3). Другихъ ошибокъ, кажется, нѣтъ. На этихъ посланіяхъ (въ подтвержденіе ихъ времени) лежитъ печать собственно церковно-Славянскаго языка древняго; онъ является съ своими тонкостями, съ изумительною правильностію. Въ немъ находимъ мы употребленіе въ разныхъ падежахъ прилагательнаго первообразнаго или усѣченнаго,—свойство древности церковно-Славянскаго языка; напр: *и телчи главъ поклонишася, златомъ и сребромъ въ пещи огнемъ съліанъ* (4). Имена числительныя, начиная съ *пяти*, употреблялись какъ существительныя въ древности; это употребленіе сохраняется здѣсь; напр: *пятью слоугъ своихъ*; *на семи соборовъ* (5). Встрѣчается предложный падежъ безъ предлога,—употребленіе, какъ вообще отсутствіе предлоговъ при падежахъ, встрѣчающееся только въ давнія времена и даже не часто уже въ языкѣ Остромирова Евангелія, употребленіе, считаемое нами въ этомъ случаѣ принадлежностью собственно Русскаго языка и признакомъ его древности и неразвитости. Напр: *оставивъ долѣ люди* (6). Употреблено правильно *я* (ѧ) въ винительномъ падежѣ множественнаго числа мужескаго рода, въ извѣстномъ случаѣ; напр: *иныя жрѣця стоудныя Вааловы изрѣзавъ* (7). Въ этихъ посланіяхъ сохранено много и другихъ тонкостей и особенностей церковно-Славянскаго языка, о которыхъ говорить далѣе мы не считаемъ нуж-

(1) Русск. Дост. 1815. ч. 1, стр. 65.

(2) Памятн. Россійск. Словесности XII вѣка 1821. стр. 159.

(3) Русск. Дост. ч. 1, 1815. стр. 65.

(4) Тамъ-же, стр. 66.

(5) Русск. Дост., стр. 68. Пам. Рос. Сл. XII в. 1821. стр. 157.

(6) Русск. Дост. 1815. ч. 1, стр. 66.

(7) Тамъ-же, стр. 66.

нымъ. Нельзя не сказать здѣсь кстати, что оба эти посланія прекрасны, особенно *о постѣ* и потомъ *о душѣ*, писанное во время Великаго поста, какъ изъ самаго посланія видно.

Намъ извѣстны, во второй половинѣ XII вѣка, сочиненія Кирилла Туровскаго. Взглянемъ на нихъ въ отношеніи къ языку. Эти проповѣди, истинно прекрасныя сами по себѣ, и другія сочиненія Св. Кирилла Туровскаго, писанныя церковно-Славянскимъ языкомъ, чрезвычайно замѣчательны въ этомъ отношеніи. Они писаны необыкновенно правильно; это языкъ Остромирова Евангелія; изъ нихъ большая часть сохранилась въ двухъ спискахъ XIII столѣтія, другія-же въ спискахъ XIV (1). Разница въ спискахъ кладетъ нѣкоторую, но впрочемъ небольшую, разницу въ языкѣ; эта правильность говоритъ въ пользу подлинности и древности сочиненій Св. Кирилла Туровскаго, и потомъ, эта малая разница, налагаемая разницею времени списковъ, говоритъ въ пользу правильности самаго оригинала. При такой необыкновенной, почти современной правильности языка, нѣкоторыя немногія ошибки можно считать чисто описками. Совсѣмъ тѣмъ упомянемъ о нѣкоторыхъ, кажущихся намъ болѣе важными. Напр: *и въ одежи различныя облечемся. Не положилъ ему будетъ опитемьи. Вложи въ избранные старицъ.* Или, что уже безъ сомнѣнія описка, употреблено: *Патріарси*, въ винительномъ падежѣ; но далѣе очень правильно употреблено въ томъ-же падежѣ: *и вся церковныя* (я) *учителя.* Или: *и изиде кръвь* (2) и пр. Не будемъ приводить примѣры правильнаго употребленія, какъ того не дѣлали мы, говоря объ Остромировомъ Евангеліи; укажемъ только на нѣкоторыя особенности. Числительное *пять* и слѣдующія употребляются

(1) Памятн. Росс. Слов. XII вѣка. М. 1821. Предисловіе, XXV, VII, VIII, IX, XXX.

(2) Памятн. Росс. Словесн XII вѣка 1821. стр. 92, 98, 106, 3, 25.

какъ существительныя, напр: *болѣ пяти сотъ братія явися Господь* (1). Сохраняется двойственное число, но есть и ошибки; вотъ примѣры и того и другаго: *азъ и отецъ придевѣ и обитель въ тобѣ створимъ* (2); *придевѣ* вопреки грамматики Добровскаго (3) и согласно съ Остромировымъ Евангеліемъ (4). Первообразное прилагательное сохраняется въ разныхъ падежахъ: *два ангела въ бѣлахъ ризахъ*; *въскрьсе цѣломъ печатемъ*; *на колесници огньнѣ* (5) и пр. Полногласіе, находимое въ Остромировомъ Евангеліи, встрѣчается и здѣсь, хотя не вездѣ; напр: *въскрьсшааго*, *показавшааго*, *пришьдъшааго*; *зрящіихъ*, *вѣрныихъ*, *благимь*; *подобааше*, *служааху*, *глаголааше* (6) и пр. Встрѣчается также предложный безъ предлога, какъ и въ Остромировомъ Евангеліи; напр: *давѣ*, что и до сихъ поръ употребляетъ Русской народъ, *долѣ* (7) и пр. Какъ признакъ древности языка можно замѣтить *забыло* употребляемое въ смыслѣ: *забылось*; или также употребленіе, впрочемъ сомнительное, неопредѣленнаго на *тъ* въ извѣстныхъ случаяхъ; такъ называемый супинумъ: *приде обновитъ тварь и спастъ человѣка*. Но ограничимся этими замѣчаніями и не будемъ болѣе распространяться объ этомъ чрезвычайно важномъ и замѣчательномъ памятникѣ относительно языка; не наше дѣло изслѣдовать его; дальнѣйшее изслѣдованіе было-бы лишнее.

Любопытный памятникъ имѣемъ мы въ вопросахъ Кюрика черноризца, памятникъ, представляющій смѣшеніе двухъ, въ XII вѣкѣ возможныхъ, языковъ. Писаны они собственно на языкѣ церковно-Славянскомъ, и принадле-

(1) Памятн. Росс. Словесн. XII в. стр. 68.
(2) Тамъ же, стр 107.
(3) Грамм. Добровск. 1833. ч. II. гл II.
(4) Остр. Еванг. Грамматическія правила, стр. 21.
(5) Памятн. Росс. Слов XII в. 1821. стр 13. 39.
(6) Тамъ же, стр. 27, 28, 73, 6, 18, 24.
(7) Тамъ же, стр. 15, 111.

жатъ къ памятникамъ собственно этого языка. Здѣсь, при сохраненіи многихъ законовъ этаго языка, сохранено довольно строго различіе именительнаго и винительнаго падежей въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа, хотя встрѣчается яркая ошибка, если не объяснить ее иначе: *того ради взбраняваю инѣмъ, атъ и другіи боятся того же, аже безъ ризъ покаются* (1). Еще встрѣчается древнее между прочимъ употребленіе: *надъ младомъ дитятемъ* (2); встрѣчаются впрочемъ и ошибки, какія находятся и въ другихъ подобныхъ памятникахъ; напр: *разложи свѣчи*; *безъ опитемьи* (3) и пр. Кромѣ этаго здѣсь видимъ руссицизмы, находящіеся только въ памятникахъ народныхъ того времени, именно форма именительнаго на *а* и *я* (что все равно) въ винительномъ падежѣ въ именахъ женскаго рода; напр: *молитва творити всякая*; *ясти проскурмисана проскура* (4) и пр. Сверхъ того въ этомъ памятникѣ также встрѣчаемъ мы чрезвычайно частое употребленіе предложнаго падежа безъ предлога, что почитаемъ мы тоже болѣе свойствомъ Русскаго языка; напр: *томь дни не раздрѣшать* (много разъ); *ополоснутися вечерь, друзѣмъ мѣстѣ* и пр.; также при именахъ: *Царигородѣ* (5) и пр. Почти такой-же характеръ, какъ и этотъ памятникъ, имѣетъ посланіе Іоанна, Митрополита Русскаго, Іакову черноризцу. Такое-же сохраненіе правилъ церковно-Славянскаго языка, такое-же употребленіе первообразнаго прилагательнаго: *съ всякомь храненіемъ* (6); такія же ошибки, напр: *бес коръмли* (7); странное ошибочное употребленіе: *святіи правила взбраняютъ* (8) (не

(1) Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 183.
(2) Тамъ же, стр. 184.
(3) Тамъ же, стр. 174, 182–3.
(4) Тамъ же, стр. 178, 199.
(5) Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 176, 182, 183.
(6) Русскія достопамятности, ч. 1. 1815. стр. 93.
(7) Тамъ же, стр. 90.
(8) Тамъ же, стр. 15.

ошибка-ли, не такъ-ли: *правилы*, придавая другой оборотъ смыслу?); встрѣчаемъ еще странную, рѣдкую ошибку, даже и въ позднѣйшихъ памятникахъ не часто являющуюся; это одинъ изъ случаевъ, гдѣ особенно упорно долго сохраняется церковно-Славянское употребленіе, именно въ формѣ творительнаго падежа; въ этомъ памятникѣ употреблено: *моужами* (1). Здѣсь встрѣчается также, хотя не ясно, предложный падежъ безъ предлога; напр: *или подъ дьяконьхъ на прочее потщися*; *законъ божестьвныхъ церквахъ* (2) и пр. Но здѣсь въ этомъ памятникѣ нѣтъ рѣшительнаго руссицизма, нѣтъ формы на *а* или *я* въ именахъ женскаго рода въ винительномъ падежѣ. Въ этихъ двухъ письменныхъ памятникахъ видно, что въ первомъ простое лице, черноризецъ Кюрикъ, относился къ лицамъ высшимъ и самъ написалъ свои вопросы и на нихъ отвѣты; во второмъ-же высшее лице, Митрополитъ Іоаннъ, отвѣчаетъ черноризцу Іакову на полученные вопросы и отвѣчая упоминаетъ о вопросахъ его; отсюда и оттѣнокъ рѣчи между этими двумя сочиненіями; отсутствіе въ посланіи Митрополита, высшаго духовнаго лица, образованнаго, и по мѣсту своему уже болѣе знакомаго съ языкомъ церковно-Славянскимъ, — этого уже чисто Русскаго, положительнаго употребленія формы падежа именительнаго какъ винительнаго; и отсюда-же, вѣроятно, болѣе рѣдкое употребленіе предложнаго безъ предлога. Мы можемъ указать еще и на коротенькое прибавленіе къ церковному уставу Архіепископа Новогородскаго Ильи и Бѣлгородскаго Епископа, написанное языкомъ церковно-Славянскимъ и заключающее въ себѣ однако признакъ Русской рѣчи, именно: *и вземше одна потирь* (3).

Къ этой-же эпохѣ относится извѣстное Слово Даніила

(1) Русск. Дост. ч. 1. 1815. стр. 28.
(2) Тамъ же, стр. 92. 101.
(3) Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 223.

Заточника, весьма интересное въ отношеніи къ языку. Писатель былъ человѣкъ свѣтской, но писалъ по церковно-Славянски; его языкъ не только языкъ опредѣленный церковно-Славянскій, какъ языкъ Русской Правды и т. п.; нѣтъ, онъ беретъ намѣренно, собственно языкъ церковно-Славянскій съ его оборотами и оригинальностію, и дѣлаетъ его орудіемъ выраженія своихъ мыслей. Это не то, что мы видимъ у лицъ духовныхъ; тамъ языкъ церковно-Славянскій былъ языкомъ совершенно привычнымъ, соотвѣтственнымъ вполнѣ всему существу той сферы, служителями которой они являются, и потому, предаваясь исключительно этому языку, они стараются писать на немъ, сохраняя и пользуясь его оборотами, что и естественно и необходимо; но здѣсь у Даніила Заточника, человѣка свѣтскаго, для котораго достаточно было-бы опредѣлить собственный свой языкъ церковно-Славянскимъ, является церковно-Славянскій съ его оборотами и оригинальностію — чистымъ притязаніемъ; здѣсь видимъ мы, въ какое уже отношеніе становится языкъ церковно-Славянскій, языкъ книжный, ученый; знаніе и употребленіе его — признакъ образованнаго человѣка. И Слово Даніила Заточника писано, или предполагалось быть написано на языкѣ церковно-Славянскомъ; сфера этого языка видна съ перваго взгляда; но что пріобрѣтается, то можетъ и не вполнѣ быть пріобрѣтено; можно учиться и не доучиться: на пути знанія живутъ ошибки; и языкъ церковно-Славянскій, употребленный здѣсь съ претензіей, безпрестанно страждетъ, и въ границахъ его безпрестанно проявляется Русская рѣчь, изкажая его правильность и стройное теченіе. Но потому самому слово это очень интересно. *Начнемъ бити сребреныя органы* (1), говоритъ Даніилъ Заточникъ, и въ этихъ первыхъ строкахъ уже видна ошибка, непониманіе языка церковно-Славянскаго. Можно сказать *сребре-*

(1) Памятн. Росс. Росс. Слов. XII в. стр. 234.

мы органы, взявши первообразное прилагательное и сохранить тогда нѣкоторое сходство творительнаго падежа *сребрены* съ именительнымъ: *сребрени*; но если уже взято полное прилагательное *сребреныи*, или *сребреныя*. то падежъ уже не можетъ имѣть своего тѣснаго, сходнаго съ именительнымъ характера и долженъ окончиться на *ми*: *сребреными* или правильнѣе: *сребреныими*. Впрочемъ это можетъ быть просто падежъ винительный, или-же можетъ быть здѣсь отсутствіе предлога, что будетъ согласно съ духомъ Русскаго языка, собственно въ древности. Далѣе, встрѣчается множество ошибокъ, въ большемъ количествѣ, нежели прежде, которыя мы видѣли въ другихъ памятникахъ и которыя получили какъ будто силу обычая, какую-то законность; не считаемъ нужнымъ приводить примѣры. Встрѣчается, разумѣется, и правильное употребленіе; напр: *и разбихъ зл҃ъ, аки древняя младенца о камень;* мы уже не говоримъ, что не поставлено ѧ, но *а*, это все таки показываетъ знаніе окончанія падежа; также: *подъ потокъ капля* (1). Сверхъ того попадается множество ошибокъ, не встрѣчавшихся прежде, имѣющихъ особенный характеръ, показывающихъ уже незнаніе церковно-Славянскаго языка и вмѣстѣ притязаніе на него. первое лицо глагола употреблено вмѣсто третьяго; напр: *умъ мой, яко нощны врань на нырищи забдѣхъ* (2), если тутъ не скрыто какъ нибудь первое лицо. Или такое выраженіе: *сеже бѣхъ написахъ* (3). Еще: *притекохъ ко обычной твоей любве* (4). Въ другихъ памятникахъ есть ошибки въ этомъ-же склоненіи, но тамъ въ родительномъ падежѣ *е* замѣнено *и* подъ вліяніемъ Русскаго языка, а здѣсь напротивъ въ дательномъ не впопадъ (какъ-бы вслѣдствіе вліянія церковно-

(1) Памятн. Росс. Слов. XII в. стр. 229, 235.
(2) Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 229.
(3) Тамъ же, стр. 230.
(4) Тамъ же, стр. 230.

Славянскаго языка) становится *е*, гдѣ и на церковно-Славянскомъ должно быть *и;* эта ошибка является какъ-бы неудачной претензіею. Смѣшанъ, чему такъ рѣдко есть примѣры, именительный съ винительнымъ, такъ что различіе удержано, но неправильно употреблено: напр: *тако и добрыя полки безъ добраго Князя погибаютъ*, тогда какъ за нѣсколько строкъ правильно употреблено: *полцы;* но здѣсь еще ошибка проста, ибо мы думаемъ, что этого различія не существовало въ языкѣ Русскомъ; но вотъ: *богатъ мужъ.... и въ чюжей землѣ друзи имѣетъ* (впрочемъ можетъ быть тутъ есть сродство съ Русскимъ: *друзья*); или: *напаляюще не токмо человѣцы* (1); это ошибка съ претензіей, потому что эта Форма и противъ Русскаго языка, какъ мы думаемъ, и въ тоже время не впопадъ употреблена противъ церковно-Славянскаго. Или еще: *слузи* (2), тогда какъ надо *слугы*, ибо это слово женскаго рода, кончающееся на чистое *а*. Здѣсь встрѣчается также ошибка чрезвычайно рѣдкая: употреблено настоящее Русское современное окончаніе дательнаго падежа множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода: *жерновамъ* (3) вмѣсто *жерновомъ*. Въ тоже время разумѣется здѣсь есть и собственно руссицизмы: отсутствіе предлога въ предложномъ падежѣ; напр: *разбихъ злѣ*; *да не выплачуся рыдая, яко Адамъ раю* (4). Послѣдній примѣръ можно и просто объяснить дательнымъ падежемъ. Также встрѣчается употребленіе Формы именительнаго какъ винительнаго; напр: *злая жена поняти* (5) и пр. Что касается до самаго слова, то вездѣ въ немъ видна живая Русская мысль, Русской толкъ и соображеніе; самый языкъ, не смотря на неправильность и неровность, имѣетъ однако-же одинъ

(1) Пам. Росс. Слов. XII в. 1821, стр. 234, 231, 235.
(2) Пам. росс. Слов. XII в. 1821. стр. 234.
(3) Тамъ же, 239.
(4) Тамъ же, стр. 229. 231.
(5) Тамъ же, стр. 237.

характеръ, живъ и отрывистъ. Если-бы мы стали сомнѣваться въ древности этого сочиненія, то все должны-бы мы были признать въ немъ живую, самобытную Русскую мысль и рѣчь, въ подлинности которыхъ нельзя сомнѣваться. На самомъ сочиненіи лежитъ печать истины и неподдѣльности.

Намъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ памятникѣ, относимомъ къ XII столѣтію, а именно о *Словѣ о полку Игоревѣ*. Намъ должны быть ясны теперь условія, подъ которыми могъ образоваться языкъ какого-бы то ни было сочиненія въ то время. Или должно оно быть писано на языкѣ церковно-Славянскомъ, т. е. когда онъ, собственно, какъ языкъ принимается за соразмѣрное выраженіе мысли — памятники духовные; или-же на языкѣ, принявшемъ необходимое опредѣленіе языка церковно-Славянскаго, безъ присутствія самаго этаго языка, какъ самобытнаго, съ собственно ему сродными оборотами, оттѣнками и такъ далѣе—памятники, которые могутъ быть названы народными. И тамъ и здѣсь встрѣчаемъ мы ошибки противъ языка, налагающаго на мысль и на другой языкъ свои формы, языка церковно-Славянскаго, —ошибки, какъ мы сказали, необходимое слѣдствіе присутствія иной рѣчи, живой рѣчи Русской, могшей тогда проявляться только ошибками противъ языка церковно-Славянскаго. Эти два языка или лучше два слога, смѣшивались иногда, когда смѣшивалось и самое содержаніе, какъ въ вопросахъ Кюрика, и производили новую пестроту. Въ Словѣ Даніила Заточника по особѣннымъ причинамъ: именно потому, что это было лицо свѣтское, намѣренно писавшее на собственно церковно-Славянскомъ языкѣ,—произошли и новыя ошибки противъ языка церковно-Славянскаго. Эти ошибки вообще составляютъ жизнь языка, отрицательную, если угодно, въ то время; живая цѣпь ошибокъ охватываетъ слогъ со всѣхъ сторонъ и видоизмѣняясь безпрестанно, то являясь, то

изчезая, показываетъ она живое волненіе слога, жизнь его, опредѣленную эпохою времени, жизнь, которая непосредственно такимъ образомъ предстаетъ вамъ при обращенномъ вниманіи. Именно этой-то жизни языка не видимъ мы въ Словѣ о полку Игоревѣ; мы видимъ въ немъ какую-то холодность, безучастіе слога къ жизни языка. Слово о полку Игоревѣ не можетъ быть отнесено къ народнымъ памятникамъ языка; церковно-Славянскія формы глаголовъ встрѣчаются съ перваго разу и продолжаются во всю пѣснь. Ни по содержанію, ни также по языку не можетъ быть оно отнесено къ сочиненіямъ, собственно на церковно-Славянскомъ языкѣ писаннымъ. Мы видимъ въ немъ и нѣкоторые законы, нѣкоторые обороты собственно языка церковно-Славянскаго, правильно, почти безошибочно употребленные, и въ тоже время видимъ безошибочно употребляемое собственно Русское выраженіе или окончаніе, которое противорѣчитъ иногда требованію языка церковно-Славянскаго, является ошибкой противъ него, но такъ постоянно, что это уже представляется не ошибкой, а самобытнымъ законнымъ употребленіемъ. Языкъ былъ въ періодѣ борьбы и волненія, и этой борьбы и волненія не видимъ мы въ Словѣ о полку Игоревѣ. И тотъ и другой элементы въ немъ присутствуютъ, но холодно, безъ участія другъ къ другу; они, не возмущаясь, проводятся сквозь всю пѣсню, такъ что можно подумать, что тотъ, кто писалъ, имѣлъ возможность выбора. И тотъ и другой элементъ признается, и въ тоже время видно, что признается. Указанія наши должны подтвердить это. — Въ продолженіи всей пѣсни, элементъ церковно-Славянскій по стольку, по скольку онъ взошелъ, сохраняется строго; различіе именительнаго и винительнаго падежа соблюдается съ точностію даже тогда, когда вся разница въ *и* и *ы*, (что часто не сохранялось въ церковно-Славянскихъ довольно правильныхъ памятникахъ);—и не только въ именахъ су-

ществительныхъ, но и въ именахъ прилагательныхъ; напр: *въпри Стрибожи внуци вѣютъ; ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ; ту пиръ доканчаша храбріи Русичи; а погании съ всѣхъ странъ прихождаху* (1). Здѣсь есть изключенія, но они теряются во множествѣ правильно употребленныхъ окончаній Мы можемъ указать на единственно яркое изключеніе: *имъ луци спряже* (2). Положимъ, что эта разница (между именительнымъ и винительнымъ множественнаго числа) должна была-бы встрѣтиться и въ народномъ памятникѣ, какъ необходимое опредѣленіе со стороны церковно-Славянскаго языка, хотя не такъ правильно; но потомъ видимъ, что въ Словѣ о полку Игоревѣ входятъ формы церковно-Славянскихъ временъ, безъ чего всегда обходились памятники народные — элементъ, чисто церковно-Славянскій. Тоже должны мы сказать о другихъ оттѣнкахъ церковно-Славянскаго языка, о падежахъ творительномъ и дательномъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода—отличіе, соблюдаемое впрочемъ и въ другихъ (даже народныхъ) памятникахъ. Но съ другой стороны, этотъ элементъ, присутствуя, не возмутилъ элемента Русскаго, который является въ постоянно правильномъ употребленіи многихъ руссицизмовъ. Нѣтъ церковно-Славянскаго окончанія: *ѧ* вмѣсто Русскаго: *и*, въ склоненіи въ извѣстныхъ случаяхъ, что должно было-бы произойдти у того, въ области вѣденія котораго лежалъ и церковно-Славянскій языкъ, кто имѣлъ его въ своемъ знаніи, живомъ представленіи языка; а таковъ былъ сочинитель Слова о полку Игоревѣ, ибо языкъ церковно-Славянскій входитъ (что видно особенно изъ временъ глаголовъ) въ слогъ его сочиненія. Между тѣмъ почти ни одной ошибки противъ Русскаго языка; какъ-бы

(1) Пѣснь о полку Игоревѣ, изданная Михаиломъ Максимовичемъ, стр. 14, 24, 20, 22.

(2) Тамъ-же, стр. 42.

совершенно внѣшнимъ образомъ и равнодушно тутъ-же находится другой элементъ языка. Приведемъ примѣры правильнаго употребленія и нѣкоторыхъ ошибокъ: *а всядемъ, братіе, на свои* (ѧ) *бързыи* (ѧ) *комони* (ѧ); *за щиты* (ѧ) *стады бѣжять; лисици* (ѧ) *брешуть; изъ земли* (ѧ) *Половецькои* (ыѧ); *ни нама красны дѣвици* (ѧ); *почнуть нань птици* (ѧ) *бити* (1) и пр. Но вотъ нѣкоторыя ошибки (противъ Русск. употребленія): *чьрныя тучя съ моря идуть; и видѣ.... вся своя воя прикрыты* (2). Впрочемъ здѣсь есть различіе именительнаго и винительнаго, которое вообще такъ соблюдается въ Словѣ о полку Игоревѣ; къ тому-же здѣсь разница ѧ (*я*) и *и* не такъ ощутительна. Оттѣнки склоненія въ прилагательныхъ, т. е. окончанія на *а* и *ая, ыя*, относительно винительнаго и родительнаго и другихъ падежей, не довольно постоянны, измѣняются; но они сами по себѣ мало имѣютъ разницы въ обоихъ языкахъ и потому не составляютъ важности. Мы видимъ въ прилагательныхъ тѣже ошибки, какія и въ именахъ существительныхъ, въ подобныхъ случаяхъ; сверхъ того ошибки собственно свойственныя прилагательнымъ. Примѣры приведены выше въ другихъ примѣрахъ; считаемъ это достаточнымъ. Замѣтимъ, что двойственное число, часто встрѣчающееся, соблюдается вѣрно; напр: *оба есть Святъславличя* (3) и пр.; изключенія очень рѣдки; напр: говорится объ Игорѣ и Всеволодѣ: *нъ нечестно одолѣсте* (4) и пр. Первообразное прилагательное употребляется также; напр: *земли незнаемъ, неготовами дорогами* (5) и пр. Мы встрѣчаемъ также отсутствіе предлога предъ падежами, но не такъ какъ въ другихъ памятникахъ; вездѣ передъ именами соб-

(1) Пѣснь о полку Игоревѣ, изданная Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ, стр. 6, 8, 10, 42, 46, 48.
(2) Тамъ-же, стр. 14, 6.
(3) Пѣснь о полку Игоревѣ, изд. М. Максимовичемъ, Кіевъ. стр. 8.
(4) Пѣснь о полку Игоревѣ, изд. М. Максимовичемъ, Кіевъ. стр. 28.
(5) Тамъ-же, стр. 10, 10.

ственными (въ предложномъ падежѣ) находится предлогъ *въ Чрнѣговѣ*, *въ Кыевѣ*, *въ Полотьскѣ*, *въ Путивлѣ* и пр.: но, передъ именами несобственными иногда отсутствуетъ; напр.: *Копіе преломити конець поля Половецкаго*; *конець копія въскърмлени* (1); *обѣсися синѣ мглѣ*, *уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ* (2). Не думаемъ, чтобъ это была ошибка, чтобы *темнѣ березѣ* былъ винительный падежъ, что́ было-бы слишкомъ яркая и несообразная съ языкомъ пѣсни Игоря ошибка; къ тому-же *уношу* винительный падежъ; надо думать, что и *Князю Ростиславу* должно было быть употреблено въ винительномъ падежѣ; и что значитъ: *затворилъ темныя берега?*—тогда какъ затворилъ *въ темномъ берегѣ* имѣетъ смыслъ; подобный образъ видимъ мы въ пѣсни о Добрынѣ: *Добрыня купался, змѣй унесъ* (3). Замѣчательно въ Словѣ о полку Игоревѣ употребленіе падежа дательнаго, сгласно съ духомъ Русскаго языка, но здѣсь особенно ярко выступающее; напр: *въспѣша на брезѣ синему морю*; *одѣвавшу его темными мглами подъ сѣнію зелену древу* (4) и пр. Считаемъ достаточнымъ сказанное нами о Словѣ о полку Игоревѣ.

Изъ сказаннаго нами, кажется, намъ должно вывести, что языкъ этого Слова былъ составной, не живой языкъ того времени, котораго условіе, жизнь и движеніе обнаруживалось тогда необходимо ошибками. Въ такомъ случаѣ намъ

(1) Въ позднѣйшихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ подтверждающее это употребленіе; такъ въ грамотахъ XV столѣтія находимъ: *Дубъ что стоитъ конецъ Парфеньевскаго болота;* еще: *мои купли конецъ Боровитцкого моста* (Собр. Гос. гр. и дог. М. 1819 г., ч. 1. стр. 332, 337). Здѣсь слово безъ предлога *конецъ* употребляется какъ-бы предлогъ. Впрочемъ не является-ли здѣсь можетъ быть именительный вмѣсто творительнаго вслѣдствіе первобытной неподвижности?

(2) Пѣснь о полку Игоревѣ, изд. М. М., стр. 6, 8, 38, 46.

(3) Там-же, стр. 28, 44.

(4) Древнія Росейскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. 1818 г. стр. 345, 357.

надо-бы усомниться въ современности этого Слова; но такъ какъ въ немъ есть подробности, указывающія особенно на современность, и вообще оттѣнокъ современности, если не въ языкѣ, то въ самомъ сочиненіи, то мы невольно должны дойдти до другаго результата. Если въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ не видимъ живаго, современнаго движенія языка, его внутренней жизни, извѣстнымъ образомъ проявляющейся, то мы должны сказать, что сочинитель былъ не самобытный участникъ въ этой жизни языка что судьбы языка не были для него судьбами его собственнаго слова; другими словами, что сочинитель не былъ Русскимъ, природнымъ, по-крайней-мѣрѣ. Самое употребленіе языка это доказываетъ; найдя у насъ два элемента рѣчи, сочинитель воспользовался и тѣмъ и другимъ, не въ смыслѣ того, что онъ употребилъ ихъ какъ богатство, слога ради; но видя ихъ необходимое въ письменной рѣчи присутствіе, онъ не могъ не взять и того и другаго: эти элементы остались у него равнодушны другъ къ другу и рядомъ прошли сквозь все его сочиненіе (1). Жизнь ошибки

(1) Только помня различіе именительнаго съ винительнымъ во множественномъ числѣ и сохраненіе этого различія въ Словѣ о полку Игоревѣ, можемъ мы объяснить такое мѣсто (стр. 40 того-же изданія) *въ рози нося имъ хоботы пашуть*. Объяснители думали, что *носятъ рога*; слѣдовательно принимали *рози* за падежъ винительный, тогда какъ винительный будетъ *рогы*, и если гдѣ можемъ мы основательно принимать въ соображеніе разницу именительнаго и винительнаго падежа, такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ именно эта разница соблюдается строго. *Нося* вѣроятно относится къ *рози*, какъ къ подлежащему; *нося* есть причастіе единственнаго числа, но оно могло быть употреблено вмѣсто множественнаго; въ Словѣ-же о полку Игоревѣ находимъ: *Се бо Готьскыя красныя дѣвы.... Звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Бусово* (стр. 28 того же изданія), что доказываетъ, что въ Словѣ о полку Игоревѣ это причастіе такъ употреблялось и что въ настоящемъ случаѣ можно принимать его также. Такимъ образомъ грамматическое объясненіе будетъ слѣдующее: *рози нося имъ хоботы пашуть* — рога носящіе (нося) имъ (это слово можно отнести или къ рогамъ какъ замѣну *себѣ*, или Князьямъ) носящіе имъ хвосты (хоботы) пашутъ. И такъ, *рога носящіе хвосты пашутъ*. Вотъ грамматическое объясненіе,

принадлежитъ только природному обладателю языка; онъ только можетъ и имѣетъ право, и смѣетъ ошибаться и, разумѣется, въ извѣстномъ случаѣ, ошибка его можетъ имѣть важный смыслъ, тогда какъ иностранецъ боится ошибки, и приобрѣтая языкъ, хотя-бы и отъ навыка, и не черезъ грамматику, но непремѣнно чрезъ рефлексію, — говоритъ иногда правильнѣе коренного жителя. Разумѣется иностранецъ можетъ ошибаться и ошибается, но его ошибки происходятъ отъ незнанія. Мы представляемъ себѣ здѣсь иностранца, дошедшаго своимъ путемъ до совершеннаго, полнаго знанія языка изъ ученія или изъ опыта; тогда языкъ его долженъ имѣть болѣе боязливой холодной правильности, нежели языкъ туземца. Мы говоримъ не въ отношеніи къ живости слога, но чисто въ языковомъ отношеніи. Это находимъ мы въ Пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ именно ошибки должны были-бы явиться, какъ современное движеніе, жизнь языка; именно въ то время происходила для пишущаго Русскаго та борьба между двухъ языковъ, которая и отражалась у него въ слогѣ; и именно этой борьбы мы не видимъ въ разсматриваемомъ произведеніи; видимъ напротивъ равнодушное присутствіе, равнодушное и для самого писателя, двухъ этихъ языковыхъ элементовъ, и вмѣстѣ правильное ихъ употребленіе; слѣдовательно только мертвое, холодное ихъ знаніе: такое знаніе обличаетъ иностранца. И такъ въ самомъ языкѣ находимъ свидѣтельство, что это писалъ не Руской, подъ перомъ котораго языкъ непремѣнно принялъ-бы другой видъ. Теперь, кромѣ языка, самое содержаніе пѣсни, внутреннее ея значеніе приводитъ насъ опять въ недоразумѣніе, которое можетъ

другаго кажется сдѣлать нельзя. Но что-же это значитъ? Мы знаемъ, что есть въ народѣ подобное фигуральное изображеніе коровы. *четыре ходаста, два бодаста, да седьмой хлебестунъ.* Есть и другое подобное. И такъ и здѣсь не есть-ли это фигуральное изображеніе коровы или быка? *Быки пашутъ.* Это кажется намъ, пока, единственною вѣроятною догадкою.

разрѣшиться или предположеніемъ, что это не подлинное сочиненіе, или другимъ, что это писалъ не Руской. (Мы сказали, что принимаемъ послѣднее, и почему). — Во всей пѣсни нѣтъ ни сколько элемента религіознаго, кромѣ словъ на концѣ, что Игорь ѣдетъ къ *Божіей Матери Пирогощѣй*. Это совершенно несогласно съ характеромъ Русскимъ, и особенно того времени. Въ Словѣ Даніила Заточника безпрестанно ссылки на Св. Писаніе; во всѣхъ позднѣйшихъ памятникахъ сильно присутствуетъ элементъ религіозный, и отсутствіе его въ Словѣ о полку Игоревѣ сильно заподозриваетъ это сочиненіе. Сверхъ того самые поэтическіе образы, тамъ встрѣчающіеся, такъ мало имѣютъ народнаго Русскаго характера, такъ часто отзываются фразами, почти современными, такъ кудреваты иногда, что никакъ нельзя въ нихъ признать Русской народной поэзіи, если и нельзя отказать сочинителю въ поэтическомъ талантѣ, которому придалъ онъ только оттѣнокъ руссицизма. Въ этой Пѣсни выдается сочинитель, индивидуумъ, еще не могшій возникнуть въ Русской землѣ, гдѣ пѣлись тогда народныя пѣсни. Кто-же былъ этотъ сочинитель, откуда пришелъ онъ? Церковно-Славянскій языкъ былъ ему хорошо извѣстенъ, Русской языкъ тоже; оба языка вошли въ его сочиненіе, и мы уже опредѣлили, какой характеръ, какое отношеніе приняли они тамъ; мы сказали, что это отношеніе обличаетъ иностранца; но кто-же былъ этотъ иностранецъ? На это отвѣчать разумѣется мудрено; вѣроятно Грѣчинъ, знавшій церковно-Славянскій языкъ еще прежде (что Греки могли знать церковно-Славянскій языкъ, не бывши въ Россіи, это увидимъ ниже) и въ Россіи научившійся Русскому. Свои кудреватости и хитросплетенія вложилъ онъ въ сочиненіе, не имѣющее ни сколько того грандіознаго вида народной Русской поэзіи, какой видимъ въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ; — сочиненіе, оставшееся изолированнымъ и не перешедшее въ уста и въ вѣденіе на-

рода, которому, не смотря на церковно-Славянскій языкъ, довольно извѣстно *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ* (1). Отсутствіе религіознаго элемента не уничтожаетъ предположенія, что сочинитель былъ Грекъ. Мы приняли отъ нихъ христіанскую вѣру, но религіозность была собственнымъ элементомъ Русской жизни, и Грекъ могъ и не имѣть ея. Языкъ-же витіеватый, который нравиться могъ, но не вошелъ въ народную жизнь, вѣроятно принадлежитъ Греку. Еще Владиміръ говоритъ у Нестора о Грекахъ: *суть же хитро сказающе и чюдно слушати ихъ* (2).

Въ концѣ XII, или въ самомъ началѣ XIII вѣка, имѣемъ мы прекрасное посланіе Симеона Епископа Суздальскаго къ Поликарпу; оно написано на языкѣ церковно-Славянскомъ; посланіе написано правильно; но въ немъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, встрѣчаются нѣкоторыя ошибки; ихъ немного; напр: *азъ желаю единоа крупици;* или: *отъ послушаніа отца и братіи своей* (3). Двойственное число вездѣ сохранено. Встрѣчается полногласное употребленіе глагола: *не въспрещааше* (4). Языкъ вообще въ его оборотахъ церковно-Славянскій. Что касается до самого содержанія, то въ немъ видно глубокое религіозное чувство со всею его умилительною простотою, проникающее все это прекрасное посланіе.

Въ XIII вѣкѣ имѣемъ мы еще памятникъ. интересный чрезвычайно и потому, что современность списка совпадаетъ съ его современностью. Это *Правила Кирилла, Митрополита*, памятникъ церковный и писанный на языкѣ церковно-Славянскомъ. Языкъ правиленъ, всѣ особенности его

(1) Находятъ сходство между этими двумя произведеніями; но если сходство и есть, то выраженія Слова о полку Игоревѣ перешли сперва въ другое сочиненіе и тамъ уже удержались въ народѣ.

(2) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія. 1824. Москва. стр. 72.

(3) Памятники Россійской Словесности XII вѣка М. 1821. стр. 251, 253.

(4) Тамъ-же, стр. 252.

соблюдены тщательно, и едва замѣтно пробивается неправильность сквозь строго сохраняемыя формы языка. Мы находимъ примѣръ предложнаго безъ предлога: *неоустроеніе церквахъ* (1) *И* вмѣсто *е* поставлено однажды, въ словахъ: *кровь*, также въ словѣ: *время* (2). Встрѣчаются въ извѣстныхъ случаяхъ склоненія: *и* вмѣсто ѧ, или, что для Русскихъ было равно, *я*; напр: *то ти приношенія ѡ нихъ пріимати реклше просфоуры и коуты ти свѣчи.* Въ другихъ мѣстахъ ѣ томъ-же случаѣ *ѣ* замѣняетъ это неумѣстное для Рускихъ *я*; напр: *отъ проскоурницъ; отъ свѣтлыя недѣлѣ* (3).

Въ XIII-же столѣтіи встрѣчаемъ мы весьма замѣчательныя проповѣди Епископа Владимірскаго Серапіона. Церковно-Славянскій языкъ, которымъ онѣ писаны, чрезвычайно правиленъ; тонкія особенности его соблюдаются вѣрно; какъ: окончаніе на *и* въ предложномъ падежѣ единственнаго числа въ извѣстныхъ случаяхъ, напр: *въ солнцѝ*;—окончаніе на ѧ *(я—а)* въ винительномъ и другихъ падежахъ, напр: *отца и братью нашю избиша, матери наши* и пр.; *вижю вы премышившася; вскрай земля нашея*; *чародѣйцы и чародѣйцы*; также соблюдается отличіе женскаго рода въ причастіи, напр: *мати, видящи* (4), и др. т. п. Мы не приводимъ примѣровъ не столько тонкаго и болѣе обыкновеннаго, правильнаго, вѣрно соблюдаемаго употребленія. Изрѣдка попадаются и нѣкоторыя ошибки; *напр: лжѣ; овцы; съ небеси* (5) Полногласіе сохраняется въ одномъ словѣ: *живущшимъ* (6). Встрѣчается предлож-

(1) Русскія Достопамятности. Москва. 1815. стр. 107.
(2) Тамъ-же, стр 114, 109.
(3) Тамъ-же, стр. 115, 112, 116.
(4) Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. М. 1843. книжка 1, стр. 99. 99. кн. 2 стр. 103, кн. 3 стр. 194. 200, кн. 2 стр. 103.
(5) Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Москва. 1843. книжка 1, стр. 100, кн. 3 стр 204. 195.
(6) Тамъ-же, книжка 3 стр. 194.

ный безъ предлога: *не прикасайтеся дѣлѣхъ злыхъ и темныхъ* (1). Замѣчательно употребленіе: *волхвовь* (2) женскаго рода отъ *волхвъ*, какъ: *свекоръ — свекровь*. — Вообще эти, прекрасныя по содержанію и по слогу также, проповѣди написаны чрезвычайно правильно по церковно-Славянски, съ оттѣнкомъ и особенностями древняго языка.

До сихъ поръ, не имѣя, какъ мы сказали уже прежде, памятниковъ Русской рѣчи, имѣя памятники только церковно-Славянскаго языка, что могли мы сказать о Русскомъ? Но по ошибкамъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, ошибкамъ, производимымъ другою, подъ нимъ скрытою живою рѣчью, могли мы узнавать, слѣдить Русскую рѣчь, являющуюся для насъ въ первомъ періодѣ, именно, какъ живая связь ошибокъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Уже такія ошибки сами по себѣ показываютъ, что это языкъ не живой; показываютъ присутствіе другаго элемента живаго языка и даютъ возможность слѣдить его, ибо въ нихъ онъ является иногда и положительно. Мы старались исполнить это; по этому до сихъ поръ разсматривали мы такъ подробно каждый памятникъ письменности, не упуская ни одного, наблюдая зданіе церковно-Славянскаго языка и замѣчая всѣ минуты его колебанія отъ невидимой будто-бы причины; это была Русская рѣчь, подъ нимъ скрытая и разнообразно его потрясавшая; и по этому чрезвычайно интересны и важны всѣ памятники письменности того времени. Но Русская рѣчь является здѣсь все еще какъ ошибки въ церковно-Славянскомъ языкѣ; только въ нихъ она открывается; до сихъ поръ не иначе какъ такъ могли мы видѣть ее; церковно-Славянскій языкъ былъ постоянно и вездѣ передъ нами, гдѣ только

(1) Тамъ-же, книжка 3, стр. 196.

(2) Тамъ-же, книжка 3, стр. 202.

встрѣчалась написанная бумага. Что-же наконецъ могло вызвать языкъ нашъ народный на бумагу, заставляя его явиться въ своемъ самобытномъ видѣ, развѣ съ малыми, ничего незначущими оттѣнками церковно-Славянскаго языка?—Живыя юридическія отношенія, грамоты и договоры. Здѣсь найдемъ мы оправданіе многому тому, что какъ ошибка являлось намъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Здѣсь увидимъ мы живой источникъ того, что было намъ знакомо досель, какъ неправильность,—источникъ, откуда шли живыя струи слова, смущавшія теченіе языка церковно-Славянскаго. Мы подойдемъ къ самому источнику, и многое перемѣнитъ свой видъ; какъ истинное, какъ стройное, какъ органическое явится намъ то, что казалось прежде неправильнымъ, ошибкою. Въ началѣ, или собственно съ половины XIII столѣтія, начинается это новое проявленіе рѣчи, новые памятники языка, — начинаются грамоты и договоры.

Въ началѣ XIII столѣтія имѣемъ мы подлинную грамоту: это договоръ Мстислава Князя Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1229 года. Древнѣйшая, намъ извѣстная, грамота Новогородская является въ началѣ второй половины XIII столѣтія: это договорная грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 года. Мы читаемъ ихъ, и еще невиданная самобытность новаго языка поражаетъ насъ; вотъ наконецъ рѣчь, такъ долго скрывавшаяся и темно дававшая знать о своемъ присутствіи; мы узнаемъ ее, мы узнаемъ и это *и* вмѣсто *ѧ*, и потомъ эту неподвижность винительнаго какъ именительнаго на *а* въ извѣстномъ случаѣ, уже знакомыя намъ и прежде. Съ другой стороны, мы узнаемъ ее, какъ нашу живую рѣчь, которою и теперь говоримъ; мы слышимъ даже этотъ Русской разговоръ, въ Новогородскихъ грамотахъ особенно. Что-же мы видимъ,

что является намъ въ этихъ грамотахъ особенностью непремѣнно того времени, что кладетъ на эту рѣчь печать извѣстнаго опредѣленія, привязывающаго ее къ извѣстной эпохѣ и вмѣстѣ дающаго ей жизнь современности? — Мы можемъ сказать вообще прежде всего, (подробный отвѣтъ заключается въ самомъ разсматриваніи грамотъ) что всѣ эти неровности слова, всѣ эти оттѣнки, какіе можемъ мы отыскать въ грамотахъ, различающіе ихъ отъ настоящаго времени, суть чисто Русскіе въ тоже время, принадлежатъ къ исторіи Русской рѣчи, къ ея извѣстной эпохѣ, имѣющей, въ этомъ смыслѣ, и различіе отъ настоящей Русской рѣчи, носящей на себѣ также печать эпохи. Оттѣнокъ языка незначителенъ. Мы сказали прежде, какъ просто уже время налагаетъ свой характеръ на языкъ; какъ уже предшествованіе одно даетъ ему необходимо такой видъ, такую физіогномію; есть звуки, которые должны замолкнуть, есть звуки, которые должны возникнуть теченіемъ времени. И такъ уже это различіе, различіе времени должно лежать между языкомъ грамотъ и нашимъ современнымъ; и тотъ и другой составляютъ моменты развитія языка Русскаго вообще; но это различіе принимаетъ опредѣленность, обозначается степенью развитія, является подъ многими условіями, все это вмѣстѣ даетъ языку полный извѣстный характеръ. Самый легкій оттѣнокъ языка церковно-Славянскаго лежитъ на языкѣ грамотъ.

Грамота, *Договоръ Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ*, заслуживаетъ отдѣльнаго взгляда по превосходящей своей древности и по нѣкоторому особенному оттѣнку языка. Въ ней видимъ мы употребленіе, свойственное языку Малороссійскому или Бѣлорусскому, именно: *оу Ризѣ*, *оу Роусе*, и пр.; многія буквы явнымъ образомъ ошибочно поставлены вмѣсто другихъ; *ъ* часто замѣняетъ *ѣ*, вѣроятно по сходству начертанія. Здѣсь видимъ мы однажды употребленное прошедшее время церковно-Славян-

скаго языка: *оже быхъмъ что тако учинили* (1). Двойственное число соблюдается вѣрно: *оже не боудѣть двою послуху*; *та два была* (2) и проч Склоненіе вообще соблюдено согласно съ языкомъ церковно-Славянскимъ; но здѣсь не встрѣчается однако окончанія на ѧ (я), и вмѣсто него ѣ или е; напр: *Тиоуноу на Вѣлицѣ дати роукавицѣ; оу с҃тое Б҃це;* также *оу Латинскои церкви* (3). Очень часто встрѣчается винительный на *а*; напр: *такова правда оузяти Роусиноу; дати іемоу на събѣ порука*; *дати ѡ҃ двою капно въску вѣсцо коупа Смолѣскаіа* (4) и пр. и пр. Грамота едва-ли не была переведена съ Нѣмецкаго; по крайней мѣрѣ одно употребленіе на это намекаетъ, именно счетъ лѣтъ, когда написана грамота: $\frac{а}{і}$ *лѣто и с҃ лѣто и ѳ҃и лѣто и к҃* (5). Предложнаго падежа безъ предлога не встрѣчается; полногласія также. Къ тому-же мы должны сказать, что отношенія языка Малороссійскаго и Бѣлорусскаго вѣроятно были другія къ церковно-Славянскому языку; мы-же пишучи о языкѣ Русскомъ вообще, а не о нарѣчіяхъ его въ отдѣльности, обращаемъ собственно вниманіе на языкъ Великорусскій. Теперь перейдемъ къ Новогородскимъ грамотамъ и вмѣстѣ вообще къ грамотамъ XIII столѣтія.

Языкъ грамотъ XIII вѣка—языкъ совершенно Русской, но языкъ, въ которомъ еще не совершились явленія дальнѣйшаго движенія. Мы встрѣчаемъ много формъ, окончаній, носящихъ на себѣ характеръ, если не первобытный, то ранній; мы видимъ, какъ при всѣхъ своихъ общихъ

(1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1819 года. часть 2, стр. 2.

(2) Тамъ-же, стр. 2, 4.

(3) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, М. 1819. ч. 2, стр. 4.

(4) Тамъ-же, стр. 3, 3, 4, 4.

(5) Тамъ-же, стр. 4.

коренныхъ Русскихъ началахъ, Русской языкъ имѣетъ здѣсь на себѣ особенности времени и именно времени ранняго Взглянемъ-же на эти особенности, на то, что собственно составляетъ свойство того времени и различаетъ тогдашнюю Русскую рѣчь отъ нынѣшней. Мы находимъ, уже знакомый намъ, неподвижный падежъ винительный на *а*; напр: *а та грамота Княже дати ти назадъ* (1) и пр. падежъ, уже нами объясненный прежде. Это употребленіе будемъ мы встрѣчать долго. Въ грамотахъ, хотя гораздо менѣе, нежели въ памятникахъ церковно-Славянскаго языка, встрѣчаемъ мы однако-же глаголъ *есмь*, собственно въ первомъ и во второмъ лицѣ, но не въ третьемъ. Здѣсь можно кстати объяснить причину такого различія въ употребленіи. Всякой предметъ, самъ по себѣ взятый, есть третье лицо, *онъ;* всякое прилагательное, какъ опредѣленіе предмета, тѣмъ болье въ первообразномъ видѣ (усѣченное, такъ называемое) есть тоже третье лицо. *Есмь* же у насъ употреблялось совсѣмъ не какъ вспомогательный глаголъ съ причастіемъ, а просто какъ глаголъ съ прилагательнымъ; напр: *онъ добръ есть человѣкъ*. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что и въ церковно-Славянскомъ языкѣ, когда употребляется *я* или *ты*, глаголъ *есмь* отсутствуетъ какъ ненужный, и наоборотъ, является при отсутствіи этихъ личныхъ мѣстоименій. И такъ глаголъ *есмь* былъ просто замѣною личныхъ мѣстоименій; такъ является онъ въ звательномъ въ Русскихъ пѣсняхъ: *гой еси добрый молодецъ*. По этому очень понятенъ выпускъ его въ третьемъ лицѣ, гдѣ само по себѣ прилагательное есть или имѣетъ въ себѣ третье лицо; тогда, какъ естественно выступить глаголу съ силою личности тамъ, гдѣ уже не третье лицо, гдѣ является лицо второе: *ты;* отъ этаго во второмъ лицѣ мы почти всегда

(1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1819. ч. 2, стр. 3.

встрѣчаемъ глаголъ *есмь*. Но и второе лицо еще не такъ далеко отъ предмета, не столько субъективно какъ первое, и потому въ сочетаніи перваго лица съ прилагательнымъ вообще, или отглагольнымъ, встрѣчаемъ мы всего чаще глаголъ *есмь*. — Характеръ неразвитости, характеръ ранняго періода, имѣющій въ себѣ въ то-же время и нѣкоторое полногласіе, лежитъ на этомъ нашемъ языкѣ грамотъ XIII и XIV вѣка.—Именительный часто въ именахъ мужескаго рода встрѣчается въ винительномъ, вмѣсто употребляемаго въ наше время родительнаго, напр: *а держати ти свой пивунъ; а холопы и должники и подручныи выдавати* (1) и пр. и пр.—Именительный множественнаго употребляется вмѣсто родительнаго множественнаго-же числа; напр: *что селци тягнуло къ тымъ свободамъ;* въ другомъ такомъ-же мѣстѣ: *что сельцъ;—а что головы поимано; съ обѣ половинѣ* (2). — Употребленіе *ти;* напр: *а то ти Княже, не надобе* (3). *Ти* не изчезло и теперь въ народѣ; оно употребляется какъ: *тѣ*, и, какъ и въ древнихъ грамотахъ, различается отъ *тебѣ* или *тобѣ;* послѣднее употребляется тогда, когда на немъ болѣе опирается значеніе.—Есть употребленіе: предложнаго безъ предлога: *лѣтѣ* (4); но и до сихъ поръ сохраняется это употребленіе въ устахъ народа; народъ говоритъ: *утрѣ* вмѣсто *поутру;* также употребленіе: *молодецки, братски* и пр. можно только объяснить предложнымъ безъ предлога, отъ первообразнаго прилагательнаго неупотребительнаго въ именительномъ: *молодецъ;* у Нестора есть такое прилагательное: *бь бо дѣтескъ;* отсюда также: *дѣтски;* здѣсь только и замѣняетъ *ѣ*, что часто взаимно случается. — Полногласіе видимъ мы еще тогда-же въ недавно образованныхъ

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 2. и 5.
(2) Собр. Гос. грд. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 9. 6. 15. 22.
(3) Тамъ-же, стр. 4.
(4) Тамъ-же, стр. 8. 10 и пр.

ино (инъ, ина, ино) *како* (1), вмѣсто котораго народъ употребляетъ *инъ, какъ*.—Встрѣчаемъ также полное неопредѣленное на *ти;* напр: *людий нѣ выводити; а грамотъ ти не посужати* (2) и пр. и пр.; также досихъ поръ сохранившееся и въ пѣсняхъ и въ рѣчи народа и даже и въ нашемъ разговорѣ въ иныхъ случаяхъ.—Видимъ полногласное прилагательное, уже утратившееся въ памятникахъ церковно-Славянскихъ въ то время; напр: *и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ мѣншихъ; Новогородьскыихъ* (3).—Видимъ первоначально образовавшійся родительный мн. ч., какъ: *волостий, свиний,* и его видоизмѣненіе, объясненное нами выше въ словѣ: *волость.*—Также первообразный краткій родительный; какъ напр: *мужъ; что твое и твоихъ мужъ пошло* (4); этотъ родительный и теперь еще существуетъ у насъ въ нѣкоторыхъ словахъ; напр: *пять пудъ.*—Видимъ также первообразно являющійся возвратный глаголъ, гдѣ *ся* еще отдѣляется отъ глагола, что явно на себѣ носитъ характеръ первообразности и составляетъ собственное различіе одной и той-же рѣчи, не мѣшая ея тождеству и единству, напр: *а что ся дѣяло* (5) (объ этомъ тоже говорили мы прежде). Двойственное число встрѣчается также въ грамотахъ; оно также намъ принадлежало и должно было утратиться въ теченіи развитія; напр: *по в купе; а за волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ двѣ насиду; а срокъ тремъ тысячамъ и двема стома* (6), и пр.

Вотъ оттѣнки, характеризующіе Русскую рѣчь XIII и

(1) Собр. Госуд. гр. и дог. Москва. 1815. ч. 1. стр.

(2) Тамъ-же, стр. 3 и пр.

(3) Тамъ же, стр. 7.

(4) Собр. Гос. гр. и дог. Москва. 1815. ч. 1. стр. 3.

(5) Тамъ-же, стр. 19.

(6) Собр. Гос. гр. и дог. Москва. 1815. ч. 1. стр. 4, 10, 15.

XIV столѣтій; ни одинъ изъ нихъ не случаенъ; всѣ напротивъ являются ясно и законно, выражая собою извѣстную степень развитія собственно нашей рѣчи, извѣстное время; такъ что понявъ ихъ во времени, мы имѣемъ передъ собою нашу Русскую родную рѣчь, полную и свободную. Это доказывали мы и прежде, говоря объ отношеніяхъ церковно-Славянскаго языка къ Русскому; мы основывались на тѣхъ-же фактахъ. Всѣ оттѣнки церковно-славянизма слабы; то, что главное даетъ ихъ еще слогу грамотъ, это письмо, которое, знакомое намъ чрезъ церковно-Славянскій языкъ, еще долго удерживало, по крайней мѣрѣ отчасти, права свои; ороографія грамотъ церковно-Славянская. Укажемъ на оттѣнки церковно-Славянизма. Мы встрѣчаемъ *е* вмѣсто *ѧ* (*я*) церковно-Славянскаго: еще не твердое слѣдовательно употребленіе; но встрѣчается также и *и*, Русское окончаніе; напр: *отъ людье*; *а судье слати тебѣ свое*; *земле* (1) и пр. Далѣе это исчезаетъ, и мы видимъ: *отъ лады*; *а судьи слати тебѣ свои*; *а Новогородьской ти души блости*; *а съ Суждальской земли* (2) и пр. За церковно-Славянизмъ принимаемъ мы дательный падежъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода на *омъ*: *бояромъ*, *дворяномъ* (3) и пр., встрѣчающійся въ Новогородскихъ грамотахъ; намъ скажутъ, можетъ быть, почему-же не предположить и въ Русскомъ языкѣ возможность существованія прежде такого окончанія; но являющееся въ тоже время другое окончаніе не письменное и согласное съ настоящимъ, обнаруживаетъ, что въ устахъ народа была другая буква; напр: *по постоянямъ* (4). Еще болѣе подтверждаетъ это то, что между Новогородскими грамотами есть двѣ (подлинныя),

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1815. ч. 1, стр. 2. 4. 7 и пр.
(2) Тамъ-же, стр 7. 10. 11. 14 и пр.
(3) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 11. 12. 13 и пр.
(4) Тамъ-же, стр. 14.

въ которыхъ почти вездѣ употреблено окончаніе на *амъ*; напр: *боярамъ*, *дворянамъ*, *намѣстникамъ*, *купцамъ* (1). Вѣроятно это произошло отъ писавшаго грамоты. Откуда-же-бы онъ взялъ такое употребленіе противъ другаго, узаконеннаго письменностью, еслибъ не изъ устъ народа? Положимъ, могли-бы сказать, что здѣсь явилось уже употребленіе новой образовавшейся формы; но въ слѣдующихъ грамотахъ падежъ на *омъ* удерживаетъ опять права свои; и такъ это дѣйствіе церковно-Славянской орѳографіи. Къ этому-же роду церковно-Славянскаго употребленія причисляемъ мы предложный падежъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода, оканчивающійся на *тѣхъ*. — Какъ доказательство, что здѣсь было чуждое вліяніе языка церковно-Славянскаго, можемъ мы привести употребленіе родительнаго падежа въ словѣ *Владыка*: въ грамотахъ много разъ написано: *отъ владыцъ* (2), тогда какъ здѣсь этой перемѣны не нужно; это будетъ падежъ дательный; падежъ-же родительный: *отъ владыкы*. Также спутанно является въ грамотахъ различіе падежей именительнаго и винительнаго во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода; напр: *почше пословъ свои слати. Повелѣ Юрью и Якиму пословъ Михаиловъ поняти* (3). Здѣсь именительный падежъ съ его различіемъ употребленъ вмѣсто винительнаго. Но въ грамотахъ нѣтъ прошедшаго времени церковно-Славянскаго языка. Впрочемъ между Новогородскими грамотами есть одна, въ которой встрѣчаемъ церковно-Славянскія формы глагола. Это легко объяснить внѣшнимъ вліяніемъ; но все можетъ представиться вопросъ, не явились-ли эти церковно-Славянскія формы, какъ изчезающія, какъ угасающій и вспыхивающій

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815 г. ч. 1. стр. 10. 11. 12.

(2) Тамъ-же, стр. 6, 7, 19 и пр.

(3) Тамъ-же, ч. 1. стр. 17.

природный элементъ языка. Мы сказали наше мнѣніе объ этомъ; но теперь эта грамота еще болѣе подтверждаетъ его. Вѣроятно писавшій захотѣлъ пощеголять церковно-Славянскимъ языкомъ, имѣлъ намѣреніе такимъ образомъ изказить, оклеветать Русскую настоящую рѣчь, и былъ за это наказанъ; въ самомъ дѣлѣ, сама грамота его изобличаетъ: церковно-Славянскія формы глагола перепутаны и неправильны, знакъ, что они были ему чужія, только знакомы, и плохо въ тоже время знакомы. Эта грамота очень напоминаетъ невѣжественное употребленіе, иногда и въ наше время, формъ церковно-Славянскаго языка въ простомъ народѣ, когда почти къ каждому глаголу прикладываетъ онъ *ше*. Въ грамотѣ употреблено ошибкою: *послаше*;—*послаше Новъгородъ*, тогда какъ надобно: *посла*, если въ единственномъ, въ множественномъ-же: *послаша*; можно-бы подумать, что здѣсь поставлено множественное (разница была-бы не велика), которое часто соединяется съ именемъ собирательнымъ въ единственномъ числѣ, что не противно нисколько духу Русскаго языка; но въ другихъ явственныхъ случаяхъ Новгородъ соединяется съ глаголомъ въ единственномъ числѣ; напр: *Новъгородъ весь крестъ цѣлуетъ* (1) и въ этой грамотѣ далѣе: *весь Новъгородъ велѣлъ*, что показываетъ, что выше ошибочно употребленъ глаголъ въ единственномъ числѣ. Далѣе: *повелѣше весь Новъгородъ*, опять ошибочное употребленіе прошедшаго отъ глагола: *повелѣти*; въ единственномъ надобно-бы: *повелѣ* и во множественномъ опять: *повелѣша* ( ). Далѣе чрезъ нѣсколько строкъ употреблено, кажется, безлично: *а повелѣша печати приложити*. Наконецъ упо-

(1) Собр. Гос гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 9.

(2) По Добровскому должно сказать *повелѣсте*. См. его Грам. ч. 11, стр. 88. Но мы слѣдуемъ здѣсь Остр. Евангелію (см. Остр. Ев. грам. правила стр. 232), которое съ нимъ разнствуетъ.

треблено правильно: *Новѣгородъ повелъ* (1). И такъ здѣсь прошедшее отъ *повелѣти*, употреблено три раза и всякой разъ различно. Надо прибавить, что въ этой-же грамотѣ перепутаны именительный и винительный падежи съ ихъ различіемъ въ извѣстномъ случаѣ, на что указали мы выше и привели примѣры. И такъ есть одна между Новогородскими грамотами XIII и XIV столѣтія, гдѣ явились церковко-Славянскія формы глагола и явились, какъ доказательство того, что онѣ чужды нашему языку—неправильно, искаженными. Другаго вліянія церковно-Славянскаго языка нѣтъ; все что есть—объясняется и отдѣляется слѣдовательно какъ чужое, и мы имѣемъ передъ собою нашу Русскую рѣчь XIII и XIV столѣтія. Далѣе мы увидимъ, какъ церковно-Славянскій языкъ вновь, но *ученымъ образомъ*, намѣренно, какъ притязаніе входитъ въ позднѣйшія грамоты; такъ что въ этомъ отношеніи чѣмъ древнѣе грамота, тѣмъ чище въ ней Русской языкъ, хотя съ другой стороны въ позднѣйшихъ грамотахъ болѣе замѣчается нечаянное освобожденіе въ Русской рѣчи, при дальнѣйшемъ ея ходѣ. Мы обратили здѣсь вниманіе собственно на грамоты Новогородскія, договорныя, писанныя отъ лица народа и потому болѣе народнымъ языкомъ; но и другія грамоты тогоже времени Русскихъ Князей: *Смоленскаго, Владимирскаго, что на Волыни*, и *Луцкаго*, и также одна грамота Князя *Литовскаго*, и наконецъ грамоты *Московскія* не измѣняютъ общему характеру; но писанныя Князьями, а не народомъ и не для народа, они не представляютъ той полной, по тогдашнему, національности языка, какую видимъ мы въ грамотахъ Новогородскихъ. Первыхъ немного; Московскихъ-же имѣемъ мы довольное число; мы будемъ говорить, слѣдовательно, собственно о Московскихъ; но мы укажемъ при этомъ и на грамоты другихъ Князей.—Гра-

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, гр. XIII, стр. 16–17.

моты Московскія, относящіяся уже къ XIV столѣтію (грамоты другихъ Князей восходятъ нѣкоторыя къ XIII)—или духовныя, или договорныя. Здѣсь можемъ мы положить тонкое отличіе: грамоты духовныя, при которыхъ почти всегда выставляется имя писавшаго грамоту, болѣе имѣютъ на себѣ этихъ знаковъ, слѣдовъ церковно-Славянскаго языка, нежели грамоты свѣтскія. Мы можемъ указать на форму церковно-Славянскаго прошедшаго времени въ духовной грамотѣ Владимірскаго Князя: *создахъ* (1); также на употребленіе Русское въ предложномъ падежѣ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго на *ахъ* вмѣсто *ѣхъ*, въ свѣтской грамотѣ Владимірскаго и Луцкаго-же Князя: *а на горажанiахъ* (2); но объ эти грамоты въ спискѣ. Духовная грамота Іоанна Даниловича, 1328 года, писанная дьякомъ Костромою, также и другая его-же духовная грамота, того-же года написанная, какъ и всѣ, по Русски,—сохраняютъ въ себѣ правильное употребленіе церковно-Славянскаго языка, почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ соприкасался съ Русскимъ; такъ сохранено различіе именительнаго и винительнаго падежа во множественномъ числѣ въ извѣстномъ случаѣ; не встрѣчается винительный на *а*, въ именахъ женскаго рода; дательный во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго и средняго рода на *омъ*, а не на *амъ*. Встрѣчается также перѣшительное употребленіе падежей на ѧ, которое замѣняется *е*; напр: *мое*, *пашее* (3). Въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича видимъ мы уже слабѣйшій оттѣнокъ церковно-Славянскаго языка; встрѣчается Русское народное употребленіе падежа винительнаго на *а*; напр: *исправа ны учинити*; не сохраняется различіе въ падежѣ име-

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1815., ч. 1, стр. 7.

(2) Тамъ-же, стр. 8.

(3) Тамъ-же, стр. 31. 32. 33. 34. 35.

нительномъ и винительномъ множественнаго числа въ извѣстномъ случаѣ; какъ: *съ боляре* (1). Но вслѣдъ за этою грамотою является духовная того-же Князя, и въ ней видимъ мы тотъ-же самый слогъ, видимъ явственно смѣшанное употребленіе именительнаго и винительнаго падежа во множественномъ числѣ въ извѣстномъ случаѣ; напр: *ключники;* встрѣчаемъ также и рѣшительно употребленный родительный падежъ на *и* вмѣсто ѧ (*я*); напр: *своее купли*, и даже предложный безъ предлога, очень рѣдко уже встрѣчающійся; напр: *а что буди судилъ когда великомъ Княженьи.* Этотъ слогъ болѣе Русской, особенное участіе, которымъ проникнута грамота, наконецъ отсутствіе имени писца, и еще послѣднія строки, являющія какое-то личное чувство, красивый оборотъ, которымъ какъ-бы хотѣло выразиться само лицо: *а пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла* (2), — все это намекаетъ на то, что писалъ грамоту самъ Великій Князь Симеонъ, а не писецъ, вѣроятно болѣе знакомый съ письменнымъ языкомъ. Слѣдующая духовная грамота Іоанна Іоанновича уже не имѣетъ этихъ особенностей (3). Такимъ образомъ въ духовныхъ и свѣтскихъ грамотахъ Московскихъ XIV столѣтія, видимъ мы основный характеръ языка Русской и въ тоже время при немъ видимъ, какъ переливается оттѣнокъ языка церковно-Славянскаго, выступаетъ то ярче,—въ грамотахъ духовныхъ, то блѣднѣе,—въ грамотахъ договорныхъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе спутывается намѣренное употребленіе особенностей церковно-Славянскаго языка, тѣмъ сильнѣе одолѣваетъ Русской элементъ, собственно въ Русской рѣчи, хотя-бы съ другой стороны могли уче-

(1) Собр. Гос. грам. и догов. Москва. 1815. г. гр. XXIII. стр. 35. 36. 37.
(2) Тамъ-же, гр. XXIV. стр. 37. 38.
(3) Тамъ-же, гр. XXV, стр. 34, 40, 41.

нымъ образомъ входить церковно-Славянизмы, изкажаясь въ тоже время отъ неумѣнья и незнанія, но все-же входя въ рѣчь вслѣдствіе притязанія. Тверже пишется *и* вмѣсто *ѧ* (ia) въ извѣстныхъ случаяхъ. Что касается до *и*, то оно начинаетъ являться теперь и тамъ, гдѣ долго постоянное употребленіе постоянно встрѣчавшагося слова мѣшало ему явиться; напр: *а что ихъ села или земли; сабли золотыи*; *судьи наши* (1) и пр. и пр. Забывается и смѣшивается различіе именительнаго и винительнаго въ извѣстномъ случаѣ въ множественномъ числѣ, напр: *предъ ними намѣстницы*; *а коли, Господине, имемъ слати данщицы; а что наши данщикы сберутъ, и ни исправу учинятъ, а твои намѣстники съ ними* (2) и пр. и пр. Какъ особенности Русскаго языка, встрѣчаемъ мы часто винительный единственнаго числа въ извѣстномъ случаѣ, на *а*; напр: *знати своя служба; порука и цѣлованье свести* (3) и пр. и пр.. Также имѣющееся въ Новогородскихъ грамотахъ употребленіе именительнаго падежа множественнаго числа вмѣсто родительнаго того-же числа; напр: *съ обѣ половины* (4); предложный падежъ безъ предлога также встрѣчается; напр: *бортници купленыи подъ вѣчныи варяхъ* (5); падежъ нѣсколько теменъ, но кажется это предложный падежъ безъ предлога. Русская рѣчь обозначается явственнѣе и явственнѣе. Въ ней самой независимо отъ вліянія церковно-Славянскаго языка, въ ней самой есть движеніе; двойственное число, свойственное также и Русскому языку, изчезаетъ мало по малу, сохраняясь въ словѣ *два*, какъ оно и теперь сохранилось въ родительномъ: *двухъ*, гдѣ къ *дву* прибавилось еще окончаніе *хъ* (см. выше),—въ сло-

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 47. 51. 54.
(2) Тамъ-же, стр. 48. 50. 56.
(3) Тамъ-же, стр. 44. 64.
(4) Тамъ-же, стр. 48.
(5) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815 ч. 1, стр. 33, 41.

вѣ, числомъ самимъ указывающимъ на двойственность, — и не сохраняется иногда въ стоящихъ съ нимъ рядомъ и съ нимъ должныхъ согласоваться именахъ; напр: *изъ дву жеребьевъ; двѣма жеребьи* (1) и пр. Мы видимъ, что *е* начинаетъ, но очень слабо и рѣдко, замѣнять первообразное *и* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа; напр: *моихъ дѣтей* (2); впрочемъ подлинная грамота по ветхости дополнена списком, и вѣроятно это слово взято изъ списка (ибо это единственный кажется примѣръ).—И такъ XIII и XIV вѣкъ являетъ намъ въ грамотахъ Русскую народную рѣчь; такъ говорилъ народъ (оттѣнки письменности легко отдѣляются) и такъ клалъ се на бумагу, съ нѣкоторыми ясно опредѣляющимися условіями. Это была та рѣчь, тотъ языкъ, который и какъ языкъ, вполнѣ выражалъ опредѣленіе національности, въ которомъ находился народъ; тогда какъ общее, для него недоступное, выражалось въ отвлеченномъ отъ него, языкѣ церковно-Славянскомъ; самыми языками уже опредѣлялись извѣстныя Формы жизни духа народа. Не то, чтобы Русскій языкъ былъ уже по существу своему непремѣнно національненъ, но Русской языкъ, какъ Русской народъ, былъ опредѣленъ тогда національно, а не ичаче, и по этому Русской языкъ былъ тогда національный уже потому, что былъ Русской; сторону его видѣли мы въ грамотахъ и договорахъ, извѣстно опредѣленную. Языкъ-же церковно-Славянскій, какъ языкъ чуждый и заключившій въ себѣ общее, принесенное для насъ, еще чуждое, содержаніе, былъ языкомъ проникнувшимся, какъ языкъ, этимъ значеніемъ; языкомъ, уже и потому отвлеченнымъ для насъ, что это былъ не нашъ языкъ, который или могъ вовсе для насъ не существовать или, если содержаніе его уже

(1) Тамъ-же, стр 42. 68.

(2) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр 67.

связывало его съ нами, могъ существовать для насъ только какъ языкъ общій, весь условленный содержаніемъ, доставшимся ему въ удѣлъ.—Мы имѣемъ давно письменные памятники языка церковно-Славянскаго, но собственно памятники другаго языка, языка національнаго, Русскаго имѣемъ мы только съ XIII столѣтія въ грамотахъ и договорахъ, нами указанныхъ. Эта національность языка, кромѣ различія этимологическаго, различія важнаго и замѣтнаго, имѣетъ, само собою разумѣется, различіе въ синтаксисѣ, въ строеніи рѣчи. Въ синтаксисѣ открывается духъ языка, степень его развитія, въ немъ его субъективная сторона; объективная является въ его этимологіи. Здѣсь, только въ синтаксисѣ, приводятся въ движеніе всѣ тѣ силы слова, которыя видѣли мы въ предыдущей сферѣ; тутъ получаютъ живое отношеніе всѣ формы языка, имъ себѣ прежде данныя, и является рядъ движеній языка чисто внутреннихъ, субъективная его эпоха, гдѣ онъ уже не творитъ новыхъ формъ, но дѣйствуетъ духовно такъ сказать. Только на письмѣ, только въ письменномъ слогѣ, вполнѣ является синтаксисъ, только тамъ развиваетъ онъ всѣ свои стороны, все богатство и разнообразіе оборотовъ, чего не можетъ допустить разговоръ, гдѣ языкъ находится въ сферѣ случайности и ею условливается; и въ самомъ дѣлѣ, что хлопотать о фразѣ, когда жестъ, движеніе, голосъ, все дополняетъ смыслъ ея. Письмо освобождаетъ языкъ отъ голоса, отъ произношенія, отъ всѣхъ случайныхъ отношеній, условій. И съ этой стороны является намъ большая разница между языкомъ церковно-Славянскимъ и языкомъ Русскимъ. Съ одной стороны,—въ письменности церковно-Славянской, видимъ мы синтаксисъ съ его разнообразіемъ, съ стройнымъ теченіемъ рѣчи; здѣсь можетъ явиться вопросъ, не Греческій-ли это синтаксисъ? Не вдаваясь въ рѣшеніе этого вопроса, который повелъ-бы насъ очень далеко и на которой-бы мы вѣроятно отвѣча-

ли отрицательно, скажемъ (что́ мы сказали уже выше), что въ синтаксисѣ церковно-Славянской письменности не находимъ мы ничего, противорѣчащаго духу Русскаго или вообще Славянскаго языка. Для нашей цѣли довольно, если мы просто назовемъ этотъ синтаксисъ синтаксисомъ языка церковно-Славянскаго. Первое, что видимъ мы въ письменности языка церковно-Славянскаго — это освобожденіе отъ разговора, свободное теченіе самой рѣчи; здѣсь можетъ не быть даже не только вліянія Греческаго, но и вообще вліянія чуждаго языка; синтаксическая сторона языка, имѣя разумѣется свои законы, всего болѣе связана съ духомъ самого пишущаго, особенно когда языкъ сроденъ, и по этому, будучи управляема Русскимъ писателемъ, она не становилась чуждою духу Русскаго языка; напротивъ выражала его въ себѣ, но, какъ сказано, освобождалась своею сферою отъ оковъ случайности разговорной и представляла уже стройное синтаксическое теченіе рѣчи. Одно можемъ мы сказать о синтаксисѣ церковно-Славянскомъ, встрѣчаемомъ нами въ сочиненіяхъ, нами уже указанныхъ:—мы видимъ полную свободу синтаксиса; мы видимъ здѣсь и длинный періодъ, и глаголъ на концѣ, свойство синтаксической, письменной, къ тому-же еще отвлеченной письменной, сферы языка,—и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ много оборотовъ, собственно этой письменности принадлежащихъ, оборотовъ живыхъ, открывающихъ духъ языка, но не могшихъ естественно перейдти тогда къ народу въ его вѣденіе (1). И такъ какъ общее

(1) Мы замѣчаемъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ оборотъ, котораго свойственность Русскому языку, по общему мнѣнію, сомнительна; это такъ называемый *дательный самостоятельный*. Конечно, дико показалось-бы намъ теперь его употребленіе; но намъ кажется, что онъ нисколько не противорѣчитъ духу Русскаго языка и вытекъ изъ значенія падежа дательнаго, и изъ того мѣста, которое онъ у насъ занимаетъ. Вспомнимъ, какъ много употребляется у насъ дательный падежъ, какой широкой дается ему обьемъ, что выражается имъ. Дательный падежъ выражаетъ не прямое отношеніе предмета, но присутствіе его, соединенное съ

являлось удѣломъ будущимъ жизни народной,—такъ-же точно, какъ удѣлъ будущаго для жизни слога, жизни языковой, являлся языкъ церковно-Славянскій, съ своимъ общимъ значеніемъ языка, съ своею синтаксическою стороною. Лѣтопись Нестора, просто написанная, Слова Кирилла Туровскаго и немногія посланія духовныхъ лицъ не представляютъ еще сильнаго синтаксическаго развитія; его намѣрены мы разсмотрѣть впослѣдствіи. Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ только появились памятники Русской рѣчи, видимъ мы напротивъ въ нихъ языкъ совершенно взятый изъ устъ народа, и только что не произнесенный, а написанный. Совершенно какъ въ разговорѣ, слова повторяются, синтаксическое движеніе прерывается, и, такъ какъ въ разговорѣ, начавшійся оборотъ переби-

принятіемъ участія; однимъ словомъ: *участвующее присутствіе предмета* выражаетъ дательный. Какъ понятно, что онъ часто замѣняетъ родительный; мы не говоримъ уже о примѣрахъ, гдѣ онъ такъ поразительно, рѣзко замѣняетъ родительный, мы приводили ихъ выше изъ Слова о полку Игоревѣ; но не только тамъ встрѣчаются такіе примѣры, дательный замѣняетъ и другіе падежи и является въ другихъ случаяхъ, гдѣ тѣсно-правильное употребленіе не дозволяетъ ему явиться; напр: говорится: *поди мнѣ туда*, у Нестора: *Володимеръ ти идетъ на тя* (Лѣт. Нест. по древ. списку мниха Лаврентія. Москва. 1824. стр. 44) и проч. Этотъ дательный падежъ легко могъ развиться и изъ него образоваться оборотъ; такимъ образомъ: *мнѣ хотящу или хотящему иди;* и вотъ имѣемъ мы уже дательный самостоятельный, по-крайней-мѣрѣ одинъ изъ его видовъ. Мы не говоримъ о случаяхъ, гдѣ дательный употребляется согласно съ смысломъ глагола; напр: *напиши мнѣ*; но о тѣхъ, гдѣ глаголъ его не допускаетъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ; — выраженіе очень употребительное, совершенно Русское, гдѣ, какъ намъ кажется, скрытъ дательный самостоятельный. Тогда конечно нельзя его уже назвать самостоятельнымъ; намъ кажется, что это такъ и есть. Вообще если принимать опредѣленіе дательнаго самостоятельнаго у насъ, какъ падежа самостоятельнаго другихъ языковъ, то онъ не слѣдуетъ этому опредѣленію, употребляется сбивчиво. Приведемъ изъ Нестора примѣры дательнаго самостоятельнаго, которые кажется должны показать, что онъ свойственъ Русскому языку, что онъ не дательный самостоятельный и что вообще онъ не слѣдуетъ по-крайней-мѣрѣ опредѣленію и употребленію грамматическому падежа самостоятельнаго; напр: *Ѡньдрею*

вается другимъ, не будучи доконченъ, (какъ видимъ это у Геродота): всѣ фразы произнесены отрывочно, стоятъ отдѣльно одна подлѣ другой, и для того, чтобы представить нѣчто цѣлое и вмѣстѣ продолженное, скрѣпляются между собою или т. с. свивчиваются сою эми: *а, ино* и пр.; нѣтъ синтаксическаго стройнаго движенія. Однимъ словомъ, печать разговора, этой живой сферы языка въ народѣ, опредѣленномъ какъ нація, лежитъ на памятникахъ его, на его грамотахъ и договорахъ, и такимъ образомъ языкъ этотъ составляетъ яркую противоположность языку церковно-Славянскому; — отношеніе, которое выражаетъ взаимно внутреннее ихъ значеніе. Такъ какъ синтаксисъ не столько привязанъ къ извѣстному времени, то мы намѣрены впослѣдствіи подробнѣе разсмотрѣть его, и вмѣстѣ это синтаксическое значеніе и отношеніе языковъ церковно-Славянскаго и Русскаго, и привести примѣры, хотябы и изъ предыдущаго времени.

оучащю въ Синапіи и пришедшю ему въ Корсунь, оувидѣ. —Идущуже ему опять, приде къ Дунаеви. —Во время-же хотящимъ родити аще родится отроча, погубять. — Сѣнемѣшемѣся сѣбѣма полкама пискупь, сунуконьемъ Святославъ на Деревляны. Влекому-же ему по ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, и проч. Какъ указаніе значенія дательнаго, приведемъ слѣдующій примѣръ. *хотя отмстити сыну своему* (т. е. за сына своего). Но столько-же или еще чаще употребляется дательный самостоятельный, относясь къ подлежащему глагола; тогда конечно онъ не дательный самостоятельный, напр *Князю Святославу възрастѣшю и възмужавшю, нача вои совкупляти.* Здѣсь можно объяснить дательный самостоятельный употребленіемъ Русскимъ; напр· *онъ пошелъ себѣ.* Опять это также можетъ быть распространено, какъ въ подобномъ примѣрѣ, приведенномъ нами выше. Вообще дательный самостоятельный употребляется сбивчиво, что говоритъ также противъ его употребленія и значенія, какъ дательнаго самостоятельнаго, напр: *Полемъ же жившемъ особь и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ,* и пр. *Единою бо ми и сварящу и оному мьнущю оусне разгнѣвався на мя, преторже череви рукама,* и пр. и пр. — (Лѣтопись Нестора по древнѣйшему списку мниха Лаврентія. Москва. 1824. стр. 29. 81. 43. 4. 6. 9. 35. 5. 87).

*

Въ XIV вѣкѣ имѣемъ мы посланія къ народу духовныхъ лицъ; и въ этихъ посланіяхъ видимъ, какъ сильно вошелъ Русской элементъ языка даже и въ область дѣятельности пастырей церкви. Правда, именно въ ту ихъ дѣятельность, которая направлена къ мірянамъ, но которая все таки условливалась религіознымъ тономъ, языкомъ. Здѣсь въ посланіяхъ духовныхъ лицъ видимъ мы даже рѣшительное преобладаніе Русской рѣчи. Рѣдко встрѣчаются формы собственно церковно-Славянскаго языка, какъ: прошедшее время, ему свойственное, и слова и выраженія именно ему принадлежащія; встрѣчаются ошибки противъ языка церковно-Славянскаго, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо съ нимъ соприкасается Русской языкъ, ошибки, какія свойственны памятникамъ народнымъ, Русскимъ. Въ посланіи Митрополита Ѳеогноста встрѣчаемъ мы постоянно *и* вмѣсто *я* (*я*); напр: нѣсколько разъ попадается: *братьи моей;* также: *а милость Божія и святой Богородицы* (1); въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно сохраняется церковно-Славянская форма. Въ посланіи Митрополита Алексія видимъ тоже; однажды употреблено тамъ согласно съ церковно-Славянскимъ языкомъ: *ибо овца словесныя Христовы* (2). Но всего болѣе является это въ простыхъ посланіяхъ Кипріана Митрополита; кромѣ употребленія *и*, напр: *земли, никакой опитемьи*, или: *милость Божія и пречистыя его матери* (3) и пр.— мы встрѣчаемъ у него народный Русскій падежъ на *а*, напр: *Великаго Василья служба служити* (4) и пр Мы находимъ у него и правильныя употребленія церковно-Славянскаго языка, особенно въ одномъ посланіи его къ игумену Аѳонасію; тамъ встрѣчамъ мы и руссицизмы также, о ко-

(1) Акты историческіе. Спб. 1841. т. 1, стр. 1. 2.
(2) Акты историческіе. Спб. 1841. т. 1, стр. 4.
(3) Тамъ-же, стр. 17, 20, 17.
(4) Тамъ-же, стр. 19.

торыхъ упомянули выше; напр: окончаніе на *а: трапеза же святая помывати* (1). Именно въ этомъ посланіи находимъ мы весьма рѣдкое и даже странное употребленіе Русскаго предложнаго падежа: *о черньцахъ же* (2). Самое строеніе рѣчи въ этихъ посланіяхъ, особенно у Кипріана Митрополита, становится просто, и почти такое-же какъ въ грамотахъ; хотя мы и не говорили еще собственно о синтаксической сторонѣ языка и не сравнивали рѣчи Русской съ рѣчью церковно-Славянскою, но думаемъ, что и теперь, тонъ рѣчи, ея теченіе, понятно будетъ въ своей простотѣ и народности; по этому приведемъ примѣры: *А что Денисій Владыка въплелъ ся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю*, или далѣе: *а что владычня грамота Денисьева, и ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я самъ подеру: та грамота не въ грамоту* (3), и пр. Эта грамота (Митрополита Кипріана Псковичамъ) особенно отличается простотою слога и склада рѣчи Правильнѣе, хотя безъ особенной характеристики церковно-Славянскаго языка, написано посланіе Кирилла игумена Бѣлозерскаго монастыря (4). Оно написано стройнѣе и довольно связно и въ синтаксическомъ отношеніи, хотя тоже безъ особенной характеристики синтаксиса церковно-Славянской письменности, какъ и посланіе Кипріана Митрополита къ игумену Аѳанасію, тоже написанное стройнѣе другихъ — Казалось-бы, что совершается преобладаніе Русской рѣчи; хотя всѣ эти сочиненія—посланія къ народу, но все-же посланія духовныя, и могли-бы, какъ послѣ увидимъ, быть писаны на церковно-Славянскомъ языкѣ съ возможнымъ соблюденіемъ

(1) Акты историч. Спб. 1841. т. 1. стр. 478.

(2) Тамъ-же, стр. 479.

(3) Акты историч. Спб. 1841. т. 1. стр. 19.

(4) Тамъ-же, стр. 21.

формъ его;—но нѣтъ, это только вторженіе, вторженіе временное. Русская рѣчь не могла получить еще права гражданства внѣ національной сферы, и то, что мы видимъ въ XIV столѣтіи, показываетъ только это взаимное внѣшнее вліяніе, возникшее между Русскимъ и церковно-Славянскимъ языкомъ, въ случаяхъ ихъ соприкосновенія; такъ и въ XIV столѣтіи преобладаніе Русской рѣчи —внѣшній временный фактъ. Скоро мы увидимъ, какъ церковно-Славянскій языкъ, опираясь на права свои, возьметъ опять верхъ, опять наложитъ печать свою на языкъ Русской, преимущественно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ является притязаніе далѣе національной только жизни. Самъ въ тоже время не сохраняясь въ чистотѣ своей, искажаясь напротивъ болѣе и болѣе, онъ только закуетъ, спутаетъ Русскую рѣчь, неизбѣжно, необходимо долженствующую принимать его формы, внѣшнимъ для нея образомъ, ибо выступая за предѣлы національной жизни, она переходитъ въ его сферу. Мы говоримъ здѣсь о церковно-Славянскомъ языкѣ въ соприкосновеніи съ Русскою рѣчью, тогда какъ объ эти сферы, внѣ ихъ соприкосновенія: церковно-Славянскій языкъ съ своимъ общимъ, вѣчнымъ, религіознымъ содержаніемъ, и языкъ Русской съ содержаніемъ волнующейся народной жизни, сохраняютъ все въ нихъ заключающееся значеніе, и въ крайнихъ предѣлахъ своихъ соблюдаются въ своей особенности, не смѣшиваются и имѣютъ только развѣ слабое на себѣ взаимное вліяніе; но языкъ церковно-Славянскій имѣетъ его нѣсколько болѣе, какъ языкъ все таки чуждый и только ученому знанію доступный.

И такъ въ XIV столѣтіи, въ посланіяхъ духовныхъ лицъ, видимъ мы сильное вліяніе Русской рѣчи; и вдругъ среди этихъ почти Русскихъ посланій, встрѣчаются нѣкоторыя, написанныя въ строжайшихъ правилахъ языка церковно-Славянскаго. Откуда-же идетъ среди этихъ Русскихъ памятниковъ, среди слабыхъ только отблесковъ языка цер-

ковно-Славянскаго, вдругъ этотъ приливъ церковно-Славянскаго языка? Изъ Цареграда, оттуда, откуда пришла къ намъ христіанская вѣра, христіанское ученіе на языкѣ церковно-Славянскомъ. Посланіе Константинопольскаго Патріарха Нила Псковичамъ написано самымъ чистымъ церковно-Славянскимъ языкомъ; ошибки, ярко бросающіяся въ глаза въ посланіяхъ Русскихъ духовныхъ лицъ, здѣсь удалились, и являются едва замѣтныя: *церкви* въ р. и др.; однажды встрѣчается *и* вмѣсто ѧ (*я*) въ цитатѣ: *въ домъ вшедшу ему Маріи*. (Впрочемъ, не дательный-ли это?). Здѣсь синтаксисъ уже вполнѣ согласуется съ языкомъ этого посланія, уже вполнѣ независимо выражается въ теченіи рѣчи. Замѣчательно въ этой грамотѣ неупотребленіе звательнаго: *сынъ мой посадникъ* (1). Такимъ-же тономъ и такъ-же правильно по церковно-Славянски написаны: грамота того-же Патріарха Суздальскому Епископу Діонисію, настольная грамота Константинопольскаго Патріарха Антонія Митрополита Фотію; сюда-же должны мы отнести уставную грамоту Архіепископа Діонисія, писавшаго явно подъ вліяніемъ Патріарха Константинопольскаго, тѣмъ-же тономъ и такъ-же правильно. Наконецъ находимъ еще посланіе Псковичамъ Патріарха Константинопольскаго Антонія, написанное также какъ и предыдущее, по церковно-Славянски, хотя не совсѣмъ также правильно; чаще встрѣчается *и* вмѣсто ѧ (*я*); напр: *отъ мытници*; *сіи учители піаници суть*; находимъ несоблюденіе двойственнаго числа; напр: *предъ ногами Апостола Петра;* странно, вѣроятно ошибкою уже переписчика, встрѣчается Русской винительный падежъ на *а*; *понахида по нихъ пѣти;* встрѣчается также несоблюденіе звательнаго: *ты же благородный посадникъ* (2); впрочемъ здѣсь сила звательнаго могла опе-

(1) Акты историч. Спб. 1841 г. т. 1. стр. 6. 6. 5.

(2) Тамъ же, стр. 12. 13. 15. 9.

реться на *ты*. И такъ среди преобладанія рѣчи Русской въ церковныхъ посланіяхъ XIV вѣка, вдругъ совершился приливъ языка чисто церковно-Славянскаго, напомнившаго тѣмъ о правахъ своихъ, основанныхъ на его великомъ значеніи.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ сочиненіи, относимомъ къ XIV вѣку: это *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Оно написано церковно-Славянскимъ языкомъ со многими и большими ошибками, ошибками противъ такъ строго въ то время, и вообще долго, соблюдаемыхъ употребленій; напр: *Нача.... полцы оуряживати; Татаровьже мнози стязи Великаго Князя подсѣкоша*, и пр: *Съ Татарскими полками; полковникам* (1) и др. т. п. Мы не говоримъ уже о другихъ болѣе обыкновенныхъ ошибкахъ, какъ: *со всей Русской земли* (2) и пр. Встрѣчается иногда и правильное употребленіе, но очень рѣдко; сохраняется иногда именительный множественнаго съ его отличіемъ, напр: *вѣстницы* и пр; также видимъ: *святыя Богородица*; *душа своея* (3) и пр. Но тутъ-же и нарушается правильное употребленіе. Мало того, здѣсь встрѣчаемъ мы ошибки противъ употребленія временъ глаголовъ; напр: *Димитрей же.... слышахъ; воздвигошеся Велицы Князи* (4) и пр. Двойственное много разъ и вовсе не соблюдается; напр: *во обоихъ рукахъ*; *отъ обоихъ странъ* (5) и пр. Употребляется предложный безъ предлога, напр: *воображенъ хрестьянскихъ знаменіихъ* (6). Замѣчательно употребленіе именительнаго на *ы* какъ творительнаго въ

(1) Древнее сказаніе о побѣдѣ В. К. Димитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ. М. 1829. стр. 43. 57. 33. 49.
(2) Тамъ-же, стр. 31.
(3) Тамъ-же, стр. 18. 52.
(4) Тамъ-же, стр. 46. 30.
(5) Тамъ-же, стр. 49, 50.
(6) Тамъ-же, стр 44.

именахъ женскаго рода, то, чего мы не встрѣчаемъ еще, кажется, въ этомъ столѣтіи; *со всѣми Русскими Князи и воеводы; подъ южными оѣны* (1). Это сказаніе не лишено поэтическихъ мѣстъ, имѣетъ какой-то общій, отличительный, важный характеръ и въ тоже время все проникнуто духомъ религіознымъ. Вообще надо замѣтить, что языкъ этого сочиненія, исполненный ошибокъ можетъ быть и самъ по себѣ, изкаженъ очевидно переписчикомъ, такъ, что во многихъ случаяхъ нѣтъ грамматическаго смысла; впрочемъ, такого изкаженія мы не находимъ въ другихъ памятникахъ, также дошедшихъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ; это заставляетъ думать, что не все виноватъ переписчикъ, хотя иныя ошибки конечно описки. Сочиненіе это по ошибкамъ, по языку и по выраженіямъ принадлежитъ кажется несомнѣнно къ гораздо позднѣйшему времени. На словахъ: *Се же слышахомъ отъ вѣрнаго самовидца*, думаемъ, нельзя еще основывать мнѣнія о времени сочиненія этаго Сказанія. Странно при этомъ Слово о полку Игоревѣ, съ такою правильностію и единствомъ языка дошедшее до насъ въ спискѣ XVI вѣка.

Въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ мы тѣже памятники, т. е. по тѣмъ-же путямъ и въ такомъ-же родѣ, только несравненно многочисленнѣе. Взглянемъ на языкъ Народная рѣчь продолжала переходить на бумагу въ грамотахъ, особенно договорныхъ; въ ней замѣчаемъ, мы свое грамматическое движеніе, видимъ необходимый ходъ языка по путямъ его вслѣдствіе причинъ, въ немъ сокрытыхъ. Мы сказали прежде, что въ языкѣ нашемъ было самобытное сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ, условливаемое современностью, и именно тамъ языкъ отклонился отъ формъ церковно-Славянскихъ, увлекаясь своимъ движеніемъ, гдѣ формы эти принадлежали и ему; это было собственностью

(1) Тамъ-же, стр. 18. 28.

и потому измѣнялось легче, незамѣтнѣе, какъ свое. Русской языкъ отклонялся также болѣе и болѣе тамъ, гдѣ слишкомъ противорѣчили ему формы церковно-Славянскія. Такъ въ извѣстныхъ падежахъ въ именахъ женскаго рода извѣстнаго окончанія, окончаніе на ѧ (*я*) вмѣсто *и*, становилось рѣже и рѣже и наконецъ почти уступило мѣсто *и*, исключая тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ слово по характеру своему или принадлежало сферѣ религіозной или уже успѣло пріобрѣсти нѣкоторую оффиціальность; но и здѣсь употребленіе колеблется и пишется разно; на пр: въ началѣ грамотъ пишется: *во имя святыя и живоначальныя Троица* (1); но встрѣчается также и здѣсь нарушеніе этого употребленія; напр: *во имя святыя и живоначальныѣ Троицы* (2) и пр. Странную пестроту представляютъ грамоты наши при этомъ употребленіи; существительныя имена, будучи опредѣленнѣе въ окончаніяхъ, менѣе представляютъ разницы и скорѣе уступаютъ окончанію *и*; но имена прилагательныя, т. е. полныя, измѣняющіяся въ двухъ послѣднихъ буквахъ, пишутся чрезвычайно различно, подчиняясь тѣмъже условіямъ, которыя мы указали выше; хотя можно сказать, что и здѣсь вообще Русская форма болѣе и болѣе одолѣваетъ. Приведемъ примѣры: *безъ всякия хитрости, безъ всякое хитрости, безъ всякіе хитрости* и пр; *твоеѣ матери великиѣ Княгини; пречистыя его Богоматери* и *изъ меншіи мои братьи* (3) и пр. Есть и правильное употребленіе; напр: *казны твоей; ино на томъ на виноватомъ не будетъ милости Божьей* (4) и пр. Все колеблется и все еще не можетъ установиться падежъ. Падежи имени-

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1813 г. ч. 1, стр. 270.

(2) Тамъ же, стр. 202.

(3) Собр. Госуд. грам. и дог. Москва. 1813 г. ч. 1, стр. 99. 109. 115. 101. 124. 172.

(4) Собр. Госуд. грам. и дог. М. 1813 г. ч. 1, стр. 161. 139.

тельный и винительный продолжаютъ смѣшиваться безпрестанно; видно здѣсь, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, что слово, получившее оффиціальность, уже готовое въ употребленіи, уже не новое, сохраняетъ окончаніе съ нимъ сроднившееся; но новое такое-же слово тутъ-же оканчивается иначе. Случается, что одно и тоже слово, черезъ строку, разно употребляется; напр: *а што зберутъ нашы данщики; и пѣ суды судятъ наши намѣсники; а на то послуси; а намѣстницы мои Звенигородцки;* черезъ строку далѣе: *и Рузскіи мои намѣстники* (1). Мы должны сказать, что въ этомъ вѣкѣ, особенно въ концѣ вѣка, именительный падежъ становится сходенъ съ винительнымъ, въ чемъ собственно онъ и смѣшивается, но не наоборотъ; попадается довольно рѣдко именительный падежъ, съ отличающеюся своею церковно-Славянскою формою. Вообще мало по малу уничтожаются тонкости церковно-Славянскаго склоненія; такъ напр: *и* въ предложномъ падежѣ и дательномъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто *ѣ*; напр: *на моей Княгинѣ; раздѣлъ землѣ* (2) и пр. Совсѣмъ уже почти не встрѣчается родительный множественнаго на *ій*; напр: *моихъ дѣтей; а Князей; людей* (3) и пр. Исключенія очень рѣдки; напр: *людій* (4) и нѣк. др. Вообще надо сказать, что буква *и* переходила въ *е*, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она и теперь не сохраняется; напр: *Василей; Дмитрей; въ великомъ Княженіе; Княженей* (5). Это, кажется, было особеннымъ свойствомъ Велико-Русскаго нарѣчія. Двойственное число, собственно существующее въ коренныхъ языкахъ, каковъ языкъ Славянской, вообще существовало ко-

(1) Тамъ же, стр. 158. 197. 250.—Акты ист. Спб. 1841. ч. 1. стр. 24.

(2) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1813. ч. 1, стр. 138, 143.

(3) Тамъ же, стр. 138. 150. 160.

(4) Акты ист. Спб. 1841. ч. 1, стр. 130.

(5) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1813. ч. 1, стр. 124. 144. 224. 311.

нечно и въ языкѣ Русскомъ; это было также его собственное сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ (см. выше); но опять условливаемое тѣмъ-же движеніемъ языка, оно изчезало мало по малу; именно числительныя *два*, *оба*, сохраняли его; но рядомъ съ ними стоящее существительное уже было просто во множественномъ; это видѣли мы и выше; напр: *на обѣ стороны; въ двѣ тысячахъ рублехъ; двѣ боляриновъ* (1); рѣдко встрѣчаются изключенія; напр: *съ городскимъ или съ волостнымъ человыкома* (2); но однако двойственное только еще уничтожалось, еще не было совершенно забыто въ языкѣ и это доказывается тѣмъ, что хотя двойственное окончаніе и не употреблялось при двойственномъ числѣ и при двойственныхъ числительныхъ, но за то не употреблялось уже вовсе въ другихъ случаяхъ,—какъ теперь въ именительномъ множественнаго числа мужескаго рода,—замѣняя множественное или дѣлаясь его особеннымъ видоизмѣненіемъ; это показывало, что хотя двойственное и переставало употребляться, но въ тоже время чувствовалась его разность отъ множественнаго, его отличіе, и первое никогда не употреблялось, какъ послѣднее; напр: если можно было не сказать *два города*, а *два городы*, то за то никакъ окончаніе двойственное на *а* не говорилось при множественномъ числѣ и при множественныхъ числительныхъ; не говорилось *города* или *три города*, *рубля*, но *три городы*, *рубли*; явный опять признакъ, что двойственное существовало у насъ самобытно и въ то время еще не было забыто; но мало по малу изчезло вовсе употребленіе двойственнаго, народъ забылъ его наконецъ, и окончаніе его перешло во множественное число, гдѣ имѣетъ оно особенный характеръ, сообщая какую-то замкнутость и цѣлость множеству предметовъ, но составляя

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1813. ч. 1. стр. 211. 251. 115.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп, стр. 27.

уже видъ множественнаго, слѣдовательно не различаясь уже отъ него, потерявши эту разность, которую видимъ еще въ XV столѣтіи. Оно сохранилось слѣдовательно и теперь въ особенномъ смыслѣ, въ окончаніи множественнаго, придающаго особенный характеръ совокупности множественному числу, и въ словахъ, употребляемыхъ народомъ въ поговорку, и изъ темныхъ, дальнихъ временъ переходящихъ неприкосновенно, по преданію, даже до временъ нашихъ; напр: *вочыо́*, или въ сложныхъ, напр: *двъ-сть* (слова, которыя отъ слишкомъ большаго употребленія, такъ сказать, затвердились народомъ и не успѣли измѣниться), — и вообще въ словахъ, изъятыхъ почему нибудь отъ измѣненія. Все это служитъ доказательствомъ, что у насъ самобытно было двойственное число. Наконецъ самое теперешнее склоненіе множественнаго числительнаго: *два*, уже показываетъ нѣкогда его двойственное окончаніе, окончаніе множественнаго: *хъ* только присоединено къ родительному двойственнаго: *дву*, и составило: *двухъ*; творительный опять имѣетъ другой характеръ, именно двойственнаго падежа, который принимаетъ въ окончаніи: *двумя* (*двѣма*), а не *двуми;* это-же окончаніе на *мя* перенесено и на слова: *три*, *четыре*, по своему характеру отличающіяся отъ дальнѣйшихъ: *пять*, *шесть* и т. д. (существительныхъ единственнаго числа женскаго рода), и въ этомъ случаѣ близкія съ числительнымъ *два;* окончаніе на *мя* перенесено такимъ-же образомъ, какъ потомъ стали говорить: *три города* и т. д. Дательный, слишкомъ различаясь во множественномъ отъ двойственнаго окончаніемъ, не сохранилъ съ нимъ сходства въ числительномъ *два*, и былъ произведенъ отъ *дву*, падежа двойственнаго родительнаго (*какъ и всѣ другіе падежи*), принявъ окончаніе множественнаго: *мъ: двумъ*. Мы видѣли, въ какой мѣрѣ входилось двойственное число въ XV столѣтіи; скажемъ еще, что въ то время уже прибавлялось иногда множест-

венное: *хъ* даже и къ числу *два*,—*двy*, и писалось уже какъ и нынче: *двyхъ* (впрочемъ примѣровъ не много). Въ тоже время встрѣчаются ошибки въ двойственномъ числѣ, показывающія, что оно забывалось мало по малу. Напр: *а о двyхъ станѣхъ; у обоихъ* (отъ *обою*) (1).

Мы сказали, какъ измѣнялось и слабѣло различіе, вѣроятно чуждое, именительнаго и винительнаго падежей; мы видѣли, какъ уже совсѣмъ исчезли другія тонкія особенности церковно-Славянскаго склоненія; но надо сказать, что долго и упорно еще держались въ этомъ отношеніи другіе падежи, именно: въ именахъ мужескаго рода, также въ именахъ женскаго на *ь*, дательный на *омъ* или *емъ*, предложный на *ѣхъ*, или *охъ*; также творительный на *ы*, въ именахъ только мужескаго и средняго рода; также долго сохранялось измѣненіе согласныхъ въ падежахъ дательномъ и предложномъ обоихъ чиселъ. Исключеній есть достаточно; напр: въ подлинной жалованной Новогородской грамотѣ Соловецкому монастырю встрѣчается очень часто употребленіе дательнаго на *амъ*, творительнаго на *ами* и предложнаго на *ахъ*: *посадникамъ, боярамъ*; *ловищами*; *въ тыхъ островахъ* (2) Встрѣчаются въ другихъ памятникахъ такія-же исключенія: *боярамъ, ловищами, дѣтямъ*, (3). Еще встрѣчается правильное употребленіе по церковно-Славянски: *на ихъ приказницѣ; о празницѣхъ; по дензѣ; по рецѣ; по Оцѣ; о листѣ* (4). Эти слова, особенно послѣднія, получившія оффиціальное значеніе, долго постоянно такъ употреблялись, по крайней мѣрѣ до конца XV вѣка. Есть исключенія противъ этого употребленія; напр: *на его прикащикѣ; по денгѣ; на его прикащикѣхъ; о лихѣ; сно-*

(1) Собр. Гос. грам. и догов. М. 1813. ч. 1, стр. 207. 29.

(2) Акты, соб. Арх. Эксп., т. 1. стр. 47.

(3) Собр. Гос. грам. и догов. М. 1813. ч. 1, стр. 238. — Акты ист., ч. 1, стр. 26.

(4) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 46. 52. 100. Собр. Гос гр. и дог. М. 1813. ч. 1, стр. 143. 234.

хъ своей; по Окъ рѣкѣ (1). Эти изключенія даютъ намъ основаніе полагать, что встрѣчаясь противъ употребленія господствующей письменности, они могли имѣть опору только въ народѣ въ его живой рѣчи, въ иныхъ случаяхъ сильнѣе, въ иныхъ слабѣе обнаруживавшейся сквозь церковно-Славянскій языкъ. Мы не можемъ считать ошибками эти изключенія, совершенно согласныя съ настоящимъ употребленіемъ; намъ могутъ сказать, что здѣсь могли быть древнія первыя опредѣленія языка, которыя преобразовались мало по малу. Мы сами признали въ немъ самобытно сходный съ церковно-Славянскимъ древній характеръ его во многихъ случаяхъ, который изчезалъ въ немъ понемногу; но измѣненіе собственныхъ его окончаній и оттѣнковъ имѣетъ другой ходъ, другой характеръ; мы можемъ показать, какъ, или уничтожалось то, что необходимо должно было существовать въ языкѣ во время его древности, или развивалось то, что не могло еще прежде развиться; въ этихъ-же случаяхъ, не смотря на силу употребленія, мы видимъ только внѣшнее опредѣленіе, данное нашему языку церковно-Славянскимъ, отъ котораго съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ силится онъ освободиться, особенно на поприщѣ, принадлежащемъ народу, въ его грамотахъ. Такія внѣшнія опредѣленія видимъ мы въ приведенныхъ нами падежахъ, которыхъ не измѣненіемъ, но замѣною являются другія окончанія, вдругъ, нечаянно, чтобы снова потомъ, уступая обычаю, почти обратившемуся въ привычку, особенно у людей, знакомыхъ съ религіозною сферою, дать мѣсто окончаніямъ церковно-Славянскаго языка. Подкрѣпимъ примѣрами слова наши. Мы сказали уже, что совершенно намъ чуждыя прошедшія времена глаголовъ церковно-Славянскаго языка, не встрѣчались

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 85. 92. 94.—Собр. Гос. грам. и дог. М. 1813. т. 1., стр. 249. 294. 301. 322.

въ самомъ началѣ нашей народной письменности; и именно въ Новогородскихъ грамотахъ видѣли мы, при полномъ отсутствіи этихъ временъ, силу народной рѣчи; но здѣсь (въ XV столѣтіи, въ Новогородскихъ и другихъ грамотахъ) встрѣчаемъ мы ихъ употребленіе, въ которое опять вкрадываются ошибки, служащія доказательствомъ ихъ несвойственности нашему языку; напр: *се пріехаша; се пожаловаша посадникъ ... и вси старые посадники* (1) и пр. Замѣчательно, что именно въ XV столѣтіи и особенно въ Новогородскихъ грамотахъ встрѣчаются окончанія церковно-Славянскія прошедшаго времени, какъ: *се дахомъ; сложиша; отпустиша; заплатиша* (2). Но освобождаясь отъ церковно-Славянскаго языка и подвигаясь въ тоже время впередъ, языкъ нашъ уничтожалъ въ себѣ много древнихъ своихъ оборотовъ и оттѣнковъ (такъ напр. двойственное число) Что касается до употребленія такъ называемаго вспомогательнаго *есмь*, мы говорили уже, что это собственность нашего языка и опредѣлили выше смыслъ этого употребленія; здѣсь при множествѣ памятниковъ, можемъ мы яснѣе видѣть, когда и какъ онъ употреблялся, и это еще болѣе подтверждаетъ сказанное нами выше. Мы говорили, что это не вспомогательный глаголъ, но что при употребленіи съ прилагательнымъ отглагольнымъ, не имѣющимъ лица или лучше имѣющимъ, какъ всякой предметъ, третье лице *(онъ)*, употреблялся этотъ глаголъ, какъ опредѣляющій личность, къ которой относилось наше отглагольное прилагательное, единственно замѣняющее намъ прошедшее время глагола. Употребленіе *есмь* во временахъ глагола равняется употребленію его при прилагательныхъ (*есмь вѣренъ, еси вѣренъ*); въ третьемъ лицѣ встрѣчается онъ рѣже и рѣже, даже въ памятникахъ достаточно правиль-

(1) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 26. Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1. 1836 г. стр. 32.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., 1836 г. т. 1. стр. 24. 11. 15.

ныхъ церковно-Славянскаго языка, что̀ опредѣлили мы еще яснѣе выше; наше заключеніе подтверждается еще болѣе употребленіемъ *есмь*, встрѣчаемаго нами въ грамотахъ. *Есмь* и *еси*, *есмы* и *есте*, не употребляется тогда, когда при предложеніи стоитъ *я* или *ты*, *мы* или *вы*, не употребляется, какъ ненужный глаголъ; какъ-же скоро при предложеніи, хотя-бы рядомъ идущемъ, оно отсутствуетъ, тогда сейчасъ является глаголъ этотъ, указывающій, къ какому лицу должно относиться прошедшее время или отглагольное прошедшее прилагательное, иногда даже просто прилагательное, это дѣлается съ правильностію, подтверждающею наше заключеніе; примѣровъ много, — приведемъ ихъ. *А писати ми ся съ нимъ въ докончальную грамоту, что есми съ тобою одинъ человѣкъ. А что есмь взялъ Царевъ ярлыкъ. А которыи суды судилъ язъ. Чѣмъ, брате, язъ тобя пожаловалъ далъ ти есми. Или что еси собѣ примыслилъ, или что собѣ примыслишь или что ты Князь, Великы взялъ* (1). Считаемъ эти примѣры достаточными. Въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ мы въ именахъ женскаго рода тотъ-же падежъ именительный, употребляемый какъ винительный, не только въ существительныхъ, но и въ прилагательныхъ; здѣсь могло-бы возникнуть мнѣніе, что этотъ оборотъ получилъ оффиціальность въ выраженіяхъ юридическихъ актовъ и потому уже такъ сохраняется; такъ напр: въ оборотахъ: *исправа дати, порука свести, орда знати, знаютъ своя служба* и т. д.; но тотъ-же падежъ находимъ мы въ словахъ, встрѣчающихся нечаянно или рѣдко въ грамотахъ; напр: *знать тебѣ своя черна куна; взяти отъ поля гривна; имати тамга; вѣдать та вотчина* (2). Но что касается до падежа винительнаго мужескаго рода, то мы должны ска-

(1) Собр Гос. грам. и догов. ч. 1. Москва. 1833. стр. 96, 100, 101, 108, 110.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп. 1836 г. т. 1. стр. 63. 100. Акты историч. 1841 г. т. 1. стр. 130.

зать, что рѣже встрѣчается въ немъ форма именительная; падежъ родительный за невозможностію внутреннею формы винительнаго падежа, замѣняетъ его; мы говорили о значеніи винительнаго падежа и о естественной замѣнѣ его родительнымъ при именахъ мужескаго рода; здѣсь считаемъ нужнымъ сказать объ этомъ подробнѣе.— Родительный падежъ указываетъ всегда на источникъ, на начало, откуда происходитъ вещь; онъ естественно замѣняетъ винительный падежъ въ именахъ мужескаго рода, гдѣ винительный съ своею формою существовать не могъ, гдѣ онъ не могъ склониться. Мало по малу этотъ родительный падежъ, при развитіи языка и вмѣстѣ съ тѣмъ при отсутствіи особенной винительной формы, совершенно удержался, вмѣсто винительнаго, въ именахъ одушевленныхъ, а древній винительный, или именительный въ винительномъ, остался въ именахъ неодушевленныхъ. Это употребленіе, образовавшееся со временемъ, образовалось не безъ причины; имена мужескаго рода, слишкомъ субъективныя по характеру своему, не могли прямо склониться, объективироваться, и потому приняли косвенное склоненіе, падежъ выражающій косвенное отношеніе; такъ мы говоримъ: *я послалъ мужа;* это имѣетъ другой характеръ, не то что: *я послалъ мужъ*, гдѣ нѣтъ-таки падежа винительнаго, но гдѣ покрайней мѣрѣ дѣйствіе устремлено прямо на предметъ; но когда вы говорите: *я послалъ мужа*, то вы какъ будто посылаете не именно своего мужа, или лучше: какъ будто для васъ существуетъ этотъ мужъ (или что-бы то ни было) какъ что-то общее, и вы говорите объ этомъ такъ, или въ такомъ-же родѣ, какъ сказали-бы: *дай мнѣ воды* и т. д. Употребленіе оставило за именами одушевленными, въ которыхъ разумѣется само значеніе еще рѣзче выдастъ характеръ этихъ именъ мужескаго рода, падежъ родительный вмѣсто винительнаго падежа, который не образовался и не могъ образоваться при развитіи и ходѣ языка; этотъ ро-

дительный постоянно теперь употребляется. Имена-же неодушевленныя имѣютъ свой винительный, который есть ни что иное, какъ именительный; значеніе ихъ позволило имъ не выходить, при развитіи языка, изъ предѣловъ этого сходства именительнаго съ винительнымъ; и какъ родительный падежъ сдѣлался винительнымъ именъ одушевленныхъ мужескаго рода, такъ въ именахъ неодушевленныхъ напротивъ осталось сходство именительнаго съ винительнымъ. Сходство это теперь съ теченіемъ времени получило кажется характеръ того сходства именительнаго съ винительнымъ, какое находится въ именахъ средняго рода Сверхъ того, родительный падежъ является самобытно и тамъ, гдѣ существуетъ падежъ винительный; онъ составляетъ особенный оттѣнокъ предмета дѣйствія, особенное косвенное отношеніе, ихъ соединяющее; слѣдовательно онъ и никогда не составляетъ собственно замѣну, но конечно выказывается тамъ преимущественно, гдѣ можетъ существовать, по созерцанію грамматическому, только косвенное отношеніе и гдѣ прямое трудно; — тамъ, при невнимательномъ употребленіи, гдѣ только этотъ одинъ родительный падежъ и встрѣчаете вы на мѣстѣ винительнаго, какъ въ склоненіяхъ именъ мужескаго рода, — тамъ употребляете вы его просто какъ замѣну винительнаго; и не видать его оттѣнка собственно какъ родительнаго падежа. Но тамъ, гдѣ существуетъ и падежъ винительный, тамъ употребленіе родительнаго на его мѣстѣ не теряетъ своего характера и отсюда можетъ быть много уясняется, почему въ мужескомъ родѣ въ винительномъ и нѣтъ другаго падежа, кромѣ родительнаго. Это видимъ мы въ именахъ напр. женскаго рода единственнаго числа. Здѣсь ясно, что родительный не означаетъ самого опредѣленнаго предмета, но предметъ какъ общее, въ его сущности, идеалъ предмета, такъ сказать. Самый обыкновенный примѣръ можетъ намъ показать это: *дай воду, дай воды*; или въ сред-

немъ, гдѣ винительный и именительный все равно: *дай ведро, дай ведра*; или также въ именахъ неодушевленныхъ муж. р. гдѣ опять винительн и имен.—одно. Съ одной стороны видите вы предметъ опредѣленный, съ другой предметъ, какъ общее, отвлеченное, такъ что дѣйствіе касается здѣсь не прямо извѣстнаго предмета и не прямо общаго, но какого-бы то ни было осуществленія этого общаго; это называютъ genitivus partitivus; но такого рода опредѣленіе слишкомъ сжато и не точно и не можетъ быть примѣнено всюду. Такъ напр. оборотъ встрѣчающійся еще въ Русской Правдѣ: *чинить мостовъ*, а не *мосты*; здѣсь нѣтъ отношенія части къ цѣлому, здѣсь разумѣется: чинить всѣ мосты безъ исключенія; но здѣсь родительный показываетъ, что дѣйствіе устремлено не на извѣстные мосты, но на мосты вообще, на мостовую починку; здѣсь мосты взяты въ общемъ отвлеченномъ смыслѣ, относительно къ которому всѣ мосты, какіебы ни встрѣтились, должны быть чинены — всѣ они осуществленіе этого общаго.— Надо замѣтить, что употребленіе родительнаго въ случаѣ нами показанномъ и вмѣстѣ различіе его съ винительнымъ встрѣчается и въ Остромировомъ Евангеліи.— Вотъ еще примѣръ изъ XV столѣтія: *сея грамоты слушалъ*; здѣсь не сказано *сію грамоту*, и тонкое едва замѣтное различіе выражается въ оборотѣ; дѣло въ томъ, извѣстна-ли была Государю эта грамота, т. е. не сама она, но существованіе ея и вмѣстѣ смыслъ, который она въ своемъ существованіи заключаетъ и, *сея грамоты* указываетъ, намъ кажется, на содержаніе и сущность грамоты, но не именно на самую грамоту. И такъ это тонкое различіе и тонкой смыслъ родительнаго падежа, употребляемаго какъ винительный, былъ у насъ всегда; это значеніе родительнаго служитъ объясненіемъ, почему наконецъ всѣ имена мужескаго рода одушевленныя, при которыхъ не могъ развиться необходимый для нихъ па-

дежъ винительный (формою именительнаго въ винительномъ, не могли они довольствоваться, какъ имена среднія одушевленныя и неодушевленныя) приняли, мало по малу, рѣшительно родительный падежъ, также и во множественномъ числѣ, гдѣ тоже не развился и не могъ развиться падежъ винительный;—а неодушевленныя отнеслись къ категоріи именъ среднихъ. Такая нравственная причина различія достаточно, кажется, доказываетъ, что въ въ им. м. р это не падежъ винительный, и подтверждаетъ слова наши, что эго падежъ родительный, замѣняющій сдѣсь, какъ и слѣдуетъ, винительный. Смыслъ этого падежа, какъ родительнаго въ случаѣ винительнаго, не потерянъ для насъ и теперь, владѣющихъ возможностію употреблять его, и при падежѣ винительномъ съ собственною формою, или при падежѣ именительномъ, употребляющемся какъ винительный. Онъ еще менѣе былъ потерянъ для нашихъ предковъ, какъ показываютъ многіе примѣры, и то самое, что еще родительный падежъ не изключительно занялъ мѣсто винительнаго въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперь занимаетъ. Въ XV столѣтіи мы уже видимъ, какъ родительный, при неудовлетворительности въ именахъ мужескаго рода (одушевленныхъ) простаго сходства винительнаго съ именительнымъ (сходства нѣкогда первоначальнаго для всѣхъ именъ), болѣе и болѣе является въ случаяхъ винительнаго. Напр: *сына Богъ дастъ; послати своего данщика; хрестьянъ ихъ судити; вѣдаетъ игуменъ своихъ людей; посылаютъ своихъ старцевъ* (1) и пр. и пр. Впрочемъ говорится иногда и именительная форма; напр: *судитъ тѣ свои люди; а вѣдаетъ и судитъ свои люди* (2). — Мы видимъ еще употребленіе родительнаго въ случаяхъ

(1) Собр. Гос. гр. и дог. 1813 г. т. 1, стр. 147, 161. Акты ист. 1841 г. т. 1, стр. 106. Акты, собр. Арх. Эксп. 1836 г. т. 1, стр. 76.

(2) Акты ист. 1841 г. т. 1, стр. 98. Акты, собр. Арх. Эксп. 1836 г. т. 1, стр. 35.

винительнаго тамъ, гдѣ и теперь признаемъ его какъ правило, именно въ отрицательныхъ предложеніяхъ; употребленіе, согласное съ духомъ родительнаго въ этомъ случаѣ, употребленіе вполнѣ и глубоко логическое. Въ отрицательномъ предложеніи напримѣръ: *я не видалъ жены*, отрицается самое дѣйствіе (*видѣть*); если-же отрицается самое дѣйствіе, то естественно, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, не могъ испытать этого дѣйствія и не можетъ стать слѣдовательно простымъ предметомъ дѣйствія, падежемъ винительнымъ; онъ связанъ отвлеченно съ нимъ, съ отрицательнымъ дѣйствіемъ. Въ такомъ случаѣ предметъ является общимъ отвлеченнымъ, существуетъ только въ мысли, въ воображеніи, какъ скоро потеряна живость и конкретность явленія: сама отрицательная фраза уничтожаетъ ее, и, становя общимъ образъ предмета, какъ-бы даже ни былъ онъ опредѣленъ, показываетъ, что это общее, эта сущность, всегда существующая, не нашла себѣ проявленія, не конкретировалась. И такъ здѣсь является необходимо то отношеніе неопредѣленнаго (въ этомъ случаѣ неопредѣленнаго, потому что не конкретировавшагося) общаго предмета къ дѣйствію, которое само будучи отречено, становитъ въ такомъ свѣтѣ и предметъ, не уничтожая того косвеннаго отношенія, которое выражается падежемъ родительнымъ. Надо сказать, что это такъ глубоко лежитъ въ разумной природѣ Русскаго языка (синтаксиса), что употребляется всегда, постоянно, правильно, за очень—очень немногими, двумя-тремя изключеніями. И такъ значеніе и употребленіе родительнаго падежа,—при формѣ или безъ формы винительнаго въ склоненіи, словомъ сказать вездѣ въ случаяхъ винительнаго, встрѣчаемое нами съ самыхъ древнихъ временъ,—у насъ не случайно, но очень важно и имѣетъ глубокое основаніе. — Что касается до склоненія мѣстоименій личныхъ, то скажемъ опять, что мы всѣ измѣненія ихъ считаемъ находящимися въ Русскомъ языкѣ

(и даже доселѣ сохранившимися); такъ краткія, въ скорой рѣчи ставящіяся *ти*, *ми*, также соотвѣтствующія имъ *ны*, *вы*, въ дательномъ падежѣ, служили естественными оттѣнками рѣчи; до сихъ поръ всего болѣе въ употребленіи, особенно въ народномъ языкѣ, *ти*, перешедшее у насъ въ *ть*, по преимуществу въ нашемъ Велико-Русскомъ языкѣ буквы *ъ*, иногда доходящему до крайности въ нашихъ народныхъ памятникахъ, чему мы привели уже примѣры выше. *Мя*, *тя*, падежъ винительный, также принадлежалъ намъ (не есть-ли это только видъ родительнаго?), и послѣднее: *тя*, также употребляется нынѣ, особенно у народа, хотя съ сомнительнымъ произношеніемъ послѣдней буквы. Родительный, что допускаетъ и Добровскій (1), и здѣсь часто употребляется въ случаяхъ винительнаго; но часто окончанія церковно-Славянскія замѣняются окончаніями: *меня*, *тебя* и даже *тобя*, также и въ возвратномъ *себя*, *собя*, что бываетъ и въ другихъ падежахъ этихъ мѣстоименій. Впрочемъ здѣсь кажется нѣтъ того различія между *тя* или *тебя* и пр., какое между родительнымъ и винительнымъ; первое относится ко второму, какъ *ти* къ *тебѣ* (*тобѣ*), т. е. употреблялось тамъ, гдѣ не на немъ собственно останавливается смыслъ фразы; напр: *целуй ко мнѣ крестъ; а держати ми тебя; быти ти брате со мною; то и тебѣ недругъ; а что мя еси.... пожаловалъ; имѣти ти меня себѣ братомъ; что тя есмь брате пожаловалъ; а гдѣ ми брате будетъ тобя послати* (2).— Между памятниками XV столѣтія встрѣчается иногда нѣсколько разъ полногласное прилагательное окончаніе, какъбы въ доказательство, что въ устахъ народа оно жило и тогда, и прорвавшись на бумагу, дало знать о своемъ су-

(1) Грамматика языка церковно-Славянскаго.

(2) Собр. Госуд. грам. и догов. Москва. 1813 года, томъ 1, стр. 99, 100, 107, 134, 142, 153, 158.

ществованіи; оно перешло и къ намъ въ пѣсняхъ, и теперь въ употребленіи у народа; напр: *молодшимъ; Московскими; волынимъ; въ которыихъ* (1) и пр. Особенность старинаго окончанія: *ти* въ неопредѣленномъ наклоненіи, употребляемая и донынѣ во многихъ случаяхъ, встрѣчается уже не такъ повсемѣстно какъ прежде, и вмѣсто него становится: *ть*; вообще два вида этого окончанія условливаются теченіемъ рѣчи, въ которой употребляются они. Большею частію встрѣчается окончаніе на *ти*, особенно постоянно въ договорныхъ грамотахъ, которыя пишутся почти одинакимъ образомъ. Впрочемъ есть изключенія; напр: *призовутъ жить людей; ни черенов не наряжати, ни лѣсовъ не полѣсовать никому же; мои ѣздоки имутъ ставитьсѧ; и ты тое пошлины имать не вели* (2). *Ся*, въ сложныхъ, встрѣчаемъ мы иногда отдѣльно употребляющееся, иногда въ соединеніи съ глаголомъ; послѣднее встрѣчается чаще, нежели прежде. Эта разница также зависитъ отъ теченія рѣчи и разумѣется отъ движенія языка во времени. Чаще пишется *ся* вмѣстѣ съ глаголомъ и, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, пишется отдѣльно болѣе тамъ, гдѣ выраженіе становится оффиціальнымъ. Вотъ примѣры такого различнаго употребленія: *а оже ся сопрутъ; отступилъ ти ся есмь; и ты мой брате тое моее отчины отступился; а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати; а кто ся ослушаетъ сіе моее грамоты; не вступаются; а случитца судъ; анхимандритъ въ ихъ человѣка не вступается; архимандритъ ся не вступаетъ* (3).— Вотъ тѣ случаи, въ которыхъ проявляется движеніе нашего языка, его жизнь,— съ одной стороны борясь

(1) Собр. Госуд. гр. и дог. 1813. т. 1. стр. 124, 125, 126, 128.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 45, 47, 76. Акты ист. стр. 144.
(3) Собр. Гос. гр. и дог. т. 1, стр. 28, 178, 222. Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 63, 85, 94. Акты ист. стр. 157, 158.

и побѣждая вліяніе церковно-Славянскаго языка, съ другой двигаясь впередъ самобытно въ самомъ языкѣ. Мы привели выше тому примѣры. И такъ мы видимъ, какъ съ одной стороны языкъ освобождается отъ формъ церковно-Славянскаго языка, съ другой въ тоже время, при своемъ движеніи впередъ, оставляетъ и свои формы, самобытно сходныя съ формами церковно-Славянскаго языка. Это самое дало нѣкоторымъ возможность думать, что нашъ языкъ въ древности былъ церковно-Славянскій, потому что въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ не находятъ они тѣхъ формъ, которыя есть въ языкѣ церковно-Славянскомъ, и видя ихъ существованіе въ послѣднемъ, и въ тоже время находя ихъ и въ древнихъ Русскихъ памятникахъ, относятъ всѣ эти особенности къ церковно-Славянскому языку, смѣшивая то, что принадлежитъ самобытно Русскому языку, и то, что внѣшнимъ образомъ вошло въ него; потому что Русской языкъ оставляя формы церковно-Славянскаго, оставлялъ въ тоже время и сходныя съ ними свои собственныя древнія формы, которыя, будучи сохранены въ церковно-Славянскомъ вмѣстѣ съ чисто церковно-Славянскими формами языка, кажутся для многихъ принадлежащими именно церковно-Славянскому языку. И такъ пестроту и ошибки, нетвердость въ употребленіи буквъ и окончаній до такой степени, что одно и тоже слово сряду пишется разно, видимъ мы и въ XV столѣтіи. Живая рѣчь — разговоръ, и духовная письменность — преимущественно священныя книги, составляютъ двѣ крайнія стороны нашего слова; на каждой свободно раздается оно, вполнѣ оригинально опредѣленное; но какъ опредѣленіе самого народа, его національная жизнь и вмѣстѣ значеніе общаго, встрѣчаются между собою, хотя оставаясь каждое въ своихъ предѣлахъ,— такъ и языки, служащіе тому и другому, языкъ церковно-Славянскій и Русской національный, встрѣчаются между собою и невольно производятъ взаимное вліяніе. Эта

борьба собственно происходитъ тамъ, въ отношеніи къ языку, гдѣ встрѣчаются невольно два языка, тамъ, гдѣ живая произносимая рѣчь переходитъ на бумагу, въ письменность, отъ начала собственное достояніе языка церковно-Славянскаго, гдѣ слѣдовательно перестаетъ уже она быть живою, звучащею рѣчью; и это представляютъ намъ памятники народной письменности. Но не только здѣсь, еще далѣе въ собственныхъ сферахъ этихъ двухъ слоговъ отдается ихъ взаимное вліяніе; въ самой живой народной рѣчи сохранились до нашихъ временъ церковно-Славянизмы, вошедшіе туда, какъ поговорка, какъ набожное восклицаніе; напр: *подъломъ! Боже! Царю мой небесный!* (хотя все опредѣлительно нельзя сказать, чтобы звательный падежъ, съ формою какъ *Боже*, не былъ и въ Русскомъ языкѣ). *Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ* и пр. Съ другой стороны, въ самомъ церковно-Славянскомъ языкѣ, не принимавшемъ вліянія, не развивавшемся, но оставшемся какъ онъ былъ, вслѣдствіе вѣчнаго содержанія,— въ самыхъ священныхъ книгахъ, при перепискѣ, постепенно изчезали формы несродныя съ Русскимъ языкомъ, что впрочемъ ни сколько не измѣняло его самобытнаго характера и независимости. Въ памятникахъ-же народной рѣчи, какъ сказали мы, видимъ мы особенно борьбу этихъ двухъ языковъ, которая не могла быть равна, ибо не равны были борющіяся стороны, и состояла въ освобожденіи живаго языка отъ налагаемыхъ на него формъ языка, отвлеченнаго отъ живаго движенія и развитія; эту борьбу старались мы показать въ слогѣ нашихъ народныхъ памятниковъ, пестрѣющихъ разностью употребленія. Такъ колебался церковно-Славянскій языкъ, потрясаемый живою рѣчью, еще незнакомою съ бумагою и не завладѣвшею ею вполнѣ; и множество ошибокъ, различій въ употребленіи, неровностей, разнообразный безпорядокъ являются намъ въ слогѣ XV столѣтія; но этотъ хаосъ грамматическій не без-

смысленно предстаетъ предъ нами; онъ условливается внутренними причинами, положеніями, значеніемъ необходимыхъ для Россіи языковъ, и отъ великой, глубокой, свѣтлой идеи ведетъ свое начало. Все, что мы видимъ передъ собою, въ самыхъ мелкихъ, крайнихъ точкахъ языка, все это броженіе, вся пестрота, являющаяся повидимому въ простыхъ мелочахъ, въ самыхъ пустыхъ бездѣлицахъ, все это имѣетъ смыслъ. Такъ бываетъ въ развитіи, но не всегда такъ смотрятъ на неважныя и мелкія движенія предмета, считая ихъ пустыми и скучными, и не видятъ въ нихъ движенія той-же великой мысли, которая поражаетъ сама собою. Но между тѣмъ это ея движенія, и только тутъ, при поворотѣ песчинокъ, видимъ, какъ все проникаетъ электрическая ея сила; только тутъ видимъ мы ее вполнѣ, и тогда великимъ становится созерцаніе песчинокъ и даетъ великое наслажденіе; не скучны, не пусты становятся мелкія ихъ движенія, но получаютъ живой, великій, серьезный интересъ, и радуютъ созерцающій умъ, проникнутыя той-же великою идеею и служащія той-же великой идеѣ.

Мы разсматриваемъ здѣсь, какъ это видно, языкъ въ грамматическомъ отношеніи, которое выражало, сколько надо было, состояніе нашего языка, отражало въ себѣ вліяніе имъ испытываемое, однимъ словомъ все, что заключалось въ современной судьбѣ его. Что касается до другаго отношенія, до субъективнаго духа языка, до его синтаксиса, то здѣсь рѣзко и просто раздѣляются національный и церковно-Славянскій языки. Намѣреваясь здѣсь дать подробный отчетъ о синтаксисѣ, мы должны припомнить, что мы сказали выше. Живая рѣчь, обитая въ области произношенія, въ области разговора и случайности, не могла разумѣется развить въ себѣ синтаксиса, его настоящихъ силъ, развивающихся только на бумагѣ, въ письменности; фразы говорились, и такъ слово, какъ сло-

во, не было предоставлено самому себѣ и не развивало предъ мыслію, уединенно присутствующею, всѣ свои тайные обороты, все богатство свое, чтобы достойно воплотить ее Въ разговорѣ, голосъ, движенія, все помогало слову, и само оно, являясь зависимымъ слугою, живою рѣчью извѣстнаго лица, покорялось его движеніямъ; фразы перебивались, не досказывались, повторялись; однимъ словомъ, съ синтаксической стороны своей, слогъ въ живой рѣчи преданъ былъ въ жертву случайности и былъ въ зависимости отъ множества посторонніхъ обстоятельствъ. Эту живую рѣчь видимъ мы въ народныхъ памятникахъ, въ договорахъ, жалованныхъ и прочихъ грамотахъ; эта рѣчь, касаясь бумаги, конечно останавалась, такъ сказать, и невольно устроивалась; она не переносила туда того, чего не могла перенести, ни движеній, ни голоса; все это оставалось *за предѣлами письменности*, какъ и всѣ мелкія оттѣнки; *но синтаксическій ея характеръ сохранялся* сколько *могъ, и она становилась* неловка на бумагѣ, *нося* на себѣ явныя признаки рѣчи произнесенной, но неимѣющей уже сопровождающихъ ее внѣшнихъ обстоятельствъ и лишенной слѣдовательно своей живости. Въ національныхъ памятникахъ видимъ мы именно, какъ фраза перебиваетъ одна другую, нарушая ея синтаксическое теченіе, какъ повторяется она часто, какъ фразы соединяются союзами предложенія, или свинчиваются, какъ выразились мы выше; видно часто, что въ періодѣ всѣ фразы выстанавливаются, такъ сказать, рядомъ, потомъ уже дѣлается заключеніе; ибо нѣтъ еще синтаксической силы, которая-бы могла связать всѣ предложенія въ одно цѣлое; вся рѣчь является раздѣленною по своимъ предложеніямъ. Напр: *А ордынцы и делюи, а тѣ знаютъ своя служба по старинѣ, а земель ихъ не купити; А городная осада гдѣ кто живетъ тому туто и сѣсти въ осадѣ опроче путныхъ бояръ; А которые господине слуги потягли къ дворьско-*

му и черные люди къ соцькому при твоемъ отцы Великомъ Князи и мнѣ тѣхъ не примати также господине и тобѣ тѣхъ не примати; А Князя Данила въ своей винѣ искати Великому Князю собѣ, а животы и села и състатки Князи Даниловы всѣ, а то Великому Князю; Пріѣдетъ мой даньщикъ или поищикъ на Бѣлоозеро, въ мою вотчину, и игуменъ моему даньщику дати не даетъ, ни описыватися не даетъ, а то игумену безчено; На которую грамоту грамоту свою дамъ, а на сію грамоту грамоты моея ины нѣтъ; А пріѣдетъ мой приставъ Великіе Княгини по тѣ люди по монастырскіе, ино имъ срокъ одинъ въ году, двѣ недѣли по крещеньи (1) Не видать еще въ рѣчи того господина-періода, который единовластно управлялъ-бы всѣми частями, покорный одной чистой мысли, нѣтъ того синтаксиса, который тогда весь предоставленъ былъ другому языку, языку церковно-Славянскому, языку въ свою очередь только книжному, въ которомъ отвлеченно долженъ былъ храниться и пребывать синтаксисъ. Но не смотря на то, мы можемъ уже видѣть тѣ элементы синтаксиса, изъ которыхъ долженъ нѣкогда онъ создаться и развиться вполнѣ въ языкѣ; живая рѣчь не чужда слогу письменному: и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ-же языкъ; но въ послѣднемъ случаѣ является онъ очищеннымъ, свободнымъ вполнѣ отъ случайности, во всей силѣ и красотѣ своего выраженія. И такъ во столько, во сколько является синтаксисъ въ живой рѣчи и потомъ въ той-же рѣчи перенесенной на бумагу, во столько можемъ мы видѣть, уже и здѣсь, его начала и элементы. Слѣдовательно въ народныхъ памятникахъ мы ихъ уже видимъ; мы видимъ уже свободу синтаксиса и тамъ; видимъ въ конструкціи фразы не только простое сцѣпленіе словъ на

(1) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 91, 95, 200, 250. — Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 23, 31.

основаніи ближайшаго отношенія ихъ между собою; напротивъ, часто бываютъ они расположены вслѣдствіе мысли, современно объемлющей всѣ части фразы, которая потому получаетъ нѣкоторую замкнутость; напр: *А пошлю своихъ Воеводъ, и тобѣ съ ними послати своихъ Воеводъ. А вотчины ти нашей Москвы и Коломны, и всѣхъ волостей Московскихъ и Коломенскихъ, что потягло къ Москвѣ и къ Коломнѣ по реку по Оку, и всего моего Княженіа Великаго подъ нами не обидѣти, не вступатися ни которою хитростью. Также ти, брате, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ и во вся Новгородцкая мѣста не въступатися, и блюсти и не обидѣти, ни подыскивати всего нашего Великаго Княженія подо мною подъ Великимъ Княземъ, и подъ моимъ сыномъ подъ Великимъ Княземъ, и подъ меншими моими дѣтми никоторою хитростію* (1). И въ живой рѣчи встрѣчаемъ мы такіе обороты, которые казалось-бы удобнѣе написались на бумагѣ; напр: мы видимъ часто глаголъ на конецъ, замыкающій все предложеніе: *А чѣмъ тя, Господине, благословилъ отецъ твой Князь Велики Василей Васильевичь своею отчиною Великимъ Княженіемъ въ Москвѣ и Коломною съ волостьми, и всѣмъ Великимъ Княженьемъ; и что еси собѣ промыслилъ, или что собѣ промыслите и мнѣ того всего подъ тобою подъ Великимъ Княземъ, и подъ твоимъ сыномъ подъ Великимъ Княземъ, и подъ меншими твоими дѣтми блюсти и не обидѣти, не въступатися. — И Господинъ бы Князь Велики пожаловалъ тѣхъ земель монастырскихъ Спаскихъ всѣхъ писцамъ писати и дани съ нихъ имати не велѣлъ* (2). Видимъ, какъ опредѣляющія слова становятся предъ опредѣляемымъ (что есть и въ Нѣмецкомъ языкѣ и что въ тоже время

(1) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 143, 260.

(2) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 263, 272.

основано совершенно на духѣ Русскаго языка); напр: *А съ кѣмъ будетъ мнѣ Великому Князю Василью Васильевичю любовь.—И о его дѣтехъ о добрѣ или о лихѣ* (1). Видимъ оборотъ, который встрѣчается развѣ только у Римлянъ и котораго нѣтъ въ языкахъ современныхъ: *Что къ тѣмъ потягло и старины мѣстамъ; — а кто, Господине, имѣть жити твоихъ бояръ* (2). Такъ и теперь говоритъ народъ; напр: *не твоего дѣло ума*. Вообще одно скажемъ мы: не находя здѣсь еще полнаго періода въ конструкціи фразы, мы видимъ уже полную свободу синтаксиса, ни сколько не запутывающаго смысла,— свойство важное въ Русскомъ языкѣ; эта возможность сосредоточивать силою мысли слова въ одно цѣлое, какъ-бы по видимому ни произвольно расположились онѣ, и отсюда возможность выражать невыразимые въ другихъ языкахъ оттѣнки—эта возможность, великое свойство синтаксиса, встрѣчается намъ и въ нашихъ народныхъ памятникахъ, въ которыхъ видимъ живую рѣчь. Вотъ примѣръ свободнаго оборота, идущій и къ послѣднимъ приведеннымъ сейчасъ примѣрамъ: *И отчина ти, Господине, наша Великму Князю держати подъ нами* (3).

Таковы памятники нашего народнаго національнаго языка и слога національной сферы; взглянемъ на памятники другой сферы и другаго языка и слога. Въ прошедшемъ столѣтіи видѣли мы, какъ народная рѣчь сильно проторглась и въ эту сферу; но нѣсколько посланій, писанныхъ довольно строгимъ церковно-Славянскимъ языкомъ, показали намъ, что онъ не потерялъ правъ своихъ въ письменности. И точно; это явленіе не обмануло. Въ XV столѣтіи, въ посланіяхъ Митрополитовъ, Епископовъ, Игуме-

(1) Тамъ-же, стр. 143, 249.
(2) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 134, 141.
(3) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 134.

новъ является вновь церковно-Славянскій языкъ, строго храня (за небольшими исключеніями) свои освященныя формы и рѣзко различаясь отъ Русской рѣчи, уже обильно изливавшейся на бумагу —Первое, что намъ встрѣчается еще на границѣ этого столѣтія. —это посланія Кирилла, игумена Бѣлозерскаго монастыря; они написаны правильно церковно-Славянскимъ языкомъ, соблюдены родительные падежи на *я (а)*, даже не на *е*, и пр., хотя иногда встрѣчается ошибка противъ тутъ-же соблюдаемаго правила; здѣсь является, впрочемъ очень слабо, глагольное время, котораго отсутствіе такъ замѣтно въ народныхъ памятникахъ. Вотъ примѣры правильнаго употребленія и ошибокъ: *всея земля Русскія; — отъ всея душа своея; — Пречистыя Госпожа Богородица Матере своея;—любве ради;—Пречистый его Матери Госпожи Богородицы;* — и потомъ: *Пречистыя Богородицы;—а души гибнутъ; — церковь паречется; —дѣткахъ* (1). Всѣ посланія Кирилла и духовныя грамоты имѣютъ тотъ-же характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ они отличаются какою-то простотою рѣчи.— Въ началѣ-же XV столѣтія является цѣлый рядъ посланій Фотія Митрополита, посланій духовныхъ увѣщательныхъ; въ нихъ раздается голосъ церкви и въ тоже время содержаніемъ возвышаясь надъ національною сферою, является онъ въ формахъ языка церковно-Славянскаго. Фотій былъ Грекъ, человѣкъ, который только *вѣрою* посланъ былъ въ Россію и пришелъ съ нею въ соприкосновеніе, который можетъ быть зналъ церковно-Славянскій языкъ прежде, нежели Русской; и потому слогъ его посланій, вся рѣчь его проникнута характеромъ языка церковно-Славянскаго, и, совсѣмъ тѣмъ, именно въ посланіяхъ Фотія, при рѣшительномъ господствѣ языка церковно-Славянскаго, при употребленіи всѣхъ его формъ, опускаемыхъ, обходимыхъ мимо

(1) Акты ист. стр. 21, 22, 25, 26.—Тамъ-же, стр. 22, 25, 26.

другими духовными писателими, правильно впрочемъ на немъ писавшими, — при всемъ этомъ у Фотія встрѣчается болѣе руссицизмовъ, нежели у другихъ духовныхъ писателей. Вотъ примѣры въ доказательство словъ нашихъ. Мы встрѣчаемъ различіе именительнаго и винительнаго; напр. *нечюдитеся, възлюбленіи о Господѣ, аще пастыріе образомъ суще, паче-же волци быша;— се убо сборная и апостольская церкви;— нынѣшняго времене; — душа своа положиша за овца* (1); и въ тоже время встрѣчается: *Еуангеліамъ, дѣламъ, Христову церкву, волкы суще, литургія пѣти* (2), (вѣроятно не родительный). Замѣчательно употребленіе: *правилми, духми, велѣими* (3) и пр., очень часто у Фотія встрѣчающееся. Видно, какъ отсюда можетъ образоваться падежъ творительный на *ами*, что вѣроятно доказываетъ прежде сказанную мысль нашу, и вѣроятно не есть уступленіе формы мужеской и средней формѣ женской, иначе было-бы сейчасъ на *ами*, но есть развитіе падежа въ окончаніи. Есть также народное употребленіе полногласнаго прилагательнаго; напр: *сборныихъ, нѣкыихъ* (4). Двойственное число начинаетъ и здѣсь колебаться; напр: *на двою церквахъ*; *духовныхъ очію* (5). Употребляется такъ называемое усѣченное прилагательное; напр: *словъ блазнъ* (6). Въ посланіяхъ Фотія встрѣчаемъ мы чрезвычайно замѣчательное употребленіе звательнаго падежа: это форма родительнаго въ звательномъ падежѣ; напр: *О безмѣрной дерзости! о мерзкаго починанія! о безмѣстію и погыбели вашей!* (7),—употребленіе понятное по смыслу, который имѣетъ родительный падежъ, выражаю-

(1) Акты ист. т. 1. стр. 28. 31. 34. 35.
(2) Тамъ же, стр. 28. 29. 46. 65.
(3) Тамъ же, стр. 31. 35.
(4) Акты ист. т. 1, стр. 36. 39.
(5) Тамъ-же, стр. 47. 63.
(6) Тамъ-же, стр. 54.
(7) Тамъ-же, стр. 30. 31.

щій общее и вмѣстѣ съ тѣмъ часть его, прикосновеніе его къ дѣйствительности. Мы имѣемъ теперь употребляющійся въ Русскомъ народѣ и особенно въ простонародьи замѣчательный звательный, употребляющійся какъ похвальное восклицаніе, который можемъ мы объяснить родительнымъ падежемъ въ звательномъ, нами здѣсь въ древнихъ памятникахъ встрѣчаемымъ; это: *молодца!* — Народный винительный падежъ на *а* отсутствуетъ. Русскизмы не странны въ писаніяхъ, приближающихся къ народному языку, гдѣ едва мелькаетъ слабою тѣнью языкъ церковно-Славянскій, какъ напр: отчасти въ посланіяхъ Кирилла и большею частію Геннадія (см. ниже); но тамъ, гдѣ выказывается онъ наболѣе. какъ объяснить это обильное присутствіе русскизмовъ, чего нѣтъ, какъ мы видѣли, у другихъ духовныхъ писателей, у которыхъ не всѣми формами присутствуетъ языкъ церковно-Славянскій? Объясненіе кажется намъ возможнымъ, и оно заключается въ томъ, что Фотій былъ не Русской, — Грекъ. Для всякаго Русскаго существовала въ то время живая борьба этихъ двухъ языковъ, борьба, составившая особенную среду слога, всякой Русской зналъ извѣстныя выраженія, который обѣгалъ онъ, пишучи на церковно-Славянскомъ языкѣ. Русская рѣчь вторгалась живо въ его слогъ; но зная ее какъ Русской, имѣя для себя живу борьбу языковъ, онъ умѣлъ удержать Русскую рѣчь въ извѣстныхъ случаяхъ; къ тому-же для него имѣла смыслъ сама эта образовавшаяся письменность, уже такъ давно продолжавшаяся въ Россіи. Но Фотій былъ иностранецъ; отвлеченно изучивши языкъ церковно-Славянскій, потомъ выучившись языку Русскому, онъ не могъ такъ какъ Русской знать эту борьбу языковъ, такъ сочувствовать ей; и потому въ его писаніяхъ, при преимущественномъ болѣе нежели гдѣ нибудь присутствіи языка церковно-Славянскаго, прорывается Русская рѣчь, становясь рядомъ подлѣ строгихъ церковно-Славянскихъ

Формъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ никогда не прорывается она у Русскихъ духовныхъ писателей, знающихъ и пишущихъ по церковно-Славянски. Будучи иностранцемъ, не могъ онъ чувствовать этой живой борьбы; не могъ найдти той среды слога, которая образовалась у насъ для писаній духовнаго содержанія; онъ не зналъ мѣры словъ, оборотовъ, употребленій Русскихъ окончаній, что̀ доступно только для Русскаго, знающаго какъ Русской свою рѣчь, онъ не зналъ жизни языка, этой жизни ошибокъ, являвшейся и въ XV столѣтіи въ письменности духовной, не зналъ этого живаго участнаго соприкосновенія двухъ языковъ; и по этому мы можемъ здѣсь употребить опять, какъ и прежде, выраженіе: въ писаніяхъ Фотія видно *равнодушіе* языковъ между собою, элементовъ нашего слога въ то время, т. е. національно Русскаго и отвлеченно общаго церковно-Славянскаго, — равнодушіе понятное, вытекающее изъ указанной нами причины. Мы замѣчали уже это отношеніе въ Словѣ о полку Игоревѣ и употребили уже тамъ это выраженіе. Слогъ посланій Фотія еще болѣе кажется убѣждаетъ насъ въ нашемъ мнѣніи о Словѣ о полку Игоревѣ.

Во время Фотія находимъ мы посланіе Новогородскаго Архіепископа Симеона, написанное простымъ слогомъ по церковно-Славянски, но съ ошибками, большими противъ другихъ такихъ-же посланій, ошибками довольно важными; между правильными употребленіями, какъ напр: *святыя Богородица; тыя.... судья*, и пр., встрѣчаются ошибки, какъ: *почнетъ.... мірьстіи люди подъимати или судіи* (1) и пр. Сверхъ того имѣемъ посланіе другаго Новогородскаго Архіепископа Евѳимія, написанное также просто на языкѣ церковно-Славянскомъ съ небольшими обычными противъ него ошибками; соблюденъ дательный падежъ на *и* въ именахъ женскаго рода извѣстнаго оконча-

(1) Акты ист. ч. 1, стр. 50.

нія; напр: *къ сбору святый Троицы; къ сбору святый Софіи* (1). Здѣсь это считаемъ мы дательнымъ, а не родительнымъ, по преимущественному употребленію перваго въ Русской и вообще въ Славянской рѣчи. Примѣры такого употребленія попадаются, мы видѣли ихъ выше. Впрочемъ падежъ на ѧ (*я*) не встрѣчается; вмѣсто него пишется Русское окончаніе *и*; напр: *съ Русской земли* (2). Русское первообразное прилагательное соблюдено не только въ именительномъ падежѣ; напр: *во всякомъ дѣлѣ близь* (3). Тоже должны мы сказать и о Исповѣданіи православной вѣры того-же Новогородскаго Архіепископа Евонмія, кромѣ того, что тамъ, при несоблюденіи, встрѣчается и правильное окончаніе церковно-Славянское на ѧ (*а*); напр: *сея Епископіа* (4); замѣчательно также употребленіе, ошибочное конечно, числительнаго *седьмь;* напр: *святыхъ вселенскихъ седмихъ соборовъ* (5). Вообще какъ то, такъ и это посланіе, хотя въ нихъ не выказывается особенно церковно-Славянская рѣчь съ своимъ характеромъ и формами, написаны довольно правильно, такъ какъ писали въ этомъ духѣ Русскіе духовные писатели, безъ особенныхъ оттѣнковъ Русской рѣчи, каковы посланія Кирилла игумена Бѣлозерскаго, Кипріана Митрополита (собственно нѣкоторыя) и пр.

За посланіями Фотія, проникнутыми, дышущими глубоко характеромъ рѣчи церковно-Славянской, не смотря на указанное и объясненное нами присутствіе Русской рѣчи, слѣдуютъ посланія заступившаго его мѣсто Митрополита Іоны. Здѣсь мы видимъ рѣшительное тоже господство языка церковно-Славянскаго, утвердившагося вновь

(1) Тамъ-же, стр. 6.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 61.
(3) Тамъ-же, стр. 61.
(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 463.
(5) Тамъ-же, стр. 463.

въ XV столѣтіи въ посланіяхъ духовнаго содержанія; но Іона былъ Русской и въ его посланіяхъ не видимъ мы уже такихъ проявленій Русской рѣчи, какія есть у Фотія: не видимъ напр: окончанія въ дательномъ множественнаго числа на *амъ*, какъ *дѣламъ* и пр. (см. выше у Фотія). Мы встрѣчаемъ различіе именительнаго отъ винительнаго въ посланіяхъ Іоны; напр: *тые честніи старци; отступницы* (1). Встрѣчается также разница именительнаго единственнаго числа (въ нѣкоторыхъ случаяхъ); напр: *Богомати* (2). Творительный падежъ на *ми* встрѣчается, также какъ и у Фотія, очень часто: *запечатлѣными; мужми* (3) и пр. Встрѣчается довольно постоянно ѧ и ѧ (ѧ) въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр: *всея Русскіа земля; душа вашя насладятся* (4) и пр. Но есть довольно и ошибокъ противъ такого употребленія; напр: *нашіе земли* (5) и пр. Большею частію встрѣчается *и* въ родительномъ падежѣ въ извѣстномъ случаѣ вмѣсто *е*, какъ *словеси встребуете; отъ святыя сборныя церкви* (6) и пр. Рѣдко *е* вмѣсто *и*, какъ: *Богоматере* (7). Въ родительномъ множественнаго числа утвердилось и здѣсь въ духовной письменности *е* вмѣсто *и*; такъ напр: *обителей, Государей, дѣтей, людей* (8) и пр. и пр. Изключенія есть, но ихъ не много; напр: *писаній, ересій, звѣрій* (9). Довольно строго соблюдается *и* въ извѣстныхъ падежахъ; напр: *о единой души; святый Живоначальной Троицы; Богородици.... Маріи* (10).

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 92. 111.
(2) Тамъ-же, стр. 93, 3.
(3) Тамъ-же, стр. 74, 95.
(4) Акты, ист, ч. 1, стр. 95, 115.
(5) Тамъ-же, стр. 86.
(6) Тамъ-же, стр. 108. 109.
(7) Тамъ-же, стр. 116.
(8) Тамъ-же, стр. 92. 100. 104.
(9) Тамъ-же, стр. 91. 114. 115.
(10) Акты ист., ч. 1, стр. 91. 107.

Изключенія довольно рѣдки: напр: *Владычицъ* (1). Сохраняется измѣненіе буквъ въ падежахъ, свойственное языку церковно-Славянскому; напр: *вѣщь; владыцѣ* (2), также и въ прилагательныхъ именахъ: *Русстый; апостольстый* (3) и пр. и пр. Есть и ошибки противъ этого употребленія въ прилагательныхъ, впрочемъ очень мало; напр: *апостольской* (4). Такъ называемое усѣченное прилагательное встрѣчается и здѣсь тоже; напр: *отъ чиста сердца* (5). Что касается до предложнаго безъ предлога, то онъ встрѣчается только въ прилагательныхъ въ формѣ нарѣчій; напр: *душевнѣ, тѣлеснѣ, волнѣ, добрѣ* (6) и пр. и пр. Въ посланіяхъ Митрополита Іоны часто встрѣчается полногласное прилагательное; напр: *отъ многихъ; прочихъ преподобныихъ; духовныихъ; нашиихъ; Константиноградцѣихъ; святыихъ* (7) и пр. и пр. Что касается до двойственнаго числа, то оно хотя является и правильно, какъ напр: *съ обою страну; двѣ начали;* (8) и пр. и пр., за то исчезаетъ иногда даже и въ числительномъ; напр: *съ обоихъ странъ; обыихъ тыхъ Великихъ Государей* (9). Числительное *четыре* является въ творительномъ, такъ какъ и слѣдуетъ, на *ми*: *четырьми* (10); оно еще не приняло общаго потомъ окончанія для числительныхъ прилагательныхъ въ этомъ падежѣ, отразившагося на нихъ отъ числительнаго: *два*,—окончанія двойственнаго изкаженнаго. Числительное существительное (съ *пяти*) встрѣчаемъ мы

(1) Тамъ-же, стр. 107.
(2) Тамъ-же, стр. 92.
(3) Тамъ-же, стр. 95. 110.
(4) Тамъ-же, стр. 94.
(5) Тамъ-же, стр. 102.
(6) Акты ист., ч. 1, стр. 94. 95. 111.
(7) Тамъ-же, стр. 93. 94. 104. 113.
(8) Тамъ-же, стр. 88. 110.
(9) Тамъ-же, стр. 89. 100.
(10) Тамъ-же, стр. 111.

здѣсь употребленнымъ уже не какъ существительное; напр: *на всѣхъ Святыхъ седьми Сборѣхъ*; *по седьми Святѣйшихъ и Вселенскихъ Сборѣхъ* (1). Замѣчательны слова: *посполно* (2), которое напоминаетъ польское слово *посполитый* и происходитъ кажется отъ Русскаго слова *полный, сполна;* также замѣчательно выраженіе въ посланіи Іоны, гдѣ онъ жалуется на то, что конюшаго и дворянъ его перебили, что милостію Божіею всѣ живы, *а въ прокъ два ихъ и три безъ вѣка* (3), т. е. вѣроятно лишены вѣка, полнаго вѣка, не доживутъ вѣка; отсюда кажется объясняется слово *увѣчить, увѣчный*, лишить вѣка, лишенный вѣка.—Посланія Іоны вообще писаны церковно-Славянскимъ языкомъ, сохраняющимъ явственно свой характеръ съ нѣкоторыми ошибками противъ него, постоянно обличающими, что, не смотря на полное знаніе языка, это не былъ языкъ Русской, живой, которымъ говорилъ пишущій; словомъ сказать, мы здѣсь видимъ ту же живую цѣпь ошибокъ, которую замѣтили прежде, но при рѣшительномъ господствѣ и въ предѣлахъ церковно-Славянскаго языка. Слогъ нестрѣтъ; рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ окончаній и формъ церковно-Славянскаго языка, показывающимъ его знаніе, встрѣчается ошибочное противъ него употребленіе, взятое изъ живой рѣчи.

Кромѣ посланій Іоны находимъ мы и другіе памятники религіозной письменности въ его время, и встрѣчаемъ въ нихъ тотъ-же церковно-Славянскій языкъ, хотя не такъ выдающій свои собственныя формы, и тѣ-же ошибки. Мы находимъ въ это-же время письма Великаго Князя Ва-

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 92. 94.
(2) Тамъ-же, стр. 97.
(3) Тамъ-же, стр. 99.

силья Васильевича къ патріарху и царю Константинопольскому, написанныя правильно, по крайней мѣрѣ съ знаніемъ всѣхъ тонкостей церковно-Славянской грамматики, и въ тоже время съ ошибками, почти всегда присутствующими въ ту эпоху, противъ тутъ-же соблюдаемыхъ правилъ. Напр: *отъ своея земля; отъ тоя сборныя церкве* (1); встрѣчается: *братій* (2); правильно употребленно двойственное: *двѣ начальѣ* (3). Правильно соблюденъ именительный падежъ во мн. ч., съ его различіемъ: *маліи же и великіи, убозіи и богатіи* (4); полногласіе: *писаше* (5); также окончаніе на *и* вмѣсто нашего *ѣ* въ извѣстномъ случаѣ и перемѣна буквъ въ падежахъ; напр: *во многочеловѣчыцѣй Русѣй земли* (6) и пр. и пр. Замѣчателенъ винительный: *во вся.... градовы* (7). Ошибокъ вообще мало, и онѣ встрѣчаются собственно въ другомъ посланіи позднѣйшаго списка; напр: *Пречистыя Владычица нашія Богородици*; *Русскія земли*; *любви.... хочемъ* (8) и пр. Въ исповѣданіи Ростовскаго Архіепископа Ѳеодосія находимъ мы и тѣже правильныя употребленія (*отъ пища*) (9) и пр.) и тѣже ошибки. Одна ошибка замѣчательна: *глаголалъ* (10); замѣчательно также встрѣчающееся полногласіе: *божественныими* (11).—Окружная грамота Архіепископа Ѳедосія написана вообще правильнѣе церковно-Славянскимъ языкомъ; одна ошибка противъ правильнаго

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 72. 73.
(2) Акты, историческіе, томъ 1, стр. 73.
(3) Тамъ-же, стр. 74.
(4) Тамъ-же, стр. 72.
(5) Тамъ-же, стр. 74.
(6) Тамъ-же, стр. 72.
(7) Тамъ-же, стр. 72.
(8) Акты ист., ч. 1, стр. 83. 85.
(9) Тамъ-же, стр. 105.
(10) Тамъ-же, стр. 105.
(11) Тамъ-же, стр. 106.

употребленія существительнаго въ р : *Архіепископіи* (1). Есть еще нѣсколько другихъ подобныхъ ошибокъ, какъ напр: *нашіе Ростовскіе* (2) и пр.—Присяжная грамота Тверскаго Архіепископа Геннадія (3) написана совершенно правильно.—Но не смотря на всѣ эти ошибки, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается Русская рѣчь съ церковно-Славянской, языкъ церковно-Славянскій совершенно сохраняетъ свой характеръ, особенно тамъ, гдѣ въ употребленіяхъ своихъ онъ не встрѣчается съ Русскою рѣчью, именно въ употребленіи временъ; вообще видно, что эти ошибки—ошибки въ предѣлахъ церковно-Славянскаго языка, которыя твердо обозначены. Безпрестанно встрѣчающіяся тонкости языка, иногда строго соблюдаемыя; отсутствіе народныхъ иныхъ окончаній (падежа на *а*) (впрочемъ въ посланіи Великаго Князя Василія Васильевича встрѣчается: *нужа имамъ* (4),—и наконецъ синтаксисъ, кладутъ рѣзкое различіе между памятниками народной и религіозной письменности. Особенно является это въ общемъ посланіи Россійскаго Духовенства Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу, гдѣ приводятся мѣста изъ грамоты. Это посланіе написано церковно-Славянскимъ языкомъ, какъ и другія разсмотрѣнныя нами посланія, съ большими, можетъ быть, сравнительно ошибками. Здѣсь встрѣчается правильно двойственное число: *отъ твоею руку* (5); также употребленіе числительнаго существительнаго, уже не какъ существительнаго: *въ пяти человѣцѣхъ* (6); но языкъ вообще церковно-Славянскій;—и вдругъ среди этого является: *а орда управливати* (7), и вообще

(1) Тамъ же, стр. 114.
(2) Тамъ-же, стр. 114.
(3) Тамъ-же, стр. 506.
(4) Акты ист., ч. 1, стр. 73.
(5) Акты ист., ч. 1. стр. 77.
(6) Тамъ-же, стр. 76.
(7) Тамъ-же, стр. 78.

народный строй рѣчи: это выписки изъ грамотъ.—Другія посланія Русскаго Духовенства: соборныя грамоты Русскихъ Епископовъ (1), написаны съ обыкновенными соблюденіями правильнаго употребленія и обыкновенными ошибками, что мы уже видѣли и разсмотрѣли въ другихъ памятникахъ языка. Посланіе Русскихъ Епископовъ къ Литовскимъ все написано по церковно-Славянски, но ошибочно; кромѣ другихъ ошибокъ, не соблюденъ даже именительный церковно-Славянскій: *а они сами отмьщники и отступники* (2).—Что касается вообще до ошибокъ, то иногда видимъ строго соблюденныя тонкости, иногда почти вслѣдъ за ними ошибки; (выше были уже приведены примѣры такихъ и правильныхъ и ошибочныхъ употребленій). Мы должны замѣтить, что скорѣе кажется измѣняются тѣ обороты, формы и вообще употребленія въ церковно-Славянскомъ языкѣ, въ которыхъ онъ самобытно и свободно сходится съ языкомъ Русскимъ, разумѣется по мѣрѣ того, какъ измѣнялись они въ Русскомъ языкѣ; это понятно: ибо здѣсь не чувствовалась разница языковъ и движеніе и измѣненіе въ формахъ сходныхъ съ церковно-Славянскимъ языкомъ, было перенесено и въ церковно-Славянскій языкъ, что̀ могло казаться движеніемъ этихъ самыхъ формъ вообще, и въ церковно-Славянскомъ слѣдовательно языкѣ. Тогда какъ тѣ формы, въ которыхъ онъ отличался отъ Русскаго, были долго и упорно хранимы, ибо здѣсь на различіи была основана особенность, самобытность языка; какъ напримѣръ: падежи на *омъ* и *ехъ*, именительный въ именахъ мужескаго рода съ его различіемъ, и пр., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ или было нѣкоторое сходство или слабое различіе, или же употребленіе совершенно противорѣчило

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 108, 110.
(2) Тамъ-же, стр. 503.

духу Русскаго языка. Въ примѣръ первыхъ, измѣняемыхъ формъ, мы можемъ указать на измѣненіе двойственнаго числа, на употребленіе числительныхъ существительныхъ не какъ существительныхъ, на перемѣну родительнаго на *ій*—въ *ей*, что́ уже очень сильно преобладало въ XV столѣтіи; на присоединеніе *ся* въ глаголахъ возвратныхъ; напр: *а надѣемся; тщатися* (1), что́ является, не исключая и раздѣльнаго употребленія, въ нашей церковно-Славянской письменности, и пр. Въ посланіяхъ Іоны (какъ и въ другихъ) замѣчаемъ мы употребленіе полногласія въ прилагательныхъ и даже въ глаголахъ (чему мы видѣли примѣры); это полногласіе согласуется съ древнимъ церковно-Славянскимъ языкомъ, но вѣроятно взято изъ Русской рѣчи (въ церковно-Славянскихъ памятникахъ оно уже перестало встрѣчаться), въ которой оно и до сихъ поръ сохранилось собственно въ прилагательныхъ.

Въ слѣдующихъ памятникахъ XV столѣтія, въ посланіяхъ Митрополита Ѳеодосія, замѣчаемъ тотъ-же характеръ, тотъ-же слогъ, если, въ нѣкоторыхъ впрочемъ посланіяхъ, не болѣе ошибокъ противъ церковно-Славянскаго и не болѣе простоты рѣчи; такъ напримѣръ встрѣчаются въ посланіяхъ его ошибки противъ именительнаго: *и которыи посадники; аще ли будете.... преобидники; и въ томъ поручникы* (2) и пр.; но въ тоже время встрѣчается разумѣется и правильное употребленіе; напр. *прежніи святіи велицыи исповѣдницы* (3). Грамотъ Ѳеодосія не много.—Грамоты Филиппа Митрополита, наслѣдовавшаго Ѳеодосію, написаны краснорѣчиво и чрезвычайно правильно по церковно-Славянски за нѣкоторыми изключеніями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ различіе тоньше и ошибкамъ про-

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 73. 110.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 124, 127.
(3) Тамъ-же, стр. 507.

изойдти легче. Такъ напр. *пріатъ многихъ душя и старца и уноты и младенца* (1); соблюдено двойственное: *ко обьмянадесять колънома Израелевыма* (2); именительный является очень строго-правильно: *вси благочестіа държателіе приснопамятніи Велиціи Князи* (3); также въ единственномъ числѣ: *церкви.... есть небо* (4) и въ другомъ мѣстѣ: *царствующій градъ и церкви Божія Костянтинополь доколѣ.... стоялъ* (5) и пр.. Особенно правильно написано посланіе Новгородскому Архіепископу Іонѣ и Новгородцамъ (6). Въ другихъ посланіяхъ его мы не видимъ такой строгой правильности; но посланія эти касаются свѣтскихъ отношеній; сюда входятъ уже слова получившія постоянное употребленіе не согласно съ правилами церковно-Славянскаго языка (остоявшіяся), сохраняющіяся и въ письменности духовной. Самыя выраженія, принадлежащія національной сферѣ, вносятся сюда съ своимъ характеромъ и отличаются рѣзко отъ другихъ окружающихъ ихъ оборотовъ, отъ самого посланія; напр. *а въ земли и въ воды.... не вступатися* (7); не соблюдено двойственное: *двою мѣсяць* (8) и пр. и пр.. Въ посланіяхъ Филиппа встрѣчаются ошибки, замѣчательныя относительно почти постояннаго ихъ отсутствія, даже и не въ церковно-Славянскихъ памятникахъ; напр. *о тѣхъ.... исправленіяхъ* (9); вотъ еще примѣръ такой-же ошибки и вмѣстѣ употребленія существительнаго числительнаго не какъ существительнаго, которое встрѣчается у Филиппа

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 131.
(2) Тамъ-же, стр. 131.
(3) Тамъ-же, стр. 131.
(4) Тамъ-же, стр. 131.
(5) Тамъ-же, стр. 513, 514.
(6) Тамъ-же, стр. 130, 133.
(7) Тамъ-же, стр. 512.
(8) Тамъ-же, стр. 517.
(9) Тамъ-же, стр. 513.

Митрополита и которое видѣли мы уже прежде: *въ тѣхъ прежнихъ пяти съборахъ* (1). Замѣчательно употребленіе, которое считаемъ мы народнымъ и являющимъ ту неподвижность падежей, которую мы видѣли и о которой говорили выше: *съ конь ссѣлъ* (2). Въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ мы выраженіе: *сто и два служителей церковныхъ* (3); но здѣсь мы не находимъ ошибки, т. е. въ томъ, что съ *два*, множественнымъ, или лучше двойственнымъ числомъ въ именительномъ, не согласовано: *служители церковные*; это употребленіе возможно, оно составляетъ только особый оттѣнокъ, показываетъ особенное отношеніе, въ которомъ здѣсь числительное *два* находится къ послѣдующимъ существительному и прилагательному; это отношеніе состоитъ, какъ мы думаемъ, въ томъ, что здѣсь число не объемлетъ всѣ предметы, но относится къ нему, какъ опредѣленная часть къ неопредѣленному цѣлому, т. е. не *два или сто два церковные служителя*, но *сто два церковныхъ служителей*, то есть: *изъ, отъ церковныхъ служителей*; точно также, какъ и само прилагательное, напр. *добрый*, можетъ быть въ такомъ-же отношеніи къ существительному; напр. *добрые люди, добрые людей*, т. е. *изъ, отъ людей*, — оборотъ, встрѣчающійся часто въ древнихъ памятникахъ нашихъ; напр. *а кто моихъ Князей служебныхъ*; *а хто иметъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ* (4). Въ XV столѣтіи, кромѣ разныхъ грамотъ, находимъ мы еще памятники замѣчательные, другаго рода церковно-Славянской письменности; это *чинъ поставленія Епископа*, 1456 года (списокъ очень близокъ къ сочиненію: принадлежитъ къ концу XV или началу XVI вѣка). Языкъ этого памятника

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 519, 520.
(2) Тамъ-же, стр. 515.
(3) Тамъ-же, стр. 519.
(4) Собр. Гос. грам. и догов. ч. 1, стр. 212, 217.

очень правиленъ; соблюдены многія тонкости и рѣдко встрѣчаются ошибки; такъ напр. соблюдено двойственное число: *обою страну; двѣма дьякономa* (1); но передъ этими словами, въ согласующемся причастіи тутъ-же ошибка: *предъидущимъ* (2); какъ и далѣе: *съ инѣми двѣма* (3); соблюдается ѧ (*а*): *пророка Предтеча; душа въвѣренныа; священныа одежда* (4); изключеній очень мало: *нѣкоторыа нужди; братьи своеа* (5). Встрѣчается: *дверій* (6); также предложный безъ предлога: *долѣ* (7); вообще, какъ мы сказали, все написано правильно,—изключеній не много. Памятники церковно-Славянскаго языка послѣ Филиппа Митрополита не измѣняютъ своему характеру. Грамота Архіепископа Ѳеофила, 1477 года, — грамота написанная просто, не выказывающая и не блестящая формами церковно-Славянскаго языка (въ ней нѣтъ его глагольнаго прошедшаго); въ остальномъ она, то согласуется съ этимъ языкомъ, то тутъ-же нарушаетъ его правила; словомъ сказать, изобилуетъ обыкновенными ошибками того времени и такихъ грамотъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Формы и окончанія церковно-Славянскаго языка разнствуютъ съ Формами Русскаго языка, изъ предѣловъ котораго не выходятъ эти грамоты, имѣющія юридическій характеръ; напр. *святыя.... Троици; всея Русіи* (8) и пр.; замѣчательно употребленіе: *Князій* (9).—Но около того времени встрѣчается памятникъ очень замѣчательный, особенно потому, что это подлинникъ: это завѣщаніе Преподоб-

(1) Акты, соб. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 471.
(2) Тамъ-же, стр. 471.
(3) Тамъ-же, стр. 471.
(4) Тамъ-же, стр. 467, 468, 472, 473.
(5) Тамъ-же, стр. 467.
(6) Тамъ-же, стр. 468.
(7) Тамъ-же, стр. 471.
(8) Акты ист., ч. 1, стр. 520.
(9) Тамъ-же, стр. 520.

наго Евфросина Псковскаго; въ этомъ простомъ завѣщаніи видно однако-же, какую силу имѣлъ языкъ церковно-Славянскій, какъ прочно уже утвердился онъ (въ XV столѣтіи), основываясь на правахъ своихъ, на своемъ высокомъ значеніи и, какъ увидимъ, уже утвердился на все продолженіе національнаго періода, не смотря на измѣненія и ошибки, происходившія въ предѣлахъ его. При пестротѣ рѣчи вообще, находимъ мы прошедшее время глагола, принадлежность языка церковно-Славянскаго, что́ встрѣчается во всѣхъ памятникахъ церковно-Славянскихъ; здѣсь замѣчаемъ мы это употребленіе особенно по простотѣ рѣчи и отчасти по юридическому характеру памятника; напр. *учиихъ* (1); видимъ соблюденными многія правила, хотя иногда по естественному и живому опредѣленію языка въ то время, есть ошибки; такъ: *спасенїа ради душа своеа*; *добрые воли*; *ни мылни держати* (2) и т. п.. Замѣчательно употребленіе, послѣ разнаго изчисленія: *и всему сполу* (3), что́ согласно опять съ словомъ: *сполиа*.— Отреченная грамота Архіепископа Ѳеофила написана довольно правильно и имѣетъ характеръ церковно-Славянской рѣчи, съ извѣстными ошибками; напр. *безсмертныя души*; *будущаго страшнаго.... судыи* (4); замѣчательно здѣсь употребленіе *ей* вмѣсто *ій* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа въ такихъ словахъ, гдѣ оно рѣже встрѣчается: *писаней*; *преданей* (5).—Соборное посланіе Россійскаго Духовенства, отреченная грамота Суздальскаго Архіепископа Ѳеодора и потомъ посланія Митрополита Геронтія написаны тѣмъ-же церковно-Славянскимъ языкомъ, являющимся иногда съ своими тонкими особенно-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 83.
(2) Тамъ-же, стр. 83.
(3) Тамъ-же, стр. 83.
(4) Тамъ-же, стр. 477.
(5) Тамъ-же, стр. 477.

стями; напр. *церкве*; *отъ душа* (1) и пр., но въ тоже время: *пречистые Богородици*; *праведнаго судіи* (2), и даже не соблюденъ именительный: *наслѣдники будутъ* (3); — это въ соборномъ посланіи Россійскаго Духовенства (отъ Геронтія и отъ другихъ духовныхъ особъ). Отреченная грамота Суздальскаго Архіепископа Ѳеодора (она очень кратка) не представляетъ правильнаго употребленія на *м*; въ ней мало соблюдены оттѣнки церковно-Славянскаго языка. Въ посланіяхъ Митрополита Геронтія встрѣчается правильно именительный множественнаго съ его отличіемъ: *зовущеся священници и учителіе христіянстіи* (4) и пр.; находятся и другія особенности церковно-Славянскаго языка, обыкновенно встрѣчаемыя; замѣчательно употребленіе: *язъ его богомолецъ уже то нынѣ конечнѣ послалъ семи* (5), — *язъ* впрочемъ отдалено отъ глагола, но все кажется довольно прямо съ нимъ связуется. Впрочемъ посланія эти вообще написаны просто; въ нихъ встрѣчается довольно ошибокъ; какъ: *Рускіа митрополіи*; *изъ земли* (6) и пр.; также: *списцѣхъ* (7), и также не соблюденъ именительный церковно-Славянскій множественнаго числа: *намѣстники.... казнятъ* (8); послѣдніе два примѣра въ грамотѣ, которая написана не строже другихъ и проще. Въ концѣ XV столѣтія находимъ мы посланія Новогородскаго Архіепископа Геннадія, ревнителя православія; эти посланія писаны, вопреки всѣмъ современнымъ посланіямъ, почти простою Русскою рѣчью. Церковно-Славянскій языкъ даетъ рѣчи свое опредѣленіе, но оно безпрестанно

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 137, 138.
(2) Тамъ-же, стр. 137, 138.
(3) Тамъ-же, стр. 138.
(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 141.
(5) Тамъ-же, стр. 142.
(6) Тамъ-же, стр. 142, 143.
(7) Тамъ-же, стр. 522.
(8) Тамъ-же, стр. 522.

нарушается живою народною рѣчью, со всѣмъ характеромъ своимъ выступающею на бумагу; въ его посланіи нѣтъ формъ прошедшаго церковно-Славянскаго; почти постоянно уже наблюдается различіе въ именительномъ множественнаго мужескаго рода отъ винительнаго; встрѣчается падежъ Русской винительный на *а*, и иногда вовсе изчезаетъ опредѣленіе церковно-Славянскаго языка и слышится настоящая живая Русская рѣчь. Вотъ примѣры нами сказаннаго: *мужикы.... поютъ*; *побѣжали ставленикы; каковы тѣ списки*; *и тѣ еретики сбѣжали; божественая служба совершати*; *принести каша да гривна*; *та грамота свести* (1); не соблюдается измѣненіе буквъ въ падежахъ: *въ подлинникѣхъ*; *въ подлинникѣ* (2); Великорусское *е* замѣняетъ *и* церковно-Славянское даже и тамъ, гдѣ мы и теперь говоримъ *и*; напр: *Генадей*; *третей годъ* (3); мы не говоримъ уже о другихъ нсблюденіяхъ формъ и окончаній церковно-Славянскаго языка. Замѣчательна ошибка противъ творительнаго: употребленіе, уже и прежде не разъ встрѣчавшееся въ народныхъ памятникахъ, Русскаго окончанія: *съ своею братьею Архіепископомъ и Епископами* (4); замѣчательно употребленіе Русскихъ простыхъ словъ и оборотовъ: *а подьякы вѣть робята глупые*; *по мнѣ ино тѣ не пригожи въ попы*; *теперво*; *а тутошнимъ* (5) и пр. и пр.. Такой-же характеръ имѣетъ и отписка Филиппа Петрова; тѣже встрѣчаемъ ошибки, или, лучше, тѣже употребленія Русской рѣчи; напр. *священникы.... поистязани* и пр. *Влады-*

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 147, 148. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 478. Акты ист., ч. 1, стр. 147, 148. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1 стр. 482.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 486.
(3) Акты ист., ч. 1, стр. 144. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 482.
(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 482.
(5) Акты ист., ч. 1, стр. 147. Акты, собр. Арх. Эксп., стр. 478, 482.

кѣ (1). Употреблено, рѣдко встрѣчающееся, *я* вмѣсто *азъ*, которое конечно самобытно принадлежало Русскому языку: *и я тутъ же былъ* (2); соблюдено двойственное, впрочемъ въ приводимыхъ словахъ священниковъ: *двѣ начальѣ* (3); интересно употребленіе слова: *извонъ* (извнѣ): *извонъ божественныхъ Правилъ и Соборъ* (4); употреблено простое слово въ собственныхъ уже словахъ того, кто писалъ, т. е. Филиппа Петрова: *отмолении* (5).- Посланіе Митрополита Симона, писанное около этого-же времени (1495—1505), не имѣетъ характера церковно-Славянскаго языка; въ немъ почти не встрѣчается произношеніе церковно-Славянское, и правила, особенности языка не строго соблюдаются; напр: *отъ всей братьи, прося милостыни* (6); не встрѣчается вовсе окончанія на ѫ въ извѣстныхъ случаяхъ въ существительномъ. Въ прилагательномъ тоже ошибки: *той честной обители* (7) и т. п.; встрѣчается и правильное употребленіе: *пречистыя; Владыцѣ* (8) и т. п.—Въ концѣ-же XV вѣка имѣемъ мы два письменные памятника: *чинъ поставленія на митрополію Симеона* и также *чинъ вѣнчанія Князя Димитрія Іоанновича*. Они также написаны церковно-Славянскимъ языкомъ; описаніе перваго не важно и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго; довольно правильно соблюдены нѣкоторые оттѣнки церковно-Славянскаго языка; встрѣчаются обыкновенныя ошибки; какъ: *всея Руси* (9) и т. п.; употреблено впрочемъ правильно *и* въ предложномъ: *на*

(1) Акты ист. ч. 1, стр. 523. 522.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 523.
(3) Тамъ-же, стр. 523.
(4) Тамъ-же, стр. 523.
(5) Тамъ-же, стр. 523.
(6) Тамъ-же, стр. 146.
(7) Акты ист., ч. 1, стр. 146.
(8) Тамъ-же, стр. 146.
(9) Собр. Гос. гр. и дог. 1819. ч. 2, стр. 26.

съдалищи (1); не соблюденъ также именительный церковно-Славянскій множественнаго: *дьяки* (2). Описаніе втораго довольно пространно и больше являетъ церковно-Славянскій языкъ; здѣсь также встрѣчаются обыкновенныя, приведенныя выше нами много разъ ошибки, какъ: *одежи* (3); въ существительномъ не встрѣчается окончанія на ѧ; въ прилагательномъ встрѣчается: *святыя твоея соборныя* (4) и пр. Здѣсь также соблюдены обыкновенные оттѣнки, какъ предложный на *ѣхъ*: *мѣстѣхъ* (5) и пр.; не соблюденъ именительный множественнаго: *священики и дьяки* (6); двойственное число соблюдено не вполнѣ: *двѣма Архимандритомъ* (7), и наконецъ вовсе не соблюдено: *обѣихъ Вѣликихъ Князей* (8); замѣчательно также употребленіе дательнаго *ти* вмѣсто *твоего;* это употребленіе встрѣчается почти во всѣхъ посланіяхъ, и совершенно согласно съ тѣмъ, что мы говорили о дательномъ вообще; напр. здѣсь: *и наслѣдникъ будетъ небеснаго ти царствія* (9) и пр. Нельзя навѣрное сказать, чтобы звательный падежъ былъ совершенно чуждъ языку Русскому, по крайней мѣрѣ Велико-Русскому, хотя скорѣе можно заключить, что его у насъ не было, и что это былъ церковно-Славянизмъ; удерживать его у насъ могло оффиціальное употребленіе; такъ, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчается: *Господине и брате;* но за этимъ слѣдующія слова не находятся въ звательномъ падежѣ, что впрочемъ объяснить можно тѣмъ, что дальнѣйшія слова являются уже какъ

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 26.
(2) Тамъ-же, стр. 26.
(3) Собр. Гос. гр. и дог. 1819. ч. 2. стр. 27.
(4) Тамъ-же, стр. 28.
(5) Тамъ-же, стр. 27.
(6) Собр. Гос. гр. и дог. 1819, ч. 2, стр. 28.
(7) Тамъ-же, стр. 28.
(8) Тамъ-же, стр. 29.
(9) Тамъ-же, стр. 28.

опредѣленія: *господине и брате старѣйшій Князь Велики Иванъ Васильевичь* (1) и пр. и пр; но безъ оффиціальныхъ выраженій слово не находится въ звательномъ; напр: *а на семъ на всемъ Князь Велики Иванъ Васильевичь цѣлуй* ( ) и пр. (если это не пропускъ). Также набожное значеніе слова, набожное восклицаніе могло удержать звательный падежъ; такъ: *Боже!* и т. п. (выше мы приводили еще тому примѣры). Здѣсь въ разсматриваемомъ нами памятникѣ мы видимъ звательный въ словахъ Митрополита, въ словахъ молитвы, гдѣ слово имѣетъ религіозное, священное значеніе: *Господи Боже нашъ! Господоже Дѣво Богородице!* (3) что совершенно понятно, ибо здѣсь является этотъ священный церковно-Славянскій языкъ, проникнутый вѣчнымъ, религіознымъ содержаніемъ. Мы видимъ также звательный падежъ въ словахъ Великаго Князя къ Митрополиту: *отче Митрополите!* (4) видимъ въ словахъ Митрополита къ Великимъ Князьямъ Ивану Васильевичу: *преславный Царю Иванъ Вьликыи Князь!* (5) и Димитрію Іоанновичу: *Господинъ сыну мои Князь Вьликыи Дмитреи Ивановичь!* (6) Но въ словахъ Великаго Князя Ивана Васильевича къ его внуку Дмитрію Ивановичу видимъ: *внукъ Князь Дмитреи!* (7) что намекаетъ кажется на то, что въ простой рѣчи (покрайней мѣрѣ тогда) звательный падежъ съ его отличіемъ не употреблялся.—Наконецъ въ самомъ концѣ XV вѣка, около 1500 года, видимъ мы *Уставную* и *Наказную* грамоты о общежитіи монастырскомъ, написанныя на церковно-Славянскомъ языкѣ,

(1) Собр. Гос. гр. и дог. 1819. ч. 1, стр. 278.
(2) Тамъ-же, стр. 283.
(3) Собр. Гос. грам. и догов. 1819. ч. 2, стр. 28.
(4) Тамъ-же, стр. 28.
(5) Тамъ-же, стр. 29.
(6) Тамъ-же, стр. 29.
(7) Собр. Госуд. грам. и догов. 1819. ч. 2, стр. 29.

но безъ строгаго соблюденія оттѣнковъ, безъ особеннаго присутствія его характера; правильно соблюденъ именительный множественнаго церковно-Славянскій: *іноцы; священницы* (1); не соблюдается окончаніе на ѧ собственно въ существительныхъ именахъ: *кромѣ своея кельи; кромѣ братьи* (2), и въ то-же время является правильное употребленіе: *духовныя любве* (3); замѣчательно уже употребленіе двойственнаго окончанія въ числительномъ *три*: при сохраненіи его въ числительномъ *два*: *передъ двѣма или трема послухи* (4) —Около 1499 г. находимъ мы замѣчательные памятники церковно-Славянской письменности: *поученія церковно-служителямъ*. Здѣсь церковно-Славянскій языкъ сохраняетъ свой собственный характеръ; онъ ясно выражается здѣсь; многія особенности и оттѣнки строго соблюдены; здѣсь сама рѣчь носитъ на себѣ его характеръ; напр: ѧ соблюдается: *за тихъ душа; лишитесь.... лжа; развѣе великія нужа* (5); именительный сохраняется даже и тамъ, гдѣ различіе въ *и* и *ы*, даже и въ прилагательныхъ; напр: *недостойни; ангели; немощніи* (6) и пр. и пр ; встрѣчается разница именительнаго въ единственномъ числѣ въ извѣстныхъ случаяхъ: *да будетъ свята церкви* (7); первообразное прилагательное употребляется также: *въ будущемъ вѣцѣ горцѣ; на мѣстѣ святѣ* (8); двойственное число употребляется правильно: *руцѣ отъ лихоиманіа очищенъ; своима рукама* (9); *и* замѣняетъ *е* очень часто не только въ родительномъ множественнаго, но и въ дру-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 483.
(2) Тамъ-же, стр. 483.
(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1., стр. 483.
(4) Тамъ-же, стр. 484.
(5) Акты ист., ч. 1., стр. 160. 163.
(6) Акты историческіе, томъ 1, стр. 159. 162. 163.
(7) Тамъ же, стр. 162.
(8) Тамъ-же, стр. 159.
(9) Тамъ-же, стр. 159. 162.

гихъ случаяхъ: *писаній; сластій; ни бій* ( ) и пр.; употребленіе правильно въ родительномъ: *отъ церкве* (2) и т. п.; *и* соблюдено въ дательномъ единственнаго въ извѣстныхъ случаяхъ; напр: *души бо человѣчьстый* (3) и т. п.; соблюдена тонкость церковно-Славянскаго языка въ причастіи, различіе окончаній на *я*, на *щи* и *ще;* напр: *сіа творя самъ ся спасеши; лѣнящеся не дѣлаемъ; и вы сынове и чада послужите Богови вѣрою не преступающе.... славяще; водѣ несущи* (4).—Есть впрочемъ ошибки, напр: *развѣе ... свѣщи; безъ воли; отъ церкви; безъ времяни* (5) и пр.; встрѣчается въ родительномъ окончаніе на *ей* вмѣсто *ій*: *строителей; отъ.... дѣтей* (6) и пр. и нѣк. др. Повторяемъ, изключеній очень немного; вообще въ этомъ сочиненіи видимъ мы церковно-Славянскій языкъ съ его собственнымъ характеромъ, съ его особенными оттѣнками.

Памятники юридической письменности духовной сферы писаны языкомъ юридической письменности свѣтской, вообще тѣмъ языкомъ, которымъ писаны письменные памятники національной сферы: грамоты договорныя, жалованныя и прочія.

Таковы были измѣненія и состояніе церковно-Славянскаго языка собственно въ отношеніи къ его грамматическимъ формамъ; но то, что рѣзко различало его отъ языка Русскаго, отъ народной рѣчи, какъ мы видимъ ее и въ то время во многихъ ея памятникахъ—это синтаксисъ или лучше присутствіе синтаксиса, развитаго въ памятникахъ церковно-Славянскаго языка. Въ письменности этого языка вообще, отдѣленнаго отъ случайности разговора, далекаго отъ произвольнаго произношенія, языка собственно

(1) Тамъ-же, стр. 160.
(2) Акты историческіе, томъ 1, стр. 160.
(3) Тамъ-же, стр. 160.
(4) Тамъ-же, стр. 161. 163.
(5) Тамъ-же, стр. 162. 163. 160. 162.
(6) Тамъ-же стр. 161. 163.

книжнаго, должна была преимущественно, въ ущербъ другой, развиться та сторона языка, которой мѣшала случайность разговора и которая развивается тогда, когда языкъ получаетъ общее значеніе, наполняясь общимъ содержаніемъ, чего не могло быть тамъ, гдѣ рѣчь опредѣляется исключительно національностью Это развитіе совершается преимущественно на бумагѣ, когда не просто рѣчь на нее только записывается, но когда пишется то, что собственно назначено для бумаги. Мы сказали, что надъ національнымъ опредѣленіемъ народа у насъ была цѣлая сфера общаго, отвлеченная сфера, имѣвшая также отвлеченный отъ народнаго устнаго употребленія языкъ, слѣдовательно назначенный для письменности (книжный); въ немъ, въ этомъ языкѣ письменномъ долженъ былъ развиться синтаксисъ, должны были развиться его силы; и мы встрѣчаемъ этотъ синтаксисъ развившійся въ церковно-Славянской письменности и такъ рѣзко отличающій ее отъ памятниковъ рѣчи народной. Противорѣчіе является явственно: нѣтъ отрывочныхъ краткихъ фразъ рѣчи народной, связываемыхъ безпрестанно союзами; одна фраза не вмѣшивается въ другую, нарушая синтаксическое теченіе; напротивъ является длинный, связанный во всѣхъ частяхъ періодъ, всѣ предложенія относятся одно къ другому, вытекая одно изъ другаго; но этотъ синтаксисъ, который мы здѣсь видимъ, есть синтаксисъ въ языкѣ отвлеченномъ, языкѣ чисто книжномъ, и потому отвлеченно развившійся, что еще рѣзче отличаетъ его отъ народной рѣчи. Таковъ синтаксисъ въ письменности церковно-Славянской. Періодъ растягивается иногда чрезвычайно; отношенія предложенія къ другому иногда слишкомъ отдаленны; является темнота, туманность. Что касается до отдѣльныхъ синтаксическихъ оборотовъ, то они мало отличаются отъ оборотовъ языка Русскаго; мы находимъ развѣ только то, что въ церковно-Славянской письменности являются такіе

обороты, которые отсутствуютъ въ письменности народной; но конечно тамъ являются и обороты такіе, которыхъ нѣтъ можетъ быть въ Русскомъ языкѣ, которыхъ онъ м. б. и не допускаетъ, каковы дательный самостоятельный, или винительный вмѣсто Русскаго творительнаго; напр: *сего ради помраченики назвати ми убо васъ, а не просвѣщители* (1) и пр. Но мы говоримъ здѣсь собственно о синтаксическомъ теченіи, объ *ordo verborum*, о цѣломъ періодѣ, который есть полное выраженіе синтаксическаго духа, но который является вполнѣ собственно тамъ, гдѣ языкъ освобождается отъ случайности; его именно видимъ мы въ письменности церковно-Славянскаго языка, но (какъ мы сказали) являющимся отвлеченно. Церковно-Славянская письменность XV столѣтія именно замѣчательна тѣмъ, что представляетъ намъ этотъ синтаксисъ, такимъ образомъ развившійся Въ XIV столѣтіи мы того не видимъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ посланій; мы видимъ тамъ преимущество народной рѣчи даже и въ этой сферѣ. Но въ XV столѣтіи находимъ мы вновь церковно-Славянскій языкъ, возставшій въ силѣ своей. Въ XV столѣтіи въ началѣ видимъ мы Фотія, Грека, который овладѣлъ церковно-Славянскимъ языкомъ, и не удержанный ничѣмъ въ уединенной своей мысли, вдался весь въ синтаксическое развитіе языка церковно-Славянскаго, отвлеченнаго, новаго, замѣчательнаго свободою своего синтаксиса, языка, который могъ принять въ себя всякую конструкцію и такимъ образомъ воспитывался въ духѣ отвлеченно-синтаксическомъ. Онъ покорялся мысли Фотія, одѣвая ее въ свои формы, не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ принималъ формы языка Греческаго, но въ томъ, что онъ послушно облекалъ собственно мысль Фотія (мысль уединенную, какъ мы сказали), выражалъ отвлеченную ея дѣятельность согласно съ своимъ отвлеченнымъ значеніемъ какъ

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 31.

языка, выражавшаго одно вѣчное, общее, тогда отвлеченное содержаніе. И такъ, отвлеченно развивался въ немъ синтаксисъ; эта отвлеченность, и слѣдствія ея, темнота, запутанность и неясность, особенно выдаются въ посланіяхъ Фотія. Мы можемъ привести замѣчательные примѣры: *И о семъ же убо о всемъ, любимїи о Господѣ, по долгу духовнаго ми настоятельства, преже убо многъкартъ отъ самыя истины Еуангеліа, и отъ Апостолъ же и отъ Пророкъ, и отъ божественныхъ Отецъ преданія и отъ всего божественнаго Писанія, преже и пространно словесъми духовными и учителными писахъ къ вамъ о вашей ползѣ духовнѣй, предлагая вашей любви трапезу, не брашна гыбнущаго, но пребывающаго въ животъ вѣчнѣмъ, услажающаго и просвѣщающаго душю. И о семъ же убо и нынѣ, по пригожденію ми духовному къ вашей любви, еще и отдаленіемъ мѣста отъ васъ удаленъ есмь, но изначалства вашего, великія ради вѣры къ Богу и теплоты духовныя, и вашего о всемъ благочинія и попеченія и благостоянія истиннаго православныя вашея державы, и о всемъ есть всегда духомъ яко неразлучно наше смиреніе съ благовѣріемъ вашимъ; и якоже слышахъ того всегда о благопреспѣяніи всякомъ православнаго вашего пребыванія, и духовно о семъ радуяся бѣхъ* (1). Тотъ-же характеръ видимъ мы въ посланіяхъ Іоны, тоже, хотя не столь сильное отвлеченное развитіе синтаксическаго духа языка; напр: *О томъ тобѣ своему сыну въспоминаемъ, а самъ испытно вѣси, како божественая и священнаа правила святыхъ и верховныхъ Апостолъ и святыхъ и богоносныхъ Отецъ повелѣваютъ, а запрещаютъ нашему смиренію и сущимъ настоателемъ и окрѣмителемъ и учителемъ, отъ Бога устроеннымъ святымъ Божіимъ великимъ и сборнымъ церквамъ и всему*

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 58.

православному великому христіянъству, комужде насъ своеа паствы, каково великое смотреніе и попеченіе намъ имѣти о святѣй православнѣй и христіянъстѣй вѣрѣ, юже пріахомъ отъ Седми святыхъ и вселенскихъ Соборовъ и отъ Царствующаго града, и отъ нашеа Руссійскиа земля просвѣтителя и учителя, святаго и равнаго Апостоломъ Великаго Князя Владимера, просвѣтившаго Русьскую землю святымъ крещеніемъ, и како намъ святое преданіе съблюдати и имѣти крѣпцѣ неподвижно, и душу свою полагати за то, а къ новинѣ не приставати никакоже, по великаго святаго верховнаго Апостола Павла словеси: «аче преданнаго отъ него аще и ангелъ благовѣститъ, или и самъ той инно что възглаголетъ, анаѳема да будетъ, еже есть, проклятъ!» (1) Здѣсь образовывалась эта необходимая для мысли, такъ называемая тяжелая конструкція, конкретная, органическая, которая уже составомъ своимъ воплощаетъ мысль и ея движеніе; конструкція, которую, въ такомъ родѣ покрайней мѣрѣ, встрѣчаемъ мы у Римлянъ, у Нѣмцевъ, и которой нѣтъ у Французовъ, не ставшихъ выше языка разговорнаго и въ письменности.—Въ посланіяхъ другихъ духовныхъ лицъ не встрѣчаемъ такого длиннаго періода, такого развитія отвлеченнаго синтаксической стороны языка; но нѣтъ и отрывистой народной рѣчи,—и предложенія являются стройно и связно между собою; напр: въ посланіи Кирилла, игумена Бѣлозерскаго монастыря, написанномъ прекрасно: *егда въсхощетъ Богъ кую землю показнити за печестіе, посылаетъ прежъ проповѣдники, дабы обратилисъ, и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимоводитъ скорбь, и прелагаетъ печаль на радость и показуетъ на нихъ свою милость* (2). Также въ другомъ

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 116.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 25.

его посланіи: *и аще, господине, сице обратитесь къ Богу, и язъ грѣшный поручаюся, яко проститъ вамъ, благодатію своею, вся съгрѣшенія ваша и избавитъ васъ отъ всякія скорби и бѣды, а Княгиню твою здраву сътворитъ* (1). Далѣе: *О всѣхъ же сихъ, господине, мы грѣшніи ничто же можемъ въздати тебѣ, но Пречистая Богородица воздастъ ти множае и въ сей вѣкъ и въ будущій; а язъ, господине, грѣшный съ твоею братіею радъ Бога молити и Пречистую Его Матерь о твоемъ здравіи и спасеніи и твоея Княгини, и о твоихъ дѣтяхъ и о всѣхъ крестьянѣхъ порученныхъ тебѣ* (2). Въ исповѣданіи Ростовскаго Архіепископа Ѳеодосія мы встрѣчаемъ тоже простую связность рѣчи: *мнози же прилучишася тогда ту, отъ священниковъ и иноковъ, и отъ мірскихъ благоразумныхъ человѣкъ, много возбраняху ми таковыхъ не творити; азъ же, объятъ діяволскимъ искушеніемъ, а своимъ грѣхомъ, не послушахъ ихъ, ни внимахъ глаголамъ ихъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью, недѣльнымъ днемъ, не ставя себѣ грѣха* (3). Въ другихъ памятникахъ церковно-Славянской письменности встрѣчается, при церковно-Славянскомъ синтаксисѣ полная простота рѣчи, иногда особенно подходящая даже къ рѣчи народной; таково особенно мѣстами духовное завѣщаніе Преподобнаго Евфросина Псковскаго (4); также исповѣданіе православной вѣры. Новогородскаго Архіепископа Евѳимія, предъ посвященіемъ его въ санъ Архіерейскій (5), по содержанію своему (хотя стройнѣе) имѣющее характеръ нѣсколько оффиціальный, и многія другія.—Въ посланіяхъ Великаго Князя Василія Васильевича видимъ мы болѣе,

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 55.
(2) Тамъ-же, стр. 56.
(3) Акты ист., ч. 1, стр. 105.
(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 83.
(5) Тамъ-же, стр. 463.

нежели простую стройность рѣчи, видимъ то синтаксическое развитіе, которое является какъ-бы притязаніемъ; напр: *И того ради просимъ святое ти владычьство, послите къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Святаго Духа, и споспѣшеніемъ святаго Царя и съ благословеніемъ святаго ти владычьства и божественнаго и священнаго Собора, по святымъ правиломъ, събравше въ отечьствіи нашемъ, въ Рустѣй земли, боголюбивыя епископы отечества нашего, и по благодати Святаго Духа избравше кого человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да поставятъ намъ Митрополита на Русь* (1). *Слышахомъ отъ приходящихъ къ намъ отъ вашихъ странъ отъ нашихъ тоземцевъ и отъ иныхъ чюждыхъ странъ пришелцовъ, про ваше великое царство (его же изъ первыхъ временъ отъ Бога желахомъ), яко Божіею волею и тою крѣпкою помощію и многимъ милосердіемъ, и Пречистыя Владычица нашія Богородица и приснодѣвы Маріа еже къ Сыну ея Господу нашему Іисусу Христу моленіемъ и ходатайствомъ и предстательствомъ, и по изначальству великыхъ вашихъ святыхъ прародителей и родителей, благочестивыхъ и приснопамятныхъ и блаженныхъ Царей, по сродству, въспріялъ еси свой великій царскій скипетръ, свое отечество, во утвержденіе всему православному христіянству вашихъ державъ, и нашимъ владѣтелствамъ Русскія земли и всему нашему благочестію въ великую помощь* (2).—Замѣчательно посланіе Россійскаго Духовенства Угличкому Князю Димитрію Юрьевичу; въ немъ есть иногда этотъ-же отвлеченно развившійся синтаксисъ, есть стройность рѣчи; съ этимъ представляетъ сильное противорѣчіе народная рѣчь, приводимая въ выпискахъ изъ до-

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 75.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 88.

говорныхъ грамотъ; напр: *и о томъ тобѣ своему господину воспоминаемъ, не отъ собе свое, но отъ божественнаго Ветхаго Писанія, токмо воспоминающе тобѣ, самовѣдущему прежебывшее, како по изначальству вражды общего нашего душегубнаго супостата и врага всему человѣческому роду діявола, козньми его и навѣты, како праотцу нашему Адаму позавидѣ и положи ему въ сердци равнобожество, яко да будетъ яко и Богъ, разумѣвая добро и зло* (1).—*Но, господине, узрѣли есмы въ вашихъ доконіяльныхъ грамотахъ писаные строки, по чему вамъ межи себѣ жити и правити, по крестному цѣлованью. Первое у васъ въ началѣ написано: быти съ своимъ братомъ, съ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ вездѣ за одинъ и до своего живота, а кто будетъ Великому Князю другъ, то и тобѣ другъ, а кто будетъ Великому Князю недругъ, то и тобѣ недругъ; а съ кѣмъ будешь въ цѣлованьи, а къ тому ти цѣлованье сложити* (2). Въ посланіяхъ Митрополита Ѳеодосія, въ нѣкоторыхъ покрайней мѣръ, встрѣчаемъ мы тотъ-же характеръ синтаксиса. Но особенно видимъ его въ краснорѣчивомъ посланіи Митрополита Филиппа; напр: *И того ради, сыну, писахъ тобѣ Іонѣ Архіепископу, что же твои дѣти, нѣкоторіи посадници, и тысятцкіи, да и отъ Новогородцовъ мнози въставляютъ нѣкая тщетная словеса, мудрствующе себѣ плотскаа, а не душевнаа, яко забывше Божіа страха и казни его, и пепщуя ничтоже, ни поминающе скорьбныхъ и печалныхъ, еже имъ бывшимъ во время се, мнящеся сами яко безсмертни суще, да хотятъ грубость чинити Божіей церкви и грабити святыя церкви и монастыри* (3). Тоже находимъ, хотя не столько, и

(1) Акты пст., ч. 1, стр. 76.
(2) Тамъ-же стр. 78.
(3) Тамъ-же, стр. 132. 133.

въ другихъ его посланіяхъ; въ нѣкоторыхъ видимъ мы туже противуположность церковно-Славянской и народной рѣчи, когда приводятся слова, взятыя изъ сей послѣдней; напр. въ посланіяхъ Митрополита Новогородцамъ, слова, взятыя (хотя не цѣликомъ) изъ грамотъ: *а жалуютъ, держутъ васъ, свою отчину, въ докончаніи и въ крестномъ цѣлованіи въ старинѣ, а вамъ ихъ, господъ своихъ, держати имя ихъ честно и грозно безъ обиды, а въ земли и въ воды и въ пошлины ихъ не вступатися* (1). Или слова явно простой рѣчи: *Отчина моя Великій Новъгородъ не правитъ, учнетъ ми бити челомъ, а исправится, и язъ жаловати хочу; а не учнетъ ко мнѣ посылати бити челомъ, а не учнутъ ми правити, и вы бы на нихъ были съ мною.—А въставливаютъ деи ваши не добрые, на моего господина сына на Великаго Князя то и слово: «опасъ господинъ нашъ Князь Великый намъ давши, а Пьсковъ на насъ подымаетъ, а хочетъ на насъ идти».—И Василей Ананьинъ о вашемъ неисправленіи ни сякова слова не молвилъ, ни челобитья его о томъ не было, а молвячи такъ: «о томъ Великый Новъгородъ съ мною не приказалъ»* (2). Очень замѣчательно, что встрѣчается въ прилагательномъ народный винительный падежъ на *а*: *такова грубость чинить* (3). Тоже синтаксическое развитіе видимъ мы въ соборномъ посланіи Россійскаго духовенства (отъ Геронтія Митрополита и всего духовенства); напр. (мы приводимъ это мѣсто въ примѣръ длиннаго, вяжущагося въ своихъ частяхъ періода, думая, что оно здѣсь яснѣе, нежели гдѣ нибудь его выказываетъ; мы начинаемъ его еще не сначала, ибо оно и такъ имѣетъ цѣлость): *И молимъ, Всемилостиваго Господа Бога всѣхъ Творца и Зиждителя и его Пречистую Богоматерь о благостояніи свя-*

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 512.
(2) Тамъ-же стр. 513. 515.
(3) Тамъ-же, стр. 132.

тыхъ Божіихъ церквей, и о многолѣтіномъ здравіи великаго твоего господьства, и сына твоего благороднаго и и благовѣрнаго Великаго Князя Ивана Ивановича всея Руси, и о твоей братьи молодшей, о благовѣрныхъ Князьяхъ, Андреи, и Борисѣ, и Андреи Васильевичьхъ, и о всѣхъ вашихъ Князьяхъ и о боларѣхъ и воеводахъ, и о всемъ вашемъ христолюбивѣмъ воинствѣ, людьхъ православныхъ, и о подвизѣ вашемъ, еже съ Божіею помощію и заступленіемъ, мужествѣ, добрѣ стоите за домъ Святыя и Живоначальныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и за домъ Пречистые Богородица и великаго чудотворца Петра Митрополита, и за вся Божія святыя церкви всеа Русскія земля, и за свою святую чистую нашу пречестнѣйшую вѣру, яже во всей поднебесный, якоже солнце, сіяше православіе въ области и дръжавѣ вашего отчьства и дѣдства и прадѣдства великаго твоего господьства и благородія, на тоже свирѣпуетъ гордый онъ змій, всклукавый врагъ діяволъ, и воздвизаетъ на то люту брань поганымъ царемъ и его пособники поганыхъ языкъ, ихъ же послѣдняя зря ... во дно адово, идѣже имутъ наслѣдовати огнь неугасимый и тму кромѣшную (1) Въ другихъ посланіяхъ Геронтія Митрополита (2) видимъ мы, хотя не столько, это отвлеченное синтаксическое развитіе, но также стройность рѣчи.—Опять, среди всѣхъ этихъ посланій, отличаются своею народностью, и въ синтаксическомъ отношеніи, посланія Архіепископа Геннадія; мы слышимъ въ нихъ народную, прерывистую, разговорную рѣчь; находимъ почти полное отсутствіе стройности и связи синтаксической; рѣчь, которая сходна съ простымъ слогомъ грамоты и которая иногда своею живостью отличается отъ ихъ слога, имѣющаго нѣсколько оффиціальный, затвер-

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 137.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 141. 143. 521. 522.

женный характеръ; напр. (мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, ибо слогъ этихъ грамотъ кажется намъ чрезвычайно важенъ и интересенъ, и до сихъ поръ встрѣчается только у одного Геннадія; это наша живая Русская рѣчь): *Діаки вѣдь у церкви велѣно ставленые дръжати, простому не велѣно на алтонъ ни чести ни пѣти; а се и священники ставишъ ты, господинъ Отецъ нашъ, первое въ священоси, сиртъчь, въ пономари, тоже опять въ діаки, въ чтецы и въ пѣвцы, да послѣ въ подіаконы* (1).—*А хотѣлъ еслиб того велми, чтобъ мнѣ быть на твоемъ поставленіи, господина отца нашего; а здѣсе паки господине, наказъ Государя Великаго Князя о его великихъ дѣлѣхъ, а велѣлъ ми того беречи, а къ Москвѣ ѣхати не велѣлъ за своими дѣлы; да и владыки ми писали въ своей грамотѣ, что тебе уже избрали да и на митрополичь дворъ возвели, а за коими дѣлы будетъ ти нелзѣ ѣхати и тыбъ де къ намъ прислалъ грамоту свою повольную. А нынѣ бѣда стала земская да нечесть государьская великая: церкви старыя извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старые извѣчные съ мѣста перестановлены.— Здѣсе пріѣзжалъ жидовинъ новокрещеной, Даніломъ зовутъ, а нынѣ хрестьянинъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: понарядился де есми изъ Кіева къ Москвѣ, ино де мнѣ почали Жидова лаять: «собака де ты, куды нарядился? Князь де Великій на Москвѣ церкви всѣ выметалъ вонъ»; а сказывалъ то предъ твоимъ сыномъ боярскимъ предъ Вяткою: ино како то безчестіе и нечесть государству великому учинена? — А церкви Божіи стояли колико лѣтъ, а гдѣ священникъ служилъ, руки умывалъ, и то мѣсто бываетъ непроходно, а гдѣ престолъ стоялъ да и жертвенникъ и тѣ мѣста неогорожены, ино и собаки на то мѣсто ходятъ и всякой скотъ. А что дворы*

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 144.

отдвинуты отъ града, ино то и въ лѣпоту; а церкви бъ стояли вкругъ города, еще бы честь граду болшая была (1). —«А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и потому едва бредетъ, и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ: «земля, господине, такова, не можемъ добыти кто бы гораздъ грамотѣ;» ино де вѣдь-то всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрать на поповство. Да мнѣ бьютъ чѣломъ: «пожалуй деи, господине, вели учити;» и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришъ ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучивъ мало азбуки да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити. » (2).—Отписка Филиппа Петрова, въ отношеніи къ синтаксису, сходна съ посланіями Архіепископа Геннадія. Памятники письменности другаго рода, не посланія, но описанія, такъ сказать, какъ напр: Чинъ постановленія Епископа, Митрополита, чинъ вѣнчанія на Великое Княженіе, писанные не отъ лица, не заключаютъ въ себѣ такого развитія синтаксическаго, отвлеченнаго; но они написаны стройно и связно, какъ сочиненія письменныя, въ которыхъ присутствуетъ синтаксисъ; напр: « И егдажъ совершися Бжественная служба и приспе время, ижъ возвести на мѣсто Митрополита, глетъ Князь Великии. — Быс же посажение его сице: въ Пречистои, среди црькви уготоваша мѣсто большое, идѣжъ стителеи ставятъ, и учиниша на томъ мѣстѣ три стулы: Великому Кнзю Ивану, да внуку его Кнзю Дмитрѣю, да Митрополиту. И егда приспѣ время, облечесь Митрополитъ, и Архиепскопы, и Епскопы, и Архимандриты, Игумены,

(1) Акты, собр. Арх. Экст., ч. 1, стр. 478. 481.

(2) Акты ист., ч. 1, стр. 147.

и весь соборъ во ѡсщеныя одежи, и посреди ц҃рькви поставиша налои, а на немъ положиши шапку Манамахову, да бармы:» (1). Особенно замѣчателенъ чинъ постановленія Епископа, въ которомъ является болѣе синтаксисъ; напр: «Съзываетъ Митрополитъ всѣхъ Епископовъ, елици суть подъ нимъ во всемъ предѣлѣ его; аще ли жъ немощно будетъ нѣкоторому отъ нихъ пріити къ тому избранью, на уреченый рокъ и день, или немощи ради великіа, или пакы нѣкоей великой нужди належащи, иже имутъ вси людье вѣдати, и тъйже посылаетъ грамоту своеа руки, да еже аще что сътворитъ съборъ, или кого изберутъ събравшіися боголюбивіи Епископи на поставленіе, но и тому того жъ избраніа держатися и не разлучену быти своеа братья, а еже аще что они съдѣютъ по преданію святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отецъ» (2). Мы не приводимъ болѣе примѣровъ; думаемъ, мы уже достаточно привели ихъ выше, и что изъ вышеприведенныхъ можно имѣть ясное понятіе о слогѣ и синтаксисѣ. Сюда же надо отнести уставную и наказную грамоты, написанныя нѣсколько сухимъ, скорѣе юридическимъ тономъ, какъ и самый предметъ это допускаетъ, и въ языкѣ и въ синтаксисѣ, имѣющія тотъ же народный оттѣнокъ; напр: «А кто данныя сеа нашея грамоты уставленія порушитъ и о семъ нашемъ писаніи нерадити начнетъ, а не Бога ради житье имѣтъ жити, соединенія и совуза духовныя любве межи собою не имѣтъ держати, или который братъ имѣтъ безъ Архимандрича слова и благословенія и безъ братійскаго вѣданія имѣтъ торговати или села строити собѣ на собину, и язъ (имярекъ) Митрополитъ всея Руси приказалъ Архимандриту того, яко чинораздруши-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 26. 27.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 467.

теля и развратника общему иноческому житью, обоимать на монастырьскую потребу, а самого изъ манастыря выслати.» (1), и пр. Также сюда относятся поученія священнослужителямъ; это сочиненіе, напротивъ, касается внутреннихъ обязанностей духовныхъ лицъ, написано правильно по церковно-Славянски, за исключеніемъ небольшихъ ошибокъ, какъ мы уже замѣчали, и въ тоже время написано очень стройно и связно; хотя здѣсь нѣтъ того излишества, того изступленія синтаксическаго, какое замѣчаемъ мы въ иныхъ посланіяхъ, тамъ, гдѣ говоритъ лицо, личная мысль; но въ то же время здѣсь является уже синтаксическая сторона языка, какъ она развивается въ письменности, въ сферѣ языка, оторванной отъ случайности; это скорѣе правила, написанныя, какъ бы, не отъ лица, а какъ бы, сами по себѣ составленныя. Вотъ примѣры: « Потщися, о презвитере, представити себѣ дѣлателя непостыдна, правяща слово истинно: николи же да не станиши, вражду имѣа на кого, паче же въ время святаго приношенія, да не отженеши Духа Святаго, но всегда въ церкви пребывай, молвы не твори, молися и почитай святыя книгы до часа, въ онъ же подобаетъ ти свершити божественную службу, и тако предстани, съ страхомъ и съ умиленіемъ и чистымъ сердцемъ святому жертвенику, не озираася сѣмо и овамо, но въ страсѣ и трепетѣ предстоя небесному Царю.—Слыши, о іерею, къ тобѣ ми есть слово: понеже нареклъся еси земный ангелъ и небесный человѣкъ, ты съ Ангелы предстоиши, ты съ Серафимы носиши Господа, ты сводиши Духъ Святый съ небеси, и претворяеши хлѣбъ въ плоть и вино въ кровь Божію. — Ты же, брате, въ сихъ пребывай,. въ сихъ непрестанно поучайся, лѣность всякую оттрясши.—Се тебѣ, чадо, Господь поручи священія служ-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 483.

*

бу страшнѣй тайнѣ рукоположеніемъ Вселенскихъ Соборъ и послушествомъ разумныхъ силъ, въ няже желаютъ Ангели и сами приникнути. — А на соборъ приходи, и на исправленіе церковныхъ вещей, и на пріятіе истиннаго разума, да можеши дати благодать послушающимъ тебе и явитися всѣмъ, по имени твоему, свѣтъ міру. — Вѣсть бо Богъ, колико немощніи можемъ, лѣнящеся не дѣлаемъ »(1) — Въ этомъ синтаксическомъ движеніи церковно-Славянскаго языка, развивался отвлеченно синтаксисъ языка Русскаго; движенія своего, какъ языка, церковно-Славянскій языкъ не могъ имѣть; на немъ писали Русскіе; дѣло въ томъ, что здѣсь тогда дѣйствовала одна личная, отвлеченная, но Русская мысль; синтаксисъ приготовлялся (для Русскаго языка) въ этихъ отвлеченныхъ, чистыхъ формахъ языка церковно-Славянскаго. Здѣсь возникала эта тяжелая конструкція, глаголъ на концѣ; мы не приводимъ особенныхъ примѣровъ, потому что въ приведенныхъ примѣрахъ (см. выше) является и эта конструкція; начало, элементъ ея видимъ мы въ грамотахъ (см выше) Употребленіе опредѣляющаго слова, прежде опредѣляемаго, также встрѣчается въ языкѣ церковно-Славянскомъ; напр: « аще убо онъ великій еже Божіею рукою созданный первый человѣкъ » (2) и т. п. (Примѣровъ можно найдти много). И такъ эту конструкцію, этотъ порядокъ словъ видимъ мы въ нашихъ памятникахъ; но главнымъ остается свобода синтаксиса, конструкціи. Вотъ примѣръ между прочимъ: « И намъ видится, что се велми непригоже тому смятенію у васъ такъ быти церковному » (3) —Мы сказали уже, что мы встрѣчаемъ въ письменности церковно-Славянскаго языка вмѣстѣ и обороты, свойственные ему,

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 159. 160. 161. 162. 163.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 76.
(3) Акты ист., ч. 1, стр. 132.

можетъ быть, собственно, и встрѣчающіеся въ немъ въ самыя древнія времена; напр: дательный самостоятельный, употреблявшійся впрочемъ съ тою особенностью, съ которою мы находимъ его у Нестора и вообще въ нашихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка; можетъ быть еще и другіе обороты, особенности синтаксическія языка церковно-Славянскаго, какъ употребленіе *иже*, *яже*, *еже*, сочиненія въ одномъ падежѣ двухъ винительныхъ, когда въ Русскомъ языкѣ употребляется одинъ изъ падежей въ творительномъ; напр: «васъ постави стража и пастуха» (1), и пр. Впрочемъ мы не находимъ въ этомъ употребленіи прямаго противорѣчія съ языкомъ Русскимъ. Замѣчательно употребленіе причастія, какъ прилагательнаго, что также мы нисколько не находимъ противорѣчащимъ языку Русскому и что могло быть и въ немъ: «Къ сему же предахомъ вамъ и херотонію, церковнаго ради исправленія и вашего ради священьства чистоты, и за мірьское спасеніе, да сихъ смотряюще, обрящете путь правый, ведущій въ животъ вѣчный, и стадо паствы ваша предпущающе» (2). И можетъ быть еще другіе, тому подобные обороты; вообще различія въ синтаксисѣ церковно-Славянскаго языка и Русскаго весьма мало, какъ въ сочиненіи падежей, такъ еще менѣе въ синтаксисѣ собственно или въ оборотахъ. Мы встрѣчаемъ въ тоже время обороты чисто Русскіе; напр: «а ему было.... послушну быти» (3), или: «идѣже будетъ ему сѣдѣти; и внегда сѣсти имъ ясти; а Князю было Дмитрію прислати своего посла; малымъ гласомъ, елико слышати предстоящимъ Святителемъ и отвѣщавати» (4),—оборотъ, вѣроятно народный и тогда. Замѣ-

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 160.
(2) Тамъ-же, стр. 115.
(3) Акты, ист., ч. 1, стр. 104.
(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 470, 473. Акты ист., ч. 1, стр. 101. Акты, собр. Арх. Экст, ч. 1, стр. 472.

чательное употребленіе неопредѣленнаго: «Господи Боже нашъ, за еже немощи человѣчьскому естеству Божества понести существо, твоимъ смотрѣніемъ подобострастны намъ учителя уставивъ, твой предержащій престолъ, въ еже приносити тебѣ жертву и приношеніе о всѣхъ людѣхъ твоихъ» (1). — Синтаксическія начала и обороты лежатъ всегда въ народной рѣчи. Нашъ языкъ очень любитъ употребленіе неопредѣленнаго наклоненія; оборотъ будущаго сложнаго, встрѣчающійся въ церковно-Славянскомъ языкѣ, не чуждый и намъ, напр: *имѣю дѣлать*, также образованъ съ помощію неопредѣленнаго наклоненія; встрѣчается употребленіе будущаго въ настоящемъ, которое такъ любитъ Русская рѣчь (напр: въ древнихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова: «А и будетъ онъ середи двора», или: «Какъ возговоритъ Царь Иванъ Васильевичъ»); напр: «Святитель же прочитаетъ писаніе» (2) и пр.; мы думаемъ, что будущее здѣсь употреблено въ смыслѣ настоящаго, ибо во всемъ разсказѣ употребляется настоящее, что указываетъ на совершенную особенность и самобытность временъ глагола. Находятся и еще можетъ быть тому подобные обороты, особенности синтаксическія языка Русскаго, народнаго подъ національнымъ опредѣленіемъ, или если самобытно принадлежавшія церковно-Славянскому языку, то не чуждыя и Русскому покрайней мѣрѣ. Главное, повторяемъ, что встрѣчаемъ мы въ церковно-Славянскихъ памятникахъ— это свобода синтаксиса, свойство Русскаго языка; въ синтаксисѣ церковно-Славянскаго языка выражается Русская мысль; церковно-Славянскій языкъ не чуждъ и не упоренъ (его свойство—отвлеченность) и потому можетъ выражать, облекать въ свои формы чисто отвлеченное ея движеніе;

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 472.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 475.

но Русской языкъ — родственный языку церковно-Славянскому, такой-же Славянской какъ и онъ; и потому свобода синтаксиса, то, что вообще мы въ Русскомъ языкѣ находимъ, можетъ и самобытно принадлежать языку церковно-Славянскому.

Мы сказали, что памятники юридической письменности духовной сферы писаны языкомъ народной письменности въ этимологическомъ отношеніи; мы находимъ тоже самое и въ синтаксическомъ отношеніи.

Итакъ сдѣлаемъ общее заключеніе о языкѣ нашемъ въ XV столѣтіи. Въ XV столѣтіи видимъ мы вновь церковно-Славянскій языкъ, утверждающій свое мѣсто въ письменности, на основаніи своего глубокаго значенія, великихъ, священныхъ правъ своихъ. Мы видимъ памятники народной рѣчи, въ которыхъ находимъ и узнаемъ народную рѣчь подъ извѣстнымъ опредѣленіемъ. Волненіе ошибокъ продолжается; но въ тоже время замѣчаемъ движеніе впередъ Русскаго языка и видимъ измѣненіе въ этомъ присутствіи ошибокъ; ошибки уже не тѣ самыя (выше мы разсмотрѣли подробно языкъ этого столѣтія). Въ тоже время, какъ народная рѣчь является и на бумагѣ какъ разговоръ, въ своей случайности, и еще не пробудилось въ ней синтаксическое развитіе,—видимъ мы, какъ отвлеченно развивается синтаксисъ въ языкѣ, отторгнутомъ отъ разговора, отъ случайности; съ одной стороны Русской языкъ, народная рѣчь, какъ и народъ, національно опредѣленная, не наполняемая общимъ содержаніемъ и неразвивающая еще въ себѣ общаго въ языкѣ, не выходитъ изъ своей національной сферы и отзывается живымъ разговоромъ; съ другой стороны языкъ церковно-Славянскій, языкъ того общаго, недоступнаго, возвышающагося надъ народомъ въ святынѣ церкви, далекій отъ всякой случайности, проникаемый общимъ содержаніемъ, развиваетъ въ себѣ общія си-

лы языка, недоступныя тогда для языка народнаго, вѣрнаго одному съ народомъ опредѣленію; развиваетъ ихъ въ себѣ, въ своей чистой сферѣ, отвлеченно. Въ священномъ отвлеченномъ языкѣ отвлеченно движется, воспитывается и хранится синтаксисъ собственно до того времени, когда уничтожится опредѣленіе національности, общее станетъ содержаніемъ народа, и языкъ его, освободясь отъ исключительно-національнаго опредѣленія, проникнется общимъ содержаніемъ, найдетъ для него выраженія и формы, и тогда необходимо возникнетъ въ немъ общее языка—синтаксисъ въ собственномъ значеніи. Но еще не близко это время.

Таково было состояніе языка у насъ въ XV столѣтіи.

Мы особенно подробно разсмотрѣли языкъ XV столѣтія, потому именно, что въ немъ онъ видимо опредѣляется, и состояніе его, въ отношеніи языковъ церковно-Славянскаго и Русскаго, выступаетъ явственно; дальнѣйшій ходъ языка представляетъ дальнѣйшее движеніе этого отношенія, нами выше указаннаго. Въ XVI столѣтіи видимъ мы тотъ-же церковно-Славянскій языкъ, отдѣленный отъ Русскаго, и тотъ-же Русской, живой языкъ, выражающій только національную жизнь народа; при дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности, при большемъ количествѣ лицъ, выступающихъ на поприще письменности, видимъ мы, что столкновеніе двухъ языковъ и взаимное ихъ вліяніе также измѣняется; языкъ церковно-Славянскій остается, какъ и прежде, при тогдашнемъ національномъ опредѣленіи, отвлеченнымъ выраженіемъ всего, что возвышается надъ жизнію народною; но тѣ руссицизмы, которые встрѣчали мы въ немъ, являются въ большемъ количествѣ, чаще, не измѣняя совсѣмъ тѣмъ ни сколько отвлеченности, отдаленности и характера его сферы, оста-

ющейся по прежнему не народною; умноженіе руссицизмовъ ни сколько не есть шагъ къ языку Русскому, напротивъ они входятъ туда какъ невольныя ошибки, портятъ языкъ; но онъ самъ сохраняетъ свою самостоятельность и становясь дурнымъ языкомъ, все-же остается именно самимъ собою; самое то, что онъ дѣлается испорченнымъ, а не поглощаемымъ непримѣтно, показываетъ его самостоятельность, ибо показываетъ нарушеніе ему именно свойственнаго существа; перехода и разрѣшенія въ немъ нѣтъ; сохраняется его ограда, внутри которой дѣлаются изкаженія; но сама ограда, сфера соблюдается, остается, и часто изкаженіе языка не уничтожаетъ, но смѣшиваетъ его формы, неправильно употребляетъ ихъ и все же эти формы остаются чуждыми другому языку, причинѣ изкаженія перваго. Измѣненія эти, ошибки стали чаще, испорченность сильнѣе. Кромѣ того, что тамъ наконецъ, гдѣ формы языка церковно-Славянскаго встрѣчаются съ формами языка Русскаго, т. е. въ народныхъ письменныхъ памятникахъ, тверже и сильнѣе выступаютъ формы Русскаго языка; кромѣ этого, внутри сферы самаго языка церковно-Славянскаго видимъ мы болѣе встрѣчающихся формъ языка Русскаго и болѣе изкаженія собственныхъ формъ языка церковно-Славянскаго, но безъ нарушенія, какъ сказали мы, его отвлеченной самобытности. Въ народныхъ памятникахъ, дѣлающихся многочисленнѣе, встрѣчаемъ мы болѣе Русскую рѣчь; чаще становится окончаніе Русскаго падежа на *ахъ*, на *амъ*, (собственно съ половины XVI столѣтія), до сихъ поръ еще рѣдко являвшееся; напр: *ихъ дѣтямъ; ихъ государствамъ; на поручникахъ;* съ половины XVI столѣтія (1553 года), слова уже почти постоянно утверждающіяся въ этомъ употребленіи:—*боярамъ; людямъ; на подворьяхъ; при великихъ чудотворцахъ; въ почтахъ; правил-*

ламъ; волостяхъ (это слово, со второй половины XVI вѣка, начинаетъ также постоянно такъ употребляться) *крестьянамъ* (1); встрѣчается часто творительный на *ами*; напр: *живутъ о себѣ дворцами; Князьями; со всѣми угодьями* (2); встрѣчаются уже многія измѣненія, доселѣ не встрѣчавшіяся или встрѣчавшіяся рѣдко; напр: вмѣсто *ти—ть*: *торговать*; *платить* (3); старинное слово *послухъ* употребляется въ именительномъ нѣсколько разъ: *послухи*, въ Судебникѣ Іоанна IV; тутъ-же замѣчательна ошибка, уже почти не встрѣчающаяся, употребленіе именительной, отличительной формы въ винительномъ (ибо именительный въ этомъ столѣтіи и въ предыдущемъ не имѣетъ уже различія съ винительнымъ); напр: *пошлется на послуси* (4); выраженіе: *о лисѣ* употребляется уже въ этомъ столѣтіи: *о лихѣ* (5); двойственное число уже перешло въ современную Форму; т. е. оно относится и къ числительнымъ *три* и *четыре*; напр: *четыре алтына; три столбца; три алтына* (6); замѣчательно употребленіе двойственнаго окончанія въ числительномъ *четыре*, окончаніе, которое теперь не употребляется, именно въ дательномъ: *четырма человѣкомъ* (7); это показываетъ, какъ измѣнялось оно, какъ колебалось, и какъ наконецъ числительныя могли принять современную Форму, которую они теперь имѣютъ; что касается до числительныхъ существительныхъ,

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 460. 465. 479. 490. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 107. 119. Акты ист., ч. 1, стр. 275. 314. 331. 339. 428.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 209. 341. Акты ист., ч. 7. стр. 461.

(3) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 595.

(4) Акты ист. ч. 1, стр. 223.

(5) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 404. 422. 427. 435. и пр.

(6) Акты ист., ч. 1, стр. 276. 285. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 177.

(7) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 351.

то они употребляются все еще какъ существительныя; напр: *восмъ рублевъ Московская; десять денегъ Московская* (1); но это-же прилагательное встрѣчается и съ числительными: *два, три, четыре;* напр: *далъ четыре рубли Новгородскую; по двѣ денги по Московскую* (2) и пр.; замѣчательно употребленіе существительныхъ числительныхъ, какъ прилагательныхъ числительныхъ съ двойственнымъ окончаніемъ; напр: *да крестьяномъ пятма или шестмя* (3), что̀ все показываетъ нетвердость еще не установившагося употребленія числительныхъ; находится, встрѣчавшееся прежде въ грамотахъ, употребленіе: *домовь* (*домови*): *поѣхалъ вонъ домовь* (4); слова, получившія оффиціальный характеръ, сохраняютъ иногда, но гораздо рѣже, свое прежнее церковно-Славянское употребленіе; напр: *намѣстницы* (5) и пр. и т. п. Вообще употребленія Русскія, нами выше указанныя, замѣняющія церковно-Славянскія употребленія, встрѣчаются видимымъ образомъ чаще и постояннѣе въ XVI столѣтіи.

Съ другой стороны въ сферѣ языка церковно-Славянскаго, какъ сказали мы, встрѣчаемъ мы уже болѣе руссицизмовъ, ошибокъ и изкаженій. Мы видимъ это въ посланіяхъ духовныхъ; напр: *а есть.... 4 священники; а вкладчики которые прійдутъ; сказывали.... десятники; что де и вы.... священники* (6) и пр.; замѣчательно ошибочное употребленіе, уже рѣдко встрѣчающееся, именительнаго съ отличительною формою, въ творительномъ:

(1) Акты ист., ч. , стр. 230. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. , стр. 361.
(2) Акты ист. ч. 1, стр. 304. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 209.
(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1. стр. 284.
(4) Акты ист., ч. 1, стр. 451.
(5) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. , стр. 135. 136 и др.
(6) Акты ист., ч. 1, стр. 195. 196. 543.

съ священнищи (1); также: *другоженцами и треженцами, лучами* (2) и пр.; *въ лѣпихъ; въ.... житіяхъ; въ кубкахъ; въ сердцахъ* (3) и пр.; *по подворьямъ; по божественнымъ правиламъ* (4) и т. п. Въ одномъ посланіи Митрополита Макарія, въ посланіяхъ котораго вообще встрѣчаются соблюденными многія тонкости языка церковно-Славянскаго, находится употребленіе падежа на *а*: *имѣти истинная правда и непорочная и теплая вѣра* (5) и пр. Замѣчательно употребленіе формы именительной въ звательномъ въ такихъ словахъ, которыя освящены своимъ религіознымъ значеніемъ и которыя приводятся какъ выписка: *благый мой рабъ и вѣрный* (6); замѣчательно явленіе предлога при употребленіи предложнаго падежа въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ онъ обыкновенно употребляется безъ предлога, что̀ вмѣстѣ объясняетъ это употребленіе, т. е. именно, какъ употребленіе предложнаго безъ предлога: *вдуховнѣ* (7); впрочемъ здѣсь можетъ быть это имѣетъ смыслъ *на единѣ, наисповѣди*: *вдуховнѣ заперся*; но въ дальнѣйшемъ примѣрѣ это, можетъ быть, имѣетъ обыкновенный смыслъ: *и ты бы его.... духовнѣ наказалъ* (8); далѣе это употребленіе имѣетъ кажется опять первый смыслъ: *и ты бы.... того священника.... надуховнѣ.... испыталъ* (9). Вообще среди ошибокъ, умножающихся въ религіозной письменности, встрѣчаемъ мы употребленія и правильныя; напр: *мнози бо праведъ-*

(1) Тамъ-же, стр. 537.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 543. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 430.
(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 530. 532. 160. Акты ист., стр. 431.
(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 161. Акты ист., ч. 1, стр. 331.
(5) Акты ист., ч. 1, стр. 288.
(6) Акты ист., ч. 1, стр. 534.
(7) Акты, собр. Арх. Эксп., стр. 275.
(8) Тамъ-же, стр. 275. 276.
(9) Тамъ-же, стр. 276.

ницы и силніи и храбріи и святіи цари; апостольстіи наслѣдницы; отъ всея души; разорены алтаря моя создасте (1) и т. п. Особенно встрѣчается правильное употребленіе церковно-Славянскаго языка въ посланіяхъ Константинопольскихъ и вообще Греческихъ Патріарховъ и духовныхъ; преимущественно правильно написано посланіе Александрійскаго Патріарха Іоакима (прекрасное посланіе объ освобожденіи Максима Грека) (2). Очень замѣчательно дѣяніе собора, бывшаго въ Вильнѣ, которое написано довольно правильно церковно-Славянскимъ языкомъ, хотя есть ошибки, какъ напр: о *священникахъ* (3) и т. п. Это сочиненіе носитъ на себѣ отпечатокъ Польскаго языка; напр: *святыхъ отецъ зряженіемъ; вчинихомъ; маемъ; нехай* (4) и пр.—Самъ Іоаннъ, лицо свѣтское, но когда вступаетъ въ сферу духовную или даже вообще въ сферу мысли, сферу общую, отвлеченную отъ народа и заключенную въ предѣлахъ языка церковно-Славянскаго, пишетъ уже этимъ необходимо здѣсь являющимся языкомъ. Посланія его писаны очень хорошо, искусно и краснорѣчиво и вообще правильно; много особенностей и тонкостей церковно-Славянскаго языка соблюдено, болѣе нежели у другихъ; прекрасенъ отвѣтъ его Макарію на посланіе послѣдняго къ нему, гдѣ онъ говоритъ: *на твоемъ жалованьи челомъ бьемъ на просвященныхъ словесѣхъ* (5); очень правильно написано посланіе его къ Максиму Греку, съ сохраненіемъ въ немъ многихъ тонкостей церковно-Славянскаго языка; въ немъ находится одна странная и яркая ошибка; употреблена

(1) Акты, ист., ч. 1, стр. 293. 329. 289. 534.
(2) Тамъ-же, стр. 194—195.
(3) Акты ист., ч. 1., стр. 527.
(4) Тамъ-же, стр. 525. 526. 527. 528.
(5) Акты ист., ч. 1, стр. 296.

въ именительномъ множественнаго форма винительнаго множественнаго церковно-Славянскаго языка (по крайней мѣрѣ иначе нельзя объяснить это): *съпрестолники, святыа и богоносныя Отця, ясно предаша* (1) и пр., тогда какъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ правильное употребленіе именительнаго падежа церковно-Славянскаго множественнаго числа. Особенно замѣчательно длинное посланіе Царя Іоанна Васильевича въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь игумену Козмѣ съ братіею; здѣсь встрѣчаются ошибки, но мало; напр: *свѣтъ же міряномъ иноки; всиѣсъ легки яко странники; началники уставили* (2) и пр.; замѣчательно употребленіе падежа народнаго на *а* или *я; дати воля Царю* (вѣроятно это единственное, а не множественное число); *опала своя положити* (3) и т. п; въ этомъ посланіи видимъ мы церковно-Славянскій языкъ, особенно въ иныхъ мѣстахъ являющійся очень правильно, со всѣми своими тонкостями (*тацижъ и унніи мниси по нихъ суще; одежа брачныа имущеи; на иныя стезя* (4) и пр.); но иногда языкъ становится простъ, слышится народная рѣчь и тогда является этотъ народный падежъ на *а*, который указали мы выше. Замѣчательно употребленіе родительнаго падежа согласно съ тѣмъ, какъ мы опредѣлили его прежде: *плакатися грѣховъ своихъ* (5). Есть еще два коротенькихъ посланія Ивана Васильевича, но они написаны просто почти народнымъ языкомъ и носятъ на себѣ его характеръ.

Мы должны упомянуть также о сочиненіяхъ и посланіяхъ св. Іосифа Волоцкаго (жившаго въ концѣ XV и въ

(1) Тамъ-же, стр. 297.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 372. 376. 380.
(3) Тамъ-же, стр. 380, 384.
(4) Тамъ-же, стр. 388. 377. 391.
(5) Акты ист., ч. 1, стр. 372.

началѣ XVI вѣка); онъ написалъ сказаніе о жидовской ереси и шестнадцать краткихъ словъ противъ нея (1); сказаніе написано правильно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ ошибокъ. То-же мы должны сказать и о посланіяхъ его (2), хотя они въ тоже время написаны простымъ языкомъ; ошибокъ немного; встрѣчается: *въ трехъ лицахъ*; *въ ангелахъ* (3); *херувимами* (4). Все, что только возвышается надъ народною жизнью, что является, какъ сфера мысли, общаго, необходимо принимаетъ формы языка церковно-Славянскаго, хотя-бы они и изкажались; это, какъ мы объяснили выше, не вредитъ его самобытности. Такъ Исторія Князя Курбскаго, переписка его съ Іоанномъ написаны на томъ-же языкѣ. Въ этой Исторіи Князя Курбскаго и другихъ сочиненіяхъ его, среди правильныхъ употребленій церковно-Славянскихъ тонкостей встрѣчаются ошибки, яркія употребленія Русскихъ окончаній, формъ Русскаго языка; напр: *въ военныхъ вещахъ; по коликихъ дняхъ; при дѣлахъ; торжествахъ* (5) и пр.; *по стогнамъ; по торжищамъ; по другимъ градамъ*; *сердцалѣ* (6) и т. п. Въ Исторіи его замѣтно вліяніе иностранныхъ языковъ и языка Польскаго: *баютъ фабулы; въ.... каморахъ* (7); онъ употребляетъ слово: *шляхта: отъ Рязанскія шляхты* (8); онъ говоритъ даже, какъ измѣнникъ, отчуждаясь отъ Россіи: *велицые гордые паны по ихъ языку боярове* (9).

(1) Древн. Росс. Вив. изд. 2. М. 1790. ч. XVI, стр. 420. 423. ч. XIV стр. 128. 147.
(2) Древн. Росс. Вивл., чч. XIV и XVI.
(3) Тамъ-же, ч. XIV, стр. 221. 225.
(4) Тамъ-же, стр. 224.
(5) Сказанія Князя Курбскаго. Спб. 1833. ч. 1, стр. 150. 120. ч. 2. стр. 4.
(6) Тамъ-же, ч. 1, стр. 6. 15. ч. 2. стр. 5.
(7) Тамъ-же, ч. 1. стр. 85. 143.
(8) Тамъ-же, стр. 147.
(9) Тамъ-же, стр. 5.

То-же самое должны мы сказать о перепискѣ, особенно о позднѣйшей, Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ; опять то-же непріятное впечатлѣніе производитъ употребленіе Польскихъ и другихъ иностранныхъ словъ въ посланіяхъ Курбскаго: *предъ маестатомъ Христа моего; трудные декреты* (1). Въ другихъ посланіяхъ къ иностранцамъ Андрея Курбскаго это встрѣчается еще сильнѣе: *людей зацныхъ; елокуцыю; шкода* (2) и пр. и пр. Въ посланіяхъ Іоанна къ Князю Курбскому мы, какъ и въ другихъ его посланіяхъ, видимъ правильный церковно-Славянскій языкъ, съ его особеннымъ характеромъ, болѣе нежели у Курбскаго и тѣ-же, хотя не въ такомъ числѣ, ошибки: встрѣчается: *въ.... пародительствіяхъ* (здѣсь ошибка не такъ ярка); *мѣстахъ; его дочерямъ* (3) и т. п. Въ посланіяхъ Курбскаго мы видимъ относительно особенныхъ оборотовъ церковно-Славянскаго языка, ошибки, показывающія, что знаніе или привычка не соотвѣтствовала притязанію; напр: *нехотящу и немыслящу ей о томъ; мы заслышша; пишеши.... аки научающе.... и наказующе* (4), что̀ не уничтожало церковно-Славянскаго языка, а напротивъ показывало притязаніе на него. Въ посланіяхъ Іоанна видимъ мы правильное употребленіе; но тамъ, гдѣ рѣчь его становится проста, встрѣчается: *и я его и матерь отъ того свободи; а мы написахомъ не гордяся, ни дмяся* (5) (послѣдняя ошибка, какъ не столько яркая, встрѣчается чаще).

Въ XVI вѣкѣ имѣемъ мы еще посланія четырехъ бояръ: Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго и боярина Ивана Петровича къ Сигизмунду и Хоткѣвичу; въ нихъ видимъ

(1) Сказанія Князя Курбскаго, ч. 2, стр. 105. 149.
(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 171. 173.
(3) Сказанія Князя Курбскаго, ч. 2, стр. 14. 114. 112.
(4) Тамъ-же, ч. 1, стр. 2. 17. 144.
(5) Сказанія Князя Курбскаго, ч. 2, стр. 113. 114.

тѣ-же руссицизмы, ошибки, то-же изкаженіе Формъ церковно-Славянскаго языка, (при соблюденіи иногда его тонкостей: *во трехъ лицѣхъ; не снѣсти душа* (1)) и наконецъ тѣ-же иностранныя и собственно Польскія слова. Вотъ примѣры сказаннаго нами: *съ предками; войсками* и пр.; *Государствамъ* и пр.; *въ вертепахъ* (2) и т. п. Въ этихъ посланіяхъ менѣе притязанія собственно на церковно-Славянскій языкъ, на его обороты; это видно изъ слѣдующаго: прошедшее время церковно-Славянское почти не встрѣчается; но есть ошибки противъ тѣхъ оборотовъ церковно-Славянскаго языка, которые тутъ находятся: *а нашъ панъ родъ великій будучи.... вышелъ* (3). Мы видимъ въ этомъ посланіи уже болѣе являющіяся Формы Русскаго языка: *и*, также *я*, часто уже замѣняется *ь*, *щ—ч*: *хочешь; учнешь; поддатись; имѣть; вѣдаючи* (4); иностранныхъ словъ встрѣчается много: *прокураторы и лотрове и фалшеры; заховатн; обѣцуете; нехай* (5) и пр. Встрѣчается здѣсь то-же народный падежъ на *а*: *также и того не бывало, что Литвѣ Москва судити* (6).

Что касается до синтаксиса, то мы должны сказать тоже, что сказали и прежде, говоря о XV столѣтіи; относительно оборотовъ, порядка словъ и относительно періода надо замѣтить впрочемъ, что церковно-Славянскій синтаксисъ въ теченіи словъ становился проще, то есть не столько выдается отвлеченный, терявшій конецъ свой, періодъ, и кажется болѣе связи. Въ Русскомъ-же періодѣ въ посланіяхъ Іоанна замѣчательно, что тамъ, гдѣ онъ, оста-

(1) Древн. Росс. Вивл., т. XV, стр. 20. 25.
(2) Тамъ-же, стр 44. 58. 54.
(3) Древн. Росс. Вивл., т. XV, стр. 57.
(4) Тамъ-же, стр. 23. 28. 44. 45. 53.
(5) Тамъ-же, стр. 30. 34. 45. 46.
(6) Тамъ-же, стр. 74.

вляя общую сферу, свои разсужденія, гдѣ является церковно-Славянскій языкъ: («Въ нынѣшнемъ времяни ихъ же и слышаніе странно, а еже послѣдствовати святыхъ невозможно, но точію дивитися сихъ добродѣтелей высотѣ, яко-же мы не достизаемъ сихъ добродѣтелей и постническихъ трудовъ» (1))—начинаетъ говорить какъ лицо,—живой Русской языкъ выступаетъ со всею силою; напр: «А Шереметеву какъ назвати братіею? ано у него и десятой холопъ, которой у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучши братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велицыи свѣтилницы, Сергій и Кирилъ, и Варламъ и Димитрій, и Пафнутій, и мнози преподобніи въ Рустѣй земли, уставили уставы иночьскому житію крѣпостныя, яко-же подобаетъ спастися; а бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели» (2).—«Князь Иванъ Кубенской былъ у насъ дворецкой; да у насъ кушаніе отошло пріѣзжее, а всенощное благовѣстятъ; и онъ похотѣлъ тутъ повѣсти да испити, за жажу, а не за прохладъ; и старецъ Симонъ Шубинъ и иные съ нимъ не отъ болшихъ (а болшіе давно отошли по кельямъ), и они ему о томъ какъ бы шутками молвили: Князь Иванъ-су, поздо, уже благовѣстятъ; да сесь сидячи у поставца съ конца ѣстъ, а они съ другаго конца обираютъ, да хватился хлѣбнуть испити, ано ни капли не осталось, все отнесено на погребъ» (3).—Въ посланіяхъ Курбскаго къ Іоанну не видимъ мы такого рѣзкаго отпечатка народной рѣчи; но въ посланіяхъ Іоанна къ Курбскому, собственно во второмъ, находимъ мы ту-же простую рѣчь, какъ и въ другихъ его посланіяхъ: «Ты чего для понялъ Стрѣлецкую жену? Только бъ есте на

(1) Акты, ист., ч. 1, стр. 377.
(2) Акты ист., ч. 1, стр. 379.
(3) Акты ист., ч. 1, стр. 382.

меня съ попомъ не стали; но бъ того ничего не было: все то учинилося отъ вашего самовольства» (1).—«Что его достоинство къ Государству? которое его поколѣнье? Развѣе вашея измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ?» (2).—Здѣсь образовывается уже настоящій прекрасный слогъ, встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ оборотахъ у Курбскаго и у Іоанна. У Курбскаго: «Пока «рече, Юртъ стояше и мѣсто главное, идеже престолъ, «Царевъ былъ, потыя жъ до смерти браняхомся за Царя «и отечество; а нынѣ Царя вамъ отдаемъ здрава: ведите «его ко Царю своему! А остатокъ насъ исходитъ на широкое поле—испити съ вами послѣднюю чашу!» (3). — «Правду во истинну глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю» (4). У Іоанна: «Мы же хвалимъ за премногую милость, происшедшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницъ нашей единоплемянною кровію обагритися: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же Царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ» (5). — «Якоже рекосте: нѣсть людей на Русіи! некому стояти! — и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила Животворящаго креста, побѣдившая Амалика, и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ Животворящаго креста поклоняютъ главы

(1) Сказ. Кн. Курбскаго, ч. 2, стр. 112.
(2) Тамъ-же, стр. 113.
(3) Сказ. Кн. Курбскаго, ч. 1, стр. 41.
(4) Тамъ-же, стр. 43.
(5) Сказ. Кн. Курбскаго, ч. 2, стр. 14.

*

свои.» (1).—«А писалъ себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, кабы опаляючеся, посылали: ино нынѣ мы, Божіею волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были?» (2).

Но въ сочиненіяхъ именно свѣтскихъ, отчасти и духовныхъ, встрѣчаются слова новѣйшія, слова взятыя изъ жизни современной. Отдѣльныя личности, преданныя современной жизни, переходя въ область общаго и вмѣстѣ языка церковно-Славянскаго, приносили туда съ собой и эти чуждыя ему слова, запечатлѣнныя современностью, часто слова иностранныя, которыя дико являются, среди его формъ, такъ отрѣшенныхъ отъ всего преходящаго, историческаго, такъ отвлеченныхъ. Зданіе стояло, но внутри его уже не было такъ строго и чисто, какъ прежде; уже много посторонняго нанесено было туда, что, хотя и не разрушало самого зданія, но сильно противорѣчило съ его характеромъ. Мы видимъ это въ исторіи Курбскаго, въ его перепискѣ съ Іоанномъ и въ другихъ его письмахъ, также въ посланіяхъ самого Іоанна, но не въ такой степени. Въ посланіяхъ четырехъ Бояръ (см. выше), посланіяхъ, написанныхъ, какъ замѣтили мы, довольно просто, видимъ мы тоже чуждыя слова, которыя помѣщаются между словами и среди формъ языка церковно-Славянскаго. Мы видимъ это здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь.

И такъ въ XVI столѣтіи находя тѣже отношенія между языками, мы видимъ, какъ въ языкѣ Русскомъ, въ его

(1) Сказ. Кн. Курбскаго, стр. 113—114.
(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 114.

собственно памятникахъ выступаютъ болѣе ему принадлежащія формы, и какъ съ другой стороны въ еще сохраняющейся и самобытно стоящей сферѣ церковно-Славянскаго языка являются гораздо въ большемъ и возрастающемъ числѣ руссицизмы, ошибки, искаженія, чуждыя слова. Народъ былъ исключительно національенъ, не имѣлъ общаго, и языкъ его выражалъ только національность, не былъ и не могъ быть орудіемъ общаго, отъ него отвлеченнаго; языкъ-же церковно-Славянскій былъ выраженіемъ общаго, былъ отвлеченъ отъ народа. Другаго выраженія общаго не было; естественно, что индивидуумъ, восходя къ общему и отрѣшаясь отъ народа, переходя въ отвлеченный отъ него міръ, переходилъ въ сферу языка церковно-Славянскаго собственно, даже и потому, что другаго выраженія общаго не было, и вмѣстѣ приносилъ съ собою слова изъ своего случайнаго, историческаго и въ тоже время національнаго міра, и такимъ образомъ изкажалъ характеръ языка церковно-Славянскаго. Это ложь, которая происходитъ изъ взаимнаго отношенія той и другой сферы. (Здѣсь не было освобожденія индивидуума отъ національности; содержаніе, которое приносилось на основаніи только личнаго участія, не было общее; тогда какъ характеръ религіозный, котораго выраженіе былъ языкъ церковно-Славянскій, самъ въ себѣ есть общій, истинный, вѣчный).

Наконецъ наступилъ XVII вѣкъ, вѣкъ столько замѣчательный въ Россіи своими историческими событіями, переворотами, волненіями, вѣкъ, начинающійся Борисомъ и заключающійся Петромъ. Вторженіе насильственное, въ началѣ столѣтія, иностранцевъ со всѣхъ сторонъ въ Русскіе предѣлы; волненіе, всколебавшее всѣ города, села и деревни, отъ средоточія Москвы до самой крайней окружности, поднявшее народъ на защиту отечества; безпрестанно про-

буждающееся сочувствіе, пробѣгавшее по всей землѣ Русской отъ мѣста до мѣста; безпрестанныя вслѣдствіе того сношенія и воззванія другъ къ другу, сношенія и договоры съ врагами,—все это подарило намъ бездну драгоцѣнныхъ памятниковъ, много и много освѣщающихъ существо Русскаго народа, объясняющихъ историческія судьбы его, драгоцѣнныхъ и въ отношеніи къ языку. Результаты этихъ событій оказываются во все продолженіе столѣтія, пока Петръ внесъ еще разительнѣйшія особенности въ Россію и вмѣстѣ въ языкъ ея.

Въ началѣ столѣтія, при Борисѣ, видимъ мы такое-же отношеніе между языкомъ Русскимъ и языкомъ церковно-Славянскимъ, такое-же состояніе и того и другаго вообще. Въ прощальной грамотѣ Іова находимъ мы правильное съ небольшими изключеніями употребленіе склоненій церковно-Славянскихъ и вообще грамматики; напр: *Рускія Митрополія; нераздѣлимая Троица; Рускія земля; святая церкви; святыя церкве* (1) и пр.; но разумѣется встрѣчаются ошибки; напр: *Великія Государьини Царицы* (2) и др.; впрочемъ ошибокъ немного, и грамота, что́ уже встрѣчалось не часто, написана почти правильно церковно-Славянскимъ языкомъ. Тѣже особенности слога и языка находимъ въ другихъ государственныхъ грамотахъ; народный языкъ выдается въ нихъ все болѣе и болѣе.—Но скоро стройный порядокъ нарушился и царствованіе избраннаго (не всею землею) новаго Царя Василія Ивановича не было спокойно. Явился новый самозванецъ, предлогъ и причина возмущеній, ворвались Поляки, потомъ Шведы, изъ союзниковъ ставшіе непріятелями, народъ поднялся, возникли частыя сношенія и вмѣстѣ умножились грамоты; въ грамотахъ народныхъ

(1) Соб. Гос. грам. и дог., ч. 2, стр. 179. 180. 182. 184.
(2) Тамъ-же, стр. 181.

являлась народная рѣчь съ бо́льшими особенностями, съ болѣе выражающимся своимъ складомъ; примѣровъ множество, напр: *цѣловальникамъ; дѣламъ; сапогамъ; вѣстямъ* (1) и пр. и пр.; *на молебнахъ; о рубежахъ; въ судахъ; въ чернцахъ* (2) и пр. и пр.; *неводами; мужиками; съ стрѣльцами; противниками и врагами* (3) и пр. и пр., Можно сказать, что Русскія окончанія начинаютъ уже попадаться чаще или покрайней мѣрѣ столько-же, какъ и окончанія церковно-Славянскія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ упорно сохранялись послѣднія, въ случаяхъ, примѣры которыхъ мы сейчасъ привели. Такое, встрѣчающееся часто въ грамотахъ этого столѣтія, употребленіе Русскихъ окончаній, указываетъ ясно на то, что они употреблялись въ народѣ, и въ тоже время употребленіе церковно-Славянскихъ окончаній, напр: *пошлинникомъ; боляромъ; гонцѣхъ; въ полкѣхъ; ни которыми дѣлы; съ дворяны;* даже встрѣчается *намѣстницы* (4) (впрочемъ это употребленіе церковно-Славянскаго именительнаго встрѣчается очень рѣдко, собственно только въ оффиціальныхъ словахъ и особенно въ словѣ *намѣстники*)—указываетъ на то, что слѣдовательно это было принадлежностію собственно языка церковно-Славянскаго; ибо тутъ-же приводятся другія формы, этому языку несвойственныя. Мы находимъ въ это время, очень часто попадающееся, употребленіе творительнаго именъ женскаго рода, сходнаго съ именительнымъ, чего никогда не было въ языкѣ церковно-Славянскомъ и что встрѣтилось разъ даже у Нестора; напр: *и грамоты съ*

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 38. 51. 56. 221.
(2) Тамъ-же, стр. 89. 224. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 119. 279.
(3) Акты ист., ч. 2, стр. 105. 217. 246. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2 стр. 300.
(4) Акты ист., ч. 2, стр. 104. 115. 174. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2. стр. 186. 199. 204. Акты ист., ч. 2, стр. 75. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 122. 140.

нимъ никто не сослался; передъ боляриномъ и воеводы; обыскалъ.... посадскими старосты; рыбными ловли (1), и пр. и пр. Это подтверждаетъ мнѣніе, что такая форма падежа не была особенною формою, собственно тому падежу принадлежащею только въ именительномъ множественнаго именъ мужескаго и средняго рода и различавшеюся отъ именительнаго тонкимъ оттѣнкомъ *ы* отъ *и*, также перемѣною буквъ мягкихъ въ твердыя. Основаніе ея въ Русскомъ языкѣ было просто первобытное сходство съ именительнымъ всѣхъ падежей, соотвѣтственно сходству съ именительною формою (на *и*) въ винительномъ падежѣ единственнаго числа именъ женскаго рода; употребленіе чисто Русское и часто попадающееся. Это-же доказываетъ намъ часто встрѣчающееся въ грамотахъ уже съ давняго времени употребленіе именительной формы въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, напр: въ словахъ *съ обѣ стороны* (что находимъ и въ XVII столѣтіи: *съ обѣ стороны*, также *со всѣ стороны* (2)); двойственное должно было-бы быть *съ обою сторону*, множественное *съ обоихъ* или *съ обѣихъ сторонъ*; но здѣсь встрѣчаемъ мы просто именительную форму множественнаго числа. Замѣчательно появленіе предлога при словахъ, употреблявшихся безъ предлога; напримѣръ: *въ зимѣ* (3) и пр., тогда какъ употребляется въ другихъ случаяхъ безъ предлога, какъ прежде: *зимѣ* (4) и пр. Вообще Русская рѣчь является сильнѣе и сильнѣе, чаще и чаще съ своими формами, съ одной стороны освобождая ихъ отъ языка церковно-Славянскаго, съ другой стороны развивая ихъ самобытно, приближаясь къ современнымъ формамъ. Мы замѣчали

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 35. 63. 82. 100.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 281. Акты ист., ч. 2, стр. 211.
(3) Акты ист., ч. 2, стр. 84.
(4) Тамъ-же, ч. 2, стр. 89.

уже прежде особенности Русской рѣчи, еще не сильно, не часто являющіяся; здѣсь эти особенности уже являются гораздо сильнѣе и чаще; Русская рѣчь выступаетъ уже твердо въ этомъ столѣтіи, хотя конечно еще не вполнѣ, и въ письменности. Въ смутное время писались посланія отъ духовныхъ лицъ, и въ нихъ слышимъ церковно-Славянскій языкъ, иногда довольно строго и чисто являющійся; это находимъ мы въ привѣтствіи Благовѣщенскаго протопопа Димитрію Самозванцу (1); оно написано очень правильно и замѣчательно по своему содержанію; грамоты о молебствіи Митрополита Филарета (2) и др., въ самомъ началѣ XVII столѣтія, написаны съ слабымъ только оттѣнкомъ церковно-Славянскаго языка; формы Русской рѣчи встрѣчаются уже часто. Во время смутное междуцарствія особенно замѣчательны воззванія Патріарха Ермогена: онѣ написаны очень правильно по ц. с. (на пр: *помилуйте своя душа* (3) и пр.); одна встрѣчается только яркая ошибка: *на крылахъ* (4). Далеко не такъ правильно написаны воззванія Троицко-Сергіева монастыря Архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, напр: *гдѣ иноки Пречистой Богородицы; о подвигѣ* (5); встрѣчается даже употребленіе: *со многими воеводы* (6); въ одной грамотѣ встрѣчается даже дательный падежъ большею частію на *амъ;* напр: *Архимандритамъ и игуменамъ; дворянамъ* (7) и пр. и пр. Въ тоже время видимъ мы народныя грамоты, въ которыхъ находимъ характеръ и особенности собственно Русской рѣчи, что привели мы

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 383. 385.
(2) Тамъ-же, стр. 126. 136. 166. 168.
(3) Тамъ-же, стр. 287.
(4) Тамъ-же, стр. 291.
(5) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 239. 253.
(6) Тамъ-же, стр. 251.
(7) Собр. Гос. грам. и догов., ч. 2, стр. 577.

уже выше. Мы должны сказать нѣсколько словъ о синтаксисѣ этого времени; это время произвело много грамотъ народныхъ, не оффиціальныхъ, и также много грамотъ духовныхъ, живо устремленныхъ къ народу. Въ этихъ грамотахъ языкъ, хотя безъ дальнѣйшаго своего развитія, становился простъ съ одной стороны, съ другой все оставаясь народною рѣчью, не такъ отрывистъ, болѣе связенъ. Что касается собственно до Русскаго синтаксиса, то слова наши, сказанныя выше о немъ, продолжаютъ здѣсь подтверждаться; мы встрѣчаемъ здѣсь тѣже вольные, иногда замкнутые обороты (напр: «мы вамъ меньшіе болшимъ не указываемъ; сами-то можете своимъ премудрымъ Богомъ даннымъ разумомъ разсудити» (1) и пр. и пр.) и вообще туже свободу синтаксиса. Приведемъ нѣкоторые примѣры: «И вамъ бы господа, попамятуя Бога и Пречистую Богородицу и Московскихъ Чудотворцовъ, Петра, Алексѣя, Іону, собрався съ ратными людми и сослався съ околными городы и съ нами, итти къ царьствующему граду Москвѣ, на которые городы вамъ податнѣе; а мы, напередъ себя, отпустили изъ Нижнего Новагорода въ Володимеръ головъ съ сотнями, а съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ, Литву и Нѣмецъ, и многихъ людей, да голову стрѣлецкаго съ его приказомъ стрѣлцы, Февраля въ 8 день, а сами со всѣми людми, съ околными многими городы, и съ нарядомъ, за ними тотчасъ идемъ. И вамъ бы, господа, однолично поспѣшити походомъ, чтобъ намъ Московскому государьству вскорѣ помочь учинити. А съ Рязани думной дворянинъ Прокофей Ляпуновъ, а съ Колуги бояре, по ссылкѣ съ Сиверскими и съ Украйными городы, ко царьствующему граду Москвѣ на Полскихъ и на Литовскихъ людей пошли» (2).—

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 323.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 296.

«Будте съ нами обще, за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: толко коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; толко коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? (1)—И такую ихъ неправду, видя всѣ городы Московскаго государьства, сослався межъ собя, утвердилися на томъ крестнымъ цѣлованьемъ, что быти намъ всѣмъ православнымъ христіяномъ въ любви и въ соединеніи, и прежнего междусобства не счинати, и Московское государьство отъ враговъ нашихъ, отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христіянству отнюдь не чинити, и своимъ произволомъ на Московское государство Государя безъ совѣту всей земли не обирати (2).—А втретье мы къ нимъ писали, Генваря въ 20 день, Соли Вычегоцкіе съ посадцкимъ человѣкомъ съ Олешкою Лукинымъ, что они, по то число, ратныхъ людей къ Государю на помощь не посылывали; да и посю пору ихъ ратные люди мимо насъ не прохаживали, ни одинъ человѣкъ и Государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣютъ и не промышляютъ, и съ нами Усолцы о томъ Государевѣ о ратномъ дѣлѣ не совѣтуютъ, и то Государево великое дѣло ставятъ въ оплошку.—А пишутъ они Пермичи къ намъ и къ вамъ на Устюгъ ложно, словомъ, а не дѣломъ, все ставятъ въ откладку, чтобъ имъ ратныхъ людей не послати, и людей посылаютъ съ грамотками для вѣстей, чтобъ имъ за другимъ пробыти (3).—Да тотъ же день Черемисинъ сказалъ: пришла де изъ Казани Государева Царева и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Руссіи сила, Татаровя и Чуваша и Черемиса, двѣ тысячи да триста стрѣлцовъ

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 298.
(2) Тамъ-же, стр. 249.
(3) Акты ист., ч. 2, стр. 166.

Свіяжскихъ; а какъ де тотъ Черемисинъ отъ Царева поѣхалъ, и учало оружье говорити подъ Царевымъ, стала Казанская сила ко Цареву приступати; а Черемисинъ де для того въ Яранской и пріѣхалъ, выбирати Черемисы противъ Казанскіе силы, съ дыму по человѣку, и чаютъ дни, Генваря въ 26 день имъ изъ Яранскаго насылка будетъ (1).—И ты рѣчи были у насъ на Лобномъ мѣстѣ, въ суботу сырную, да и разъѣхались, иные въ городъ, иные по домомъ поѣхали, потому что враждующимъ поборниковъ не было, и въ совѣтъ ихъ къ нимъ не приставалъ ни кто; а которые и были не многіе молодые люди и онѣ имъ не потакалижъ, и такъ совѣтъ ихъ вскорѣ разрушился, и праведнымъ судомъ Божіимъ, вскорѣ постиже ихъ гнѣвъ Божій, и нападе на нихъ страхъ и ужасъ, и бѣжаша никимъ же гоними, отъ свѣта во тму и отъ живота въ смерть, и аще не обратятся и не покаются, будутъ во адѣ; солгалось про старыхъ то слово, что красота граду старые мужи, а тѣ старые и молодому бѣду доспѣли и за тѣхъ имъ въ день страшнаго Христова суда отвѣтъ дати» (2).—Иногда посланіе духовное пишется простымъ языкомъ и сохраняетъ только общій характеръ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно выдающіяся выраженія церковно-Славянскія; напр: въ грамотѣ Патріарха Гермогена: «Бывшимъ братіямъ нашимъ, нынѣ же и не вѣдаемъ какъ и назвати васъ, понеже во умъ намъ не вмѣщается сотворена вами, ни слухи наши никогда же таковыхъ пріяша, ни въ лѣтописаніяхъ видѣхомъ, каковая не вмѣстимое человѣческому уму содѣяшася вами; кто о семъ не удивится, или кто не восплачетъ? (3)— А вы, забывъ крестное цѣлованье, немногими людми воз-

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 169.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 200.
(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 287.

стали на Царя, хотите его безъ вины съ царства свесть, а міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не приставаемъ же» (1) и пр.—Иногда посланіе народное принимаетъ, мѣстами особенно, характеръ церковно-Славянской рѣчи; напр: «И мы боярамъ Московскимъ давно отказали и къ нимъ о томъ писали, что они, прелстяся на славу вѣка сего, Бога отступили и приложилися къ Западнымъ и къ жестосердымъ, на своя овца обратилися (2).—И великаго пресвѣтлѣйшаго отцемъ отца, Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи, съ престола сведечи, и въ нужной смертной тѣснотѣ держатъ, втораго Златоуста, исправляющаго по истиннѣ слово истинны и обличающаго несумѣтельнымъ безстрашіемъ, предателей и отступниковъ вѣры христіянскія, и многой безчисленной народъ христіянской лютой смерти предаша» (3).—Вообще надо замѣтить, что были какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ слова освященныя въ ихъ употребленіи временемъ, слова оффиціальныя, какъ мы назвали ихъ, они почти не измѣняются; и не только встрѣчаются слова, но цѣлыя выраженія, обороты, именно въ языкѣ церковно-Славянскомъ, которые переходили отъ одного къ другому, не измѣняя своей формы; въ вышеприведенныхъ примѣрахъ можно видѣть такія выраженія. Нельзя не замѣтить также, что въ смутное время нѣкоторые изъ Русскихъ предателей, передавшіеся Полякамъ, старались поддѣлываться подъ Польскій языкъ, что̀ является ясною, видимою уликою ихъ измѣны землѣ своей; напр: въ письмѣ Ѳедора Андронова Литовскому Канцлеру Сапѣгѣ: «А тожъ, милостивый пане, промежъ иншими рѣчми напотребнѣйши, чтобы какое войско въ тераз-

(1) Тамъ-же, стр. 290.
(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 301.
(3) Тамъ-же, стр. 315.

нѣйшій часъ подъ столицею задержало, Полскаго добраго гусара колонадцать ротъ, положився гдѣ въ певномъ мѣстѣ, чтобы ея съ своего табору, по весяхъ, яко товарыщъ, такъ и пахоликъ, нигдѣ не выѣзжалъ (1)».—Въ письмѣ печатника Ивана Грамотина Литовскому Канцлеру Сапѣгѣ же: «А о иныхъ нашихъ справахъ мовиломъ ширѣ съ его милостью съ паномъ старостою Велижскимъ. Прошу вашей милости, розскажъ ми себѣ ваша милость служити, а я барзо радъ» (2). Но такое изкаженное измѣнною слово является изключеніемъ.

Вообще языкъ этого времени, языкъ грамотъ, посланій духовныхъ лицъ и грамотъ народныхъ, прекрасенъ; выше мы уже привели много примѣровъ, изъ которыхъ можно судить о языкѣ; но это далеко не все, онъ является во многихъ мѣстахъ въ огромномъ количествѣ грамотъ этого времени, необыкновенно стройно и сильно, необыкновенно прекрасно.

Наконецъ весь этотъ періодъ волненій заключается *избранною* грамотою на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Эта грамота написана языкомъ церковно-Славянскимъ, по крайней мѣрѣ съ соблюденіемъ или лучше притязаніемъ на его окончанія и формы: (*Германстіи родове; и церковныя пастыря* (3) и пр.; являются формы церковно-Славянскаго прошедшаго времени глагола, и т. д.), хотя тутъ-же съ ошибками противъ нихъ; хотя въ ней видно притязаніе на языкъ церковно-Славянскій; но ошибокъ довольно: *а которые... недруги и непослушники* и пр.; *лѣтами* и пр.; *въ поведеніяхъ; въ своихъ государствахъ* и пр.; *мѣстамъ* (4) и т. п. Звательный

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 355.
(2) Акты ист., ч. 2, стр. 357.
(3) Собр. Гос. грам. и дог., стр. 601. 604.
(4) Тамъ-же, стр. 602. 599. 601. 602. 610.

падежъ встрѣчается здѣсь безъ своего отличія съ формою именительнаго (но не вездѣ): *о Святѣйшій Архіепископъ!* (1) и пр. Замѣчательно употребленіе народнаго падежа на *а*; напр: *разорити истинная нашя непорочная православная христіанская вѣра* (2). Синтаксисъ, или, скорѣе, порядокъ словъ, періодъ,—церковно-Славянскій, хотя является не во всей своей особенности, какой достигалъ онъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ; напр: *а благолѣпнымъ преложеніемъ, единаго Христа возлюби и восприимъ пресвѣтлый Ангелскій образъ, наслѣдія ради будущихъ вѣчныхъ благъ небеснаго царствія, и нареченна бысть во Ангельскомъ образѣ Александра* (3); впрочемъ въ это время мы не видимъ этого періода въ сочиненіяхъ принадлежащихъ къ религіозной сферѣ или вообще возвышающихся надъ исключительною національностію, въ такой отвлеченной, исключительной формѣ, въ какой онъ могъ являться.

Россія успокоилась, восторжествовавъ надъ насильственными притязаніями враговъ своихъ, которые хотѣли навязать ей свои взгляды, элементы и вмѣстѣ себя; но другимъ путемъ, не насильственно, не открыто, но сокровенно и тайно, льстиво вошли въ нее элементы Польскіе и вообще Западные; древній бытъ разрушался, покрайней мѣрѣ тогдашнее опредѣленіе Русскаго быта; тучи собирались, все предвѣщало грозу, долженствовавшую очистить воздухъ, вновь явить солнце еще ярче и прекраснѣе Такое современное состояніе слышится, кто хочетъ только быть внимательнымъ, и въ самомъ языкѣ времени, послѣдовавшаго за между-царствіемъ. Языкъ грамотъ носилъ на себѣ еще отпечатокъ древней оффиціальной Русской рѣчи, еще хра-

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 619.
(2) Тамъ-же, стр. 604.
(3) Тамъ-же стр. 603.

нилъ въ себѣ, извнѣ нѣкогда наложенныя формы церковно-Славянскаго языка (разумѣется, что русскизмы и образовывающіяся формы вмѣстѣ съ движеніемъ языка утверждались болѣе и болѣе), но въ то-же время въ немъ начинаютъ встрѣчаться (конечно рѣдко) слова иностранныя (*солдаты; роты; рейтары*) (1), странно противорѣчащія съ характеромъ слога, характеромъ, который между тѣмъ самъ изчезалъ болѣе и болѣе, и современная рѣчь чаще и чаще, но все еще внутри такъ сказать прежнихъ границъ, врывалась въ письменность. Мы можемъ указать на многіе примѣры и кромѣ грамотъ, на отчеты въ посольствахъ и путешествіяхъ, совершавшихся въ то время; напр: въ путешествіи Россійскаго посланника Ѳедора Исаковича Байкова въ Китай, также въ посольствѣ Чемоданова въ Венецію, видимъ мы уже рѣшительное преобладаніе формъ Русской рѣчи; напр: *мѣстами; кораблями; волами; городами* (2) и пр и пр: *на верблюдахъ и быкахъ; въ тѣхъ листахъ; приставахъ* (3) и пр. и пр.; *людямъ; посланникамъ; городамъ; ворамъ измѣнникамъ* (4) и пр. и пр.; употребленіе правильное (т. е. относительно церковно-Славянскаго языка) встрѣчается рѣже (*съ помники; людѣмъ; ѡ.... дѣлѣхъ* (5)); встрѣчается употребленіе сходное съ именительнымъ множественнаго въ творительномъ падежѣ множественнаго-же числа въ именахъ женскаго рода: *жили посланники.... за подводы четыре недѣли* (6) и пр.; множественное на *а*, перешедшее изъ двойственнаго, рѣшительно уже образовалось; напр: *три корабля; четыре чело-*

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 4, стр. 129. 361. 175. 389.
(2) Древн. Росс. Вивл., т. IV. стр. 125. 139. 150. 174.
(3) Тамъ-же, стр. 130. 177. 182.
(4) Тамъ-же; стр. 135. 184. 190. 266.
(5) Древ. Росс. Вивл., т. IV, стр. 134. 155. 225.
(6) Тамъ-же, стр. 178.

вѣка (1) и пр. и пр. Здѣсь также встрѣчаются иностранныя слова: *шкоду чинятъ; витались* (2) и пр.—Въ описаніи посольствъ Потемкина мы находимъ нѣсколько болѣе употребленія церковно-Славянскихъ формъ. Что касается до синтаксиса относительно оборотовъ (относительно порядка словъ, періода, онъ простъ, сухъ, скорѣе нѣсколько отрывистъ и не представляетъ ничего замѣчательнаго), то мы видимъ въ немъ тѣ особенности Русскаго языка, которыя встрѣчали и прежде; напр: *посмотрѣть монастырскаго строенія* и пр; *хто пьянъ начальныхъ людей* (3) и т. п.— Мы должны упомянуть еще о замѣчательномъ сочиненіи Кошихина о Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича, въ которомъ находимъ тотъ-же самый языкъ, тѣ-же самыя формы и особенности Русской рѣчи, являющіяся уже часто вмѣстѣ съ формами языка церковно-Славянскаго, что̀ видимъ и въ другихъ сочиненіяхъ (*во всякихъ дѣлахъ; въ модяхъ; по тѣхъ родахъ; съ младенцами; боярами; листами; послахъ; по селамъ; ворамъ*) (4) и т. п; нѣкоторыя слова, какъ напр: *полкъ, походъ, съѣздъ, городъ* и др, соблюдаютъ окончаніе церковно-Славянское въ этихъ падежахъ, особенно въ предложномъ; другія-же, какъ: *лѣсъ, письмо, озеро, столникъ* (5) и пр. не соблюдаютъ. Разумѣется въ этомъ сочиненіи бѣглеца и измѣнника встрѣчается болѣе чѣмъ у другихъ иностранныхъ словъ; напр. *потентатъ, вахта* (6) и пр. — Эта противуположность новыхъ, иностранныхъ словъ и оборотовъ съ древнею Русскою рѣчью еще не такъ

(1) Тамъ-же, стр. 152. 155.
(2) Тамъ-же, стр. 181. 325.
(3) Древн. Росс. Вавл., т. IV, стр. 311. 209.
(4) О Россіи, въ царствованіе Алексія Михаиловича, современное сочиненіе Григорія Кошихина. Спб. 1840. стр. 2. 3. 18. 2. 19. 80. 48. 66. 79.
(5) Тамъ-же, стр.
(6) Тамъ-же, стр. 43. 71.

ярка здѣсь, но несравненно ярче выступаетъ она въ языкѣ собственно церковно-Славянскомъ. При дворѣ Алексія Михаиловича уже явились попытки поэзіи внѣ національныхъ пѣсенъ: явленіе не живое само по себѣ, свидѣтельствовавшее только о разрушеніи сферы національной; но такъ какъ все, что возвышалось надъ народною сферою, не было причастно народу, было отвлеченно отъ него, и выражалось на языкѣ церковно-Славянскомъ; такъ и эти поэтическія попытки, комедія и другія сочиненія, въ которыхъ тоже выражалось отвлеченное отъ народа, хотя скорѣе формально, отрицательно, общее содержаніе, писались на церковно-Славянскомъ-же языкѣ. Но именно здѣсь всего поразительнѣе выступаетъ въ языкѣ состояніе того времени. Языкъ церковно-Славянскій имѣлъ всегда и не потерялъ своего отвлеченно-важнаго, великаго значенія; и такъ не измѣнившись еще съ этой стороны, онъ становится орудіемъ произвольныхъ вымысловъ, своими священными формами облекаетъ шутки и насмѣшки; поразительно звучатъ въ немъ, рѣзко противополагаясь съ его характеромъ и формами, тривіальныя народныя и иностранныя слова и выраженія, на которыхъ лежитъ печать современности, мимо-текущаго *теперешняго* времени, которыя врываются именно въ языкъ, отвлеченный отъ преходящаго, отъ настоящей бѣгущей минуты, ибо онъ преданъ отвлеченному общему. Такое положеніе языка указываетъ на то, что уже колебалась національная сфера, надъ которой отвлеченно возносилось общее и языкъ его, и что общее странно еще и отрицательно, пробуждалось въ самой Россіи, въ народѣ, и вмѣстѣ выражаясь въ словѣ, являлось въ языкѣ, назначенномъ общему; но дико и отрицательно, смѣшанно и рѣзко, противоположно является оно тамъ съ грубою, живою народностью, перемѣшивая съ ея выраженіями общія, важныя, отвлеченныя формы И странный видъ приняло здѣсь тогда сло-

во, странныя противорѣчія, диссонансы явились въ немъ; оно пестрѣетъ безъ порядка нарушающими единство формами и выраженіями. Этотъ безпорядокъ, это странное, будто-бы разрушающееся состояніе указываетъ на новый порядокъ, на новую жизнь, уже ближущуюся и смутившую прежнее состояніе, еще пребывавшее, — но съ тѣмъ, чтобъ внести новый порядокъ, новое состояніе вообще въ Россію, въ жизнь ея и вмѣстѣ также въ самое слово, языкъ, слогъ. Вотъ примѣры такого состоянія языка, о которомъ мы сейчасъ сказали, въ комедіи Навуходоносоръ, принадлежащей Симеону Полоцкому; эта комедія отличается особенною веселостью.

Нееманъ.

»....И они да возложатъ на большую главу, яже между сими безразумными главы обрѣтаетца, коруну (1).

Сомнасъ.

Одежду отъ нея взявъ про себя быхъ держалъ, но дѣву моему милостивому Господину Капитану дарилъ быхъ.

Мосолламъ.

....Капитаны и вси начальники, солдаты, и вси воинскія люди, послушайте вельможнѣйшаго Воеводы нашего Олоферна повелѣнія... Воевода хощетъ самъ генеральной смотръ учинити. Дерзайте, дерзайте ко нарочитой войнѣ; живи Навуходоносоръ!... Слыши товарище, тамо слышимъ

(1) Древн. Росс. Вивл., т. VIII, стр. 193.

желанія нашего. Барабанщикъ! ары, пріими есчюкъ за тое радостную вѣсть (1).

Салманъ.

Тихо, тихо! се тамо войсковой маршалокъ! (2),

Сполохъ, Дворяне, сполохъ, сполохъ! (3).

Сусакимъ.

Азъ есмы отъ природы моея доброй Ковалеръ и Господина Порутчика Ванея отъ кладязевъ нашихъ сюда даже въ домъ его проводилъ; но во Веѳуліи градѣ весьма грубо гордые люди обрѣтаются, которые Ковалера въ малой чести имѣютъ, понеже нихто мя не хочетъ нынѣ паки назадъ на станъ мой проводити.

Ванея.

На висѣлицу ты, собако! тамо тебѣ майстеръ Никель, се есть палачь, въ провожатыхъ постановленъ есть.

Ахіоръ.

Но ты Генеральной Воевода всѣхъ измѣнниковъ, можеши еще тако пересмѣхати; знаеше-ли еще меня? (4).

Гоѳоніилъ.

Господине мой Ахіоръ! вся, о нихъ же просиши, не имать быти ти отказано. Солдаты! возмитежъ тогда его,

(1) Древн. Росс. Вивл., т. VIII, стр. 198 — 199.
(2) Тамъ-же, стр. 223.
(3) Тамъ-же, стр. 272.
(4) Тамъ-же, стр. 281.

и поведите его къ спекулатору къ Доеху; къ утрію глава ему да усѣчена будетъ, тебѣ-же измѣнниче краткое дѣйство учинится (1).

Мы должны упомянуть еще о стихахъ Сильвестра Медвѣдева, написанныхъ силлабическимъ размѣромъ, который принесъ къ намъ съ юга Россіи; напр. о стихахъ его къ Царевнѣ Софіи Алексіевнѣ, при вручепіи ей привилегіи на Академію, въ нихъ видимъ много соблюденныхъ тонкостей церковно-Славянскаго языка, но самые стихи и вмѣстѣ употребленіе иностранныхъ словъ и словъ новѣйшихъ, и обороты измѣняютъ уже важный характеръ церковно-Славянскаго языка, которымъ написано это посланіе. Вотъ примѣръ:

Тако любезный ти братъ Ѳеодоръ Царь,
Мудростилюбецъ, великій Государь,
Яко-бы злато многое собралъ есть,
Академій Привиліи создалъ есть.
Но не изволя Богъ той укрѣпити
Ему, и славу ону улучити;
Благоволя бо тебѣ оставити,
И то начало дѣломъ совершити.
Мудрости бо ти имя подадеся,
Грекамъ Софія мудрость наречеся:
Тебѣ бо слично науки начати;
Яко премудрой оны совершати (2).

Въ сочиненіяхъ собственно религіозныхъ не встрѣчая такой рѣзкой противоположности, мы видимъ иногда еще удержанными формы и характеръ церковно-Славянскаго языка, иногда видимъ, какъ формы Русскія замѣняютъ въ

(1) Древн. Росс. Вивл. ч. VII, 284.
(2) Тамъ-же, ч. VI, стр. 395.

немъ формы собственно ему принадлежащія; напр: въ прощальной грамотѣ Россійскаго Патріарха Іоасафа встрѣчаемъ мы: *на седьми соборахъ; на.... боярѣ; въ.... городахъ*; также: *дѣтямъ; людямъ; старцамъ; правиламъ* (1) и т. п.; замѣчательна также ошибка: *въ осадьхъ* (2) — Въ другихъ сочиненіяхъ видимъ мы тоже самое, съ примѣсью еще иногда Малороссійскаго и чрезъ него отчасти Польскаго и вообще южнаго оттѣнка въ языкѣ; это видимъ мы у Игнатія Іевлевича, у Симеона Полоцкаго и пр.

Но церковно-Славянскій языкъ того времени выразился во всей возможной чистотѣ въ сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго; здѣсь явился онъ очищенный, изящный, но такой, какой онъ былъ въ то время, въ XVII столѣтіи; это былъ современный церковно-Славянскій языкъ. Въ языкѣ Димитрія Ростовскаго встрѣчаемъ мы множество формъ языка Русскаго; даже можно сказать, что послѣднія берутъ рѣшительный перевѣсъ; но нѣтъ грубыхъ ошибокъ, затемнявшихъ смыслъ, невѣрно написанныхъ словъ; напротивъ, все то, что тамъ встрѣчается, употребляется твердо и опредѣленно. Это придаетъ слогу уже характеръ чего-то образовавшагося; но этотъ слогъ изящный и стройный, нисколько не церковно-Славянскій языкъ; онъ не показываетъ, какъ другіе памятники, броженія слова; ибо въ немъ, какъ мы сказали, употребленіе твердо и опредѣленно; но именно въ этой уже удержанности такъ сказать слога, именно при этомъ характерѣ красоты являются намъ все искаженіе и неправильности собственно церковно-Славянскаго языка, всѣ измѣненія противъ существа его, вошедшія, допущенныя въ него, ибо они являются въ

(1) Древн. Росс. Вивл., т. VI, стр. 339. 341. 344. 342. 344. 346.
(2) Тамъ-же, стр. 343.

немъ уже въ изящномъ слогѣ. Однимъ словомъ, состояніе языка церковно-Славянскаго въ то время, состояніе искаженное находимъ мы въ слогѣ Димитрія Ростовскаго, но выразившееся вмѣстѣ опредѣленно при стройности и изяществѣ формъ и изложенія. Мы можемъ привести множество примѣровъ: его сочиненія многочисленны. Въ *Розыскѣ о Брынской вѣрѣ* онъ употребляетъ уже преимущественно окончаніе на *ахъ* тамъ, гдѣ въ церковно-Славянскомъ на *ѣхъ*: *таинствахъ; обрядѣхъ; соборахъ; правилахъ; часахъ; о усахъ* (1) и пр. и пр.; также на *ами*: *чинами; чудотворцами; мѣсяцами; лѣтами; вѣками; мѣстами* (2); на *амъ* вмѣсто *омъ*: *яблокамъ; рѣчамъ; правиламъ; къ веществамъ; словесамъ; обрядамъ; попамъ* (3); встрѣчаются, но рѣдко, большею частію въ однихъ и тѣхъ же словахъ, употребленія церковно-Славянскія; напр: *во градѣхъ и селѣхъ; предъ человѣки* и пр.; *христіаномъ* (4) и пр. Здѣсь соблюдается довольно правильно (разумѣется и съ ошибками) именительный множественнаго съ его отличіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ: *святіи Апостоли; иноцыи; мученицы бо первіи* (5). Замѣчательно правильно сохраняется родительный падежъ на *е* единственнаго числа въ извѣстныхъ случаяхъ; напр: *до времене; всея по вселенныи сущія церкви* (6). Сохраняются (но не всегда) и другія тому подобныя особенности языка церковно-Славянскаго. Замѣчательны нѣкоторыя ошибки: двойственное

(1) Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ. Кіевъ. 1748 года. лист. 14. 34. 36. 206. 299. об.

(2) Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ. Кіевъ. 1748. лист. 76. 77. 205. об. 248 об.

(3) Тамъ-же, лист. 8 об. 31. об. 48. 74. об. 90. 267. 286. об.

(4) Тамъ-же, лист. 245. 326. 217.

(5) Тамъ-же, лист. 129. 157. 226.

(6) Тамъ-же, лист. 16. 114.

часто не соблюдается (*двѣма рыбами*) (1), употребленіе числительныхъ вѣроятно отъ изчезанія двойственнаго и перехожденія его формъ въ числительныя, принимаетъ странный оборотъ; напр: *пять хлѣби; пятьма хлѣбами* (2). У Димитрія Ростовскаго видимъ мы уже болѣе развившійся падежъ родительный на *овъ* въ именахъ мужескаго и средняго рода; напр: *Апостоловъ; учениковъ* (3) и пр. и пр., такъ что это окончаніе на *овъ* является какъ рѣшительная неправильность и противъ Русскаго языка въ словѣ: *невѣждовъ, невѣжевъ* (4). Замѣчательно также употребленіе словъ иностранныхъ и словъ соплеменныхъ, но чуждыхъ; напр: *еговымъ оружіемъ; церемоній церковныхъ* (5). Вообще же языкъ Димитрія Ростовскаго очищенъ и прекрасенъ.

Что касается до синтаксиса того времени, то особеннаго сказать мы ничего не можемъ ни касательно собственно оборотовъ, ни относительно порядка словъ, періода. Въ этомъ столѣтіи, съ возшествіемъ на престолъ Романовыхъ, видимъ мы въ слогѣ тоже, что и прежде, а характеръ отрывистой рѣчи сохраняется еще въ грамотахъ, имѣющій, какъ мы сказали, оффиціальное значеніе; въ другихъ сочиненіяхъ мы хотя видимъ Русскую живую рѣчь, но не видимъ отрывистаго характера грамотъ оффиціальныхъ. Примѣромъ Русской простой рѣчи, хотя перемѣшанной иногда съ церковно-Славянскими формами, почти разговорной, могутъ служить письма и посланія Алексія Михаиловича: «И посидя немного я всталъ и его поднялъ, и такъ его почало знобить, не смогъ и «Достойно» проговорить, «Сла-

(1) Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ. Кіевъ. 1748. лист. 321 об.
(2) Тамъ-же, лист. 321 об.
(3) Тамъ-же, лист. 89.
(4) Тамъ-же, лист. 39. об. 326.
(5) Тамъ-же, лист. 181 об. 266.

ву» проговорилъ съ отпускомъ насплу; да началъ ко мнѣ прощенія говорить, что говорятъ въ среду на страстной, и я ему отвѣщалъ по уставу, да самъ почелъ прощеніе къ нему творить да поклонился въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ да благословилъ меня да велѣлъ себя весть провожать меня, а ноги те волочитъ на злую силу; и я сталъ, и учалъ его ворочать: «воротися, государь, ей пуще тебѣ будетъ»; и онъ мнѣ жалуетъ говоритъ: «ино су я тебя и въ другоредь благословило»; и я молвилъ: «пожалуй-же, государь великій святитель, благослови и третицею»; и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословитъ и руку даетъ цѣловать и въ херувимъ; и я благословясь да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ ногу, и онъ смотря на меня благословляетъ и прощаетъ, да и воротился, да и провели его въ заднія кельи, а я пошелъ къ себѣ» (1). — Или еще: «А денги онъ государь копилъ, только которые камки и отласы и всякіе дары, и мои и ваши святительскіе и всякіе приносные, немного держалъ у себя, со сто или съ двѣсти аршинъ, а то все отдавалъ въ домовую казну, да денги по оцѣнкѣ за всякой аршинъ ималъ въ келыо, да на тѣ деньги хотѣлъ себѣ купить вотчину и дать по себѣ въ соборъ и передъ смертыо дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ; а я купить безъ его именнаго приказу не смѣлъ, роздалъ болшую половину бѣднымъ прямымъ на окунь, которымъ ввѣкъ откупиться нечимъ, да въ монастыри бѣдные, и достальніе туды же пойдутъ. Да и въ томъ меня, владыко святый, прости: немного и я не покусился инымъ судамъ, да милостіо Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыко святый, у меня столько, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 4, стр. 19.

Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ?» (1).

Въ сочиненіяхъ, писанныхъ церковно-Славянскимъ языкомъ, какъ замѣтили мы уже и выше, не встрѣчаемъ мы періода въ такой отвлеченности, въ какой онъ являлся прежде; синтаксисъ, порядокъ словъ, періодъ становится простъ; какъ будто по воспоминанію употребляется въ извѣстныхъ мѣстахъ отвлеченный, длинный періодъ церковно-Славянскій. Напр:

«Отнюду-же убоявся азъ грѣшный смертнаго и внезапнаго посѣщенія страшныхъ и безконечныхъ оныхъ мукъ, яко истинный рабъ вышняго Бога, исполнитель вѣры и закона, вся привременная и тщетная міра сего прелестнаго возненавидѣхъ, ко онымъ-же привѣчнымъ и неразоряемымъ небеснаго Іерусалима мыслію тремусихся обителемъ, по Божественному Апостолу глаголюще: Не имамы здѣ града, но грядущаго взыскуемъ» (2). — Или еще столько разъ встрѣчавшееся выраженіе:

«Да соблюдеши во вѣки неподвижиму и непоколебиму православную нашу чистую и непорочную Христіанскую Греческаго закона вѣру, яже во всей вселенней яко солнце сіяетъ православіемъ повсюду, и во странахъ скипетродержавства великаго вашего Царскаго благородія и величества» (3).

Сверхъ того въ сочиненіяхъ, писанныхъ по церковно-Славянски, но принадлежащихъ къ свѣтской сферѣ, сферѣ еще формально общей, образовался уже очень у прощенный синтаксисъ, относительно собственно порядка словъ, періода, хотя все синтаксисъ церковно-Славянской. Въ вы-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 4, стр. 85.
(2) Древн. Росс. Вивл., т. 6, стр. 338—339.
(3) Древн. Росс. Вивл., ч. 6. стр. 349.

шеприведенныхъ примѣрахъ изъ комедіи: «Навуходоносоръ» можно видѣть образецъ этого синтаксиса. Что касается до синтаксиса св. Димитрія Ростовскаго, то въ его сочиненіяхъ, принадлежащихъ къ духовной сферѣ, образовался чрезвычайно стройный, не отвлеченный, простой, прекрасный синтаксисъ (порядокъ словъ, періодъ), но все въ предѣлахъ церковно-Славянскаго языка и все носящій на себѣ его отпечатокъ, въ оборотахъ покрайней мѣрѣ. Это не была разговорная, живая рѣчь, но это не былъ отвлеченный, темный періодъ; это былъ связный и прекрасный, простой, въ тоже время письменный слогъ. — Приближаясь къ языку простому національному, св. Димитрій Ростовскій приблизился и въ синтаксисѣ къ разговорному, понятному характеру слога, и оставилъ отвлеченные длинные періоды, въ которыхъ наконецъ почти изчезалъ смыслъ; и вообще языкъ, принимая болѣе въ себя и положительные элементы народной рѣчи, приближался къ синтаксису разговорному, если и не становился языкомъ собственно Русскимъ, какимъ онъ является въ народныхъ и государственныхъ грамотахъ съ большими или меньшими оттѣнками, налагаемыми письменностію. Вотъ примѣры синтаксиса въ сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго, который является здѣсь опять представителемъ церковно-Славянскаго языка того времени со всѣмъ его изяществомъ, не мѣшающимъ впрочемъ церковно-Славянскому языку, какъ именно церковно-Славянскому, быть искаженнымъ.

Въ Розыскѣ о Брынской вѣрѣ: Часть 1, глава 5: »Егда убо кланяемся иконѣ святѣй, кланяемся не дскѣ, ни вапамъ, ни переводамъ, ни ветхости, ни новости, понеже не вещества въ иконѣ ищемъ, ни вещество во иконѣ почитаемъ, но на святыню взираемъ, святыню почитаемъ, и изображенію начертаннаго поклоняемся. Кое наше покло-

неніе по святаго Василія великаго извѣствованію, восходитъ, на первообразное, на того иже на небесѣхъ есть» (1).

Часть 2, глава 16: «Время, есть мѣра видимаго сего міра, и жизни нашея, и всѣхъ дѣемыхъ въ поднебесной, по Божію устроенію, мѣримая денми, мѣсяцами, лѣтами, вѣками сотенными, и вѣками тысящными. Дѣлится же время на три части: на мимошедшее, настоящее и будущее. Мимошедшее время вѣмы яко бѣ, но уже преиде и погибе, ниже бо возвратится когда. Будущаго же времени чаемъ, но не вѣмы каково то будетъ. Настоящее же мнимся имѣти, но ни сего имамы кромѣ единаго краткаго часца глаголемаго: нынѣ. Нынѣ есть, и абіе нѣсть, прейде бо паки и настанетъ нынѣ, паки и то преходитъ: яко же въ дѣлаемыхъ и настрояемыхъ часахъ минуты, едина по другѣй идетъ не становяся: и якоже въ текущей колесницѣ колесо не стоитъ на единомъ мѣстѣ, но съ мѣста на мѣсто течетъ не удержаваемо: сице настоящее жизни нашея нынѣ, нѣсть стоящо, но непрестанно текущо. И есть то наше нынѣ, аки предѣлъ между мимошедшимъ и грядущимъ временемъ: мимошедшее окончаваяй, грядущее же начинаяй. И аки въ книзѣ и строкѣ точка между реченіями раздѣляющая, едино реченіе оканчающая, другое же начинающая. Но точка на единомъ стоитъ мѣстѣ, наше же настоящее время глаголемое нынѣ, не вѣсть стояти, но выну течетъ, аки капля нѣкая въ низъ текущая, и черту по себѣ оставляющая, на преднее же простирающаяся, донелѣ же оскудѣетъ и изсохнетъ» (2).

Въ родѣ повѣствовательномъ: Часть 3, глава 10: «Въ таже времена, во уѣздѣхъ Кинешемскомъ и Решемскомъ, и на плесѣ, явишася иніи раскольники глаголеміи подре-

(1) Листъ 23.
(2) Об. 205 листа, 206 листъ и на об.

шетники, нареченніи тако отъ учителя своего, его же имѣяху нѣкоего поселянина прозываемаго Подрешетниковъ, иже послѣдуя ересіарху Капитону, учаще людей не ходити въ церковь Божію, ни отцевъ духовныхъ имѣти, ни къ благословенію іерейскому приходити, и всѣхъ таинствъ церковныхъ чуждатися. Тіи сами въ домѣхъ своихъ твораху нѣкія церковныя службы по чину іерейскому, неосвященни бывше, и младенцы крещаху. Причастіе же у нихъ бяше нѣкое волшебно, не хлѣбъ, но ягоды изюмъ глаголемыя, чарованіемъ напоенныя, ихже причащахуся чиномъ сицевымъ: изберутъ отъ между себе едину дѣвку, и въ подполье избы введше ю, въ цвѣтное платье нарядятъ. Та, по часѣ, исходитъ изъ подполья, носяще на главѣ своей решето покрытое чистымъ платомъ, въ решетѣ же ягоды изюмъ. А во избѣ множество собравшихся мужей и женъ и дѣтей. Вышедши убо изъ подполья дѣвка съ решетомъ на главѣ своей носимымъ, глаголетъ по подобію іерейскому: Всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Они же поклонившеся отвѣщаютъ, аминь. Сіе же дѣвка оная глаголетъ трижды, а они трижды, аминь отвѣщаваютъ. И потомъ дѣвка та даетъ имъ то богохулное приношеніе, вмѣсто причащенія святыхъ таинъ. Вкусившіе же отъ тѣхъ ягодъ, абіе желаютъ себѣ смерти аки бы за Христа, или сожещися, или удавитися, или въ водѣ утопитися, аки изступленіи отъ ума. И многіе тако себѣ сами погубили» (1).

Часть 3, глава 11: «Въ предѣлѣхъ Нижняго Новаграда, обрѣтаются села дворцовыя, Княгинино прозваніемъ, и Мурашкино. Отъ тѣхъ селъ, и отъ окрестныхъ слободъ и деревень, собравшеся множество мужей и женъ со дѣтьми, приуготовашася сожещися на гумнѣ нѣкоемъ

(1) Листъ 489 на об., 490.

во овинѣ, и причастившеся своего волшебнаго причастія, повязашеся тонкими вервами по два и по три въ снопы, оставиша же отъ между себе двухъ человѣкъ, на то, дабы огнь подложили и возжгли ихъ. Человѣцы же тіи, аще и пріяше въ руцѣ свои причащеніе ихъ, но не снѣдоша, Богомъ соблюденни бывше, на увѣданіе погибели окаянныхъ оныхъ мучениковъ демонскихъ. Егда же тіи два возжгоша огнь, и обятъ пламень весь овинъ оный, и хотяху уже и сами тіи два въ разгорѣвшійся огнь себе вринути на сожженіе: абіе узрѣша верхъ пламене въ дыму двухъ бѣсовъ черныхъ по подобію Еѳіоповъ по воздуху летающихъ, крилѣ имѣющихъ яко нетопыри, радующихся и плещущихъ руками, и вопіющихъ гласно: Наши, наши есте То бѣсовское надъ погибшими радованіе она два человѣка узрѣвше, содрогнушася и рѣша другъ ко другу: Видите ли брате како погибаемъ отъ ученія проклятаго; и начаша крестное знаменіе на себѣ творити, и бѣжати оттуда. Пришедши же къ священнику веси своея, исповѣдаша ему вся, и каяшася. Не точію же священнику, но и всѣмъ прочымъ съ плачемъ повѣдаху то, еже видѣша надъ погибшими бѣсовское радованіе. И благодаряху Бога избавившаго ихъ отъ тоя погибели» (1).

Наконецъ настало новое время; то, чего признаки уже являлись прежде, наконецъ наступило. Явился Петръ. Въ первой части нашего разсужденія опредѣлили мы его значеніе въ Исторіи Русской, и это значеніе въ исторіи народа осуществилось, и должно было необходимо осуществиться въ языкѣ; и языкъ слѣдовательно долженъ былъ испытать и выразить характеръ этой эпохи. Вмѣстѣ съ началомъ отрицательно чуждаго вліянія и языкъ подвергся той-же участи. Цѣлый потопъ иностраннаго хлынулъ

(1) Лист 491. 492.

къ намъ съ Запада. Русской языкъ быстро наводнился иностранными словами и оборотами, часто безъ нужды употребляемыми; слово, которое служило Петру, вся государственная письменность, всѣ сочиненія, проповѣди, все что подверглось его образованію, звучало чуждыми, невразумительными звуками; и все это повершилось иностраннымъ именемъ, названіемъ новой столицы, созданной Петромъ, въ которой такъ чудно встрѣтились дѣло съ словомъ, и опредѣлили вмѣстѣ характеръ города. Кромѣ развѣ пѣсенъ, разговора, да и то (если сказать навѣрное) разговора простаго народа, и еще, можетъ быть, монаховъ, пишущихъ въ своихъ трапезахъ (въ кельяхъ писать было запрещено указомъ), сказанія или духовныя сочиненія, все приняло чужой, иностранный видъ. Слогъ грамотъ, бумагъ оффиціальныхъ и пр., который былъ до Петра Великаго, измѣнился разумѣется сообразно съ направленіемъ времени и съ внутреннимъ содержаніемъ государственной письменности. Еще до Петра Великаго, какъ мы уже сказали, попадаются въ бумагахъ оффиціальныхъ иностранныя слова, хотя и не въ большомъ числѣ. Это уже предвѣщало имѣющее наступить потомъ время, это входило уже какъ разрушеніе стараго, (что совершалось и въ жизни современной), но сила была еще не на той сторонѣ; наконецъ время переворота рѣшительнаго наступило. Мы встрѣчаемъ однако нѣкоторую постепенность; языкъ грамотъ не вдругъ измѣнился и не вдругъ представилъ изъ себя странную смѣсь, выставку иностранныхъ словъ, которая такъ поразительно является послѣ. Въ 1699 году Января 30 вышелъ указъ о бурмистрахъ, утвердившій законно это имя въ Русской письменности (1); Ноября 17, того-же года, указъ объ именованіи бурмистрской палаты Ратушею (2);

(1) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. III, стр. 598, № 1674.
(2) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. III, стр. 669 № 1718.

1700 года Февраля 18 Окольничаго Языкова велѣно писать Генералъ-Провіантомъ (1); того-же дня и года боярина Князя Долгорукаго писать Генераломъ-Коммиссаромъ (2). Вмѣстѣ съ этими словами, названіями должностей, оффиціальными, входили слова иностранныя, просто, употребленія ради; такъ встрѣчается въ указѣ 1700 г. Іюня 17 слово: *копіи* (3) Въ договорныхъ статьяхъ Января 12 1701 г. читаемъ: *азъ нижеименованный Его Царскаго Величества ближній бояринъ и Посольской Канцеляріи Президентъ* (4). Далѣе въ указѣ Декабря 16, 1702 г. упоминается слово: *куранты* (5). Наконецъ 1703 г. Мая 10 (6) Петру Великому была поднесена грамота, и какъ грамота отъ новопреобразованныхъ Русскихъ своему преобразователю (желавшихъ сдѣлать ему пріятное), она вся почти пестрѣетъ иностранными словами, которыхъ въ такомъ количествѣ еще досель не встрѣчалось. Вотъ эта грамота: «*Капитану бомбардирскому*, за взятіе непріятельскихъ двухъ кораблей данъ воинскій *орденъ* святаго Апостола Андрея, въ походной церкви, послѣ отданія благодаренія Богу за тотъ надъ непріятелемъ одержанный *авантажъ*; тотъ орденъ положилъ на него *Г. Капитана* Великій *Адмиралъ* и *Канцлеръ Графъ* Головинъ, яко первый того ордена *кавалеръ*. За тужъ службу таковымъ-же образомъ и *Генералъ-Губернаторъ* Александръ Даниловичь Менщиковъ учиненъ *кавалеромъ* реченнаго *ордена*.» — Въ 1703 году Іюня 28 (7), въ трактатѣ между Государемъ Петромъ Пер-

(1) Тамъ-же, т. IV, стр. 13, № 1764
(2) Тамъ-же, т. IV, стр. 14, № 1766.
(3) Тамъ-же, т. IV, стр. 59, № 1794.—*А сказки изъ крѣпостей копіи писать въ тѣже тетради.*
(4) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 129, № 1824.
(5) Тамъ-же, т. IV, стр. 201 № 1921.
(6) Тамъ-же, т. IV, стр. 216, № 1931.
(7) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 230 № 1934

вымъ и Рѣчью Посполитою Великаго Литовскаго Княжества, заключеннымъ бояриномъ Ѳедоромъ Головинымъ, читаемъ мы: «Азъ нижеименованный, Его Священнаго Царскаго Величества Ближній Боярин и Адмиралъ и Государственной Посольской Канцеляріи Верховный Президентъ и Намѣстникъ Сибирской и Кавалеръ» Наконецъ Іюля 31 1703 г. упоминается *Петербургъ* (1), еще новое иностранное слово. Слова иностранныя продолжали входить все болѣе и болѣе, то, какъ сказали мы, опираясь на оффиціальномъ значеніи, или на фактическомъ, то просто употребленія ради, — и пестрили Русскую рѣчь. Въ томъ-же году, въ указѣ Сентября 1 (2) читаемъ: «Великій Государь указалъ: городы Пѣшехоны, Бѣлоозеро, Каргополь съ уѣзды, всякими доходы вѣдать къ Олонецкой верфи, гдѣ Корабли строятъ, кавалеру и Губернатору А. Д. Менщикову. И тѣхъ городовъ воеводамъ, чрезъ повелѣнія его кавалера и Губернатора, отъ Олонецкаго Коменданта по письмамъ, во всемъ быть послушнымъ и тѣхъ городовъ переписныя книги прислать на Олонецкую верфь,» и пр. Еще 1704 года Января 7 (3) указъ начинается такъ: «На Москвѣ и во всѣхъ городахъ и уѣздахъ съ торговыхъ и съ домовыхъ бань денежный сборъ вѣдать въ Ижерской канцеляріи Свѣтлѣйшему Россійскому Князю Ижерскія земли и Генеральному Губернатору надъ провинціями Ингріею и Эстляндіею, Его Царскаго Величества Государственныхъ дѣлъ Министру и Генералу главному надъ всею Кавалеріею Кавалеру и Подполковнику Преображенскаго регимента и Капитану Кампаніи бомбардирской отъ первѣйшей гвардіи Его Величества и Подпол-

(1) Полн. Собр. зак. Рос. Имп. т. IV, стр. 224 No 1939.
(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 225 No 1943.
(3) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 230 No 1954.

ковнику надъ двумя конными и надъ двумя пѣхотными полками Александру Даниловичу Меншикову, а у того сбора быть Стольнику Алексѣю Синявину, и о томъ даны ему статьи, а въ статьяхъ написано: » и пр. — Приведемъ въ примѣръ еще одинъ указъ 1705 г. Марта 8 (1): «Генералу Коммисару Князю Долгорукову съ товарищи указалъ Великій Государь о поведеніи нынѣшней Свѣйской войны, что у Его Великаго Государя Фельдмаршаловъ и Генераловъ и у прочихъ правительствующихъ офицеровъ въ воинскихъ походахъ съ непріятели съ Шведы или на службахъ будетъ чиниться и о тѣхъ о всѣхъ поведеніяхъ писать имъ Фельдмаршаламъ и Генераламъ и прочимъ правительствующимъ офицерамъ къ Великому Государю о всякомъ поведеніи немедленно; а изъ Приказа военныхъ дѣлъ о томъ поведеніи съ отписокъ ихъ присылать въ Государственной Посольской Приказъ къ боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, съ товарищи списки, для того, что указалъ Великій Государь по именному своему Великаго Государя указу, въ Посольскомъ приказѣ о сей Свѣйской войнѣ дѣлать діаріушъ; а когда Великій Государь изволитъ быть въ походѣ и въ тѣ времена имъ Фельдмаршаламъ и Генераламъ и правительствующимъ офицерамъ писать о всякихъ поведеніяхъ потому жъ немедленно въ Посольскую походную канцелярію, чтобъ о тѣхъ о всѣхъ поведеніяхъ въ діаріушъ писать подлинно »—Надо сказать, что иностранныя слова, собственно названія должностей, и еще удерживающіяся Русскія (мы привели примѣры, изъ которыхъ это видно) представляютъ странную смѣсь, странное зрѣлище. Да, странная смѣсь! но она не долго продолжалась; скоро иностранныя названія, вытѣсняя Русскія, все покрыли, заняли всѣ мѣста, и совершенно исчезли и скры-

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 298 № 2040.

лись: *воевода*, *боярин*, *окольничій* и пр. Чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще, рѣшительнѣе и многочисленнѣе являлись иностранныя слова, наименованія. Мы привыкли къ нимъ; столѣтнее употребленіе приучило насъ безъ удивленія и вопроса слышать чуждые звуки въ Русскомъ дѣлѣ; но тогда это должно было имѣть всю рѣзкость переворота, и если мы примемъ въ соображеніе время, то появленіе этихъ словъ получаетъ для насъ большой интересъ. Не станемъ слѣдить за ними въ подробности: это было-бы слишкомъ пространно и излишне, особенно здѣсь; удовлетворимся только тѣмъ, что мы уже сказали, т. е.: что слова иностранныя всякаго рода и свойства болѣе и болѣе входили въ нашу рѣчь, занимали цѣлыя строки, почти страницы, и укажемъ еще на нѣкоторые примѣры, которые выдаютъ болѣе и рѣзче особенность языка, слога этого времени. 1706 г. Января 17 (1), «по Его Великаго Государя указу велѣно Якову Римскому-Корсакову быть во всей Ингерманландской губерніи Ландрихтеромъ (земскимъ судьею) и писаться ему Комендантомъ надъ Копорьемъ» и пр. 1708 г. Января 5 (2) въ указѣ читаемъ: 1) «Фортецію Московскую надлежитъ гдѣ не сомкнуто, сомкнуть, буде не успѣютъ совсѣмъ хотя брустверомъ и палисадами, понеже сіе время опаснѣйшее суть отъ всего года. 2) Гарнизонъ исправить и пр., такожъ и конныхъ, понеже настоящее время сего зѣло требуетъ,» и пр. — 1708 г. Ноября 12 (3) изданъ указъ, гдѣ говорится о преданіи Мазепы проклятію. Замѣчательно, какъ изкаженно является церковно-Славянскій языкъ, все еще непремѣнно употребляемый въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли говорить слогомъ возвышеннымъ: «А по молеб-

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 364, № 2135.
(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 401, № 2184.
(3) Тамъ-же, стр. 432, № 2213.

номъ пѣніи, бывшаго Гетмана Ивашку Мазепу, который по внѣшнему образу былъ сосудъ потребенъ, а потомъ явился сосудъ діаволъ, понеже по письму Царскаго Величества къ сыну его Государеву, Благородному, Государю Царевичу, за его Ивашкину къ нему Великому Государю измѣну, что онъ оставя свѣтъ, возлюбилъ тьму, отъ нея же внутреннія ослѣпоста ему зѣницы и въ той слѣпотѣ съ праваго пути совратясь и отъѣхавъ ко мрачной адовѣ пропасти, присталъ къ его Государеву недругу Свѣйскому Королю, и отъ того въ арміи Генераломъ и прочимъ командирамъ и офицерамъ и рядовымъ въ полку, надъ тѣмъ непріятелемъ учинилъ нестроеніе, и за такое богомерзкое, а ему Великому Государю и всему Государству непотребное дѣло,» и пр.—1708 г. Декабря 18 (1) указъ объ учрежденіи губерній. — 1709 г. Февраля 5 Манифестъ (2) о дѣйствіяхъ измѣнника Гетмана Мазепы ко вреду Россіи, наполненъ множествомъ иностранныхъ словъ, становящихся рядомъ съ Русскими словами и выраженіями, и вмѣстѣ служитъ образчикомъ слога того времени. Здѣсь встрѣчаются слова: *персональный*, *факція*, *протестація*, *баталія*, *трактаты*, *акціи*, *корпусъ*, и пр. Онъ важенъ также, какъ мы сказали, въ отношеніи къ синтаксису, къ слогу.—1711 года Февраля 19 (3) вышли штаты полковъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ; всѣ наименованія должностей и чиновъ почти безъ изключенія не Русскія; между прочимъ Генералы Кригс-Цейхмейстеры, Генералы Вагенмейстеры, Генералы Гевальдгеры, Генеральной шивадронъ. — Въ

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 436, № 2218.

(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 444, № 2224. Въ приложеніяхъ весь этотъ манифестъ.

(3) Тамъ-же, стр. 590, № 2319.

указъ 1711 Іюля 15 (1) Петръ писалъ въ Сенатъ: «Гда Сенатъ! хотя я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ понеже такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе не допустили. Ибо мы въ 8-й день сего мѣсяца съ Турками сошлись и съ самаго того дня даже до 10 часовъ полудня въ превеликомъ огнѣ не точію дни, но и ночи были и правда никогда какъ и почалъ служить въ такой диспераціи не были, понеже не имѣли конницы и провіанту; однакожъ Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятели вяще 100000 числомъ насъ превосходили, но однакожъ всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошами яко фортеціонами единыя только рогатки добывать, и потомъ, когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ, а намъ вышереченное, то въ вышереченной день учинено штиль штандъ и потомъ подались и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города у Турковъ взятые отдать, а новопостроенные разорить и такъ тотъ смертный пиръ симъ кончился и потомъ мы взяли свой маршъ до Животца (Польское мѣсто). P. S. Сіе дѣло хоть есть и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть.» — Въ Регламентѣ Кригскоммисаріату 1711 Декабря 10 (2) читаемъ (выписывасмъ оттуда нѣкоторыя мѣста для примѣра) въ параграфѣ 3: «а ежели которой полкъ противъ прочихъ или рота противъ роты во всѣхъ тѣхъ вещахъ (3) худое состояніе имѣетъ, а въ услугахъ и въ

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 716, № 2549.

(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 764—770, № 2456.

(3) Которыя даны отъ казны.

фатигахъ были въ равенствѣ: и о томъ должно розыскать и жалованье у несохраняющихъ офицеровъ удержать, по валеру учиненнаго убытка.» — Подъ пунктомъ 24: «Обер-Криг-Коммисары и прочіе имъ подчиненные ни у кого не должны быть подъ командою, ктобъ какой высокой шаржи ни былъ, кромѣ Его Сіятельства Генерала Плениипотенціара Криг-Коммисара Князя Долгорукова и Генералъ-Маіора и Оберъ-Штеръ-Криг-Коммисара Чирикова, и имѣютъ такой авторитетъ, что всѣхъ Генераловъ, штабъ, оберъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ могутъ въ казнѣ Царскаго Величества или на квартирахъ, въ порціонахъ и раціонахъ, что за него зайдетъ считать, и начтенныя въ жалованье зачитать »—Нѣсколько далѣе встрѣчается: «токмо обсервовать въ послушаніи помянутые персоны.»—1712 года Февраля 8 (1) вышелъ штатъ артиллеріи; въ концѣ этого штата, въ отвѣтѣ на артиллерійское дополненіе, слова Петра интересны совмѣщеніемъ въ нѣсколькихъ строкахъ столькихъ иностранныхъ именованій Русскаго войска: «Послѣ сего доношенія все писано собственной Его Царскаго Величества рукою: «Вмѣсто секундъ и капитановъ быть капитанамъ-поручикамъ и подпоручикамъ; петардировъ отставить, а дѣла ихъ могутъ управлять бомбандиры; инженернымъ кондукторамъ быть 24, а не 12; артиллерійскимъ служителямъ и офицерамъ, Русскимъ противъ Русскихъ, иноземцамъ, противъ иноземцевъ градусъ свыше въ жалованьѣ; а инженерамъ, которые не имѣютъ въ артиллеріи чиновъ, противъ прочихъ полковъ офицеровъ, штыкъ-юнкерамъ противъ прапорщика; инженернымъ кондукторамъ по 48 рублей на годъ, цейхвахтерамъ быть по табели, писарямъ всѣмъ быть противъ другихъ писарей, сержантамъ, капраламъ и рядовымъ, бомбардирамъ и ка-

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 792—801, № 2480.

ноперамъ, подкопщикамъ, фузелерамъ и готлангерамъ по табели; штальмейстеру противъ Капитана Русскаго, фуріерамъ противъ табели, фурмейстерамъ, унтеръ-фурмейстерамъ и фурлейтамъ противъ табели-жъ, цейхвахтерамъ, оберъ-цейхвахтеру 150, а унтеръ 100, ихъ динерамъ противъ табели, оберъ-вагенмейстеру и унтеръ поменше цейхвахтеровъ, кузнечному директору противъ табели, прочимъ мастеровымъ противъ табеля» — 1713 Января 28 (1) въ указѣ встрѣчается выраженіе: *содержать надъ ними* (офицерами) *кригс-рехтъ*. — Того же года Января 28 (2) же въ указѣ выраженіе: *ежели они* (Генералъ-Фельдмаршалы) *гдѣ будутъ обрѣтаться на гаунтъ, а команды ихъ полки на винтеръ-квартирахъ* и пр. — Того-же года Февраля 2 (3) указъ о устроеніи въ Кіевской губерніи Ландмиліціи (*ладмилищъ*, какъ напечатано). — 1714 г. Ноября 24 (4), когда было объявлено о возложеніи ордена св. Великомученицы Екатерины на Россійскую Царицу Екатерину Алексѣевну, былъ приложенъ также уставъ того ордена; не выписываемъ оттуда примѣровъ, ибо мы уже ихъ довольно выписали. Замѣтимъ только тамъ слово: *шляхетнѣйшій орденъ*, слово, взятое изъ другаго языка, ибо на Русскомъ для выраженія этого понятія (noblesse, adel) во все не было слова, какъ не было и самого дѣла. — Въ посланныхъ при указѣ 1716 Апрѣля 10 (5) кондиціяхъ, предложенныхъ со стороны Государя Петра къ примиренію Польскаго Короля съ Рѣчью Посполитою,

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. V, стр. 12, № 2658.

(2) Тамъ-же, т. V, стр. 12, № 2640.

(3) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. V, стр. 13, № 2643.

(4) Тамъ-же стр. 129–133, № 2860.

(5) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. V, стр. 460, № 3014. Указъ о кондиціяхъ см. въ приложеніяхъ.

встрѣчается бездна иностранныхъ словъ: *медіаторъ*, *контрибуція*, *пленипотенціаръ*, *пленипотенція*, *адгерентъ*, *фундаментъ* и т. д. — 1717 Декабря 12 (1) читаемъ въ указѣ: «выбирать совѣтниковъ и ассессоровъ президентамъ симъ образомъ: 1. чтобъ не были его сродники или собственныя креатуры» и пр. — 1718 Апрѣля 28 (2) въ указѣ читаемъ: «а которые пункты въ Шведскомъ Регламентѣ неудобны или съ ситуаціею сего государства не сходны,» и пр.—1718 Ноября 20 (3) объявлено отъ Генералъ-Полицеймейстера объ ассамблеяхъ и объ устройствѣ и порядкѣ оныхъ. — 1719 Апрѣля 17 (4) читаемъ въ указѣ: «Великій Государь указалъ: всѣхъ губерній Ландратамъ и Коммисарамъ для опредѣленія къ дѣламъ быть въ вѣденіи Камеръ-Коллегіи, а Ландрихтерамъ въ Юстицъ-Коллегіи; а которые изъ нихъ Ландратовъ и Ландрихтеровъ въ оныхъ Коллегіяхъ куда и къ какимъ дѣламъ выбраны будутъ, о томъ для опредѣленія объявлять доношеніями и ихъ самихъ представлять въ Сенатъ.»—Скажемъ также, что всѣ регламенты Коллегіи и данныя инструкціи разнымъ чинамъ пестрѣютъ множествомъ иностранныхъ словъ, часто вовсе не нужныхъ, какъ: *натура*, *преферативы* и пр., которые тутъ-же иногда и переводятся какъ-бы въ знакъ того, что ихъ можно-бы написать и по-Русски. Что касается до синтаксиса оффиціальнаго слога времени Петра Великаго, то въ немъ мы находимъ немного измѣненій, нѣсколько большую текучесть и связность рѣчи; находимъ, что и находили прежде, тяжелую конструкцію фразъ (такъ называемую Латинскую) и въ болѣе рѣзкомъ еще

(1) Полн. Собр. зак. стр. 525, № 3123.

(2) Тамъ-же, стр. 565, № 3197.

(3) Тамъ-же, т. V, стр. 598, № 3246.

(4) Тамъ-же, стр. 693, № 3354.

видѣ; мы встрѣчаемъ и винительный на *а*, хотя рѣдко, который замѣтили мы прежде, и иногда творительный множественнаго числа, сходный формою съ именительнымъ, хотя также уже гораздо рѣже. Выписанныя прежде мѣста могутъ представить намъ примѣры сказаннаго нами.

Что касается до сочиненій духовныхъ, и вообще сочиненій въ это время, то основаніемъ ихъ слога былъ все языкъ церковно-Славянскій, но еще болѣе въ самомъ себѣ испорченный, неправильный, искаженный. Въ это время находимъ мы двухъ знаменитыхъ духовныхъ писателей: Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича; послѣ нихъ осталось множество сочиненій. Сочиненія Стефана Яворскаго (напечатанныя церковно-Славянскими буквами), проповѣди и другія писаны языкомъ церковно-Славянскимъ; нельзя не узнать его; спряженія его глаголовъ, это рѣзкое отличіе отъ Русскаго языка, являются безпрестанно; но какой это церковно-Славянской языкъ! Иногда сохранены его тонкіе оттѣнки, его тонкія особенности и тутъ-же безпрестанное грубое нарушеніе этихъ самыхъ сохраненныхъ правилъ. Сверхъ того видимъ мы въ немъ множество выраженій, словъ Русскихъ, употребленій Русскаго языка, также словъ Малороссійскихъ и Польскихъ. Но ко всему этому еще прибавилась новая сильная примѣсь иностранныхъ словъ, которыя дополняютъ странное зрѣлище, какое представляетъ языкъ церковно-Славянской, и безъ того замѣшанный языкомъ Русскимъ; изъ этой странной смѣси составляется слогъ, слогъ вообще того времени, и также Стефана Яворскаго; но у него еще рѣзче можетъ быть встрѣчаются эти несходные элементы слога, во-первыхъ потому, что онъ ихъ всѣ въ равной степени сохраняетъ, во-вторыхъ и потому, что внезапная тривіальность его сравненій влечетъ за собою и тривіальность выраженій, оборотовъ и словъ. Дико становятся

въ ряды фразъ церковно-Славянскихъ, окруженныя иногда древними формами этого священнаго языка, слова иностранныя, носящія вмѣстѣ на себѣ печать яркую текущей современности. Много примѣровъ можемъ мы привести въ образецъ этого слога, въ доказательство сказаннаго нами. Они будутъ приведены всѣ вмѣстѣ, ибо не стоитъ приводить отдѣльно умножившіяся, безпрестанно встрѣчающіяся ошибки и иностранныя и народныя слова. Что касается собственно до синтаксиса, то когда фразы, обороты, слогъ оффиціальный, въ которомъ всегда преимущественно выражался народный слогъ и языкъ, сталъ нѣсколько связнѣе и болѣе объемлющъ въ синтаксическомъ отношеніи, — слогъ писателей церковно-Славянскихъ сталъ отрывистѣе и менѣе объемлющъ; и то и другое утрачивало свой характеръ, и то и другое только слабѣло и портилось; таковы по крайней мѣрѣ съ обѣихъ сторонъ были эти измѣненія. Таковъ и слогъ Стефана Яворскаго. Приведемъ примѣры изъ его проповѣдей для всего вышесказаннаго нами. Слогъ его сочиненій, кромѣ проповѣдей и словъ, имѣетъ тотъ-же характеръ: попадаются иностранныя слова, народныя выраженія, если не столько сколько въ проповѣдяхъ и словахъ, обращенныхъ къ слушателямъ:

»Позабылъ я еще жену Лотову, а не велѣлъ ее Христосъ забывати: *поминайте, рече, жену Лотову*. Какъ же ю, Спасителю мой, поминати: панихиду ли за ню пѣти, или въ ектеніяхъ ее поминати; не вѣдаемъ, какъ ей имя. Поминайте жену Лотову: а для чего не Сарру, не Ревекку, не Есѳирь, не Іудиѳъ; для чего не твоя любимыя ученицы: Магдалину, Марію и Марѳу сестры Лазаревы; всѣ тѣ и прочія изрядныя женщины минувши, Христосъ велитъ едину поминати жену Лотову: поминайте жену Лотову. Слушаемъ, Спасителю мой, твоего повелѣнія: но

что въ той женѣ Лотовой особеннаго паче иныхъ женщинъ; буди тое, что столпомъ сланымъ, что солью стала: многія суть и нынѣ жены такія, которыя въ первыхъ сахаромъ мужу своему бываютъ, а потомъ солью» (1).

»Видиши ли сію жену; а чтожъ ту, Спасителю мой, въ той женщинѣ зрѣнія достойно; не вижу я въ ней ничто же удивительно: аще тому велишъ присматриватися, что хорошо устроилася, червленицею (румянами) и бѣлиломъ лицо умастила, чело свое, что кожу на барабанѣ, вытянула, очи безстудные очернила, брови естественные искоренивши, иные брови себѣ сдѣлала, жемчугами, многоцѣннымъ каменіемъ и златыми одѣяніями тѣло свое любодѣйческое червіямъ на снѣдь готовое украсила: сицевому украшенію, на прелесть очесамъ здѣланному, аще велишъ присматриватися, Спасителю мой, крикнетъ, паче же слышу ко всякому изъ насъ царствующаго твоего пророка Давида глаголюща» (2).

»Рцы намъ огнепальнымъ своимъ языкомъ, пепельная головие, всегдашній пиролюбче, насытиша ли тебе оная твоя повседневная пированія, тучна ароматная яденія, нещадная безъ мѣры виноразліянія» (3).

»Смотри только, преславный Царю Давиде, се мало не вся вселенная тебѣ кланяется, тебя боится, тебѣ вѣрное подданство съ должнымъ воздастъ челопреклоненіемъ честь. Поклони только уши въ глаголы устъ человѣческихъ: колику славу имаши за твое мужество, крѣпость и труды кавалерскіе» (4).

(1) Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805. Ч. I, стр. 97 и 98.

(2) Тамъ-же, стр. 113 и 114.

(3) Тамъ-же, стр. 137.

(4) Тамъ же, стр. 194.

»Родится Великій Александръ, а орелъ сѣдитъ на царскихъ габинетахъ или полатахъ (1)«

«Нынѣ убо обытъ мой исполняю, и хощу Божіею помощію не съ колесничнаго ряду, но съ Библіи отъ книгъ Іезекіиля пророка выкатити вамъ сію колесницу» (2).

Въ отвѣтѣ своемъ въ Парижскую Академію Стефанъ Яворскій употребляетъ слѣдующія слова: *Однако между тѣмъ ничтоже возбраняетъ быти приватнымъ разговорамъ между вашими и нашими нѣкіими ѳеологами чрезъ взаимныя, якоже обычай есть, посланія, аще вамъ сіе благоволится* (3). — Во второмъ отвѣтѣ употребляетъ онъ слово Малороссійское, именно: *знакомитое — Преславное оное и всему міру знакомитое Сорбонское Парижское училище* (4).

(1) Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805. ч. 2, стр. 153.

(2) Тамъ-же, стр. 186.

(3) Тамъ-же, стр. 286.

(4) Тамъ-же, стр. 289. — Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать еще одного интереснаго примѣра: «Умолчу иная, величія скудости ради и ума и времени, не вспомяну и нынѣшнія преславныя надъ крѣпостію и фортеціею Шлюсельбургскою побѣды. Но аще бы мнѣ о семъ пришло глаголами и дѣло по достоянію прославляти, подобало бы Іисуса Навина разоряющаго, Давида со львами аки со овцами играющаго, Даніила уста львовъ заграждающаго изобразити. равное бо и здѣсь вижу дѣйствіе, равное мужество и великодушіе, равную надъ рыкающимъ звѣремъ побѣду и одолѣніе. О Орѣшекъ претвердый! добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый Орѣшекъ. Бываетъ часто такъ твердый орѣхъ, яко нужда есть на сокрушеніе его каменя. Твердый былъ и сей орѣхъ, фортеца прекрѣпка, не только стѣнами, валами, пушками и всякою стрѣльбою и бронямы вооружена: но наипаче самымъ естествомъ, самымъ естественнымъ положеніемъ, самымъ неприступнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отвсюду окружаема. Зубовъ сей Орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы первѣе надобѣ было сокрушити, нежели Орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не иный только, о немъ же глаголетъ истина Христосъ: Петре! ты еси камень.

Впрочемъ именно у Стефана Яворскаго, не лишеннаго поэтическаго представленія, встрѣчаются иногда обороты прекрасные и свободные, вытекающіе изъ духа языка Русскаго, намекающіе на великое, самобытное развитіе синтаксиса, именно на его изящную, стройную (внутреннему закону подлежащую) свободу. Вотъ примѣры: «Нынѣ паки, егда изъ гроба красныя правды намъ возсія солнце, свѣтлѣйшіе свои простираетъ лучи» (1). — «Сѣетъ человѣкъ зерно сѣмянъ голо, ничимже одѣяно, въ землю, еже падшее по словесѣ Христову умираетъ, и тако плотъ творитъ» (2). — «Въ нынѣшнемъ Евангеліи, на божественной литургіи чтенномъ, слышахомъ море волнующееся, вѣтръ противенъ, корабль покрываемый волнами, Петра утопающа, ученіковъ отъ страха возопившихъ.» (3) — «Радуйтеся и веселитеся христоименитіи людіе, ликуй торжествуй Церковь Божія, и православная Велико-Россійская держава! Се нынѣ время благополучно и благопріятно: уже бо лютая зима прейде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася; стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша: цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей Велико-Россійской» (4).

Слогъ Ѳеофана Прокоповича имѣлъ одинъ общій характеръ, о которомъ мы сказали уже, всѣхъ писателей этого времени; но конечно въ немъ есть своя особенность. Пре-

Нынѣ же Снейтембургъ нарицается Слисембургъ, то есть Ключъ городъ, а кому же сей ключъ достался: Петрови Христосъ обѣщалъ ключи дати. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово.» (Тамъ же, ч. 2, стр. 169—170).

(1) Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805. ч. 1, стр. 4.
(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 22.
(3) Тамъ-же, стр. 244.
(4) Тамъ-же, ч. 1, стр. 240.

жде всего замѣтимъ, что самыя первыя его слова и проповѣди, говоренныя еще въ Кіевѣ, написаны на церковно-Славянскомъ языкѣ вполнѣ почти правильно, съ совершеннымъ его знаніемъ; иногда встрѣчаются ошибки, уже неизбѣжная принадлежность церковно-Славянскаго языка того времени: но рѣчь, обороты, выраженія, всѣ принадлежатъ церковно-Славянскому языку. Таково слово на пришествіе въ Кіевъ Петра 1706 г., таково Слово на Полтавскую побѣду (еще не викторію) и поздравленіе Меншикову. (Примѣры приведемъ ниже). Синтаксисъ этихъ Словъ совершенно церковно-Славянскій; мы встрѣчаемъ тѣ же длинные періоды (хотя періоды не столько объемлющи какъ прежде, и не теряются въ своей связи), которые, можетъ быть, уже въ себѣ отражаютъ періодъ Латинскій; мы видимъ вообще характеръ церковно-Славянской рѣчи, безъ примѣси почти Русскихъ выраженій и словъ, безъ всякой тривіальности, и встрѣчаемъ нѣкоторыя еще робко являющіяся иностранныя слова, встрѣчаются также слова Малороссійскія. Вотъ примѣры въ доказательство словъ нашихъ: *рукама своима; своима очима; ты многія грады отческіе отъ ига Оттоманскаго и отъ узъ еретическихъ мечемъ свободилъ еси; о насъ благополучныхъ!—О благословеніи на насъ твоего Боже нашъ!* (1) — «Немного во истинну въ иныхъ народѣхъ и Государствахъ такихъ прикладовъ обрящеши, якіе въ отечествѣ нашемъ видимъ нынѣ; видимъ различіе людей въ одеждахъ, въ домовыхъ зданіяхъ и именахъ, на судѣ различія не видимъ; вси равни суть» (2). — «Егда Пресвѣтлое Пресвѣтлаго Величества твоего лице Царскою честію, и дивною неописанной побѣды красотою сіяюще, въ семъ нашемъ, паче же твоемъ

(1) Θеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 5. 48.
(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 7.

жительствѣ (еже есть верхъ благополучія нашего) видѣти сподобляемся Пресвѣтлѣйшій и Великодержавнѣйшій Всероссійскій Монархо и Преславный войскъ Свѣйскихъ Побѣдителю! кое иное дати тебѣ привѣтствіе, и что большее въ даръ гостинный имамы принести Тебѣ, развѣ неслыханной сей Богомъ тебѣ, и тобою всѣмъ намъ дарованной побѣды похвалу, и раждшейся отъ нея общей Всероссійской радости извѣщеніе?» (1).—«Повѣствуетъ славный стихотворецъ Римскій Виргилій, яко егда Греки плѣняху и разрушаху градъ Трою, нѣціи отъ Троянъ побивше сшедшихся съ собою нѣкіихъ воевъ Греческихъ, броня ихъ и щиты себѣ возложиша, и такимъ покровенны суще видомъ, многихъ иныхъ супостатовъ нечаянно побиваху: мняху бо тіи, яко свои суть, и безъ опаства схождахуся» (2).—«Не отступай и въ послѣднія дни вѣрнаго твоего служителя Православнаго Монарха нашего, ополчаяся окрестъ Его, и укрѣпляя оружіе Его, дондеже испразднятся вси жестоковыйніи и непослушливіи рабы, дондеже покорятся вси востающіи нань врази, дондеже вси языцы брапемъ хотящіи, крайнимъ ударении страхомъ, утихнутъ и не рекутъ, гдѣ есть Богъ ихъ? но купно съ нами прославятъ Отца и Сына и Святаго Духа, Ему же слава во вѣки. Аминь!» (3)—«Не всуе убо Свѣтлѣйшій Римскаго и Россійго Государствъ Княже Господине нашъ премилостивѣйшій, не всуе воздвизохомся ко оглашенію дѣлъ твоихъ, егда Свѣтлость твою внутрь сего учительнаго собранія блиснувшую узрѣхомъ: глаголемъ не отъ ласкательства, не отъ притворства, не отъ ухищренія, глаголемъ, яже вѣми и видимъ: глаголемъ, яже всему міру извѣстна суть. Да ослѣпнутъ и помрачатся, аще кіи суть завистницы твои

(1) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 21.
(2) Тамъ-же, стр. 29.
(3) Тамъ-же, стр. 50.

толикихъ твоихъ дѣлъ невѣдящіи, или паче видѣти не хотящіи. » (1) — Но чѣмъ болѣе сближался Ѳеофанъ съ современнымъ ходомъ дѣлъ въ Россіи, чѣмъ болѣе входилъ въ духъ дѣлъ Петровыхъ, тѣмъ болѣе языкъ его принималъ характеръ соотвѣтственный современному состоянію, что̀ необходимо и законно, ибо языкъ передаетъ и долженъ передавать, особенно въ такое время, современное состояніе народа, которому принадлежитъ онъ. Такъ въ 1716 году въ С. Петербургѣ говоренное Слово на день рожденія Царевича Петра Петровича (2) уже изобилуетъ иностранными словами. Въ словахъ духовныхъ, говоренныхъ около того-же времени, какъ напр: въ Словѣ о почитаніи св. иконъ (3), въ день Рождества Господа нашего Іисуса Христа (4), еще видна прежняя чистота слога. Въ Словѣ о баталіи Полтавской (1717) (5) уже ярко является характеръ тогдашняго слога,—эта смѣсь церковно-Славянскаго языка, простонародныхъ и тривіальныхъ словъ, тривіальныхъ выраженій и оборотовъ Русскихъ и словъ иностранныхъ. Здѣсь разумѣется измѣняется и синтаксисъ, слогъ дѣлается отрывистымъ, теряетъ свой церковно-Славянскій характеръ. Напр: *викторіи.* (6)—Далѣе: «Что еще не доставало къ симъ? еще нѣчто было, чего не завидѣли намъ сосѣди, и было нѣчто, о чемъ боялися, дабы не было. Не была еще регула воинская, не были искуства инженѣрскія, не были обоего чина архітекторы, не былъ флотъ, не была сила

(1) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 69.
(2) Тамъ-же, стр. 99—119.
(3) Тамъ-же, стр. 75—95.
(4) Тамъ-же, стр. 121—141.
(5) Тамъ-же, ч. 1, стр. 143—165.
(6) Тамъ-же, стр. 149.

на морѣ » (1)—«Что се есть? (промыслила въ себѣ зависть) туды пошла Россія? таковъ успѣхъ ея? сего мы на ней дождалися?»—(2) «И се не пошло по желанію, не стало я по высокому вашему вамъ мнѣнію супостаты: вы начялись, что уже весьма сломленное Русское оружіе, и не главъ вашихъ досязати, но подъ ноги вамъ повержися готово: и се не такъ, не туды» (3)—«Но приступимъ уже ближае къ самому крайнему дѣлу. А тутъ въ первыхъ и есть предъ очи скверное лице, морская машкара, струпъ и студъ твой малая Россіе, измѣна Мазепина» (4) — Тоже видимъ уже въ рѣчи поздравительной Петру; напр: онъ говоритъ о Россіи: «Не она ли видѣла его усмотрѣвающа, собирающа и чинно располагающа полки воинства, и въ немъ всю арматуру яко аммуницію, вся оружія, еще же и самый той коштъ, имъ же бы содержати воинство? — Реку ли о штурмованіи и взятіи градовъ? (5) — Услыша сіе бѣдно бодрствуя левъ Свѣйскій, и поскоряе поджалъ хоботъ свой подъ себе.» (6) — Вслѣдъ за тѣмъ въ 1717 году видимъ уже вошедшія иностранныя слова и въ духовномъ *Словѣ въ недѣлю осмую надесять* (7), которое впрочемъ оканчивается почти какъ свѣтское (встрѣчаются слова: *перегринація, политики школа; физическихъ экспериментовъ* (8). Въ послѣдствіи слогъ духовныхъ словъ его сталъ такимъ-же, какъ и свѣтскихъ, какъ и вообще слогъ сочиненій того времени. Мы должны сказать о Ѳеофанѣ,

(1) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 149.
(2) Тамъ-же, стр. 151.
(3) Тамъ-же, стр. 153.
(4) Тамъ-же, стр. 155.
(5) Тамъ-же, стр. 179.
(6) Тамъ-же, стр. 192.
(7) Тамъ-же, стр. 197—212.
(8) Тамъ-же, стр. 206. 208.

что въ немъ при такомъ слогѣ, какъ у всѣхъ пишущихъ тогда, не видать важности и педантства въ употребленіи церковно-Славянскаго языка, какъ у Стефана Яворскаго, и въ тоже время видна какая-то откровенность въ употребленіи тривіальностей, простонародныхъ словъ и выраженій; онъ употребляетъ ихъ отъ души, съ увлеченіемъ, тогда какъ Стефанъ Яворскій употребляетъ ихъ съ цѣлію, съ намѣреніемъ и расчетомъ, сохраняя всю свою важность и употребляя эти выраженія, какъ краску, которая нужна, какъ украшеніе, какъ ораторское средство, съ какою-то гордой, надменной претензіей, съ педантствомъ и вмѣстѣ какъ будто съ снисхожденіемъ; по этому слогъ Ѳеофана носитъ болѣе печать какого-то единства этой безпорядочности и смѣси, ежели можно такъ выразиться, съ перевѣсомъ просто народнаго характера; у него обратились всѣ эти разные элементы въ какую-то сѣрую краску, тогда какъ у Стефана Яворскаго они встрѣчаются и смѣшиваются, сохраняя свой цвѣтъ; смѣсь элементовъ, царствующая въ слогѣ послѣдняго, представляетъ ихъ въ кучѣ перемѣшанными, но отдѣльно удержанными въ своей особенности, и по этому у него рѣзко столкновеніе этихъ разныхъ элементовъ. Слогъ Ѳеофана стремителенъ и естественъ, при сохраненіи иногда формъ церковно-Славянскаго языка, но слогъ Стефана исполненъ до невыносимости аллегорій и надутъ, при часто встрѣчающихся и какъ-бы охотно и намѣренно употребляемыхъ тривіальностяхъ. Вотъ примѣры изъ слога Ѳеофана. Въ числѣ примѣровъ приведемъ также отдѣльно нѣкоторыя встрѣчающіяся иностранныя слова, которыя ярче и необыкновеннѣе другихъ. Въ Словѣ въ день Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго: «Вопросимъ естественнаго разума, ты кто либо еси, имѣешъ невольныя рабы, или и вольныя служители, скажи же, молю тебе, когда служащему тебѣ велишъ: подай пить, а онъ шапку принесетъ, угодно ли? знаю, что ска-

женѣ: и вельми досадно. Чтожъ, когда велишь ему на село ѣхать осмотрѣть работниковъ, а онъ ни-же помыслитъ о томъ, но стоя предъ тобою кланяется тебѣ, и хвалитъ тебе многими и долгими словами, сіе уже и за нестерпимую укоризну тебѣ почитать будешь. Еще вопрошаю: пошлешъ ли ты его коня сѣдлать, а онъ тое оставя, пойдетъ въ жерновахъ молоть, не досадно ли? не достоинъ ли жестокаго наказанія? извинится ли тѣмъ, что труднѣйшее дѣло дѣлалъ, аше бы и цѣлыя сутки мололъ? да для чего ты не дѣлалъ повелѣннаго? кричать будешь. И таковой крикъ и наказаніе преслушнику воистинну праведно есть, и развѣ скотъ, а не человѣкъ будетъ, который бы къ сему не приговорилъ» (1).

«Не бываютъ ли таковыя лица скаредная, что и поглянути на нихъ мерзко! а однако такій, или такая когда въ зерцалѣ видятъ себе, судятъ о себѣ, что вельми пригожы?» (2).

«Суесловіе есть, естьли не безуміе нѣкіихъ стіхотворцевъ, которіи такъ плаванія воднаго ненавидятъ, что и первыхъ того изобрѣтателей проклинаютъ. Обычно господа оніи вымыслы своя нарицаютъ нѣкіимъ восхищеніемъ, или восторгомъ, да часто имъ въ восторгахъ своихъ недоброе снится. Охуждаютъ навигацію, да плодовъ ея не отметаютъ» (3).

«Естьли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, узрѣвше ихъ, немощно бы уготовати трактаментъ для нихъ, какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроити подобающую

(1) Θеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 2, стр. 7.

(2) Тамъ-мъ, стр. 24.

(3) Тамъ-же, стр. 51, 52.

*

оборону? единa конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ» (1).

«Довольно въ томъ Швеціа, которая не вчера уже твердитъ філософію политическую, и въ школахъ, и въ Сенатѣ, и въ ученіи, и въ практикѣ» (2).

«Старочинное стрѣлецкое воинство, какъ дѣльно было, всѣмъ доселѣ есть извѣстно: и добро, что тогда ексавторовано и отставлено: была бы то гингрена нѣкая, свое, а не чуждое тѣло вредящая» (3).

«Что політічестіи учители діссімуляціею нарицаютъ, и и въ первыхъ царствованія полагаютъ регулахъ. (4) таковіи малконтеиты.... царствовавшихъ женъ ексемпли, или образы ... (5) ....къ фамиліи Божіей» (6).

«Когда слухъ пройдетъ, что Государь кому особливую свою являетъ любовь, какъ вси возмятутся, вси къ тому на дворъ, вси поздравлятп, дарити, поклонами почитати, служити ему, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало, тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя, тотъ выводитъ рода древность изъ за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ: такъ, что уже многіи въ народѣхъ Государи народное сіе безуміе нарочно себѣ въ забаву употребляютъ. Но хотя бы и прямо кто и достойно возлюбленъ былъ отъ толикихъ лицъ, тебѣ что изъ того? то чуждее, то не твое щастіе. Да однакожъ: да чтожъ однакожъ? Чтобъ слово доброе заложилъ, или хотя бы не повредилъ Правда. А съ тѣмъ, кто въ такое добро

(1) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 2, стр. 54.
(2) Тамъ-же, стр. 74.
(3) Тамъ-же, стр. 79.
(4) Тамъ-же. стр. 160.
(5) Тамъ-же, стр. 189.
(6) Тамъ-же, стр. 253.

вбрелъ, что дѣлается, тотъ уже и самъ себя забывъ кто онъ, не вѣдомо что о себѣ мечтаетъ. Между тѣмъ отъ зеркала не отступитъ, и дѣлаетъ экзерцицію, какъ бы то честно и страшно являти себе, какъ то и сидѣти, и похаживати, и постанвати, и поглядываги, и поговаривати» (1).

Что касается собственно до синтаксиса и періода Ѳеофана, то въ этомъ случаѣ можно сказать тоже, что мы сказали о синтаксисѣ и періодѣ Стефана Яворскаго и вообще о синтаксисѣ того слога; мѣстами слогъ (періодъ) Ѳеофана отрывистѣе, разговорнѣе и вообще живѣе, нежели слогъ Стефана; изъ вышеприведенныхъ примѣровъ это можно видѣть. У Ѳеофана также встрѣчаются обороты, обнаруживающіе духъ Русскаго синтаксиса, обороты изящные и одушевленные, прекрасныя, если не поэтическія мѣста. Напр: «Но не награждается единымъ студомъ грѣхъ сей, влечетъ за собою тучу и бурю, и облакъ страшный безчисленныхъ бѣдъ. Не легко со престола сходятъ Царіе, когда не по волѣ сходятъ. Тотъ часъ шумъ и трусь въ Государствѣ: большихъ кровавое междоусобіе, меншихъ

(1) Ѳеоф. Прок. Сл. и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 3. стр. 34. 35. — Выпишемъ также здѣсь еще одинъ замѣчательный примѣръ: «И каковое нестояство въ сердцѣ многихъ вселилося! аки бы другій желаетъ какъ спастися, а что по званію своему долженъ, о томъ ниже помышляя, но и многажды еще званію своему противное творя, ищетъ пути спасеннаго у сыновъ погибельныхъ, и вопрошаетъ. какъ спастися? у лицемѣровъ мнимыхъ святцевъ, и развѣ для того безгрѣшныхъ, яко о грѣхахъ своихъ не помышляютъ: что же они? видѣнія сказуютъ, аки бы шпіонами къ Богу ходили, притворныя повѣсти, то есть бабія басни баютъ, запоѣзди бездѣльныя, храненія суевѣрная кладутъ, и такъ безстудно лгутъ, яко стыдно бо воистинну и просто человѣкомъ, не точію честнымъ нарещися тому, кто бы такъ безумнымъ разказщикамъ вѣриль. но обаче мнози вѣруютъ, увы окаянства! О слѣпіи спасенія искатели! которыхъ такое буесловіе услаждаетъ. Сей ли путь спасенія? яко помраченъ забобонами не знаешъ, что ты долженъ еси Богу, Государю, отечеству, всякому собственно ближнему, словомъ рещи. что долженъ званію своему» (Тамъ-же, ч. 2, стр. 16).

добросовѣстныхъ воинъ, плачь, бѣдствіе, а злонравныхъ человѣкъ, яки звѣрей лютыхъ отъ узъ разрѣшенныхъ, вольное всюду нападеніе, грабительство, убійство. Гдѣ, и когда нуждею перенесеся скипетръ безъ многой крови, и лишенія лучшихъ людей, и разоренія домовъ великихъ? И якоже подрывающе основаніе, трудно удержати въ цѣлости храмину; тако и здѣ бываетъ: опровергаемымъ властемъ верховнымъ, колеблется къ паденію все общество» (1). «Инако и лучше нынѣ Россійское на морѣ воинство благословилъ Богъ. Не хотѣлъ дабы воздухъ дѣлился съ нами славою вікторіи; но и вопреки умножилъ вѣтромъ трудность къ морскому бою, дабы умножилася слава побѣдителемъ, послужилъ и намъ вѣтръ, да противствомъ своимъ: послужилъ къ славѣ, а не къ побѣдѣ: и понеже противился побѣдѣ нашей: того ради явственно показалъ славу нашу, такъ что вікторія нынѣшняя можетъ таковымъ надписаніемъ украшена быти: Непріятель и вѣтръ побѣжденъ есть» (2). «А Екатерина во дни воздыханія и стенанія своего все то исполняла, и тако исполнила, что многая отъ Петра намѣренная произвела въ дѣло, многая начатая совершила. и не познало Россійское оружіе руки женскія, и не ощутило море Петровой смерти» (3). Сверхъ того у Ѳеофана встрѣчаются замѣчательныя, чисто Русскія слова: *недознаніе* (4); *перебыть* въ смыслѣ преодолѣть, вынести; онъ говоритъ о Петрѣ: *трудно было перебыти завистное препятствіе, ово тайное и лестное, ово же и явное—перебылъ* (5). Надо также прибавить, что у Ѳеофана встрѣчаются слова Малороссійскія, или Польскія, что также находимъ и у Стефана Яворскаго; напр: *требъ*, *тре-*

(1) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 265. 266.
(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 58. 59.
(3) Тамъ-же, ч. 2, стр. 196.
(4) Тамъ-же, стр. 283.
(5) Тамъ-же, стр. 148.

ба (1); *мусимъ*: (2) и пр. Что касается до сочиненій Ѳеофана кромѣ Словъ, то они написаны языкомъ церковно-Славянскимъ довольно правильнымъ, хотя въ нихъ и находятся слова иностранныя; синтаксисъ также языка церковно-Славянскаго, но умѣренный; періоды не длинны и не такъ объемисты Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій писаны еще въ Кіевѣ (3). Мы не указываемъ на мелкія, обыкновенныя и уже давно начавшія встрѣчаться ошибки противъ языка церковно-Славянскаго, также на русизмы, мы указывали на нихъ еще прежде въ предыдущихъ столѣтіяхъ.

Современникомъ обоихъ писателей былъ Гавріилъ Бужинскій, оставившій намъ нѣсколько своихъ Словъ. Онъ былъ Оберъ-Іеромонахъ и проповѣдникъ Флотскій Онъ не имѣлъ ни учености, ни значенія, ни силы, ни важности обоихъ проповѣдниковъ. Въ слогѣ его, также отражавшемъ современное состояніе, находимъ мы большое сходство съ характеромъ слога Стефана Яворскаго. Таже хитро-сплетенная, придуманная, риторическая тривіальность, тотъ-же невыносимый символизмъ, часто облекающійся въ эти тривіальныя Формы, съ цѣлію, чтобы насмѣшить. Но онъ уступаетъ Стефану Яворскому въ замысловатости, уступаетъ ему въ его риторическомъ искусствѣ, въ одушевленныхъ мѣстахъ также, и вообще не выражаетъ того, что выражалъ Стефанъ. Въ немъ, какъ

(1) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 222

(2) Тамъ-же,

(3) Въ изданіи его сочиненій находятся Слова, о которыхъ говорится въ примѣчаніи, что они писаны въ Кіевѣ (Ѳеоф. Прок. Сч. и Р., ч. 3, отъ 254 стр. до конца), но какого времени, не извѣстно, мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ это вѣрно; это не изъ всѣхъ Словъ видно; изъ этихъ Словъ нѣкоторыя, и одно, которое прямо указываетъ на мѣсто — Кіевъ (Слово въ день Св. Равноапостольнаго Князя Владимира, стр. 335 – 349), писаны довольно правильно, безъ примѣси иностранныхъ и простонародныхъ словъ и выраженій. Въ другихъ напротивъ встрѣчается и то и другое, но сравнительно гораздо менѣе.

и въ Стефанѣ (хотя въ послѣднемъ еще болѣе), видно невыносимое самодовольство, и именно въ этихъ тривіальныхъ мѣстахъ, при разныхъ замысловатостяхъ,—чего нѣтъ въ Ѳеофанѣ котораго рѣчь горда и бранчива подъ часъ, но всегда искренна и не самодовольна. Въ словахъ иностранныхъ у Гавріила Бужинскаго пѣтъ недостатка; они встрѣчаются часто и довольно ярко. Надо замѣтить, что послѣдующія слова его болѣе ими изобилуютъ, и всѣ вообще написаны слогомъ испорченнымъ, соотвѣтствовавшимъ тому времени. Приведемъ нѣкоторые примѣры словъ иностранныхъ: *дискурсъ; великими волюминами написаша; аргументъ; шпады* (1) и пр. Вотъ образцы самого слога: «Се то воистинну спеціали предражайшіе, клейноти превожделенныя, яже уготова Богъ любящимъ Его! Но сія вся ключемъ симъ себѣ отвориши, симъ единымъ инструментомъ вся оныя отверзеши. И въ первыхъ, хощеши ли предражайшій клейнотъ, жизнь вѣчную получити?» —(2) «Прежде сего читывали токмо въ Фабулахъ Езоповыхъ, какъ то левъ товарищилъ съ конемъ; нынѣ же самымъ дѣломъ видимъ, левъ на конскую надѣется силу, обаче промыслъ Божій яко же льву каменіемъ Россійскимъ побивалъ зубы, обломалъ ноги и самыя внутреннія обезсилилъ» (3). «Лютая убо сія смерть. Разсудимъ еще, слышателіе, откуду свой родъ ведетъ, каковыя она фамиліи, отъ коего племени происходитъ. Смерть есть дщерь треклятаго родителя грѣха; а мать кто? похоть. О несчастливіи родителіе, сіе ненасытимое страшилище, весь міръ пожирающее, родившіи! Несчастливую ея фамилію описуютъ Духомъ Святымъ движиміи Апостоли святіи, и тако Павелъ о погибельномъ отцѣ ея глаголетъ» (4). — «Се

(1) Полное собраніе поучительныхъ словъ, сказыванныхъ Гавріиломъ Бужинскимъ, въ Москвѣ, стр. 69. 72. 80. 102.
(2) Тамъ-же, стр. 118.
(3) Тамъ-же, стр. 182.
(4) Тамъ-же, стр. 236.

уже имаше Россіе пластырь на сердечную язву твою!» (1). Гавріилъ Бужинскій былъ совершенно преданъ современному перевороту, являвшемуся такъ односторонне; у него есть Слово въ похвалу Петербурга; ослѣпленіе доходитъ до такой степени, что онъ становитъ красоту мѣстоположенія Петербурга выше всѣхъ другихъ; онъ говоритъ: «ибо не токмо всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто, но и въ иныхъ Европейскихъ странахъ не только равное, но ниже подобное обрѣстися можетъ, самимъ въ созиданіи градовъ искуснымъ архитекторомъ повѣствующимъ» (2). Синтаксисъ его таковъ-же, какъ и у другихъ; и у него также встрѣчаются любопытные обороты, открывающіе духъ Русскаго языка, его замкнутость и свободу; не надо забывать, что синтаксисъ неразговорный является все въ предѣлахъ, или на основаніи церковно-Славянскаго языка. Если Русская рѣчь и являлась здѣсь, то являлась среди языка церковно-Славянскаго. — Приведемъ одинъ примѣръ: «Твори убо, еже хощеши, Сауле, изостряй мечь, мещи копія, не даждь сна очесамъ твоимъ, и вѣждамъ твоимъ дреманіе, гони по горамъ и вертепамъ неповиннаго и всего себе вдавшаго промыслу Божію Давида, но вся твоя попеченія вотще произыдутъ. Аще бо и крайнія двигнеши силы твоя, аще вся совѣты и ухищренія употребиши, препятія тамо не положиши, не запнеши пути, идѣже смотреніе дѣйствуетъ Божіе. Но по многихъ трудѣхъ и по величайшихъ умышленіяхъ будетъ сіе, яко самъ, никому же насилующу тя, или, принуждающу, явственно изреченіе» (3). У Гавріила Бужинскаго встрѣчаются также слова Малороссійскія, или Польскія; напр: *выроки* (4) и пр.

(1) Полн. собр. поуч. словъ, сказ. Гавр. Бужинскимъ, въ Москвѣ, стр. 15. 153, 154.
(2) Тамъ-же, стр. 241.
(3) Тамъ-же, стр. 15.
(4) Тамъ-же, стр. 228.

Къ этому-же времени принадлежитъ Кантемиръ, писавшій силлабическіе стихи, извѣстный преимущественно сатирами (онъ писалъ также оды, басни, эпиграммы); онъ хотѣлъ не быть причастнымъ тогда этой странной смѣси, составлявшей слогъ писателей, онъ хотѣлъ писать Русскимъ языкомъ, оставилъ эту смѣсь, и вышелъ на чистое поле, но не могъ управиться; онъ хотѣлъ писать простымъ слогомъ; но это уже не могъ быть языкъ грамотъ; Русской языкъ долженъ былъ явиться здѣсь уже языкомъ писателя. Сатира, родъ, предпочтительно избранный Кантемиромъ, по своему характеру всего болѣе допускала притязаніе на Русской языкъ; но Русскій языкъ, до сихъ поръ еще жившій въ стихіи разговора, въ устахъ, непривыкшій къ письму, странно ложился на бумагу, принималъ неловкіе, неудобные обороты; слова были Русскія, языкъ Русской, но все чужда ему была бумага, чуждъ синтаксисъ собственно; въ языкѣ не пробудился характеръ общаго, не проникъ онъ его, да будетъ языкъ соразмѣрнымъ выраженіемъ общаго содержанія. Языкъ Русской не перешелъ въ высшую свою сферу; онъ все былъ языкомъ разговорнымъ и исключительно національнымъ вмѣстѣ; когда являлся письменный синтаксисъ хотя и простой, то все являлся онъ въ предѣлахъ языка церковно-Славянскаго. Можно было записывать цѣликомъ разговорныя Русскія выраженія; но надо, чтобъ языкъ былъ возведенъ въ другую сферу, если этимъ не ограничиться. Геній только могъ возвести его въ эту высшую сферу общаго; но имъ не былъ Кантемиръ.

Въ сатирахъ его мы не встрѣчаемъ оборотовъ или формъ церковно-Славянскаго языка (развѣ только творительный падежъ на ы; напр: *уставы* (1) и пр.); въ нихъ только Русской языкъ, — это правда; но языкъ этотъ остался и на бумагѣ такимъ, какъ былъ тогда, то есть только

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836, стр. 77.

разговорнымъ; онъ является, кромѣ, такъ сказать, общаго синтаксиса, встрѣчаемаго нами у другихъ современныхъ писателей, — или въ разговорной написанной фразѣ, или въ неловкихъ (тяжелыхъ), натянутыхъ оборотахъ или же изогнутъ въ оборотахъ иностранныхъ. Вотъ примѣры въ доказательство словъ нашихъ:

Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Переняв чужой языкъ свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба; буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, долгонь о томъ тужить дворянину! (1)

Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, или въ ящикъ
Хотя грошъ? Могуль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ винаго заводу? (2)

Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купець, у кого амбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслитъ иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьею:
Куда де хорошо быть въ людяхъ головою.
И чтятъ тебя и даютъ; постою не знаешь;
Многоль, малоль для себя всегда собираешь.
Ставъ судьею, ужь купцу не мало завидитъ,
Когда по нещастію пусто въ мѣшкѣ видитъ. (3)

Чернецъ. . . . . .
Сегодня не то поетъ, радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужь сухари, полетѣлъ бы къ мясу:

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 25.
(2) Тамъ-же, стр. 25.
(3) Тамъ-же, стр. 91—92.

Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужь Ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти. (1)

Здѣсь видимъ простую, записанную только рѣчь. Вотъ примѣры тяжелыхъ, даже темныхъ оборотовъ:

Цвѣты вещей каковы собой, тотъ невоженъ
Видѣть, но желты всѣ мнитъ, кто желтухой боленъ. (2)

Слыша его, колесо мельницы шумливо
Воду двигать мнится ти, въ звучные обраты. (3)

Вотъ примѣры иностранныхъ оборотовъ:

Повѣсь цѣпь на шею отъ злата. (4)

И когда батюшка къ нимъ промолвилъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инаго
Текли изъ глазъ съ радости.... (5)

И слыша просителей у дверей вздыхати. (6)

Сего уже разпуздавъ Богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую. (7)

Свойство Русскаго синтаксиса есть свобода; но здѣсь полное ея злоупотребленіе; здѣсь она не служитъ къ полному выраженію мысли; обороты нестройны, безпрестанно рознятся между собою; конструкція то является замкнутою, то совершенно напротивъ; слова приставлены другъ

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира, Спб. 1836. стр. 93.
(2) Тамъ-же, стр. 71.
(3) Тамъ-же, стр. 72.
(4) Тамъ-же, стр. 28.
(5) Тамъ-же, стр. 33.
(6) Тамъ-же, стр. 92.
(7) Тамъ-же, стр. 84.

къ другу по сосѣдству, по близости смысла, неорганически, однимъ словомъ, разбродятся во всѣ стороны, какъ куда попало; напр:

Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну, зеленъ въ городѣ не досажалъ, глазу (1)

Поутру сквозь тѣсныя передни насилу
Къ нему кто доступалъ Просьбы и поклоны
Какъ Юпитеръ принималъ, и кивкомъ на оны
Однимъ весь отвѣтъ давалъ, иль власть свою чая
Тѣмъ являть, или, какъ мню говорить не зная. (2)

Малый въ лѣто муравей потѣетъ. томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнять тщится
Свой амбаръ. Когда же міръ унывать безплоденъ
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ неисходенъ,
Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ. (3)

Еще, естлибъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы человѣки
Казалися, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Снося, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежнія прожили шалѣя. (4)

Въ посвященіи Елисаветѣ въ 1742 году встрѣчаемъ мы формы церковно-Славянскаго языка; напр: *любве матіи* (5); можетъ быть потому, что это не сатира, и слогъ слѣдовательно какъ-бы возвышеннѣе; также тяжелые обороты, о которыхъ говорили мы, и обороты иностранные; напр:

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 37.
(2) Тамъ-же, стр. 84.
(3) Тамъ-же, стр. 91.
(4) Тамъ-же, стр. 94.
(5) Тамъ-же, стр. 16.

Есть ли же знакъ хвальнаго благодарства дати
Твоего, какой либо, Августъ желаешь. (1)

Явно бо что, книжку рабъ дая Ей такую,
Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ Тую. (2)

Мы были-бы неправы, еслибъ не сказали, что у Кантемира есть сильныя, прекрасныя мѣста, даже поэтическія. Приведемъ въ примѣръ нѣкоторыя:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ, — тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно сопешь. (3)

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ, на бороду плюетъ. (4)

Въ одѣ 1-й (оды вообще написаны болѣе возвышеннымъ тономъ):

Разны животныхъ оживилъ онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухъ тѣла бремя
Удобно взноситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ или ходитъ грубѣйшее племя. (5)

Въ посвященіи Елизаветѣ I:

Трижды строилъ лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ; и уста отверсты

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 16.
(2) Тамъ-же, стр. 16.
(3) Тамъ-же, стр. 36.
(4) Тамъ-же, стр. 90.
(5) Тамъ-же, стр. 122.

Готовили Тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурой богъ. (1)

Въ 1754 году издано было сочиненіе въ стихахъ, Буслаева, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Умозрителство душевное описанное стихами о переселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной Баронессы Маріи Яковлевны Строгоновой, изданное въ Москвѣ 1754, Января въ 22 день, чрезъ усердньйшаго слугу ея Петра Буслаева.» — Содержаніе сочиненія не допускало автора писать простонародно по своей серьезности, и требовало церковно-Славянскаго языка (какъ тогда было необходимо). Оно можетъ служить образцомъ тогдашняго слога. Въ слогѣ рѣшительно удержанъ характеръ церковно-Славянскій, встрѣчаются формы его и обороты, конечно съ перевѣсомъ Русскихъ употребленій При этомъ важномъ характерѣ церковно-Славянской рѣчи встрѣчаются еще слова иностранныя; такимъ образомъ сочиненіе это показываетъ состояніе слога въ Россіи въ то время (собственно слога серьезнаго, по преимуществу общаго, или почитаемаго общимъ, содержанія). Приведемъ примѣры сказанному нами:

Трость, копіе, и гвозди: страстеи іиструменты;
Отъ чего трепетали Свѣта Элементы. (2)

Странныхъ пріемнице, мать сиротъ милосерда.
Многимъ въ совѣтахъ мудра, въ постоянствѣ тверда. (3)

Маріе: ты благу часть отъ мене избрала,
Живущи въ мирѣ, мира страсти всѣ попрала.
Люты были болѣзни; свѣта ти съ напасти,
Но азъ подкрѣплялъ, всегда моими тя страсти.

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 15.
(2) Умозрителство душевное, ч. 1, стр. 5.
(3) Тамъ-же, стр. 14.

Скончала теченіе, соблюла ты вѣру,
Сего ради пріяхъ тя, возлюбивъ надъ мѣру.
Пріемъ всемогущую простеръ къ нем десницу,
Осѣнивъ просвѣтилъ ю, какъ свѣтлу зарницу. (1)

Въ то время пріидоша: зѣло красны лицы,
Во одеждахъ пресвѣтлыхъ, какъ чисты дѣвицы. (2)

Кріла несли до Бога верьхъ эмпіренскои сферы. (3)

На небесномъ театрѣ тріумфъ отправляти (4)

Благи дѣла: Марію возводили честно,
Торжество человѣкомъ было се не вмѣсно.
Устрѣтаяжъ персона, съ неба еще ина.
Мовно знать· что, Марія была Магдалина. (5)

Красенъ былъ вратникъ, лицемъ, въ морщинахъ съ бородою,
Навислы были брови, съ главою сѣдою,
Ажно онъ былъ Апостолъ Петръ, Христу теплѣйшій,
Держалъ въ рукахъ своихъ, ключь, паче звѣздъ свѣтлѣйшій. (6)

Первіежъ Господь взыде съ матерью своею
Пріятъ Маріи душу, со свитою всею. (7)

Что касается до синтаксиса, то въ стихахъ онъ не можетъ предстать весь; условія стиха рѣдко позволяютъ развиться періоду; то же и у Кантемира; но Кантемиръ, пишучи простымъ языкомъ, отважился перешагнуть и въ

(1) Умозрителство душевное, ч. 2, стр. 25.
(2) Тамъ-же, стр. 26.
(3) Тамъ-же, стр. стр. 28.
(4) Тамъ-же, ч. 2, стр. 35
(5) Тамъ-же, стр. 39.
(6) Тамъ-же, стр. 41.
(7) Тамъ-же, стр, 45.

стихахъ обыкновенныя и даже нетяжелыя узы оборота; перешагнулъ вмѣстѣ съ этимъ почти и предѣлы стиха. Но собственно отпечатокъ того, или другаго вліянія лежитъ на слогѣ, на оборотахъ, на формахъ словъ, на словахъ даже, и вообще на всемъ, что можетъ выражать тотъ или другой характеръ; цѣлое непосредственно составляется изъ мелкихъ, часто ничтожныхъ особенностей. И здѣсь въ этомъ сочиненіи нѣкоторые обороты носятъ оттѣнокъ языка церковно-Славянскаго; вообще-же лежитъ этотъ характеръ на всемъ слогѣ. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ это, надѣемся, видно. Въ этомъ сочиненіи есть достоинства слога и достоинства поэтическія, что́ также, надѣемся, видно, нѣсколько покрайней мѣрѣ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Къ этому стихотворенію присоединены примѣчанія, объясняющія смыслъ стиховъ, которыя написаны такимъ-же слогомъ, и такъ какъ они въ прозѣ, то обнаруживающійся здѣсь періодъ носитъ характеръ церковно-Славянской. Приведемъ и отсюда нѣкоторые примѣры въ доказательство словъ нашихъ: «Должно памятовать: яко ничтоже пріятнѣе, сладше, желательнѣе, милостивѣе и любезнѣе Бога быти можетъ.» (1)—«Въ алтерацію многіе пришли, и нѣсколько въ молчаніи прибыли.» «Адской вопль чрезъ фігуру поэзіи: Гипербола; разумѣется, превеликой вопль: которымъ крычали безъ памяти, ничего бо помнить не хотѣли; кромѣ отлученія ея.» (2) — «Въ дѣвическихъ же персонахъ: яко живописцамъ, тако и поетамъ, сія описывать обычай есть.» (3) «Никтоже, и ничтоже въ-

(1) Умозрителство душевное, стр. 3.

(2) Тамъ-же, стр. 11.

(3) Тамъ-же, стр. 26.

рующихъ истинно отъ любви Божіей разлучити имать свободность, якоже и Маріно сіе« (1) и пр. и пр.

Въ 1734 же году была написана ода на взятіе Гданска, Третьяковскаго. Въ ней видимъ мы тотъ-же или почти тотъ-же характеръ, какъ и въ стихотвореніи Буслаева. Впрочемъ въ ней гораздо меньше церковно-Славянизмовъ и вообще оттѣнка церковно-Славянскаго языка; она написана болѣе по Русски, тѣмъ ужаснымъ изломанымъ Русскимъ языкомъ, которымъ тогда писали; но въ этомъ отношеніи языкъ у Тредьяковскаго совсѣмъ не то, что у Кантемира,—несравненно ниже и хуже. Разница еще въ томъ, что у Буслаева есть поэтическія мѣста и вообще поэтическій и какой-то особенный, важный характеръ; а у Тредьяковскаго ничего этого нѣтъ; видна одна бездарность и ломаный, безобразный языкъ; однѣ его неуклюжія формы, совершенно ничѣмъ неодушевленныя, ни мыслію, ни жизнію слова. Ода посвящена Бирону — онъ былъ достоинъ этого; уступаемъ ему Тредьяковскаго.

Выпишемъ примѣры изъ оды; она говоритъ сама за себя.

Воспѣваи же лира пѣснь сладку
Анну то есть благополучну
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку
Къ нещастію въ вѣки тѣмъ скучну

. . . . . .
. . . . . .

Что хотѣли быть долго въ спорѣ
Съ оружіемъ въ дѣйствѣ пресильномъ

(1) Умозрителство душевное, стр. 37.

И съ воиномъ въ бон неумильномъ.
Всѣ Вѣтлою нынѣ рѣкою
Не Скамандру ли называютъ
Не Идѣ ль ими называютъ
Стощенбергомъ тамо горою.

Ищетъ и помощи въ народѣ
Что живетъ при брегахъ Секваны
Тотъ въ свои пропрышъ барабаны
Се Вечесминцы бьетъ въ пригоѣ.
Горкый огнемъ Гданскъ и кнѣзомъ
Купно воинами повсюду
Ужъ махины ставитъ разрѣзомъ
Въ Россовъ на роскатахъ внѣ уду,
И что богатъ многимъ припасомъ
Вивать Станіславъ кричитъ гласомъ
Ободряетъ въ воинахъ злобу
Храбраго серца немущихъ
Едино тьмо стерегущихъ
Соблюсти бъ ногами жизнь собу.

. . . . .

Магістратъ зря съ стѣны посѣдней
Что имъ въ помощи не осѣдней
И что въ приятствѣ Станіслава
Суетная была надежда
Стоя безъ смысла какъ невѣжда
Ахъ! кричитъ: пала наша слава

Анна Августа Августѣйша! (1)

Таково было состояніе Русскаго слога.

(1) Ода торжественная о здачѣ города Гданска сочиненная въ вящшую славу имени Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Анны Іоанновны Императрицы и Самодержицы Всероссійскія чрезъ Василья Тредіаковскаго Санкт-петербурскія Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Спб. 1734. (съ Нѣмецкимъ переводомъ).

Повторимъ теперь вкратцѣ все сказанное нами и сдѣлаемъ общее заключеніе. Исключительное опредѣленіе національности, подъ которымъ находится народъ, обнимаетъ и языкъ самый, который, съ отсутствіемъ общаго, имѣющаго пробудиться въ народѣ, служитъ только народной его жизни, составляетъ только рѣчь народа, въ такомъ случаѣ и въ языкѣ самомъ не пробуждается элементъ общаго; все горитъ исключительностью, рѣзкимъ, національнымъ характеромъ, вездѣ слышится звукъ голоса и живая рѣчь народа; — разговоръ — вотъ настоящая сфера его. Таковъ былъ языкъ Русскаго народа, находившагося подъ опредѣленіемъ исключительной національности; надъ языкомъ, какъ выражающій отвлеченное для народа общее, доступное лишь для возможнаго созерцанія въ религіозной формѣ, являлся церковно-Славянской языкъ, понятный ему, но извнѣ, недоступный ему, какъ орудіе въ его жизни. Исторію этихъ языковъ, этого двойственнаго слога мы представили если не вполнѣ, то достаточно подробно, думаемъ, для нашей цѣли. Въ періодъ національности все, что только возвышалось надъ ея исключительностію, при выраженіи въ словѣ письменномъ, непремѣнно должно уже было переходить въ сферу языка церковно-Славянскаго, ибо исключалось народною жизнью и не находило мѣста въ языкѣ Русскомъ, тогда строго національномъ. Наконецъ это опредѣленіе національности потряслось, и граница, лежавшая между двумя языками, нарушилась. Мы видѣли уже при Алексѣѣ Михайловичѣ возмутившимся бытъ народный; настало въ Русскомъ народѣ стремленіе перейдти въ высшій моментъ, моментъ, въ которомъ общее становится его содержаніемъ; возникла потребность индивидуума, съ пробужденіемъ котораго въ народѣ могло быть только доступно обще-человѣческое,—общее до сихъ поръ отвлеченно хранившееся для него въ сокровищницѣ религіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ долженъ былъ оторваться отъ своей національности, стать выраженіемъ общаго; въ немъ долженъ былъ развиться новый синтаксисъ и возникнуть новый слогъ, который отвлеченно до сихъ поръ являлся ему въ языкѣ церковно-Славянскомъ вмѣстѣ съ отвлеченною сферою общаго въ религіи, котораго выраженіемъ былъ этотъ языкъ. Переходы случаются постепенно; предыдущее состояніе должно прежде потрястись въ себѣ, явить ложь въ немъ заключающуюся, чтобы уступить мѣсто другому, новому; иначе, если оно крѣпко, полно жизни — никакіе великіе характеры не сладятъ съ нимъ и разобьются объ него, какъ дѣтскія игрушки. Вмѣстѣ съ новымъ стремленіемъ въ народѣ, пробудилось новое движеніе и въ языкѣ, пробудилась потребность новаго слога, соотвѣтствующаго новому, требуемому содержанію, и языкъ прежній изказился; въ немъ появилась странная, небывалая смѣсь словъ церковно-Славянскихъ и Русскихъ, ставшая слогомъ того времени. При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда еще внутри и безъ признанія сокрушался бытъ народный, писались комедіи, произведенія, по формѣ своей принадлежащія литературѣ, и силлабическіе стихи еще съ оттѣнкомъ религіознаго содержанія. Они писались слогомъ, въ которомъ странно и дико становились церковно-Славянскія слова и формы съ самыми простонародными. Это не было сочиненіе на церковно-Славянскомъ языкѣ; это не была Русская рѣчь; нѣтъ, это была смѣсь, порожденная новою потребностью; языкъ вмѣстѣ съ народомъ долженъ былъ оторваться отъ опредѣленія національности, въ немъ пробудилась потребность общаго, въ немъ долженъ былъ вполнѣ развиться синтаксисъ, онъ долженъ былъ дойдти до письменности во внутреннемъ значеніи этого слова. И состояніе самое языка въ Россіи, потрясенное въ прежнемъ своемъ видѣ, свидѣтельствовало уже о томъ, что но-

вый моментъ долженъ явиться. Языкъ, способный выражать общее содержаніе, перешедшій отъ опредѣленія исключительно національнаго, вмѣстѣ съ народомъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ своимъ, къ общему, въ тоже время вполнѣ развиваетъ всѣ свойственныя, собственныя ему именно, силы; и какъ народъ, перешедшій уже въ сферу общаго, возвеличиваетъ свою національность и становится выше какъ народъ, такъ и языкъ его, вмѣстѣ съ нимъ отрываясь отъ національности, переходя въ общее, становится выше самъ, какъ языкъ, развивая всю глубину и обширность собственныхъ своихъ силъ и представляя мѣру постиженія общаго. Не будучи простымъ внѣшнимъ орудіемъ мысли народа, но имѣя свою неотъемлемую самостоятельность и жизнь, языкъ именно въ своей сферѣ, какъ языкъ, а не какъ просто знакъ, развивается и наполняется общимъ содержаніемъ, вполнѣ сохраняя вмѣстѣ съ народомъ свою личность, самобытность, не переставая быть національнымъ, но вполнѣ только развертываясь въ новой высшей, обширнѣйшей сферѣ. И такъ не потеряна національность языка, не потеряна, но еще возвышена, какъ говорили мы прежде о народѣ самомъ Національныя выраженія, національныя особенности, даже исключительная физіономія не пропадутъ также, какъ не пропадутъ и особенности національныя народа, какъ скоро общее дѣйствительно проникнетъ народъ и уничтожится односторонность отношенія; только односторонность, исключительность составляетъ препятствіе; она уничтожится,—и видъ, и жизнь, физіономія національная въ періодъ исключительности, ничему не мѣшаетъ, напротивъ возвращаетъ свои права: все состояло въ отношеніи, во взглядѣ. Только чрезъ индивидуума можетъ стать доступнымъ общее народу; только чрезъ индивидуума можетъ и въ языкѣ возникнуть общее; если индивидуумъ (въ своемъ значеніи, а не

въ смыслѣ какого нибудь извѣстнаго лица) долженъ былъ возникнуть въ народѣ, чтобы повести его далѣе, то должна была вмѣстѣ раздаться рѣчь индивидуума новая, неслыханная рѣчь, какъ индивидуумъ оторгнутая отъ сферы жизни и рѣчи національной Когда двинувшись къ новой сферѣ, весь всколебался языкъ, у насъ были попытки, только показывавшія потребность новаго опредѣленія, стремленія къ нему; у насъ появились писатели, появились имена, отдѣлившіяся въ общемъ кружевѣ отъ народа, — ибо и самъ народъ переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, — являвшія тѣмъ, что миновало время національности. Но это еще ничего не значило; не внѣшнее вліяніе именъ и лицъ могло это сдѣлать; оно только намекало на индивидуума, оно только указывало, занимало его мѣсто; но значеніе индивидуума должно было быть внутреннимъ Только въ геніѣ этой сферы языка могъ явиться желанный индивидуумъ. Состояніе слога, нами описанное и объясненное, слога, этого существеннаго знаменія человѣка, требовало генія Часъ пришелъ. Онъ не замедлитъ явиться.

Въ то время, когда переворотъ, потрясшій всю Россію, потрясалъ вмѣстѣ и языкъ, когда Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, свидѣтели и вмѣстѣ дѣйствующія лица великаго переворота, говорили Слова, писали свои сочиненія, когда Кантемиръ начиналъ только писать свои силлабическіе стихи; въ это время, далеко отъ сцены этихъ переворотовъ, на краю земли Русской, близъ Холмогоръ, молодой рыбакъ томился безпокойствомъ и жаждою познанія; этотъ юноша былъ Ломоносовъ. Онъ былъ не причастенъ этому движенію,—почти безъ всякихъ средствъ, почти не идящій слѣдовъ просвѣщенія, не имѣя никакихъ данныхъ, залоговъ, основаній, кромѣ своего душевнаго стремленія, снѣдающей жажды, которой не было почти никакой воз-

можности удовлетворить; онъ даже не могъ знать просвѣщенія — все оно было въ немъ, въ его стремленіи; самые предметы знанія были ему неизвѣстны; вдали отъ наукъ, отъ движенія мысли и знанія, онъ одинъ, этотъ юноша томился неопредѣленною, глубокою жаждою просвѣщенія. Все, что могъ онъ отыскать здѣсь, были церковныя книги, которыя читалъ онъ, и которыя первыя положили основаніе его образованію. Церковно-Славянскій языкъ былъ первое, съ чѣмъ онъ познакомился. Не находя никакого средства удовлетворить дальнѣйшей своей потребности, 16-ти лѣтній юноша рѣшился бросить свою родину и идти въ Москву. Подробности его побѣга такъ извѣстны, что не нужно, думаю, повторять ихъ. Онъ былъ такъ счастливъ, что добрался до столицы; судьба помогла ему; въ Москвѣ былъ онъ опредѣленъ въ Заиконоспасское училище, гдѣ наконецъ могъ учиться и учился ревностно, какъ можно было ожидать. Ѳеофанъ Прокоповичъ узналъ его, и тотъ, вся жизнь котораго была посвящена наукамъ и знанію, умѣлъ оцѣнить понятное и сродное ему стремленіе въ молодомъ человѣкѣ; Ѳеофанъ постоянно былъ его покровителемъ и защитникомъ. Ломоносовъ былъ переведенъ въ 1735 году въ Петербургскую Академію и потомъ чрезъ два года отправленъ за границу; тамъ продолжалъ онъ пріобрѣтать разнообразныя познанія и въ 1741 году онъ возвратился въ Россію, гдѣ наконецъ развилъ свою многообразную дѣятельность; литтературная составляетъ предметъ нашего вниманія. Дѣло Ломоносова—видимость факта. Ломоносовъ создалъ языкъ, преобразовалъ покрайней мѣрѣ; это найдено всѣми; это также видимо, какъ Петръ преобразовалъ Россію, и это повторяется всѣми, не смотря на то, что эти выраженія, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуютъ настоящимъ образомъ дѣлу, обозначаютъ только его и на него указываютъ. Но въ чемъ состоитъ значеніе

этого преобразованія, въ чемъ состоитъ значеніе великаго подвига, такъ всѣми признаннаго, — вотъ вопросы, которые надо рѣшить.

Изъ предыдущаго нашего опредѣленія развитія языка вообще и состоянія языка нами показаннаго, видно, чего требовалъ, чего ожидалъ языкъ; отсюда уже понятно опредѣленіе имѣющаго возникнуть явленія. Уже разрушилась національная сфера языка; онъ долженъ былъ перейдти, какъ языкъ, въ сферу общаго; онъ требовалъ индивидуума, съ которымъ только былъ возможенъ этотъ переходъ; индивидуумъ явился; этотъ индивидуумъ былъ Ломоносовъ. Вотъ глубокое, существенное значеніе Ломоносова.

Ломоносовъ понялъ современное состояніе языка, онъ понялъ требованія языка Русскаго, современное отношеніе языка церковно-Славянскаго къ языку Русскому и значеніе перваго для послѣдняго; онъ понялъ все это, и новый языкъ явился. Ломоносовъ разрѣшилъ наконецъ эту странную смѣсь, призналъ за языкомъ нашимъ право перенестись самому въ высшую сферу, очистилъ его отъ странныхъ славянизмовъ, и возвелъ его въ эту высшую область, постановивъ его языкомъ, въ которомъ можетъ выражаться общее; въ тоже время онъ понялъ всегдашнее значеніе церковно-Славянскаго языка для Русскаго. Кончилась смѣсь, отдѣлились славянизмы, сталкивающіеся съ простонародными выраженіями; навсегда удалены церковно-Славянскія формы, чуждыя языку или, если и нечуждыя, въ немъ уже не находившіяся. Свободный отъ этой старинной примѣси, отъ древнихъ притязаній церковно-Славянскаго языка, вслѣдствіе коихъ вторгался онъ насильственно въ языкъ Русской, Русской языкъ свободно вознесся въ новую сферу, въ сферу общаго. Великое дѣло совершилось; языкъ преобразился. Вдругъ въ 1739 году явилась первая ода Ломоносова, и вдругъ послѣ всего того,

что было писано, чѣмъ являлся языкъ, изумленное ухо было поражено звуками новаго, неслыханнаго слова. Мы не разбираемъ здѣсь этой оды въ поэтическомъ отношеніи, а только въ отношеніи къ языку; просимъ теперь припомнить всѣ примѣры, нами приведенные существовавшаго доселѣ слога. Мы просимъ также сколько возможно оторваться отъ настоящаго, отъ живой его современности и перенестись въ тотъ моментъ, имѣть за собою только прошедшее до того момента. Мы знаемъ, что это иногда бываетъ трудно, но это необходимо, чтобы понять истину, находящую себѣ осуществленіе въ моментахъ. Мы знаемъ, какъ особенно невозможно это будетъ для тѣхъ, которые прицѣплены къ настоящему времени, пользуются слѣдственно современнымъ удобствомъ мысли, никогда не возвысятся надъ современностью, отъ которой надобно оторваться, отъ этой текущей современности, которая проходитъ, давая исторически жизнь являющемуся моменту,—оторваться отъ случайности, однимъ словомъ. Свое время, котораго они плодъ, необходимое ограниченное послѣдствіе, считаютъ они мѣриломъ для всего, для всѣхъ временъ и не понимаютъ движенія истины и великихъ, ею проходимыхъ моментовъ, моментовъ предыдущихъ, которыхъ часто спѣсивымъ результатомъ они являются; но это не ихъ вина и они безвредны, какъ случайныя явленія; они составляютъ хвастливость именно случайной стороны момента при его современности, настоящности; но мы о нихъ собственно не говоримъ. Пустоцвѣтовъ нѣтъ въ движеніи исторіи, но ихъ довольно бываетъ въ современной случайности еще настоящаго момента, и эти пустоцвѣты носятъ характеръ времени, въ которомъ они являются, и пустоцвѣтъ XIX разнится отъ пустоцвѣта XVIII столѣтія.— Сверхъ того, всего труднѣе кинуть свѣжій взглядъ именно на Ломоносова; всѣ мы оды его давно слышали, прежде не-

жели давали себѣ отчетъ о нихъ, сравнивали ихъ просто съ современностью нашею и вообще смотрѣли на нихъ, какъ на современныя; къ тому-же онѣ конечно наши; нашъ языкъ и литтература прямо къ нимъ примыкаютъ, и мы смотримъ на нихъ сквозь послѣдующее, тогда какъ надо смотрѣть сквозь предыдущее, въ связи моментовъ, чтобы понять ихъ настоящимъ образомъ; мы чувствуемъ это сродство, которое лежитъ въ нашемъ представленіи о Ломоносовѣ; оно доказываетъ, что Ломоносовъ связанъ съ нами, связанъ какъ начало; утверждаетъ за нимъ этотъ его великій подвигъ и въ тоже время мѣшаетъ быть намъ,—въ чувствѣ простаго современнаго созерцанія, не возвышеннаго общею мыслію,—вполнѣ свободными и безпристрастными, и намъ несравненно легче кинуть свободный и свѣжій взглядъ на Кантемира, нежели на Ломоносова. Пусть-же теперь, освободясь отъ современнаго ограниченія времени, (что́ признаемъ труднѣе при Ломоносовѣ, нежели при комъ нибудь) припомня всѣ примѣры, нами приведенные существовавшаго досель слога, особенно стихотвореніе Буслаева и оду Тредьяковскаго, взглянутъ на оду Ломоносова и поймутъ великое значеніе, съ нею соединенное. Выписываемъ здѣсь нѣсколько строфъ изъ нея, чтобы указать на появленіе Ломоносова въ языкѣ; о стихосложеніи мы не говоримъ:

Вотъ первая строфа первой оды Ломоносова:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключь молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,

Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ крутится.

Далѣе:

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце поетъ.
Что бьетъ за страшной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ?
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь:
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали поражены?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готѳскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Герою молвилъ тутъ Герой:
Не тщетно я съ тобой трудился.
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ,
На Югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей,
Свилася мгла, Герои въ ней,
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Какъ въ клубъ змія себя крутитъ,
Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
Орелъ когда шумя летитъ,
И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не воетъ.

О какъ красуются мѣста,
Что иго лютое сбросили,
И что на Туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили!
И варварскія руки тѣ,
Что ихъ держали въ тѣснотѣ,
Въ полонъ уже несутъ оковы!
Что ноги узами звучатъ,
Которы для отгнанья стадъ
Чужи поля топтать готовы!

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
Пришелъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней;
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ столь спокойно спитъ;
И ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ. (1)

Откуда возникъ этотъ языкъ, эти стихи? Какое неизмѣримое разстояніе отъ предыдущаго.

Теперь постараемся разсмотрѣть ближе и полнѣе подвигъ Ломоносова.

Ломоносовъ былъ тотъ геній, который совершилъ великое дѣло пробужденія общаго, который прекратилъ

(1) Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 57—60. 61. 62. 64. 65. 67.

наконецъ это смутное состояніе слова, и рѣшительно освободя языкъ отъ опредѣленія національности, возвелъ его въ сферу общаго; изчезла нестройная смѣсь, образовавшаяся подъ условіемъ предыдущаго опредѣленія и вмѣстѣ потребности новаго—слогъ, который какъ нибудь смѣшанно соотвѣтствовалъ или силился соотвѣтствовать современной потребности и движенію. Русской языкъ освободился и перешелъ наконецъ въ высшую сферу, получилъ полное право письменности; и наконецъ освобожденіе индивидуума и вмѣстѣ общаго, явилось и въ языкѣ. Ломоносовъ образовалъ языкъ, языкъ, которымъ мы пишемъ и который употребляемъ, которымъ будемъ писать. Разсмотримъ, какъ совершилъ онъ свое дѣло.—Онъ освободилъ языкъ Русской прежде всего отъ примѣси языка церковно-Славянскаго и ему, какъ Русскому языку, далъ гражданство въ письменности; мы не встрѣчаемъ уже съ его времени спряженій, падежей и вообще Формъ церковно-Славянскаго языка, или даже и такихъ Формъ, которыя были нѣкогда и Русскими, сходствуя самобытно съ церковно-Славянскими, но уже измѣнились съ теченіемъ времени въ языкѣ Русскомъ и сохраняясь только въ церковно-Славянскмъ языкѣ, стали въ ряду собственныхъ Формъ его и приняли отпечатокъ церковно-Славянскаго языка. Употребленіе ихъ въ нашей письменности простиралось до самаго Ломоносова. Изчезла эта пестрота и, однимъ словомъ, съ его времени Русской языкъ получилъ самобытное значеніе и въ сферѣ письменности. Но отдѣляя и освобождая Русской языкъ отъ языка церковно-Славянскаго, давая сему послѣднему самобытное мѣсто и возводя его въ высшую сферу языка, въ сферу общаго, письменности и вмѣстѣ литтературы, Ломоносовъ въ то-же время понялъ существенное отношеніе языка Русскаго къ церковно-Славянскому, основанное на историческихъ причинахъ и вмѣстѣ

на значеніи, характерѣ и сферѣ обоихъ языковъ. Первымъ его дѣломъ было опредѣлить эти отношенія и положить границу между языками Воспитанный на церковно-Славянскихъ книгахъ, онъ хорошо вникнулъ въ духъ и важность этого языка и могъ понять смыслъ его въ нашемъ словѣ. Такимъ образомъ уничтоживъ вліяніе церковно-Славянскаго языка, его преимущество и притязаніе на языкъ собственно письменный, и вмѣстѣ смѣсь отъ того происходящую, Ломоносовъ не только не уничтожилъ, но утвердилъ отношеніе между двумя языками, отношеніе такого рода, что языкъ Русской, единственное основаніе всякаго письменнаго слога, могъ и долженъ былъ пользоваться богатствомъ языка церковно-Славянскаго, собственно *словами* и отчасти оборотами; но здѣсь уже самобытно стоитъ языкъ Русской; здѣсь онъ не врывается въ церковно-Славянскій языкъ, какъ незваный и незаконный пришелецъ, и здѣсь не путается онъ самъ въ формахъ церковно-Славянскаго языка, встрѣчающихъ, сторожащихъ его доселѣ всюду, гдѣ оставляетъ онъ только уста человѣка, гдѣ онъ вступаетъ въ письменность, предметъ притязанія языка церковно-Славянскаго, смущающихъ его совершенно и обращающихъ его въ жалкую странную смѣсь. Нѣтъ, самобытенъ онъ теперь; рука генія превратила времена; нѣтъ прежнихъ путъ; и теперь онъ, безъ страха, какъ самобытный и основный языкъ, становится въ опредѣленное отношеніе къ языку церковно-Славянскому и заимствуетъ отъ него, что можетъ. Это отношеніе и заимствованіе словъ изъ церковно-Славянскаго языка есть отношеніе внутреннее и вѣчное, отношеніе существенное, которое положено и опредѣлено Ломоносовымъ навсегда, ибо основано на существѣ вещи. Мы сказали, что историческія причины и значеніе языковъ оправдываютъ вполнѣ это отношеніе Церковно-

Славянскій языкъ, какъ мы уже видѣли прежде, въ періодъ національности, былъ языкомъ посвященнымъ на служеніе вѣчному, религіозному, тогда какъ языкъ Русской при опредѣленіи національности, былъ языкомъ народа, языкомъ изключительно національнымъ и по этому только ограничивающимся національностью, не заключающимъ общаго, языкомъ преимущественно устнымъ, разговорнымъ. Это придало церковно-Славянскому языку сообразный важный, торжественный характеръ; содержаніе общее, единственное его содержаніе, проникло его всего и всякое слово его освятилось и приняло общій, важный отпечатокъ. Языкъ Русской долженъ былъ вмѣстѣ съ народомъ выйдти изъ предѣловъ національности и общее должно было стать его удѣломъ и самъ онъ какъ языкъ долженъ былъ возвыситься до выраженія общаго. До этой минуты, оставаясь подъ своимъ изключительнымъ опредѣленіемъ, онъ безпрестанно соприкасался съ языкомъ церковно-Славянскимъ (что мы видѣли исторически довольно подробно), смѣшивался съ нимъ; но это было только смѣшеніе, внѣшнее смѣшеніе и притомъ подчиненное со стороны языка Русскаго. Еще прежде видѣли мы, какъ слова изъ Русскаго языка врывались въ церковно-Славянскій, ибо онъ только былъ языкомъ сочиненій, онъ былъ основаніемъ письменнаго слога. Какъ нарушенія, какъ ошибки входили въ него Русскія слова и становились руссицизмами; какъ цитаты изъ лучшаго благороднѣйшаго языка встрѣчали мы церковно-Славянскія слова въ Русской рѣчи еще въ самомъ началѣ, еще до времени смѣшенія. То, что было раздѣлено нѣкогда, но раздѣлено потому, что и самыя сферы были разъединены, смѣшалось, когда потряслись объ въ своей отвлеченности, и наконецъ когда языкъ Русской оторвался отъ національности и въ немъ пробудился элементъ, явилась потребность общаго. Смѣшеніе, не соединивъ

внутренно, представило внѣшнее соединеніе и того и другаго языка. Ломоносовъ возвелъ Русской языкъ въ сферу общаго, освободилъ его вмѣстѣ отъ церковно-Славянскаго и въ тоже время и тѣмъ самымъ открылъ ему сокровищницу языка церковно-Славянскаго; она была заперта, недоступна ему доселѣ; но языкъ Русской самъ перешедши изъ сферы національности въ высшую сферу, могъ самостоятельно понять такъ сказать и принять въ себя элементъ церковно-Славянскій; между Русскимъ языкомъ и церковно-Славянскимъ установилось внутреннее, свободное отношеніе. Церковно-Славянскій пересталъ быть уже таинственнымъ изключительнымъ языкомъ, однимъ только выражающимъ общее, ибо и Русской достигъ тойже степени; тогда элементъ общаго вмѣстѣ съ элементомъ церковно-Славянскаго, не скажемъ вошелъ, но примкнулся къ нашему языку; это не было уже слово, употребляющееся, какъ цитаты; нѣтъ, теперь церковно-Славянскія слова получили право гражданства въ нашемъ языкѣ, который наконецъ дорось до него. Только тогда, когда самостоятельно сталъ Русской языкъ въ сферѣ общаго, отверзлось для него не безплодно съ своимъ значеніемъ внутреннее языка церковно-Славянскаго. Давнее знакомство, хотя и съ внѣшней стороны, тѣсно связало оба языка, и теперь только настало разумѣніе и вмѣстѣ истинное право; настало разумное отношеніе и заимствованіе. Русской языкъ, какъ языкъ самостоятельный, не принялъ подъ творческой рукой Ломоносова формъ церковно-Славянскаго языка, ни собственно принадлежащихъ ему оборотовъ; вся связь состояла въ приниманіи *словъ*, отчасти оборотовъ, понятныхъ, разумныхъ для Русскаго; но теперь въ Русской языкъ, ставшій языкомъ письменнымъ, вошли церковно-Славянскія слова и уже не какъ славянизмы, а какъ достояніе родственнаго языка Русскаго. Языкъ

Русской во всякомъ случаѣ есть языкъ живаго употребленія, разговора, языкъ связанный тѣсно съ случайною сферою,—и привѣтно встрѣчаетъ онъ въ сферѣ общаго слова, отъ вѣка полныя лишь общимъ содержаніемъ. Церковно-Славянскій языкъ сталъ постояннымъ источникомъ силъ и богатства нашей письменной рѣчи, сохраняя для народа собственно возможность разумѣнія, недоступный какъ и прежде употребленію обыденному, но доступный нашей рѣчи письменной, слогу, въ которомъ уже является не разговоръ, не исключительно національный оттѣнокъ, но общее богатство языка для выраженія общаго содержанія. Такимъ образомъ соприкосновеніе здѣсь съ языкомъ церковно-Славянскимъ именно въ томъ разумномъ, свободномъ и самостоятельномъ смыслѣ, въ которомъ произошло оно у Ломоносова, придаетъ Русскому языку этотъ характеръ общаго, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ о самобытномъ его гражданствѣ въ этой сферѣ и есть одинъ изъ видовъ освобожденія языка и возведенія, перехода его какъ языка, въ высшую сферу, сферу общаго. Отношеніе-же это Русскаго языка къ языку церковно-Славянскому есть, какъ мы сказали уже, отношеніе истинное, существенное, и потому не преходящее. Это отношеніе вѣчно, простирается и до нашего времени, и всегда будетъ существовать въ нашемъ языкѣ, слогѣ. Ему обязаны мы чудными, изящными красотами слова, чудными стихами и вообще красотою слога письменнаго, при всей Русской національности, выражающаго общее.—Такимъ образомъ, освободивъ Русской языкъ, опредѣливъ и установивъ отношеніе къ церковно-Славянскому, Ломоносовъ, повторимъ, перенесъ языкъ въ сферу общаго, языкъ, который послѣ него уже принималъ изящныя формы подъ перомъ Пушкина и другихъ, языкъ, которымъ мы теперь пишемъ и вѣчно писать будемъ, передъ которымъ безконечный ходъ развитія, на пути имъ прохо-

димомъ. Ломоносову мы за то обязаны. Сюда къ положенію объ отношеніи церковно-Славянскаго языка къ Русскому примыкаетъ вопросъ объ отношеніи языка письменнаго и разговорнаго; но объ этомъ мы намѣрены говорить далѣе, какъ и опять объ отношеніи Русскаго къ церковно-Славянскому. Ломоносовъ понималъ это отношеніе, и выразилъ не только дѣломъ, не только въ слогѣ своемъ; его слогъ есть уже фактъ этого новаго момента; нѣтъ, онъ сознавалъ это и высказалъ свое мнѣніе объ отношеніи церковно-Славянскаго языка къ Русскому въ своей статьѣ: *О пользѣ книгъ церковныхъ*. Въ этомъ краткомъ разсужденіи онъ дѣлитъ языкъ на три слога: высокой, средній и низкой; это раздѣленіе, произвольное и невѣрное само въ себѣ, здѣсь имѣетъ всю истину, ибо таково было историческое опредѣленіе Русскаго слова. Ломоносовъ былъ совершенно правъ; раздѣляя такимъ образомъ, онъ видѣлъ съ одной стороны церковно-Славянскій языкъ съ его высокимъ характеромъ, съ другой Русской подъ своимъ тогда еще тѣснымъ, преимущественно исключительно національнымъ, опредѣленіемъ, собственно-же, какъ фактъ слога, была передъ нимъ пестрая смѣсь того и другаго съ примѣсью словъ иностранныхъ; и здѣсь это раздѣленіе показываетъ только глубокой взглядъ Ломоносова, понявшій значеніе и отношеніе языковъ церковно-Славянскаго и Русскаго. Наконецъ здѣсь-же выражаетъ онъ свое желаніе, чтобы удалить наводненіе иностранныхъ словъ, являвшихся какъ-бы за недостаткомъ Русскихъ для выраженія ихъ значенія, и совѣтуетъ для того обратиться къ языку церковно-Славянскому, — совѣтъ совершенно справедливый; если эти слова выходятъ за предѣлъ національнаго, то именно здѣсь, при такомъ ихъ характерѣ (мы не говоримъ рѣшительно вездѣ) можетъ выступить языкъ церковно-Славянскій, и дать намъ такія слова, имѣющія

характеръ общаго, неупотребляемыя въ разговорѣ народомъ, но разумныя для него. Выпишемъ изъ статьи слова самого Ломоносова. Ломоносовъ говоритъ: (1)

«Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени, *высокой*, *посредственной* и *низкой*. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общеупотребительны; напримѣръ: *Богъ*, *слава*, *рука*, *пыпь*, *почитаю*. Ко второму принадлежитъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю*, *Господень*, *насажденный*, *взываю* (2). Неупотребительныя и весьма обетшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю*, *речены*, *ивегда*, *свыпь* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славянскаго языка. то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю*, *ручей*, *которой*, *пока*, *лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

«Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля, *высокой*, *посредственной и низкой*. Первой составляется изъ реченій Славено-Россійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обетшалыхъ. Симъ штилемъ соста-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 5.

(2) Здѣсь явная ошибка, описка или опечатка; то, что относится ко второму, должно относиться къ первому, и наоборотъ. Это видно и изъ самого смысла и изъ дальнѣйшихъ словъ. См. ниже.

влятися должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ передъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Словенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

» Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобъ слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную ровность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, еклоги и елегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

« Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ во все удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя епиграммы, пѣсни, въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по раз-

смотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

. . . . . .

« Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе во первыхъ по мѣсту и пр.

. . . . . .

Нѣсколько далѣе:

» Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣряю собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилѣжаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе; чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая ровность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ коренаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Опыя неприличности послѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка; подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ

претчется; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.»

Сколько важной и глубокой истины сказано здѣсь, хотя многіе, можетъ быть, не увидятъ ея за выраженіями и вообще за формами, въ какихъ она здѣсь является. Но это не помѣшаетъ намъ увидать, опредѣлить, объяснить и оправдать содержаніе словъ Ломоносова. Мало того, мы находимъ истинными самыя формы, въ которыхъ выражается истина, и постараемся оправдать ихъ. Сверхъ того, самыя обороты словъ и слогъ, опредѣленный тѣмъ временемъ, можетъ затемнять для настоящаго, современнаго понятія, для котораго образовалась своя колея слога и которое не въ силахъ отъ нея скрываться — простой, прямой смыслъ, лежащій въ сочиненіи. Кромѣ того встрѣчаются слова, имѣвшія согласно съ временемъ, согласно съ возрастомъ, такъ сказать, и исторіей своей жизни, извѣстное значеніе теперь измѣнившееся, но въ сущности тоже, ибо на основномъ воздвиглось это новое, изъ него вытекшее. Но современное понятіе часто не можетъ отдѣлить отъ нихъ смысла своего времени и не то читаетъ въ словахъ, что въ самомъ дѣлѣ въ нихъ заключается. Такъ у Ломоносова встрѣчаемъ мы слово: *подлый*, которое не значитъ у него, что значитъ теперь, хотя выраженіе: *подлыя слова*, и у него, и въ наше время имѣетъ смыслъ; но теперь нравственный смыслъ слова выдался впередъ, и простое, равнодушное качество обратилось уже въ укоръ, который слышенъ и въ приведенномъ нами выраженіи, если его понимать современно; тогда какъ этого не видать еще у Ломоносова, и нѣтъ ни сколько брани въ его выраженіи *подлыя слова*; онъ хотѣлъ сказать *низкія* (низменныя), но и то не въ смыслѣ брани, а въ смыслѣ отношенія къ высокимъ; какъ

есть слова высокія, такъ есть и низкія, которыя имѣютъ свое мѣсто и которыя онъ-же самъ будетъ употреблять, какъ слова, приличныя для разговоровъ, комедіи и пр., слова, если угодно, разговорныя, простонародныя. Слово: *искусство*, какъ до Ломоносова, такъ и во время его употреблялось въ другомъ значеніи, нежели какъ нынѣ,—болѣе близкомъ къ его этимологическому образованію, которое какъ будто было еще въ памяти; оно употреблялось именно въ значеніи *опыта*, отъ слова *искусить*, испытать. Такъ слова имѣютъ свой возрастъ, свою исторію и сообразно со временемъ служатъ для выраженія понятій, отличающихся болѣе или менѣе другъ отъ друга, хотя (безъ особенныхъ посторонніхъ причинъ) между ними лежитъ постоянно связь, ибо они возникаютъ другъ изъ друга и вмѣстѣ изъ одного зерна, изъ одного основнаго начала.

Но обратимъ вниманіе на самое дѣло, на то, въ чемъ выразился подвигъ Ломоносова, однимъ словомъ, на самыя произведенія его, и въ нихъ въ осуществленіи разсмотримъ значеніе его подвига. Важный вопросъ о синтаксисѣ, имѣющій здѣсь такой великій смыслъ, разсмотримъ мы вмѣстѣ, какъ дальнѣйшую подробность (разбирая самыя произведенія).

Произведенія Ломоносова писаны и въ стихахъ и въ прозѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ не напечатаны; изчислимъ напечатанныя. Вотъ его сочиненія въ стихахъ. Имъ написаны Оды, согласно съ духомъ того времени, духовныя и похвальныя, (первыхъ 11, вторыхъ 19). Также: переводъ стихотворенія: Вѣнчанная надежда Россійской Имперіи, Юнкера —Разговоръ съ Анакреонтомъ.—Переводъ Оды на счастіе, Руссо.—49 надписей, изъ которыхъ три въ прозѣ — Стихи Императрицѣ Елисаветѣ на Фейерверкъ.—Еще четыре стихотворенія: Письмо къ Шувалову; къ Пахомію; Отрывокъ; также стихи на дорогѣ въ Петергофъ, и къ И. И.

Ш. — Сверхъ того онъ сочинилъ двѣ пѣсни героической поэмы: Петръ Великій, Письмо о пользѣ стекла и двѣ трагедіи: Тамира и Селимъ, и Демофонтъ.—Вотъ прозаическія его сочиненія: Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ. Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства. — Похвальное слово Императрицѣ Елисаветѣ.—Похвальное слово Петру Великому.—Краткій Россійскій Лѣтописецъ.—Россійская Исторія до Ярослава I включительно. Онъ написалъ также Русскую Грамматику и Риторику. Изъ другихъ ученыхъ его сочиненій мы знаемъ слова: О пользѣ химіи. О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ. О происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее. О рожденіи металловъ отъ трясенія земли. Также Разсужденіе о большой точности морскаго пути, и: Явленіе Венеры на солнцѣ.—Всѣ эти ученыя сочиненія не носятъ на себѣ отталкивающаго отпечатка односторонней учености, не сухи и не отвлеченны; они согрѣты живымъ чувствомъ поэтическаго одушевленія, въ нихъ всегда видѣнъ при всѣхъ спеціальныхъ изысканіяхъ простой сочувствующій человѣкъ.—Онъ написалъ также большое сочиненіе: Первое основаніе металлургіи. Сверхъ того напечатаны нѣкоторыя его письма къ Шувалову.— Въ его прозаическихъ произведеніяхъ часто встрѣчаются стихотворенія или отрывочные стихи; особенно видимъ это въ Риторикѣ, гдѣ онъ долженъ былъ приводить примѣры, и за неимѣніемъ ихъ долженъ былъ брать изъ своихъ сочиненій или писалъ тутъ-же, а иногда переводилъ. Всѣ нами названныя сочиненія находятся въ изданіи подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. Третьимъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1803 года.

Въ шести частяхъ.» Впослѣдствіи нѣсколько позднѣе изданъ: «Портфель служебной дѣятельности М. В. Ломоносова. Изъ собственноручныхъ бумагъ, хранящихся у наслѣдниковъ. Изд. А. Вельтманъ. Москва. 1840 года.» Въ этомъ изданіи находятся его письма, проэкты, разныя замѣчанія и т. п., что̀ все любопытно и очень важно для изученія Ломоносова. Кромѣ того потомъ въ журналѣ Москвитянинѣ были напечатаны нѣкоторыя еще неизданныя бумаги и сочиненія Ломоносова въ небольшихъ отрывкахъ (1).—Сочиненія внѣ его литературной дѣятельности, какъ мы опредѣлили это слово, имѣютъ значеніе и важность для насъ относительно языка и также поэтическихъ мѣстъ, въ нихъ встрѣчающихся.

И такъ языкъ, образованный Ломоносовымъ, предстаетъ намъ въ двухъ видахъ, то есть въ стихахъ и прозѣ; но здѣсь въ тоже время есть разница условленная существомъ того и другаго вида. И въ стихахъ и въ прозѣ является намъ языкъ имъ образованный, который мы намѣрены разсмотрѣть и тамъ и здѣсь. Послѣ всѣхъ произведеній, написанныхъ такимъ страннымъ, можно сказать изкаженнымъ языкомъ, какой мы видѣли доселѣ, явилась въ 1739 году ода Ломоносова, первое явленіе новаго періода языка. Выше говоря о появленіи Ломоносова, вообще вслѣдъ за предыдущимъ искаженнымъ періодомъ языка, привели мы изъ нея примѣры. Мы просимъ здѣсь припомнить ихъ. Такимъ представлялся уже языкъ у Ломоносова при началѣ этого новаго своего періода, въ первыя такъ сказать минуты своего новаго существованія. Событіе, которое, положимъ, осуществляло-бы совершенство или свободу, все носитъ на себѣ яркой отпечатокъ, именно этого

(1) Именно: Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи Россійск. народа (Москвит. 1842 г. N 1). Труды Ломоносова для Русской Географіи. Письмо къ Миллеру (Тамъ же, N 3).

событія; даяніе какихъ-бы то ни было благъ, полной свободы, все на себѣ имѣетъ характеръ даянія, и самая эта свобода имѣетъ на себѣ тотъ-же характеръ: это еще освобожденіе. Такъ и языкъ Ломоносова, языкъ, отселѣ ставшій на высшую степень, вошедшій въ новый полный періодъ своего существованія, имѣетъ на себѣ еще характеръ этого періода, вшествія въ этотъ періодъ, такъ сказать; онъ ярко дается чувствовать въ его слогѣ, и каждая строка напоминаетъ о томъ образованіи Русскаго языка, которое совершилось, чтобы продолжаться, которое понималъ и дѣломъ и мыслію Ломоносовъ. Минута, въ которую совершается дѣло не минутное, но въ вѣка идущее, имѣетъ яркой характеръ, преизбытокъ этого дѣла; далѣе будетъ уже самое дѣло, безъ этого рѣзкаго характера, о немъ напоминающаго; но въ минуту своего свершенія, оно имѣетъ говорящій отпечатокъ событія сбывшагося, хотя-бы и для жизни въ будущія времена, отпечатокъ современной минуты. Кромѣ того, кромѣ этой особенности минуты, такъ какъ языкъ долженъ былъ въ этомъ новомъ періодѣ вполнѣ развиться, пройдти степени своего развитія, то все таки вытекая изъ начала, съ Ломоносовымъ только возникшаго, онъ поэтому необходимо долженъ былъ тогда уже, у него, имѣть на себѣ особый характеръ, показывающій степень, на которой онъ находится, и также: что есть впереди и другія степени и путь развитія. — Но не смотря на все это, геній Ломоносова возвысился до полнаго, совершеннаго проявленія языка, какой долженъ и можетъ быть въ этой высшей сферѣ, и основалъ намъ много образцовъ слога, оправданныхъ только нынѣшнимъ временемъ или даже еще имѣющихъ быть оправданными; самая сущность его дѣла дозволяла это: ибо дѣло его не было односторонне; оно уже было полно по существу своему, какъ зерно, заключая въ себѣ въ то же время воз-

можность дальнѣйшаго развитія; и эта-то полнота и положительная дѣйствительность подвига, хотя условленнаго, въ извѣстномъ отношеніи, временемъ, давала возможность явить полноту и совершенство слога. Напр.; указывасмъ сперва на стихи:

Во храмѣ возвѣщу великомъ
Преславную хвалу твою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При тьмахъ народа воспою. (1)

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десять струнъ Тебѣ согласно
Псалмы и пѣсни приношу. (2)

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей Божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой. (3)

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчислешы тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи? (4)

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину
И счелъ ли чудъ разнообразныхъ
Стада, ходящія по дну?

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 33.
(2) Тамъ-же, стр. 40.
(3) Тамъ-же, стр. 43.
(4) Тамъ-же, стр. 47.

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ? (1)

Какъ можно иначе и лучше сказать нынче? да и кто еще скажетъ! У кого встрѣчается такой языкъ и стихъ? У Пушкина, у Языкова?

Мечи твои и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;
Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
Отвергнувъ люту власть твою.
На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты свои разсыплетъ Флора.
Разить не будетъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огнь и смерть въ полкахъ,
Но озаривъ веселы ночи,
Восхититъ зрящихъ духъ и очи. (2)

Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищь полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою.

(1) Полн. собр. соч. М. В Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 50.
(2) Тамъ-же, стр. 83.

Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли. (1)

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ. (2)

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Уныльихъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубравой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнной производятъ гадъ. (3)

Какіе стихи и какъ выражается здѣсь сильная дѣятельная душа, и негодованіе противъ бездѣйствія и лѣни!

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ! (4)

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 120.
(2) Тамъ-же, стр. 126.
(3) Тамъ-же, стр. 190.
(4) Тамъ-же, стр. 214.

Зваяшнымъ образомъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,
Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
Что́ вѣра правая творить всегда претитъ.
По вамъ, простительно, о поздые потомки,
Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите олтарь предъ сей геройскій видъ. (1)

Являя Дщерь Его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро Ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть. (2)

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство
Подобная странѣ, Монархиня, твоей?
Отъ Запада твое простерлось государство,
Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей. (3)

Какъ туча грозная вися надъ головой,
Надута пламенемъ сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
Отъемлетъ почерпѣвъ путь дневному свѣтилу,
Внезапно разродясь стѣсняетъ громомъ слухъ,
И воздухъ двигаясь въ груди стѣсняетъ духъ;
Сугубятъ долы звукъ и пропасти глубоки,
И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревутъ потоки. (4)

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 272.
(2) Тамъ-же, стр. 274.
(3) Тамъ-же, стр. 307.
(4) Тамъ-же. ч. 2. стр. 38.

Отецъ мой воинства готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Которой съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился;
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть. (1)

Приведемъ нѣкоторые примѣры и изъ прозы, хотя полное совершенство языка достигается собственно въ стихахъ, какъ въ изящной по сферѣ уже своей, согласно съ содержаніемъ, формѣ слова:

«Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими сму сродными. Поляки преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большой части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни изъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены.» (2)

«Напрасно хитрая Натура закрываетъ отъ ней свои сокровища толь презрѣнною завѣсою, и въ толь простыхъ ковчегахъ затворяетъ: ибо острота тонкихъ перстовъ химическихъ полезное отъ негоднаго и дорогое отъ подлаго разпознать и отдѣлить умѣетъ, и сквозь притворную поверхность познаетъ внутреннее достоинство.» (3)

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 2, стр. 53.
(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 4.
(3) Тамъ-же, ч. 3. стр. 19.

«И такъ явствуетъ, что ненавидя Римскаго ига и любя свою вольность, Славяне искали оной въ странахъ полунощныхъ, которою единоплеменные ихъ, пользовались, въ мѣстахъ пространныхъ по великимъ полямъ, рѣкамъ и озерамъ.»

«Новгородцы удержали не одно токмо имя свое Славенское, но и языкъ сродныхъ себѣ Славянъ, около Дуная и въ Иллирикѣ обитающихъ, которой много сходнѣе съ Великороссійскимъ, нежели съ Польскимъ, не взирая на то, что Поляки живутъ съ ними ближе, нежели мы, въ сосѣдствѣ.»

«Потомъ какъ Римская Имперія стала приходить въ упадокъ, тогда Славяне стараясь отмстить древнюю предковъ своихъ обиду, предпринимали отъ Сѣвера на полдень сильные и частые походы, особливо при Іустиніанѣ великомъ, Царѣ Греческомъ, чему примѣръ даю изъ Прокопія.» (1)

Но еще видно было, какъ мы сказали, ярко было видно, чтб совершилось, и церковно-Славянскій элементъ, вошедшій законно, въ Русскомъ языкѣ явственно видится; у Ломоносова даже встрѣчается, но въ извѣстномъ выраженіи и не случайно, а взятый какъ-бы съ намѣреніемъ, родительный церковно-Славянскаго языка: *О плодѣ отъ корене преславна!—О вѣтвь отъ корене Петрова!* (2) Это было заимствованіе и заимствованіе свободное, а не безпорядочно и случайно, отъ разстройства языка, вошедшее въ Русской языкъ. Русской языкъ также даетъ Ломоносову слова свои, какъ напр: *никакъ смиритель странъ Казанскихъ;—обстоятельства, до особенныхъ людей надлежащія,*

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 5, стр. 105. 106.
(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 88. 102.

не должны ожидать здѣсь похлѣбства (1). Мы встрѣчаемъ даже (очень рѣдко) въ стихахъ падежъ творительный на *ы*; напр: *Уже со многими народы* (2); также въ прозѣ: *четырми образы* (3), падежъ, который имѣетъ оправданіе въ Русскомъ народномъ языкѣ, въ Русскихъ пѣсняхъ. Надо замѣтить, что только въ похвальномъ Словѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ встрѣчаются двѣ формы церковно-Славянскія, намъ чуждыя и не встрѣчающіяся болѣе нигдѣ у Ломоносова, можетъ быть вслѣдствіе оттѣнка церковно-Славянскаго языка, который допускалъ онъ въ Словахъ, написанныхъ высокимъ слогомъ, именно: *во градѣхъ; человѣкомъ* (4). Въ языкъ Русской у Ломоносова вошло много словъ церковно-Славянскихъ, хотя совершенно въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы сказали выше, что̀ можетъ быть было собственно особенностью его дѣла. Этого нельзя отнести ко времени въ томъ смыслѣ, что это былъ языкъ, находившійся въ употребленіи, имѣвшій объективную принудительную силу, какъ напр: употребленіе слова *искусство* и т. д.; нѣтъ, это былъ языкъ созидаемый, образуемый Ломоносовымъ, и такъ условленный уже собственно сущностью его дѣла, а не внѣшимъ вліяніемъ; конечно въ то время этотъ языкъ не былъ языкомъ, внѣ существующимъ, не былъ языкомъ того времени. Впрочемъ не могло и быть иначе; разговорнымъ, народнымъ быть онъ не могъ, а языкъ письменный, дотолѣ существовавшій, былъ предметъ его отрицанія; онъ самъ былъ этимъ новымъ языкомъ, возстающимъ неожиданно и могущественно

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 61, ч. 5. стр. 80.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 106.

(3) Тамъ-же, ч. 3, стр. 145.

(4) Тамъ-же, ч. 2, стр. 201. 210.

изъ предыдущаго; онъ самъ носилъ въ себѣ законы, условливающіе его существо, его явленіе, его видъ; онъ заключилъ въ себѣ все развитіе Русскаго слова, изъ него только могло двинуться оно далѣе и истинно;—и не было вокругъ него суда и мѣры, не съ чѣмъ было сравнить его. И такъ въ сущности самого дѣла лежали причины слога, что́ мы надѣемся разсмотрѣть ниже. Вотъ примѣры въ подтвержденіе сказаннаго нами, т. е.: что церковно-Славянскія слова замѣчательно часто попадаются въ языкѣ Ломоносова, преимущественно въ стихахъ. — *Твои плещи Петромъ скрѣпленны*; *Се паки Петръ съ Екатериной*; *О мати всѣхъ племенъ земныхъ! И купно бѣгъ свѣтилъ по чину*; *Колика нынѣ добродѣтель*; *И вящше укрѣпить державу* (1); такія слова встрѣчаемъ мы и въ прозѣ; напр: *щедротою достойныя толикаго родителя дщери*; *токмо*; *якобы заемныя*; *паче общенароднаго чаянія* (2). Впрочемъ мы ни сколько не объявляемъ себя противъ церковно-Славянскихъ словъ даже и тѣхъ, которыя ярко встрѣчаются у Ломоносова (мы говоримъ про слова, а не про формы склоненій, спряженій и пр., чего и нѣтъ у Ломоносова).

Но въ тоже время въ языкѣ былъ элементъ, который принадлежалъ времени и въ отношеніи котораго Ломоносовъ прямо можетъ опереться на время; это были слова, ближайшія къ своему источнику (корню), даже употребленія, даже обороты, но не слогъ; а такія слова между тѣмъ очень замѣчательны; они обнаруживаютъ намъ духъ слова, что́ важно и для настоящаго его значенія и что́ также вновь открываетъ намъ богатство слова, затертое въ переходахъ языка, но не потерянное,—могущее и въ наше время явить

(1) Полн. собр соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 94. 97. 115. 114. 134. 147.

(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 223. 234. 236. 238.

свой смыслъ и достоинство, открывающееся вновь, когда вновь наконецъ приходитъ время, отдающее ему справедливость и вновь возвращающее ему (какъ и всему, что ихъ имѣетъ) права свои; и такимъ образомъ языкъ нашъ обогащается вновь цѣлыми новыми словами. Мы не говоримъ рѣшительно обо всѣхъ словахъ; на нѣкоторыхъ лежитъ отпечатокъ историческій, извѣстнаго времени, не допускающій, можетъ быть, ихъ современнаго въ прежнемъ смыслѣ употребленія; вообще-же они важны и нисколько (само собою разумѣется) не должны мѣшать достоинству и полному совершенству современнаго слога. Мы укажемъ на слова такія; напр: *Пускай земля какъ поитъ трясетъ* (въ смыслѣ трясется); *Ступаетъ по вершинамъ строгимъ; Избавивъ отъ насильныхъ рукъ; Сердца жалпыемъ закипѣли; Въ пространствѣ заблуждаетъ око; Съ полудня вѣетъ духъ смиренный: Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта, охотой храбрыхъ дѣлъ плынетъ; Утишь печаль твоихъ людей; Велико дѣло есть и знатно; Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ; Но хищный волкъ пота противника терзаетъ, пока послѣднія въ немъ кровь еще кипитъ; Едина видитъ то съ презорствомъ добродѣтель; Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода* (1). Мы видимъ тоже и въ прозѣ: *и подобное сбытіе* (вмѣсто *осуществленіе*) *въ немъ исполняется; кромѣ сего* (*кромѣ* употреблено въ смыслѣ *безъ*); *вневапно змѣя изо лба вынявъ, въ ногу ужалила; и тѣмъ взять большинство* (превосходство) *надъ Россами и Поляками* (2). Согласно съ словами самаго Ломоносова, не во всякой прозѣ (какъ и въ стихахъ), встрѣчаемъ мы

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 60. 76. 86. 88. 90. 94. 106. 111. 211., ч. 2, стр. 77. 98. 96.

(2) Тамъ-же, ч. 3, стр. 16. 19., ч. 5. стр. 154. 161.

возвышенный характеръ слога; иногда не видать церковно-Славянскихъ словъ, входившихъ вмѣстѣ съ своимъ значеніемъ, которое имѣли и должны были они имѣть въ то время; тогда языкъ имѣетъ ту особенность современности, о которой сейчасъ мы упомянули, и вмѣстѣ самъ подчиняется общему характеру языка того времени, хотя кажется и является онъ на свободѣ безъ всякихъ узъ и стѣсненій.

Недостатокъ языка исключительно національнаго, языка разговорнаго большею частію, есть недостатокъ синтаксиса въ его настоящемъ полномъ развитіи. Элементы его лежатъ и въ языкѣ національномъ, но развиться здѣсь они не могутъ; живая рѣчь и разговоръ соединены близко съ посторонними обстоятельствами, съ лицемъ человѣка, и не нужно много хлопотать о томъ, чтобы быть понятнымъ; если-же языкъ національный перестаетъ быть собственно разговорнымъ, становясь разсказомъ или пѣснію, или замкнутымъ выраженіемъ, заключающимъ въ себѣ мысль, живой образъ (пословицею, поговоркою), врѣзываясь въ такомъ случаѣ и безъ письменности въ памяти народа и повторяясь изъ устъ въ уста со всею точностію, какъ будто-бы былъ написанъ: то и тогда языкъ, выражая немногосложную національную жизнь и возникая притомъ, во всякомъ случаѣ въ сферѣ разговора, при всемъ изяществѣ и прелести, все не заключаетъ въ себѣ всей силы развитаго полнаго синтаксиса. Только когда общее пробудится въ народѣ, когда общій элементъ пробудится и въ языкѣ,—возникнетъ въ немъ синтаксисъ со всею своею силою. Когда уже не только живая рѣчь, всегда болѣе или менѣе отрывистая, не сфера разговора, будетъ сферою языка, равно общею для всѣхъ въ народѣ; нѣтъ, когда передъ индивидуумомъ, ос-

вободившимся въ народѣ, индивидуумомъ, съ которымъ вмѣстѣ открывается цѣлый міръ общаго, откроется цѣлый міръ и языка, когда индивидуумъ уединенно остается съ своею мыслію, уже общею по содержанію, когда вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ въ немъ особенности и оттѣнки личнаго воззрѣнія, и вмѣсто звука голоса и живой рѣчи, передъ нимъ лежитъ молчаливая бумага, и онъ какъ лице, одинъ, уединенъ съ своею общею мыслію: тогда другимъ становится языкъ, восходитъ на высшую степень, развиваетъ всѣ свои общія, отъ случайности оторванныя силы и въ немъ вполнѣ является синтаксисъ. Пѣсни и сказки запоминаются слово въ слово, ихъ языкъ можетъ быть и вѣренъ и превосходенъ; но онѣ не сочиняются, не пишутся, онѣ сказываются и поются; онѣ возникаютъ въ сферѣ разговора и конечно носятъ на себѣ ея отпечатокъ; мы-же разсуждаемъ здѣсь вообще о самой сферѣ разговора и о сферѣ письменности. Выраженія въ пѣсняхъ и сказкахъ точны и необходимы; но сфера сама есть сфера случайности, не дающая развить вполнѣ языку общей стороны его, общаго значенія. Слово здѣсь можетъ и сказаться и не сказаться, фраза прерывается другою фразою и т. д.; но въ сферѣ письменности, когда мысль уединенно, не въ словопрѣніи, свободно облекается въ слово, не преданная случайности устнаго изложенія,—языкъ, одинъ съ мыслію, на свободѣ развиваетъ всѣ силы свои, сжатыя и не успѣвшія развиться въ потокѣ разговора, національной жизни, полной кипѣнія и случайности и не заботившейся о дальнѣйшемъ ходѣ языка. Здѣсь, въ сферѣ письменности, въ сочиненіяхъ, когда языкъ проникается общимъ содержаніемъ, выступаетъ его субъективный духъ; языкъ обогащается, слова самыя измѣняются, какъ мы и видѣли выше. Разумѣется, не буквѣ придаемъ мы эту силу; можетъ быть записана съ точностію простая, отрывистая рѣчь. Мы говоримъ про сферу обща-

го, когда она возникаетъ вмѣстѣ съ индивидуумомъ и когда письменность получаетъ вполнѣ свое настоящее значеніе. Начала языка всегда и вездѣ одни и тѣже во всѣхъ его моментахъ; слѣдовательно въ сферѣ разговора также лежатъ элементы, которые потомъ могутъ развиться въ сферѣ письменности; то-же существо языка, но въ извѣстномъ первомъ своемъ моментѣ. Основываясь на этихъ своихъ началахъ, образуется языкъ въ высшей сферѣ, языкъ письменный.

Мы видѣли, что въ періодѣ національности въ Россіи былъ языкъ народный, исключительно національный и въ то-же время возвышался надъ нимъ языкъ сферы общаго, языкъ религіозный, отвлеченный отъ исключительно національнаго опредѣленія народа, именно, языкъ Русской и языкъ церковно-Славянской. Во всемъ строеніи обоихъ языковъ была эта разница, слѣдовательно и въ отношеніи къ синтаксису, этой душѣ языка. Сферою языка Русскаго, согласно съ его опредѣленіемъ, былъ разговоръ; Фраза его носила отпечатокъ разговора даже и тогда, когда записывалась на бумагу. Фраза и рѣчь Русская вообще, дыша жизнію и дѣйствительностію современности, въ тоже время выражала только исключительность національной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ только жизнь слова въ случайности, не зная и не имѣя формъ, принадлежащихъ уже другой высшей сферѣ. Съ другой стороны надъ этимъ національнымъ языкомъ возвышался языкъ церковно-Славянскій, напротивъ весь посвященный общему отвлеченному содержанію, языкъ, по этому, отвлеченный. Здѣсь наоборотъ; здѣсь Фраза, лишь знающая одну бумагу, одну письменность (1), образуясь, представляла чрезвычайное

(1) Фраза церковно-Славянская произносилась также; но это произношеніе ея было необходимо и строго повторялось (объ цитатахъ говорить нечего). Произношеніе также необходимо и въ письменности, но мы го

синтаксическое развитіе; преданная общему содержанію, отвлеченная отъ языка разговорнаго, должна была фраза явить всѣ свои синтаксическія силы, развиваемыя лишь общимъ содержаніемъ, въ письменности. Но въ тоже время на фразѣ долженъ былъ лежать отпечатокъ отвлеченности, ей свойственной; синтаксисъ долженъ былъ развиться односторонне, преимущественно, — и въ церковно-Славянскомъ языкѣ находимъ мы изліяніе синтаксиса, ничѣмъ неудерживаемаго. Вмѣсто отрывистой рѣчи, прерываемаго предложенія, видимъ мы болѣе и болѣе все охватывающую собою, замкнутую конструкцію; видимъ безконечную связь рѣченій; періодъ растетъ безпредѣльно, такъ что наконецъ теряется грамматическій смыслъ его. Такое изступленіе синтаксическое встрѣчаемъ мы въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Примѣры той и другой рѣчи (церковно-Славянской и Русской народной) мы приводили выше. Мы просимъ припомнить ихъ.

Такое отношеніе между языками продолжалось до Ломоносова; разумѣется были оттѣнки, показанные нами по возможности въ предыдущемъ историческомъ изслѣдованіи. Когда смѣшивались языки между собою, нарушалось ихъ отношеніе, нарушалось и отношеніе синтаксическое. Нашъ языкъ не былъ возведенъ въ высшую сферу общаго, и въ немъ не пробуждался синтаксисъ, въ своемъ высшемъ значеніи; синтаксисъ являлся въ немъ во время перехода и смѣшенія, какъ нарушеніе его предѣловъ. Ломоносовъ первый, освободивъ рѣшительно языкъ отъ прежняго исключительно національнаго опредѣленія и введши въ сферу об-

воримъ про тѣ случаи, гдѣ оно служило уже полною областью. Какъ рѣчь исключительно разговорная могла записываться только формально, такъ и рѣчь исключительно письменная могла только формально произноситься, но разумѣется послѣдняя, какъ сфера высшая, предполагала и заключала въ себѣ звукъ, произношеніе, живой элементъ слова.

щаго, пробудилъ въ немъ и синтаксисъ въ высшемъ значеніи и развилъ его въ его крѣпости и силѣ Но что-же, какой характеръ представляетъ намъ синтаксисъ Ломоносова, синтаксисъ языка Русскаго? Откуда могъ онъ вывести этотъ синтаксисъ, изъ какихъ началъ, гдѣ основаніе и оправданіе его? Мы знаемъ, что многіе, или лучше общее мнѣніе думаетъ, что синтаксисъ Ломоносова не Русской, что онъ сформированъ по Латинскому и частію по Нѣмецкому; но мы невольно спрашиваемъ: гдѣ-же критеріумъ этого сужденія? на чемъ опираясь, произноситъ оно свой приговоръ; гдѣ нашло оно синтаксисъ Русской, противъ котораго погрѣшилъ Ломоносовъ? Намъ скажутъ разговоръ, живая рѣчь; но между разговоромъ и письменностью лежитъ необходимая разница. Ихъ нельзя сравнивать между собою. Языкъ, являющійся въ разговорѣ, долженъ быть основаніемъ синтаксиса языка письменнаго, какъ мы сказали выше; но онъ не стоитъ съ нимъ рядомъ; это два, одинъ за другимъ послѣдующіе момента, и разговоръ, какъ сравненіе, не можетъ служить критеріумомъ. Что-же встрѣтилъ Ломоносовъ и въ томъ отношеніи, въ которомъ разговоръ важенъ, имѣетъ значеніе для синтаксиса высшаго, то есть какъ основаніе его? Что вообще нашелъ Ломоносовъ, чтобъ постигнуть, создать или, лучше, вывести Русской синтаксисъ? что нашелъ онъ въ Русскомъ національномъ языкѣ? Въ Русскомъ языкѣ нашелъ онъ, въ томъ національномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ, полное разнообразіе оборотовъ, полную синтаксическую свободу. Бездѣлица! Это было основаніемъ, собственностью Русскаго синтаксиса, который, кромѣ этаго общаго начала (т. е. синтаксической свободы), еще точнѣе и подробнѣе, согласно съ нимъ, опредѣлился даже и въ національномъ періодѣ.—Вотъ что нашелъ Ломоносовъ въ Русскомъ языкѣ. Сверхъ того передъ нимъ былъ языкъ, преданный общему, отвлеченному отъ народ-

ной жизни, — языкъ, въ которомъ лежало отвлеченное общее Россіи-же, языкъ, который, хотя не былъ Русскимъ и не принадлежалъ по своему значенію у насъ никакому народу, но въ которомъ выражалась Русская-же мысль. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ мысль не была ни къ чему привязана; она находилась въ сферѣ отвлеченной, въ языкѣ отвлеченномъ и носила на себѣ тотъ-же характеръ; но совсѣмъ тѣмъ мысль, выражаясь въ словѣ, непремѣнно будучи Русскою, принимала Русскія или свойственныя Русскому языку синтаксическія формы. И такъ синтаксическое ея движеніе и образованіе въ словѣ было въ тоже время Русское, кромѣ того, можетъ быть, что̀ было налагаемо особенностью языка церковно-Славянскаго какъ языка, и что̀ основывалось на употребленіи, бывшемъ въ самое первое его время, и что̀ слѣдовательно удержалось постоянно болѣе или менѣе и служило основаніемъ въ рѣчи церковно-Славянской. Вспомнимъ и то, что есть общая характеристика синтаксиса письменнаго. Это уже одинъ изъ моментовъ языка вообще, кромѣ, разумѣется, условій національнаго отличія языка, никогда не теряющагося и существующаго въ сферѣ общаго, какъ отреченный въ своей исключительности, но присущій вѣчный моментъ. Здѣсь должны мы опредѣлить ближе эти моменты языка: сферу разговора и въ тоже время сферу національности,— сферу письменности, и въ тоже время сферу общаго, въ ихъ внутреннемъ значеніи.—Языкъ въ первомъ своемъ моментѣ, языкъ являющійся, какъ разговоръ, какъ разумное представленіе природы и всего окружающаго, составляющій связь между людьми, становящійся истиннымъ элементомъ человѣка, въ которомъ движется вся человѣческая жизнь его, — почти всегда предстающій не уединенно, но въ разговорѣ, являющійся всегда на устахъ, всегда звучащій въ появленіи своемъ,—такой языкъ образуетъ въ себѣ, жизни и слу-

чайности покорную, отъ нея зависящую фразу. Слогъ идетъ, куда ведетъ его случайность; мы уже говорили, что фраза перебивается нѣсколько разъ, конструкція остается рѣшительно недоконченною; но кромѣ этого, когда и не перебивается конструкція, когда можетъ она свободно, плавно выразиться въ рѣчи, и тогда элементъ, сфера языка, образуютъ ее согласно съ собою, представляютъ ее свободно бѣгущею; фраза, при отсутствіи твердой, постоянной мысли, вполнѣ ею владѣющей, является всегда легкою, незамкнутою, открытою; по мѣрѣ того, какъ понятія, въ теченіи самой рѣчи возстаютъ одно за другимъ, присоединяются къ ней слова. Всегда можно ихъ къ ней прибавить и отбросить (въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, если не дойдемъ до зерна фразы; но тогда уже подрывается самое ея существованіе) безъ ущерба ея смысла,—и фраза разширится, укоротится, не теряя своего вида фразы. Здѣсь совершенно наращеніе и убавленіе, условленное случайностію сферы; такая фраза есть фраза *неорганическая*, собственно разговорная. Запомнится-ли она сказанною и будетъ-ли повторяться съ точностію, избавленная такимъ образомъ отъ случайности, — все равно: она возникла въ сферѣ случайности, и если осталась такою, утвердилась въ своей формѣ вслѣдствіе постороннихъ причинъ, какъ пословицы, напримѣръ, — то удаленная внѣшнимъ образомъ отъ измѣненій, она, само собою разумѣется, носитъ все отпечатокъ этой случайности, своего неорганическаго бытія. Здѣсь на фразу дѣйствуютъ внѣшнія обстоятельства, здѣсь она среди нихъ, зависитъ отъ нихъ, — и сама видимость разговора, голосъ, лице, движенія, весь образъ человѣка помогаетъ мысли, понятію, внутреннему выразиться, и не дѣлаетъ необходимымъ полнаго явленія слова; здѣсь оно является чистымъ словомъ, опирающимся лишь на само себя для выраженія мысли. Таковъ слогъ,

такова конструкція въ этомъ моментѣ языка, моментѣ разговора, текущей жизни, случайности и вмѣстѣ національности; ибо въ ней, до пробужденія общаго въ народѣ, вполнѣ силенъ этотъ моментъ случайности, жизни и разговора. Вспомнимъ здѣсь Русскую пословицу, хорошо выражающую разговорную рѣчь: *Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь.* Но какъ скоро, отторгнувшись отъ этого своего опредѣленія, отъ жизни разговора, внѣшнихъ обстановокъ, духъ человѣка переходитъ въ другую сферу, гдѣ мысль общая, глубокая содержаніемъ, не умѣщается въ разговоръ и требуетъ уединеннаго дѣянія, гдѣ умолкаетъ слѣдовательно предъ человѣкомъ звукъ слова, гдѣ нѣтъ ни образа, ни движеній, гдѣ передъ мыслію остается одно, чистое слово, долженствующее облечь ее и выразить, — тамъ, въ сферѣ общаго, начинается иная дѣятельность; языкъ вступаетъ въ иную область, гдѣ слово развиваетъ всѣ свои силы и предстаетъ въ глубоко соединенномъ строеніи. Здѣсь-то на свободѣ зиждется вполнѣ собственно синтаксисъ, — и всѣ сокровища слова, всѣ многообразные его изгибы, движенія и обороты, вся его жизнь, все существо предстаютъ во всемъ объемѣ; слово не торопится, побуждаемое рѣчью, внѣшними обстоятельствами; здѣсь тихо развиваетъ оно свои силы, и отъ присутствія общаго пробуждается элементъ общаго въ немъ самомъ. Оно все проникается мыслію, — и соразмѣрно образуется и возникаетъ иная фраза, не стѣсняемая, свободная отъ окружающихъ условій, свободная отъ случайности, Фраза, на самомъ строеніи которой лежитъ отпечатокъ мысли. Это фраза полная, замкнутая, объемлемая основнымъ понятіемъ; отъ нея нельзя оторвать слова и нельзя къ ней прибавить, какъ въ живомъ разговорѣ; сама мысль окончено здѣсь является, въ оконченномъ образованіи, а не какъ сцѣпленіе понятій и представленій; Фраза получаетъ

согласный съ нею характеръ и новая почва предстаетъ ей, не звукъ, не произношеніе, но буква, письменность. Письмо соотвѣтствуетъ такой фразѣ, не въ теченіи разговора составляющейся, фразѣ, гдѣ слово ждетъ, пока сомкнется вся она, совокупитъ въ одно цѣлое всѣ свои частн; гдѣ слова должны помниться, пока предстанутъ въ общемъ строеніи, — слѣдовательно неудобной для разговора, фразѣ, гдѣ часто глубоко, подолгу обдумывается выраженіе; такая фраза есть Фраза *органическая*. Здѣсь встрѣчаемъ мы эту твердую, незыблемую, такъ называемую тяжелую конструкцію; она вполнѣ конкретно являетъ мысль, общее въ словѣ. Вспомнимъ здѣсь также прекрасно опредѣляющую письменный слогъ Русскую пословицу: *Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ*. Есть люди, которые находятъ эту конструкцію ложною, но самое появленіе ея уже показываетъ, что ей должна быть причина, что не можетъ она быть безъ основанія. Языкъ всякаго народа, отрывающагося отъ сферы случайной жизни, переходящаго въ сферу общаго, проходитъ эти степени развитія, и отъ сферы разговора восходитъ до сферы письменности. Этотъ слогъ письменности отдѣльно взятаго языка имѣетъ самобытно въ себѣ характеръ общаго, встрѣчаемый во всякомъ языкѣ, именно эту органическую Фразу, эту замкнутую твердую конструкцію, это проникнутое мыслію строеніе слова, видоизмѣняемое только собственными особенностями. Это удѣлъ всякаго языка, способнаго оторваться отъ случайности рѣчи. Нашъ языкъ долженъ былъ также, движимый развитіемъ общаго въ народѣ, освободиться отъ разговорной и перейдти въ эту общую высшую сферу, и въ немъ должна была пробудиться и предстать, но подъ условіями его особенностей, органическая рѣчь, оконченная, желѣзная конструкція, природная этой сферѣ. Если-же въ языкѣ могло пробудиться общее,

то само собою разумѣется, конструкція, служащая этому общему, ему свойственна. Мы видимъ, что нашъ языкъ вмѣстѣ съ народомъ оторвался отъ національности, разговора, и перешелъ въ высшую сферу общаго, въ сферу письменности. Въ немъ долженъ былъ выразиться весь характеръ момента, въ который онъ возвысился вмѣстѣ съ народомъ. Ломоносовъ, геній котораго выразилъ этотъ моментъ общаго въ нашей литературѣ, возвелъ и языкъ въ эту высшую сферу письменности. Что-же могъ представить намъ нашъ языкъ въ этой сферѣ, какъ образовались и явились его общія формы? Повторяемъ здѣсь: гдѣ нашелъ Ломоносовъ тѣ основанія, по которымъ могъ возвести языкъ самобытно на дальнѣйшую степень его образованія? Прежде всего скажемъ, что если нашъ языкъ способенъ вступить на нее, онъ долженъ исполнить это самобытно, и самобытно въ немъ должна возникнуть принадлежность языка въ этой сферѣ, органическая фраза. Ее признаемъ мы заранѣе въ нашемъ языкѣ, какъ и во всякомъ, который можетъ свободно и самобытно перейдти въ эту высшую область. Въ Русскомъ языкѣ вообще, и въ періодъ національности, должны лежать элементы того общаго, которое является въ языкѣ при полнѣйшемъ его развитіи.

Кромѣ языка національнаго, выразившагося въ грамотахъ, пѣсняхъ и пр. и живущаго въ устахъ народа, кромѣ языка церковно-Славянскаго, въ которомъ отвлеченно развивался синтаксисъ, движимый Русскою мыслію, Ломоносовъ имѣлъ передъ собою языки Латинскій и Нѣмецкій, у которыхъ уже были образовавшіяся общія формы. Языкъ Латинскій въ особенности ихъ обработавшій и имѣющій огромный авторитетъ, болѣе всего дѣйствовалъ на Ломоносова. И принимая его обороты, Ломоносовъ съ перваго взгляда подвергался обвиненію въ латинизмахъ. Но вспомнимъ, что синтаксисъ и

вообще слогъ этой высшей сферы имѣетъ въ себѣ общее, собственно свойственное этой сферѣ, и слѣдовательно встрѣчающееся естественно во всѣхъ языкахъ. Русской языкъ не былъ еще въ сферѣ письменности, еще не явились, не опредѣлились его обороты (письменные), тогда какъ Латинскій языкъ является уже вполнѣ развившимся, съ готовыми оборотами. Введеніе ихъ, если-бы они были и вполнѣ свойственны, должно показаться заимствованіемъ. Сверхъ того надо сказать, что кромѣ этого общаго сходства въ письменной сферѣ, въ Русскомъ языкѣ лежитъ возможность, которая даже осуществлялась, оборотовъ, конструкцій періода, сходныхъ и съ латинскими и могущихъ, если угодно, такъ называться. Вообще надо быть осторожнѣе при разсматриваніи оборотовъ повидимому заимствованныхъ и посмотрѣть, не принадлежатъ ли они также самобытно и тому языку, который обвиняется въ заимствованіи; время появленія, отдаленность, запутанность въ исторіи развитія и вообще многія обстоятельства могутъ здѣсь смутить сужденіе и сдѣлать его ошибочнымъ Для узнанія истины надо обратиться къ самому языку. Общее латинской конструкціи, вслѣдствіе уже закона самаго развитія (выше показаннаго) доступно языку Русскому; но та особенность, которая принадлежитъ собственно Латинскому языку, должна остаться чуждою языку Русскому. Здѣсь не надо принимать за латинизмы то, что есть общее, доступное и другому языку. Теперь возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ общее присутствуетъ во фразѣ, въ какой мѣрѣ является самобытное сходство и гдѣ начинается латинизмъ? Собственно само проявленіе этаго общаго можетъ самобытно принадлежать языку, и даже особенность Латинскаго языка можетъ быть самобытною особенностью Русскаго. И такъ надо рѣшить, гдѣ въ слогѣ Ломоносова, при общемъ элементѣ, принадлежащемъ сферѣ, являются оборо-

ты самобытные, сходные можетъ быть самобытно съ Латинскимъ языкомъ, и гдѣ латинизмы? Для этого надобно обратиться къ существу нашего языка, къ его духу, и посмотрѣть, нѣтъ-ли въ немъ оправданія этихъ оборотовъ, принадлежащихъ сферѣ письменной

Періодъ и конструкцію, вообще синтаксисъ языка Латинскаго болѣе нежели въ другихъ сочиненіяхъ Ломоносова, находятъ въ его похвальныхъ Словахъ, гдѣ конечно болѣе, нежели гдѣ нибудь, является въ своей силѣ органическая рѣчь И такъ обратимъ вниманіе наше преимущественно на эти слова, какъ и вообще на другія его прозаическія сочиненія; прозаическія, ибо стихъ не можетъ дать вполнѣ мѣста синтаксическому развитію слова. Прежде всего, выпишемъ первый періодъ похвальной рѣчи Елисаветѣ: «Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ которой подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось!» (1) Порядокъ словъ, вотъ первое, что назовутъ латинскимъ; если мы вглядимся въ самую конструкцію, то увидимъ, что то, что является въ развитой фразѣ, въ цѣломъ періодѣ, замкнутость, повторяется и въ малѣйшихъ видахъ конструкціи; такъ видимъ, напр: въ предѣлахъ пространнаго періода отдѣльныя выраженія:

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 2, стр. 203.

«въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ; при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ.... въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ и на холмахъ радостію препоясанныхъ» (1), или въ болье краткомь, отдѣльномъ періодѣ: «Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ ея великодушіемъ обновленное? — Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе, величайшей на свѣтѣ Государынѣ, блгодареніе и похвалу приносить начинаю. — Она отеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ ней пылаютъ. Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту стать противу за оную усердствуютъ.»—(2) И такъ это организированіе фразы, собственно порядокъ словъ, очень важное дѣло въ синтаксисѣ; если мы станемъ слѣдить далѣе эти слова и вообще сочиненія Ломоносова, то мы увидимъ ту-же самую особенность, тотъ-же порядокъ словъ. Въ этомъ только и выражается вліяніе языка Латинскаго, которое находятъ въ произведеніяхъ Ломоносова. Мы можемъ встрѣтить кромѣ того еще нѣсколько употребленій, принадлежащихъ языку Латинскому; но они и рѣдки и не важны; разумѣется въ тоже время они самобытно возможны и находятся даже въ Русскомъ языкѣ. Къ числу такихъ употребленій, но менѣе можетъ быть свойственныхъ, можно отнести слѣдующее: » Ничто на земли смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803 ч. 2, стр. 203. 204.
(2) Тамъ-же, стр. 205, 206. 212. 213.

какъ упражненіе» (1). Вообще-же Латинскій языкъ не имѣлъ и не могъ имѣть вліянія на нашу грамматику, на ту нашу часть синтаксиса, которая называется управленіемъ словъ; нельзя-же было явиться Латинскому творительному самостоятельному; нельзя-же было слову становиться въ творительномъ падежѣ послѣ сравнительной степени и пр.; сходство здѣсь могло быть, какъ мы сказали, только самобытно. Что касается до двухъ именительныхъ и до двухъ винительныхъ въ извѣстныхъ глаголахъ, то мы встрѣчаемъ это въ церковно-Славянскомъ языкѣ. Все вліяніе Латинскаго языка могло быть на конструкцію, на порядокъ словъ, на періодъ. Обратимъ-же вниманіе на порядокъ словъ въ обширномъ смыслѣ, на все, въ чемъ видятъ латинизмъ, и посмотримъ, принадлежитъ-ли онъ, и въ какой мѣрѣ, самобытно Русскому языку, разсмотримъ его въ подробностяхъ, въ его болѣе малыхъ, отдѣльныхъ частяхъ, въ его видоизмѣненіяхъ; взглянемъ на различныя его стороны и обороты.

Вообще въ письменной фразѣ (въ обширномъ смыслѣ этого слова), и во фразѣ Ломоносова замѣчаемъ мы замкнутость, видимъ на концѣ поставленный глаголъ, твердо, окончательно заключающій фразу; это видно изъ примѣровъ, нами выше предложенныхъ. Приведемъ ихъ еще: «Свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ сочиненія въ разныхъ народахъ, въ разные вѣки свѣту сообщенные. Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли, и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили: разгнали мрачныя тучи, и чистое небо далече проникли.—И ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искуству приписать долженствуемъ» (2).

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 3, стр. 3.

(2) Тамъ-же, ч. 3, стр. 106, ч. 6. стр. 6.

Мы не споримъ, что это оборотъ Латинскій; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ быть оборотомъ и другаго языка. Потомъ, въ оборотахъ отдѣльныхъ, внутреннихъ, т. е., въ расположеніи словъ, въ разныхъ видахъ ихъ порядка, встрѣчаемъ мы ту-же замкнутость, особенность, вытекающую изъ того-же начала фразы органической. Фраза, развиваясь, становится полнѣе и полнѣе, во всѣхъ частяхъ своихъ сохраняетъ этотъ характеръ замкнутости, и по этому при всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, замѣчая главные ея пункты, мы видимъ, какъ опредѣляющее становится предъ опредѣляемымъ, какъ все стремится къ этимъ главнымъ пунктамъ, выражая такимъ образомъ характеръ сосредоточенности и замкнутости, — общій характеръ всей органической фразы. Приведемъ еще примѣры: «Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ Ней искреннія ревности, приметъ. — Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами, на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе, въ священной Петровой Особѣ приносилось.» (1) Но сверхъ того обратимъ вниманіе еще на особенности порядка словъ, изгибовъ принимаемыхъ мыслію во фразѣ. Напр. «Однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣло разума. — Прерывно блещетъ въ разныя времени разстоянія. — Бываютъ въ верхней атмосферы тон-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 2, стр. 207. 255.

комъ воздухѣ —Разныя Славянъ поколѣнія:—(1) Мы можемъ привести здѣсь даже примѣры изъ стихотвореній, допускающихъ въ своемъ размѣрѣ такія перестановки словъ, изгибы и обороты: «Ещель мы мало утомились житейскихъ тягостью временъ.... Богиня новыми лучами красуется окружена.... Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ.. . Тебѣ обильны движутъ воды.... Тамъ мерзлыми шумитъ крылами» (2) и пр. и пр. Это основано вмѣстѣ на свободѣ синтаксиса, показываетъ болѣе или менѣе его гибкость, необходимую, разумѣется, принадлежность этого его свойства. Вотъ тѣ особенности, тѣ латинизмы, которые находимъ мы у Ломоносова. Повторяемъ, что если бы мы встрѣтили и рѣшительные обороты Латинскіе, то изъ этого не слѣдовало-бы, что они заимствованы или что они чужды, несвойственны Русскому языку; сходство могло быть самобытно.

Обратимъ-же теперь наконецъ вниманіе на Русскій, собственно національный языкъ, и потомъ на языкъ церковно-Славянскій, языки, составлявшіе Русское слово, которые имѣлъ передъ собой Ломоносовъ, и посмотримъ, что они намъ представляютъ.

Мы можемъ видѣть нашъ языкъ въ тѣхъ проявленіяхъ, которыя онъ далъ себѣ въ памятникахъ письменныхъ: въ грамотахъ и пр. (примѣсь, какая могла быть, легко отдѣляется, что́ и старались мы сдѣлать выше). Еще свободнѣе предстаетъ онъ намъ въ Русскихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и т. п. Мы можемъ даже изслѣдовать нашъ языкъ и въ настоящемъ простомъ разговорѣ народа; нашъ-же языкъ образованный не можетъ быть еще критеріумомъ, ибо подвергался извѣстнымъ измѣненіямъ.

Элементы этой органической фразы, этотъ глаголъ, ста-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. 1803. Спб. ч. 2, стр.261, ч. 3. стр. 65, ч. 5 стр. 94.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 185. 199. 200.

новящійся на концѣ, встрѣчаемъ мы и въ грамотахъ. Мы привели выше довольно примѣровъ, просимъ припомнить ихъ. Но все для большей видимости приведемъ здѣсь еще хотя нѣсколько: «А приставовъ ти съ низу въ всю въ Новогородьскую волость не всылати. — А приставовъ ми въ твой удѣлъ въ твою вотчину, чѣмъ тя есмь пожаловалъ и на Городецъ, ни моему сыну Князю Великому Ивану Васильевичю, ни моимъ дѣтемъ меншимъ не всылати. — И тобѣ моему Господину Великому Князю, и твоему сыну Великому Князю, и твоимъ дѣтямъ, которыхъ ти дастъ Богъ, моее отчины подъ моею Княгинею и подъ моими дѣтми блости, а не обидети, ни вступатися, и печаловатися вамъ моею Княгинею и моими детми.» (1) Ясное доказательство, что не чужда была языку эта конструкція, что крѣпкимъ умомъ одаренъ Русской народъ; въ грамотахъ-же встрѣчаемъ мы и дальнѣйшія подробности такой фразы И здѣсь также приведемъ опять примѣры: «А хто будетъ мнѣ Великому Князю и моему сыну Великому Князю другъ, тотъ и тобѣ другъ» (2) и пр. Мы находимъ далѣе, эти особенные обороты, показывающіе гибкость Русскаго языка, эту чудную перестановку словъ. Напр. «А которой ти братъ; а хто моихъ Князей отъѣдетъ къ тебѣ служебныхъ.» (3) Тоже самое показываютъ намъ наши пѣсни и языкъ нашего народа. Напр.

А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу
Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу....

—

И ту рушала Княгиня лебедь бѣлую....

—

А отъ пару было отъ конинаго ... (4)

(1) Собр. Гос. грам. и догов., ч. 1, стр. 10. 188. 242.
(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 254.
(3) Тамъ-же, стр. 175. 176.
(4) Древн. Рос. стихотвор., собр. Киршею Даниловымъ, стр. 86. 139. 242.

Мы можемъ также привести примѣры изъ народной рѣчи, которую мы, вѣроятно, всякой болѣе или менѣе слышимъ; въ народѣ человѣкъ говоритъ напр: *Не нашего дѣло ума* и пр.— И такъ всѣ выраженія Ломоносова, на которыя мы указали (стоитъ только припомнить ихъ) находятся цѣликомъ, или имѣютъ свое основаніе въ Русской рѣчи, чему мы привели кажется ясные примѣры. Но все это сводится къ одному: къ полной свободѣ синтаксиса (не въ смыслѣ управленій словъ, а въ смыслѣ конструкціи), свободѣ, которая слѣдовательно уже даетъ возможность возникнуть органической фразѣ, вполнѣ развиться въ высшей сферѣ синтаксису; дастъ мѣсто всѣмъ этимъ гибкимъ оборотамъ, встрѣчающимся у Ломоносова и прямо встрѣчающимся въ нашемъ языкѣ; мало того, даетъ возможность языку превзойдти въ этомъ отношеніи другіе языки, превзойдти ихъ въ богатствѣ и гибкости оборотовъ, въ разнообразіи строенія слова. И потомъ, этотъ характеръ свободы, лежащій на языкѣ, далеко отличаетъ его, въ каждомъ даже его оборотѣ, отъ другихъ. И такъ свободно можетъ у насъ быть весь ходъ, все должное богатство развитія слова. Нашъ языкъ, нашъ синтаксисъ имѣетъ особенный характеръ, и то, что можно сказать на Русскомъ, едва-ли можно сказать на какомъ нибудь языкѣ. Приведемъ въ примѣръ такія слова нашей пѣсни:

Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокóмъ, въ высокóмъ.

Здѣсь удивительное отношеніе между словами, удивительная память, такъ сказать, мысли въ языкѣ, при устройствѣ слóва. Двѣ кажется фразы, но ихъ проникаетъ синтаксическая связь; можно-бы подумать, что говорится про два терема и раздѣляются слова: *у батюшки, у матушки*, тогда какъ напротивъ они прямо относятся другъ къ дру-

гу, и тѣсно соединяются; фраза такова: *я у батюшки и у матушки въ высокомъ терему*; но не смотря на раздѣленіе, сохранена связь между словами, и надъ отдѣльными формами фразъ является сила синтаксиса, соединяющая ихъ въ одну; такъ что если надписать одну фразу надъ другою, то каждое слово соединяется съ написаннымъ подъ нимъ словомъ. Здѣсь выражается особенная грація, особенная сила и гибкость синтаксиса; здѣсь видимъ мы явленіе, знаменующее полную его свободу. Мы можемъ привести такіе-же и подобные тому примѣры изъ древнихъ Русскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ:

Отстаетъ доброй молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери....

Такъ-же:

Пиръ на веселѣ, повелъ столы на радостяхъ....

—

Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала.... (1)

Такъ-же нельзя не привести здѣсь Русскую пѣсню:

Какъ вечоръ мнѣ подруженьки косыньку расплетали,
Онѣ золотомъ перевили мою,
Опѣ жемчугомъ убирали ее.

Сверхъ того предъ Ломоносовымъ былъ языкъ церковно-Славянскій, языкъ, какъ мы сказали, служившій также все Русской мысли, языкъ, выражающій отвлеченное развитіе синтаксиса, являющій множество отдаленныхъ значеній въ періодѣ; онъ представлялъ Ломоносову также элементы и уже образы, формы общаго синтаксиса, но доведеннаго до крайности, въ своемъ отвлеченномъ развитіи.

(1) Древн. Росс. стих., собр. Киршею Даниловымъ, стр. 296. 38. 43.

Синтаксисъ языка церковно-Славянскаго могъ быть доступнымъ Русскому, или какъ общее, или какъ Русской синтаксисъ, который долженъ былъ однако при употребленіи измѣниться; впрочемъ нѣкоторыя части могли взойти какъ есть. Примѣры такого синтаксиса мы уже привели кажется достаточно выше. Не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь новые и обременять разсужденіе еще длинными выписками. Ломоносовъ-же, мы знаемъ, читалъ церковно-Славянскія книги, это было первое его чтеніе; онъ сверхъ того сознательно признавалъ важность церковно-Славянскаго языка, и слѣдовательно вліяніе этого языка на его рѣчь возможно, естественно, и даже не подлежитъ сомнѣнію.

И такъ вотъ что было передъ Ломоносовымъ, вотъ элементы, являвшіеся ему въ жизни Русскаго языка или вообще слова. Мы видимъ въ нихъ оправданіе Ломоносовскихъ латинизмовъ. Сверхъ того даже и у всѣхъ передъ нимъ, и у Петра Великаго была въ слогѣ тяжелая конструкція; причина слѣдовательно тяжести языка должна была лежать въ другомъ (а не во вліяніи Латинскаго языка) Мы видимъ, что на этихъ элементахъ основывается тотъ синтаксисъ, который упрекаютъ въ латинизмѣ,—конечно лишь болѣе стройный и болѣе развитый, чѣмъ въ нихъ. Языкъ Русской могъ согласно съ существомъ своимъ подняться въ эту высшую сферу языка, сферу общаго, открывающуюся тогда, когда общее пробуждается въ народѣ, — и онъ возвысился до нее; слѣдовательно сфера эта и формы общія языка принадлежатъ ему потому уже самобытно; въ существѣ его лежитъ возможность этихъ формъ, этого синтаксиса. въ немъ уже,—и въ національной его сферѣ, и такъ-же въ отвлеченномъ развитіи мысли въ словѣ,—видимъ мы эти начала, и видимъ главное—свободу синтаксиса Ломоносовъ былъ ге-

ніемъ языка, возведшимъ его въ эту высшую сферу; дѣло его было свободно, и формы, принятыя языкомъ, принадлежали уже ему вполнѣ, вытекали изъ его духа, что́, думаемъ, мы доказали. Однакожъ мы должны въ тоже время согласиться, что фразы Ломоносова имѣютъ отпечатокъ Латинской, собственно въ оттѣнкѣ внѣшнемъ; что онъ обращалъ вниманіе на Латинскій языкъ, его избиралъ, иногда по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ; но въ образѣ этого языка видѣлъ и находилъ онъ общее; онъ бралъ эти обороты какъ выражающіе общее въ языкѣ, обороты высшей его сферы и свойственные слѣдовательно языку Русскому. Онъ бралъ ихъ, какъ достояніе языка Русскаго, и потому еще, что языкъ Русской, какъ именно Русской, самобытно имѣлъ ихъ или подобные имъ въ себѣ, и взятое повидимому изъ чуждаго не было чуждое; онъ занималъ съ полнымъ правомъ собственности,—и оборотъ какъ-бы вновь выросталъ на Русской почвѣ, шелъ изъ Русскаго языка и съ помощію полной его свободы становился Русскимъ; языкъ Русской и церковно-Славянской, какъ мы видѣли, доказываютъ это и вполнѣ оправдываютъ Ломоносова. Легкой, волнующійся отпечатокъ и нѣкоторыя употребленія Латинскія остаются сами по себѣ въ его слогѣ, не противорѣча существу дѣла. Конструкція Ломоносова, порядокъ словъ, наконецъ слогъ его—вполнѣ Русской, выходитъ изъ элементовъ Русскаго языка.—Мы должны обратить здѣсь вниманіе на нѣкоторыя особенности слога Ломоносова, не противорѣчащія нисколько словамъ нашимъ. Сперва обратимъ вниманіе на отдѣльныя слова, о которыхъ мы уже отчасти упоминали выше. Онъ употребляетъ слово *снести* вмѣсто *сравнить: снести своихъ и нашихъ предковъ* (1); *тотъ* гдѣ мы употребляемъ *онъ* или даже *оный;* напр: *Дугу поставилъ въ знакъ покоя и*

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 78.

тою съ нимъ завѣтъ чинилъ; предпринимая тѣхъ описание (1); слово *внѣшній* въ смыслѣ *иностранный*: *имя Славянское поздно достигло слуха внѣшнихъ писателей* (2), слово *одержать* въ смыслѣ *владѣть Трояне одержали оныя земли* (3); слово *поведеніе* кажется въ смыслѣ *развитія, хода впередъ, пути* или скорѣе *обычая;* онъ говоритъ о Славянахъ: *Кромѣ раздѣленія по мѣстамъ, разность времени отмѣняетъ поведенія* (4); слово *знатный* въ смыслѣ *великій, знаменитый, значительный: для знатнаго идольскаго пированія* (5); слово *пишетъ* употребляетъ онъ, какъ обыкновенно въ грамотахъ, вмѣсто *пишется, про Словенова сына Волхва пишетъ, что....* (6); даже. *подтверждаетъ* въ смыслѣ *подтверждается: и то самое подтверждаетъ происхожденіемъ имени Колоксава* (7); *обыкновенность* въ смыслѣ *обычай, обыкновеніе;* предлогъ *за* вмѣсто *въ пользу;* напр. *за обыкновенность сихъ Варяговъ ходить на Римскія области явствуетъ изъ многократныхъ военныхъ нападеній* (8) и пр.; мы-бы сказали совершенно иначе: *обыкновеніе или обычай.... явствуетъ, доказывается* и пр; *совѣтовать*, что согласно съ древнимъ употребленіемъ, вмѣсто *совѣтоваться: совѣтовалъ съ единомышленниками своими* (9); *порядочный* въ смыслѣ *устроенный, опредѣленный*, какъ прилагательное, происходящее

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 71, ч. 5. стр. 30.
(2) Тамъ-же, стр. 88.
(3) Тамъ-же, стр. 90.
(4) Тамъ-же, ч. 5. стр. 94.
(5) Тамъ-же, стр. 99.
(6) Тамъ-же, стр. 104.
(7) Тамъ-же, стр. 119.
(8) Тамъ-же, стр. 138.
(9) Тамъ-же, ч. 5, стр. 145.

отъ *порядка: установлять порядочныя дани* (1); *поворотился* въ смыслѣ *воротился: съ малымъ числомъ людей поворотился* (2); *любимъ* употребляется какъ прилагательное *любимецъ· былъ любимъ Ольгѣ* (3); *густость* въ смыслѣ *густоты: Гдѣ густостью животнымъ тѣсны* (4); *жалость* въ смыслѣ *сожалѣнія, участія, любви. съ жалостію и радостію цѣловалъ мать и дѣтей своихъ* (5); *выпали* въ смыслѣ *сдѣлали вылазку: сидѣвшіе Россіяне изъ города выпали* (6); *разсудить*, съ винительнымъ падежемъ, въ смыслѣ *обдумать* или *размыслить: разсудивъ малое число своего войска*; (7) *выступъ* вмѣсто *выступленіе: не дозволяя жителямъ изъ него выступу* (8) и т. п. Мы выписали преимущественно изъ Русской Исторіи Ломоносова; но эти и подобныя слова встрѣчаются вездѣ въ его сочиненіяхъ. Какъ Русской старинный оборотъ можно еще замѣтить: *два сына Петровы Болгарскаго Государя* (9); встрѣчаются иногда церковно-Славянскія формы; напр: *одного корене* (также примѣръ нами приведенный выше въ стихахъ); *о Славянехъ*; *въ Полянехъ* (10); но эти употребленія встрѣчаются скорѣе какъ опечатки; употребляется *еже: еже задолго прежде созданія монастыря Печерскаго* (11). Встрѣчается также и дательный, такъ называемый самостоятельный,—оборотъ, который кажется намъ нельзя рѣ-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 5, стр. 148.
(2) Тамъ-же, стр. 161.
(3) Тамъ-же, стр. 168.
(4) Тамъ-же, ч. 1, стр. 126.
(5) Тамъ-же, ч. 5, стр. 173.
(6) Тамъ-же, стр. 188.
(7) Тамъ-же. стр. 183.
(8) Тамъ-же, стр. 222
(9) Тамъ-же, ч. 5, стр. 176.
(10) Тамъ-же, стр. 155. 156. 159.
(11) Тамъ-же, стр. 125.

шительно отнять не только у церковно-Славянскаго, но и у Русскаго языка, оборотъ по крайней мѣрѣ сомнительный; напр: *приспѣвшу времени выходятъ поединщики на сраженіе; во рву коню его спотыкнувшись, отъ паденія повредилъ ногу* (1); выраженія: *поклонясь садятся изумленнымъ лицомъ* (2) вмѣсто *съ изумленнымъ лицомъ*, взято со словъ Нестора. Мы находимъ періодъ, который не считаемъ вполнѣ Русскимъ, по крайней мѣрѣ по мѣсту и отношенію слова: *который*,—періодъ Латинскій: *Чехи по описанію тогожъ Прокопія, жительствовавши на берегу Евксинскаго понта, которымъ въ прежнія времена славилъ королей Римской Императоръ; а тогда ему уже не были ни въ чемъ послушны* (3). Но слѣдующее мѣсто, по слогу, признаемъ мы совершенно въ духѣ Русскаго языка, что́ мы доказывали и объясняли выше: «Такимъ образомъ по единой крови и по общей пользѣ согласные между собою Государи въ разныхъ мѣстахъ утвердясь, шатающіеся разноплеменныхъ народовъ члены крѣпкимъ союзомъ единодушнаго правленія связали. Роптать пріобыкшіе Новгородцы страшились Синеусова вспоможенія Рюрику; ибо онъ обладалъ сильнымъ Бѣлозерскимъ Чудскимъ народомъ, называемымъ Весью. Труворъ, пребывая въ близости прежняго жилища, скоро могъ поднять Варяговъ къ собственному и братей своихъ защищенію. И такъ имѣя отвсюду взаимную подпору, неспокойныхъ головъ, которыя на избраніе Рурикова не соглашались, принудили къ молчанію, и къ оказанію совершенной покорности, такъ что хотя Синеусъ по двулѣтномъ княженіи скончался, а Труворъ послѣ него жилъ не долго; од-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 5, стр. 221. 228.
(2) Тамъ-же, стр 209.
(3) Тамъ-же, 112.

нако Рурикъ въ великій Новгородъ переселился, и надъ Волховымъ обновилъ городъ.» (1) Все это, какъ мы сказали, вполнѣ согласно съ словами нашими, остающимися во всей силѣ.

Языкъ, какъ было уже объяснено, является сперва въ сферѣ разговора и вмѣстѣ въ сферѣ изключительной національности, и здѣсь предстаетъ эта неорганическая фраза, способная и убавиться и прибавиться, безъ измѣненія во всемъ составѣ. Мы сказали, что языкъ вмѣстѣ съ народомъ достигаетъ сферы общаго, гдѣ измѣняется, развивается, образуется иначе, оторванный отъ случайности разговора и перенесенный въ соотвѣтствующую сферу новому бытію своему, въ письменность, гдѣ является уже органическая фраза, фраза высшаго состава. И такъ всякой языкъ проходитъ эти степени развитія Но языкъ Французскій, такъ какъ и народъ самый, выражающій въ себѣ національность по преимуществу, остался на степени языка разговорнаго, неорганической фразы, и, такъ какъ и народъ, не открылся для общаго; эта фраза неорганическая перешла и въ письменность; она стала необходимымъ условіемъ языка Французскаго, неспособнаго къ другой конструкціи, и въ немъ преимущественно живетъ она. Языкъ Нѣмецкій образовалъ въ себѣ твердую конструкцію, явное, видимое присутствіе общей мысли; оборотъ такой фразы сталъ необходимымъ закономъ въ его письменности, и какъ нельзя въ языкѣ Французскомъ образовать замкнутую фразу, такъ напротивъ въ Нѣмецкомъ нельзя сказать фразу неорганическую; глаголъ на концѣ непремѣнно въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ быть поставленъ. И тамъ и здѣсь языкъ развившись, далъ себѣ неуклонныя формы, законъ необходимый, принудительный,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 5, стр. 144.

ибо и тотъ и другой языкъ развили только стороны языка вообще, и тотъ и другой языкъ односторонни. Въ Русскомъ языкѣ напротивъ видимъ мы и ту и другую сторону, видимъ и тотъ и другой моментъ, видимъ полную всесторонность. Намъ доступна рѣчь неорганическая, французская; но тамъ она необходимость, форма, въ которую отлился языкъ; у насъ напротивъ она свобода. Намъ доступна и твердая конструкція Нѣмецкая, составленная по глубокимъ основамъ языка, но тамъ она необходимость, принужденіе, у насъ—свобода И такъ свобода—великое преимущество нашего всесторонняго языка! Но сверхъ того, что всесторонній духъ языка и вмѣстѣ полная его свобода, заключаютъ въ себѣ моменты, раздѣленные въ другихъ языкахъ, вслѣдствіе односторонняго развитія, сверхъ того,—полная свобода языка Русскаго, дѣлая доступнымъ ему обороты другихъ языковъ, давая самобытно ему на нихъ право, кромѣ развѣ индивидуальныхъ такъ сказать особенностей,—обогащаетъ его безчисленнымъ разнообразіемъ оборотовъ и неимѣющихся въ другихъ языкахъ, необыкновенною ихъ гибкостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ на всякой оборотъ отпечатокъ свободы, элементъ, въ которомъ живетъ и движется языкъ. Таково преимущество, свойство языка Русскаго, такъ глубоко совпадающаго съ глубокимъ существомъ самого Русскаго народа. Это свойство имѣетъ великое значеніе, которое можетъ быть предметомъ важнаго изслѣдованія. И такъ на языкѣ нашемъ являются только историческіе моменты языка, и ни одинъ не застаивается на немъ, не дѣлаетъ его одностороннимъ, какъ это видимъ въ другихъ.

Нашъ языкъ, обладая этимъ свойствомъ свободы, перешелъ, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ въ высшую сферу языка, сферу синтаксиса органической фразы. Дѣло это вполнѣ совершенно, вполнѣ право; но между

тѣмъ, будучи такимъ, оно имѣетъ свою необходимую односторонность, односторонность историческую. Самое то, что Ломоносовъ *пробудилъ* въ языкѣ общее, запечатлѣло его подвигъ. Мы говорили, что начало, введеніе самой свободы, самой истины будетъ все имѣть на себѣ ярко этотъ характеръ появленія, характеръ начала, и тогда лишь онъ изчезнетъ, когда введенное сдѣлается уже спокойнымъ достояніемъ. Такъ и здѣсь: перенесеніе языка въ сферу общаго, ставъ характеристикою, опредѣлило слогъ и придало ему односторонность; въ Ломоносовѣ видно, что *это собственно*, совершилъ онъ: исторія по существу своему обозначила этотъ моментъ и ярко его отличила. Введеніе этого общаго элемента, исторически необходимо, стало отвлеченнымъ. И такъ признавая здѣсь въ Ломоносовскомъ языкѣ, такимъ образомъ характеръ, односторонности, мы признаемъ въ немъ отчасти и Латинское вліяніе, какъ фактически, такъ и по смыслу самому; ибо здѣсь общее, и по преимуществу общее, входило въ языкъ,—и какъ общее по преимуществу, явилось Латинское вліяніе, Латинскія фразы, которыя не противорѣча самобытному свойству Русскаго языка, сохраняли свой отвлеченный Латинскій характеръ; именно въ то время, въ которое они появились, этотъ какъбы чуждый характеръ фразъ (мы не говоримъ про всякую ихъ форму и вообще) имѣетъ значеніе оправдываемое моментомъ; это было не заимствованіе, скорѣе сочувствіе нашего языка съ Латинскимъ. До Ломоносова письменность была чужда языку; это не была пріобрѣтенная сфера, въ которой онъ получилъ свободное право гражданства; и потому вообще, касаясь бумаги, онъ или принималъ неловкія формы, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаемъ въ грамотахъ, формы пишущагося разговора, или принималъ формы отвлеченныя, тяжелыя, условленныя отчасти церковно-Славянскимъ, отчасти можетъ быть иностраннымъ синтакси-

сомъ Откуда-же причина этому? Причина лежитъ въ отвлеченности письменной, общей сферы, и вмѣстѣ въ той необходимой потребности имѣть ее, занять въ ней мѣсто. Этотъ характеръ письменнаго языка много объяснятъ языкъ Ломоносова противъ мнѣнія о латинизмахъ (1)

И такъ Ломоносовъ былъ первый индивидуумъ, возникшій въ исторіи нашей литературы и начавшій собою новый ея періодъ. Онъ оторвалъ Русской языкъ отъ исключительной національности и поставилъ существенныя, истинныя отношенія между имъ и церковно-Славянскимъ, ввелъ языкъ въ высшую сферу и далъ ему тамъ самобытное мѣсто, право гражданства. Вотъ великій подвигъ, осуществляющій въ себѣ великое значеніе Ломоносова! Но въ тоже время дѣло, при всемъ своемъ совершенствѣ и полнотѣ, имѣло характеръ односторонности, состоявшей въ самомъ *совершеніи* этого дѣла, въ яркости выступленія этого общаго, долженствовавшаго возникнуть въ языкѣ Русскомъ; этотъ фактъ былъ историческимъ моментомъ. Дѣло Ломоносова, совершенное въ самомъ себѣ, явившись необходимо односторонностью, должно было развиться, пойдти далѣе. (Мы уже отвѣчали на обвиненія въ латинизмахъ, во вліяніи иностранномъ). Весь дальнѣйшій ходъ есть не что иное, какъ только развитіе его великаго подвига, ему вполнѣ принадлежащаго.

Вслѣдъ за Ломоносовымъ, въ исторіи языка насталъ періодъ, развившій односторонность его дѣла; языкъ отвлекалъ, какъ-бы, вновь собственно одну сторону и имѣлъ характеръ новой отвлеченности. Тяжелая, твердая конструк-

(1) Что касается до вліянія Нѣмецкаго направленія, то нѣкоторые можетъ быть захотятъ видѣть его во многомъ употребленіи неопредѣленнаго наклоненія; тогда мы отсылаемъ ихъ къ Русскому народному языку, къ грамотамъ и другимъ письменнымъ памятникамъ, изъ которыхъ мы привели выше довольно примѣровъ. (См. выше).

ція являлась исключительно въ письменности, являлась тамъ какъ законъ, какъ необходимый образъ мысли на бумагѣ, слѣдовательно совершенно противно Русской свободѣ языка. Этотъ періодъ односторонности истиннаго подвига, выражавшійся также въ отлеченномъ употребленіи языка церковно-Славянскаго, наставшій вслѣдъ за Ломоносовымъ, разумѣется представилъ живѣе, присущую слогу послѣдняго, односторонность; тамъ она была принадлежностью самого явленія, здѣсь напротивъ взята была собственно одна односторонность и остальному внѣ этого вслѣпо было молчать. Дѣло Ломоносова было понято (согласно съ ходомъ историческаго развитія), односторонне и односторонне стало развиваться. За Ломоносовымъ явилось множество писателей. Писатели сдѣлали себѣ необходимое правило изъ тяжелой конструкціи, изъ славянизмовъ, взяли отвлеченно только эту сторону синтаксиса,—и такимъ образомъ образовался односторонній, тяжелый слогъ, удалявшій простую форму фразы. Это противорѣчило совершенно существу Русскаго языка, который допускаетъ свободно всѣ формы оборота. Сумароковъ, Державинъ, Херасковъ и др., всѣ имѣютъ этотъ общій характеръ въ слогѣ и въ выборѣ словъ. И если, у Державина особенно, проявляются слова простыя, то видна сейчасъ смѣлость ихъ употребленія, и это ясно въ то-же время показываетъ, что они не имѣютъ свободнаго права гражданства. И такъ, этотъ отвлеченный, односторонній, слогъ (при такомъ положеніи слога было сочувствіе съ Латинскимъ, Нѣмецкимъ, церковно-Славянскимъ языками), противорѣчившій существу Русскаго языка, сталъ тяготѣть надъ Русскимъ словомъ. Русское слово его не отвергало, но не его одного: оно не было исключительно. Самыя также тѣ выраженія, которыя кажутся тяжелыми, получаютъ другой характеръ, когда занимаютъ одно изъ мѣстъ въ словѣ,

когда при нихъ свободно становятся другія, когда они не исключительны, когда являются въ элементѣ полной свободы. Направленіе это было ложно; ложь односторонности должна была обличиться; должна была вполнѣ быть оправдана другая сторона, сторона разговора.—Какъ защитникъ этой другой стороны, живой, законной и забытой въ языкѣ при отвлеченномъ и тяжеломъ, господствующемъ присутствіи этого общаго, явился Карамзинъ. Карамзинъ подалъ голосъ въ пользу разговорнаго языка и, имѣя полное право въ своей защитѣ противъ односторонности, возсталъ односторонне; его право дало ему силу; переворотъ былъ рѣшителенъ. Карамзинъ удалилъ языкъ въ другую крайность; онъ возсталъ за цѣлую сферу слова, вытѣсняемую изъ слога. Онъ былъ также неправъ, какъ и послѣдователи Ломоносова, но онъ также былъ правъ, какъ защитникъ стороны языка, и въ тоже время за него была историческая потребность. Онъ разторгнулъ эту твердую конструкцію мысли, онъ удалилъ эту органическую фразу и явилъ эту легкую, ничѣмъ не замкнутую, открытую конструкцію, неорганическую фразу; текущій слогъ его—эта вѣчно безконечная, доступная приращенію конструкція,—справедливый въ своемъ протестѣ, былъ рѣшительно неправъ самъ по себѣ, въ своей исключительности; онъ низвелъ языкъ со степени его могущества, его синтаксической силы; онъ явилъ намъ жидкую фразу, какъ нитка тянущуюся. Слогъ Карамзина, вообще, лишенъ силы, часто изнѣженъ и манеренъ, при видимой своей естественности. Карамзинъ въ слогѣ своемъ, что и понятно, сочувствовалъ языку Французскому, и потому у него часто встрѣчаются галлицизмы. Объ немъ здѣсь кстати можно сказать то, что говоритъ о Французахъ Ломоносовъ: *Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чи-*

пять. (1) Если въ своей Русской Исторіи и возвращался онъ нѣсколько къ конструкціи болѣе твердой, то значеніе его состояло именно въ этомъ образованіи другаго слога, основаннаго на разговорѣ вообще, и даже въ самой крайности его, вызванной крайностью противоположнаго направленія. Карамзинъ произвелъ послѣдователей или лучше все послѣдовало ему, и слогъ вдался въ другую односторонность. Карамзинъ былъ именно историческое лицо, историческій моментъ въ нашей литературѣ, такъ какъ мы выше опредѣлили этотъ моментъ вообще. Онъ не былъ поэтъ, онъ не могъ занять самостоятельнаго мѣста въ литературѣ. Слогъ, вотъ его сфера, сфера чисто историческая, и сфера, въ которой занимаетъ онъ такое великое, могущественное мѣсто. Направленіе имъ данное явилось въ своей односторонности; была разрушена крѣпкая органическая фраза; вмѣсто нея явилась фраза легкая, лишенная силы, фраза однимъ словомъ неорганическая. Она имѣетъ такое-же законное мѣсто въ нашемъ языкѣ, и обвиненіе на нее, какъ и въ предыдущемъ противоположномъ направленіи, падаетъ въ односторонности, которая даетъ ей типъ повсемѣстности, этотъ слабый, нетвердый характеръ, что̀ уничтожилось-бы присутствіемъ другой стороны языка, и сама она, какъ мы сказали о фразѣ противоположной, получила-бы другой приличный ей характеръ и полное оправданіе и сохранила-бы всѣ неотрицаемыя права свои и все принадлежащее ей достоинство, явилась-бы какъ сторона въ общемъ элементѣ свободы языка.—Это направленіе продолжалось или лучше продолжается и до нашего времени; въ пользу естественности и разговорности возстаютъ на коренныя формы языка, на никогда неотъемлемое его достояніе; вмѣстѣ съ защитой языка разговорнаго соединено

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1. стр. 16.

нападеніе на церковно-славянизмы (не только въ оборотахъ, но и словахъ), что́ очень понятно, ибо они проникнуты общимъ характеромъ. Здѣсь впрочемъ является уже крайность самаго Карамзинскаго направленія, до которой онъ самъ никогда не достигалъ и не хотѣлъ достигать. Крайность эта не имѣетъ силы, ибо она слишкомъ напряжена и искусственна и не можетъ сдержать крѣпкій и сильный языкъ. Крайность крайняго направленія, всегда болѣе доступная для людей ограниченныхъ, которымъ надо рѣзкое,—она думаетъ возставать на церковно-славянизмы въ Русскомъ языкѣ; но въ такомъ случаѣ надо-бы вычеркнуть большую половину стиховъ Пушкина (1) и др., прозы Гоголя; надо-бы уничтожить то, что составляетъ и силу и красоту языка, что составляетъ наше преимущество передъ другими. И такъ это одностороннее направленіе продолжается и до нашихъ дней. Но нельзя однако отрицать реакціи противъ него.

Какой-же результатъ такихъ направленій, такого развитія? Что-же такое нашъ языкъ, въ чемъ-же существо его? Мы видѣли два направленія послѣ великаго дѣла проникновенія языка общимъ, перенесенія его въ сферу общаго. Одно, прямо примыкаясь къ великому моменту, есть одностороннее слѣдствіе совершеннаго дѣла, слѣдствіе, объясняемое историческимъ развитіемъ; направленіе языка отвлеченно письменное, отвлеченно общее. Другое, какъ всегда при развитіи одностороннемъ, есть необходимое опроверженіе предыдущей односторонности, совершенно справедливое, но опять являющееся въ новой односторонности; направленіе языка отвлеченно разговорное, отвлеченно случайное. И то и другое было односторонне, и то и другое

(1) Ея плѣнительныя очи.... Ты мнѣ была святыней. Предъ ней-же я притворствовать не смѣлъ и пр. и пр.

имѣетъ право и мѣсто въ Русскомъ языкѣ, и то и другое являлось необходимо. Дѣло Ломоносова должно было получить полное развитіе. Неправо то, когда органическая Фраза, необходимая, проникнутая строгостью построенія, Фраза мысли, имѣющая полную законность присутствія въ нашемъ языкѣ, изключала изъ его существа Фразу легкую, случайную, разговорную. Неправъ Карамзинъ, когда возставъ за разговорную Фразу и давъ ей мѣсто въ языкѣ, которое безспорно она имѣетъ,—неправъ онъ, когда разрушилъ крѣпкую, желѣзную конструкцію, всю исполненную силы, когда не понялъ ея и замѣнилъ ее своею Фразою. Это было новое притязаніе національнаго разговорнаго языка, отъ начала существующаго, притязаніе въ новой сферѣ языка, въ которой конечно должно выражаться все существо его письменности, въ которой и предъявили свои права, и разговорный случайный элементъ, и элементъ собственно мысли общей,—предъявила права свои, однимъ словомъ, великая свобода языка. Карамзинъ далъ языку разговорному это законное мѣсто въ письменности; но только мѣсто имѣетъ онъ, и ложно то, когда отвлеченно, односторонне убѣгаетъ замкнутой органической конструкціи, когда замѣняетъ ее, какъ почти до сихъ поръ, Фразою мелкою, неорганическою. Результатъ этихъ направленій,—непремѣнное соприсутствіе и той и другой стороны, не какъ двухъ односторонностей, но какъ двухъ сторонъ языка, въ элементѣ свободы; существо нашего языка есть полная свобода слова. Этотъ результатъ не даромъ достался; онъ долженъ былъ быть опредѣленъ развитіемъ, и онъ оправданъ развитіемъ. Но теперь односторонность должна уже изчезнуть, теперь мѣсто языку разговорному уже дано, и мы должны признать вновь другую сторону языка нашего, Фразу органическую, Фразу появившуюся впервые у Ломоносова и продолжавшуюся потомъ, признать,

напередъ, отрицаніемъ ея односторонности, не передъ появленіемъ другой стороны языка, но послѣ, какъ свободную, необходимую сторону языка. Мы должны дать другой характеръ фразѣ Карамзина, понять ее, не въ ея исключительномъ требованіи, но опять какъ только свободную сторону языка. Слогъ Карамзина не можетъ быть нашимъ слогомъ, взятый со всей его характеристикою, какъ историческій моментъ. Въ немъ слишкомъ слышно противодѣйствіе, освобожденіе, а освобожденіе не есть свобода. Да, теперь именно должны быть отданы права фразѣ органической не въ односторонности ея, а въ истинѣ. Существо нашего языка, повторяемъ, есть полная свобода слова.

Письменность уже по сферѣ своей отличается отъ разговора; писать такъ какъ говорятъ, не льзя; иначе надо было-бы также запинаться, перебивать свою фразу, вдругъ измѣнять конструкцію, и тогда такой письменный языкъ былъ-бы похожъ на языкъ нашихъ древнихъ грамотъ. Но письменность, являющая все существо языка, всѣ его элементы, имѣетъ въ себѣ элементъ разговорный, но очищенный отъ случайности разговора, но какъ элементъ. Когда мы защищаемъ органическую фразу, называемъ ее фразою письменною по преимуществу, мы нисколько не думаемъ признавать только ее одну въ письменности; это была-бы односторонность противная духу Русскаго языка. Мы вполнѣ допускаемъ и разговорную фразу, вездѣ, гдѣ можетъ она явиться; мы только противъ ея притязанія исключить другую, органическую фразу. Вездѣ, гдѣ разговоръ и по формѣ и по содержанію, вездѣ имѣетъ она тамъ мѣсто, а особенно въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, гдѣ самый разговоръ выступаетъ на сцену, какъ въ комедіяхъ Гоголя. Или лучше сказать, не назначая мѣсто ни той, ни другой конструкціи, мы признаемъ ихъ въ языкѣ, какъ образы (формы), въ которыхъ онъ является, какъ сопри-

сутствующіе его моменты, сторoны. Мы должны опредѣлить и ту и другую конструкцію; все значеніе ихъ предстаетъ изъ опредѣленія ихъ существа; изъ этого явится и соотвѣтственность ихъ съ содержаніемъ; но неестественно назначить ихъ для употребленія тамъ или здѣсь и такимъ образомъ извнѣ наложить ихъ, какъ формы И такъ отдѣливъ вообще письменность отъ разговора, посмотримъ, какое отношеніе между Фразой общей органической и случайной неорганической въ письменности. Мы сказали уже, что въ разговорной фразѣ языкъ еще не оторвался отъ сферы случайности, въ ней нѣтъ твердаго сочлененія, проникнутаго мыслію; она вся полна блеска и движенія, полна жизни пролетающей, и какъ часъ къ часу, день ко дню, время ко времени, она можетъ прибывать, открытая всегда теченію времени; она вся говоритъ, но за то она вся въ случайности, вся предана ей, имѣетъ ея достоинства и недостатки, выгоды и невыгоды. Но эта живость случайности не есть еще предѣль развитія. Нѣтъ, духъ идетъ далѣе, отрывается отъ случайности и переходитъ въ сферу общаго. Такъ развивается и языкъ; отъ этой неорганической фразы переходитъ онъ къ другой, которая опять, какъ Фраза, уже свободна отъ случайности, уже, какъ Фраза, опять проникнута общимъ; это Фраза органическая; мысль, общее проникло весь ея составъ, оторвало отъ случайности и организировало ее въ неколебимое цѣлое; въ ней является твердое сочлененіе, проникнутое мыслію; разговоръ съ своею случайностію безсиленъ передъ нею, не можетъ разрушить ея стройнаго состава; она возникла на почвѣ уединенной мысли, не въ звукахъ разговора, но въ молчаливомъ воплощеніи идеи, и ея сферою преимущественно можетъ назваться письменность. Это фраза общая, фраза мыслящая. Легкомысленно называть ее тяжелою и нападать на нее, не понимая ея.

Такая фраза есть торжество мысли въ словѣ. Французы, эта національность по преимуществу, по преимуществу *только живущіе*, имѣютъ только неорганическую, случайную, разговорную фразу. Нѣмцы, не имѣющіе жизни національной, единственной, необходимой жизни народа, по преимуществу мыслящій народъ, имѣютъ преимущественно фразу мыслящую, общую, органическую. Благо намъ, что мы,—и мыслящій и живущій народъ, и національный и общій,—имѣемъ свободно и ту и другую, что свобода есть существо нашего языка, и ложно было-бы, еслибъ мы не признавали эту глубокую по своему составу, мыслящую органическую фразу. Напротивъ, согласно съ историческимъ положеніемъ нашего времени, мы отдаемъ полное, свободное гражданство въ нашемъ языкѣ фразѣ органической, и такимъ образомъ оправдывается и является въ своей истинѣ великое дѣло Ломоносова. Что касается до отношенія языка письменнаго къ разговорному, то я думаю мы уже выразили нашу мысль, мы опредѣлили уже его, опредѣливъ фразу органическую, по преимуществу письменную, и неорганическую, по преимуществу разговорную. Мы признаемъ въ письменности языкъ разговорный, очищенный уже самою сферою, признаемъ вполнѣ его право; но мы рѣшительно противъ его притязанія на какую-бы то ни было изключительность въ сферѣ нашей письменности.

Вмѣстѣ съ отношеніемъ фразы органической и неорганической, языка письменнаго къ разговорному, является отношеніе языка церковно-Славянскаго къ Русскому. Какъ въ направленіи до Карамзина были принимаемы церковнославянизмы, такъ были они отвергаемы потомъ въ направленіи, даннымъ Карамзинымъ, доведеннымъ до крайности и продолжающемся до нашего времени. Ломоносовъ постановилъ отношеніе церковно-Славянскаго языка къ Русско-

му; но также какъ все его дѣло, о чемъ выше мы говорили, оно приняло характеръ односторонности. Языкъ церковно-Славянскій есть языкъ проникнутый весь общимъ, неупотребляемый въ разговорѣ, но доступный всякому Русскому, доступный и для употребленія. Между нимъ и Русскимъ языкомъ лежитъ тѣсная связь, именно связь общаго, связь, освященная издавна его религіознымъ, общимъ значеніемъ. Слова церковно-Славянскаго языка оторваны отъ случайности, и всегда, когда языкъ нашъ наполняется общимъ содержаніемъ, являются они, имъ полные, и прекрасно придаютъ языку этотъ характеръ, совершенно свободно, безъ всякой дисгармоніи, являясь въ немъ, на правахъ общаго. Это не цитаты изъ чужаго языка, изъ Латинскаго напр. — это доступныя, родныя слова его, это нашъ общій языкъ, находящійся въ постоянной живой связи съ Русскимъ, вслѣдствіе общаго. Современно съ первымъ, отвлеченно общимъ направленіемъ, онъ отвлеченно употреблялся, и ему придавалась таже соотвѣтствующая исключительность, какая и замкнутой конструкціи вообще. Потомъ также отвлеченно отвергался онъ, во имя Русскаго языка; и тамъ и здѣсь было такое-же право и такая-же односторонность; отрицаніе его, и какъ вообще Карамзинское направленіе, продолжается и до нашего времени и также ложно. По этому пути мы-бы должны были отказаться отъ красотъ нашего слога. Нѣтъ, языкъ церковно-Славянскій имѣетъ постоянное значеніе для нашего языка; отношеніе и живая связь его съ нашимъ необходима и истинна; характеръ общаго, ему принадлежащій, проникаетъ каждое его слово и употребленіе словъ его дышетъ этимъ общимъ. Вѣчную пищу общей жизни хранитъ онъ для нашего языка, и при его постоянно важномъ и общемъ характерѣ, вполнѣ разнообразно развивается и живетъ нашъ измѣняющійся языкъ; отношенія-же ихъ, какъ мы

сказали, родственны и какъ отношенія языковъ и въ тоже время какъ отношенія, освященныя исторіею. Языкъ церковно-Славянскій, какъ небо подымается надъ нашимъ языкомъ, и онъ величественъ и прекрасенъ какъ небо; и если мы не всегда готовы быть въ случайности, часто темной и ничтожной, если мы можемъ отвлечься отъ нея и поднять голову, то конечно церковно-Славянскій языкъ вполнѣ тогда является намъ съ своимъ значеніемъ, вполнѣ важенъ для насъ, и мы его понимаемъ. Мы опять должны прибавить, что здѣсь мы говоримъ собственно объ языкѣ, слогѣ, остаемся въ сферѣ языка и слѣдовательно говоримъ собственно о его достоинствахъ, свойствѣ, преимуществахъ, сущности. И такъ церковно-Славянскій языкъ имѣетъ право гражданства (въ словахъ и даже отчасти оборотахъ) въ нашемъ языкѣ. Мы признаемъ, что эти отношенія должны были быть вновь оправданы, принимая историческое условіе нашего времени. Эти отношенія вѣковѣчны, или что еще лучше выражаетъ, существенны.—И такимъ образомъ здѣсь вновь оправдывается и является въ своей истинѣ великое дѣло Ломоносова, положившаго отношенія между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языками, такъ существенно связанныя съ его подвигомъ вообще.

Ломоносовъ возвелъ нашъ языкъ, оторвавъ его отъ исключительной національности, въ сферу общаго, далъ намъ органическую фразу (не стѣсняющую свободу языка) и вмѣстѣ опредѣлилъ отношеніе церковно-Славянскаго языка къ Русскому, что̀ существенно въ его дѣлѣ. Ломоносовъ далъ намъ языкъ (письменный, общій), можемъ мы сказать. Все дальнѣйшее развитіе есть только оправданіе его великаго дѣла; и только теперь является полное его значеніе, его правда.

Какъ-бы мы ни ушли далеко, мы всегда будемъ пользоваться плодами его положительнаго дѣла, дѣла свободнаго и истиннаго.

III.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы опредѣлили Ломоносова, какъ историческій моментъ, мы видѣли значеніе его въ слогѣ. Но существо момента здѣсь еще не исчерпывается вполнѣ. Моментъ можетъ быть чисто историческій (историческимъ онъ необходимо долженъ явиться), и можетъ идти далѣе, имѣть постоянное, самобытное, положительное значеніе. Мы говорили выше о такомъ осуществленіи момента въ его опредѣленіяхъ и о различіи его въ нихъ. Таковъ вопросъ, предстающій намъ теперь, вопросъ о полномъ осуществленіи или о мѣрѣ осуществленія момента. Съ этой точки зрѣнія должны мы разобрать изслѣдуемый нами моментъ, а потому должны разсмотрѣть, имѣетъ-ли Ломоносовъ, будучи явленіемъ въ сферѣ литтературы, гдѣ мы его разсматриваемъ, только историческое значеніе,—въ слогѣ, или имѣетъ онъ значеніе и для себя, поэтическое,—другими словами: поэтъ-ли онъ?—Значеніе момента вообще и его полное опредѣленіе вытекаютъ изъ его существа. Мы должны видѣть здѣсь, не изъ существа-ли разсматриваемаго момента, не изъ значенія-ли Ломоносова, какъ момента, вытекаетъ уже, что онъ поэтъ? И если это такъ, то какимъ именно

образомъ такое опредѣленіе осуществляется, выражается далѣе; какія условія принимаетъ оно; какъ именно и въ чемъ становится оно вполнѣ живымъ явленіемъ, и какое въ то-же время личное значеніе, достоинство Ломоносова? Здѣсь является Ломоносовъ вполнѣ уже какъ лицо.

Значеніе, которое имѣетъ Ломоносовъ какъ моментъ, есть значеніе индивидуума въ литературѣ. Вмѣстѣ съ явленіемъ его разрушается сфера исключительной національности (особности); вмѣстѣ съ нимъ является, только съ нимъ вмѣстѣ могущее явиться, общее. Это значеніе Ломоносова какъ индивидуума осуществляется въ языкѣ, который былъ (не только относительно содержанія, но и относительно самой формы, самаго слога) — имъ оторванъ отъ выраженія народа, національно опредѣленнаго, и сталъ выраженіемъ лица и вмѣстѣ съ тѣмъ общихъ интересовъ (опять не только относительно содержанія, но и самаго слога). Самое существо явленія индивидуума выражаетъ великій моментъ литературы, не только внѣшнія историческія судьбы, но моментъ внутренній; съ индивидуумомъ открывается внутренній міръ. Значеніе индивидуума есть необходимо личность; только индивидуальная сила, одаренная слѣдовательно всею энергіею индивидуума, только личная природа, конкретирующаяся какъ одинъ индивидуумъ, могла произвести все это. Первое такое явленіе индивидуума, въ литературѣ, первое лицо есть *авторъ*, поэтъ, возставшій изъ безграничной національной сферы. И такъ здѣсь самое значеніе существа момента требуетъ лица, безъ силы котораго, какъ лица, не возможенъ такой подвигъ. Это понятно; ибо явленіе лица, индивидуума вообще, могло совершиться только лицомъ, индивидуумомъ; здѣсь-же, въ этой сферѣ, индивидуумъ есть поэтъ. Ломоносовъ исполнилъ это дѣло, слѣдовательно Ломоносовъ необходимо лицо, поэтъ.

Посмотримъ-же теперь, какое осуществленіе долженъ принять моментъ и въ чемъ состоитъ особенность Ломоносова.

Мы говорили, что языкъ самый оторвался отъ сферы національности; мы сказали, что въ немъ выразилось значеніе момента; но въ тоже время дѣло это, возведеніе его въ сферу общаго, постановленіе его вмѣстѣ съ тѣмъ личнымъ глаголомъ, не могло быть дѣломъ внѣшнимъ: оно требовало личной силы, энергіи и восторга, по существу своему будучи внутреннимъ подвигомъ, важнымъ переворотомъ, положительнымъ началомъ новой сферы, дѣломъ, требовавшимъ творчества; и такъ самое дѣло это въ языкѣ должно было быть *поэтическимъ*.—Вотъ прямое опредѣленіе, требуемое самимъ моментомъ, требуемое историческою его сферою, языкомъ, слогомъ,—которая въ этотъ разъ только личною, поэтическою и для себя имѣющею значеніе, силою, впервые проступившею наружу, могла оживиться, могла откликнуться на зовъ лица только. Слѣдовательно языкъ самъ есть первое опредѣленіе поэтической дѣятельности; поэтическая сила должна была проявиться въ языкѣ.

Здѣсь обратимъ мы вниманіе на мѣсто, которое занимаетъ языкъ въ поэзіи, какъ и на самый языкъ вообще; опредѣлимъ отношеніе языка къ поэзіи, и далѣе значеніе стиха.

Языкъ, это необыкновенное, чудесное явленіе, каждый день повторяющееся; это необыкновенное существованіе всего сущаго міра въ новыхъ соотвѣтственныхъ формахъ, но созданныхъ на почвѣ сознанія, но проникнутыхъ его духомъ и даже подвластныхъ человѣку,—языкъ есть необходимая принадлежность разума, конкретно явившаго, выразившаго обладаніе природою чрезъ сознаніе и только

чрезъ это обладающаго ею; языкъ—это существо человѣка, — это человѣкъ самый. Онъ не можетъ быть только просто знáкомъ; нѣтъ, надо было имѣть равномѣрно конкретное бытіе, чтобы выразить конкретное бытіе сущаго вокругъ міра, и языкъ имѣетъ это равномѣрно конкретное бытіе, только уже въ другой сферѣ, только въ сферѣ проникнутой сознаніемъ, и вмѣстѣ уже въ другой и внѣшней сферѣ существованія, въ сферѣ *звука*, звука опредѣленнаго, достигшаго тѣмъ до высшей степени, и именно *буквы*, *слога* и *слóва*. Мы не станемъ далѣе распространяться о языкѣ въ такомъ отношеніи; это можетъ быть предметомъ изслѣдованія, разсужденія и собственно грамматики. Мы упомянемъ здѣсь объ языкѣ въ этомъ отношеніи столько, сколько намъ нужно для нашего предмета.

И такъ языкъ по существу своему, не какъ знакъ или намёкъ, а конкретно, выражаетъ весь сущій міръ. Первое объективированіе природы въ языкѣ; первое оторванное отъ случайности ея созерцаніе, безцѣльный разсказъ о томъ— разумѣется, изященъ. Но языкъ имѣетъ разныя судьбы и служитъ разнымъ цѣлямъ. Иногда передавая движенія человѣческаго духа или быстрыя его созерцанія внѣшняго міра—передавая съ тѣмъ-же совершенствомъ конкретнаго бытія,—языкъ самъ однако-же, какъ языкъ, какъ-бы удаляется, только становясь потокомъ, на которомъ гордо несутся постороннія явленія; слово какъ будто неудерживаетъ нетерпѣливо излетающей изъ него мысли, какъ-бы остается пустымъ, лишеннымъ соразмѣрнаго содержанія. Здѣсь языкъ является какъ-бы средствомъ, но это только видимость; нѣтъ, и здѣсь онъ не средство. Во-первыхъ если-бы даже и принять это, и принять, что выработавъ сознательное явленіе всего бытія, онъ удалился, какъ-бы снизошелъ до знака, то и тогда, только это выработаніе могло дать ходъ мысли и развитію вообще человѣка; слѣ-

довательно оно всегда тутъ уже въ результатѣ, и только всегдашнее присутствіе этого зна́ка, если угодно, даетъ возможность идти развитію своимъ путемъ; первое предположеніе ложно и объясненіе его само собою его разрѣшаетъ. Но, во-вторыхъ, языкъ никогда не становится зна́комъ; видимо мысль, какъ-бы уносится изъ слова, какъ-бы становитъ его своимъ орудіемъ и средствомъ; между тѣмъ въ самомъ высшемъ своемъ полетѣ, своемъ существованіи, она носитъ на себѣ это слово, отвлекаемое вмѣстѣ съ нею; конечно поблѣднѣли краски сло́ва, не видать его богатой, сложной организаціи; оно стало тѣнью, и только какъ тѣнь можетъ нестись за мыслью въ ея высшихъ стремленіяхъ, въ сферѣ, гдѣ все исполнено свѣта, въ отвлеченномъ ея движеніи; или за созерцаніемъ въ его быстромъ движеніи, когда созерцаніе не останавливается, не медлитъ на предметахъ, а несется къ какой нибудь цѣли, и съ быстротой его ничто сравниться не можетъ. Но слово тутъ и безъ него нѣтъ и не было-бы мысли: и всегда остановившись, можно вглядѣться въ конкретность его существованія, выраженія, формы. Съ другой стороны и слово само по себѣ не остается какъ-бы одно, покинутое мыслію, совершающею собственно для себя быстрый ходъ своего развитія, идущею идеальнымъ своимъ путемъ. Въ немъ всегда мысль; слово выразило ее; духъ сознанія его создалъ; мысль воплотилась въ этотъ свой чистый, высокій духовный организмъ слова,—и нераздѣльна связь мысли съ словомъ, какъ нераздѣльна связь содержанія съ выраженіемъ, идеи съ формою, конкретно выразившаяся. Нераздѣльно существуетъ связь и тогда, когда мысль достигаетъ высшей отвлеченной, чистой своей сферы, но гдѣ также есть выраженіе и гдѣ даже есть конкретное, доведенное до самаго чистаго, тончайшаго существованія. Но здѣсь есть разница между полнымъ созерца-

нія языкомъ и между языкомъ служащимъ повидимому, какъ орудіе; здѣсь есть освобожденіе, если угодно, изъ непосредственной созерцательности слова въ ту сферу, гдѣ утончившееся слово едва прикрываетъ мысль, гдѣ слово только даетъ чувствовать мысль, его переступающую, гдѣ слово все проникнуто сквозящею сквозь него мыслію, гдѣ слово повидимому становится орудіемъ. Такъ, но это освобожденіе совершается въ сферѣ самого-же слова, если будемъ мы смотрѣть на него и на отношеніе его къ мысли,—точно такъ-же, какъ и въ сферѣ духа совершаются всѣ его моменты, точно такъ-же, какъ и романтическое искуство, перешагнувшее уже какъ-бы за форму, все имѣетъ форму художественную, все искуство, все конкретно выражается. Или лучше сказать точно тоже представляетъ намъ и міръ самый. Но какъ въ цѣломъ міръ явленія могутъ приниматься съ самой обыкновенной стороны, такъ и въ словѣ. Только искуство возвышаетъ изящно образъ, непосредственно отрывая его въ тоже время отъ случайности, отъ грубой дѣйствительности; только искуство совершаетъ точно тоже въ словѣ. Сказать, что слово знакъ, невозможно; въ такомъ случаѣ все только знакъ. Не въ самомъ-ли воззрѣніи на міръ лежитъ его отвлеченіе?—Міръ имѣетъ объективную жизнь, которая все таже; я прошелъ мимо дерева, мимо рѣки, они промелькнули передо мною, едва нарисовавшись въ воображеніи моемъ; но дерево тѣмъ не менѣе покрыто зелеными листьями, возвышаетъ свои вѣтви, углубляетъ корни и медленно шумитъ въ движеніи вѣтра, такого-же явленія природы какъ и оно; — и рѣка катитъ свои волны, моетъ берега, отражаетъ и горы и деревья;—и жизнь природы также полна и конкретна какъ всегда, и не заботится о человѣкѣ. А человѣкъ?—Человѣкъ преданъ другому закону; онъ не имѣетъ за собою этой сферы непосредственной жизни; въ немъ живетъ духъ,

вѣчно стремящійся впередъ. Среди вѣчно готовой природы стремится какъ-бы вѣчно не готовый человѣкъ. Разумъ вѣчно работаетъ, подвигается далѣе и далѣе; внутренняя природа его безпрестанно измѣняется,—другой взглядъ, другое мнѣніе, другая внутренняя объективность; и часто движеніе и трудъ разума измѣняютъ наружность человѣка, потрясаютъ его физическую жизнь, которою принадлежитъ онъ природѣ. Много путей ему, много переходовъ; много внутреннихъ потрясеній, много темныхъ невѣдомыхъ никому битвъ, глухихъ испытаній и бореній въ каждой индивидуальности. Свой неизмѣняемый образъ, принадлежащій природѣ, облекъ онъ измѣняемою, сообразною съ его развитіемъ одеждою, на которой лежитъ тоже печать духа и такъ и наружность, и образъ самый сталъ измѣняемымъ, человѣческимъ, сталъ также принадлежитъ человѣку. Развитіе, вотъ путь, вотъ жизнь человѣка.—Слово, этотъ міръ, эта природа человѣка, имѣетъ также свою объективность. Эта объективность близка развивающемуся духу, вся имъ проникнута, она не то, что природа; она вознесена къ нему и потому отторженія здѣсь быть не можетъ, ибо она выражаетъ самое его отторженіе. Это объективность прозрачная, если можно такъ сказать; слово какъ-бы просвѣчиваетъ. Слово показываетъ степень сознанія, употребляемое и какъ орудіе: это самое здѣсь ее обозначаетъ; въ томъ близость его къ духу, что онъ можетъ явить его предметомъ и воплощеніемъ всей своей дѣятельности, всего своего многосторонняго развитія. Но здѣсь, сказавъ о словѣ вообще, мы не сказали о словѣ въ искуствѣ. Слово цѣлый міръ, оно служитъ всѣмъ интересамъ, всѣмъ областямъ духа; оно служитъ всѣму, что только, какъ-бы то ни было, выражается человѣкомъ; какъ цѣлый міръ, оно все въ себѣ заключаетъ, и употребляясь орудіемъ, мы сказали, оно сохраняетъ свою объективность; отвлеченно яв-

ляется оно въ философскихъ созерцаніяхъ, служитъ средствомъ въ точныхъ, матеріальныхъ, индустріальныхъ свѣдѣніяхъ, въ нуждахъ человѣка. Здѣсь является механическое пониманіе слова, похоже на то, какъ изъ живыхъ, самобытныхъ деревьевъ строится хижина Другое значеніе имѣетъ оно въ искуствѣ. Тамъ, въ этой прекрасной изящной области слово не средство. Здѣсь является другая задача; здѣсь въ образѣ и именно въ образѣ слова, этомъ соразмѣрномъ образѣ духа, является изящная, объективная дѣятельность: поэзія. Уже какъ матеріалъ, слово имѣетъ здѣсь мѣсто и долю, и сверхъ того какой матеріалъ! матеріалъ вполнѣ конкретный и созданный, проникнутый духомъ. Здѣсь является его существенная сторона; здѣсь именно выраженіе въ словѣ берется въ соображеніе, и слово становится частью созданія, имѣетъ значеніе какъ слово, выражающее въ своемъ великомъ устройствѣ непосредственно мысль искуства. Существенное дѣло искуства есть оторваніе отъ случайности; во всѣхъ сферахъ своихъ совершаетъ оно это дѣло. Слово, само по себѣ взятое, есть цѣлый міръ, оторванный отъ случайности, простирающійся надъ всѣмъ природнымъ міромъ; по этому слово само по себѣ уже изящно. И такъ языкъ, самъ по себѣ, простое выговариваніе, *вѣщаніе*, есть уже изящное явленіе; но разумѣется, когда здѣсь именно возвѣщается то, что есть,—и слова по этому, насупротивъ природы т. с., сохраняютъ весь свой полный смыслъ, все свое равновѣсіе. Когда такимъ образомъ выговариваетъ человѣкъ свое созерцаніе, оставаясь во глубинѣ и не стремясь за предѣлы слова, онъ производитъ изящное, это — просто созерцаніе и выговариваніе того что есть, но въ тоже время это —высшая, совершеннѣйшая поэзія, это поэзія слова, въ глубокомъ, всеобъемлющемъ смыслѣ этого выраженія. Первобытное созерцаніе и первобытное слово таково, что оно

видитъ и наполняется совершенно созерцаемымъ предметомъ при всемъ существѣ своемъ, при всемъ достоинствѣ и высотѣ, какъ созерцанія. Это слово, обращенное лицемъ къ природѣ такъ сказать, ее изящно отражающее, возвышающееся надъ нею, являющее все свое величіе уже присутствіемъ и существомъ, дѣломъ своимъ,—во всей простотѣ, во всемъ спокойствіи, какъ сама природа. Это признаніе и сознаніе природы; это человѣкъ ставшій среди природы и взирающій на нее; ибо взоръ его, взоръ духа, сознающій и тѣмъ сознаніемъ пріобрѣтающій себѣ, признающій и возвышающій природу,—есть слово, въ простомъ и существенномъ значеніи.—Такова поэзія древнихъ. Нужды здѣсь не смущали человѣка; никакія другія стремленія, ни внутреннія, ни матеріальныя, не увлекали его; взглядъ его былъ устремленъ на міръ и видѣлъ весь міръ.—Но слово не осталось и не могло остаться въ такомъ положеніи; человѣкъ имѣетъ свой путь, свои заботы, свою частную жизнь, свою частную природу и свои новыя требованія, перешагивающія за границы природы собственно. Слово послѣдовало съ нимъ; оно стало выраженіемъ его нуждъ, стало выраженіемъ его человѣческой жизни, стало ему орудіемъ,—и возмутилась его созерцательная ясность, поблѣднѣли его краски, сталъ отвлеченнымъ его образъ. Искуство, поэзія, хранившая слово какъ соразмѣрный себѣ образъ, сама поэзія уже иначе обладала имъ, уже не то было оно и въ поэзіи. Искуство въ другихъ сферахъ, переходя отъ одного момента къ другому, избирало новый образъ; такъ архитектура, скульптура, живопись, музыка; но въ поэзіи не такъ: слово облекаетъ близко духъ самый, есть его созданіе, въ немъ собственно онъ живетъ и движется. Какъ его созерцаніе, его сознаніе, простирающееся надъ всѣмъ, простирается и оно надъ всею природою и надъ всѣми временами, выражая въ себѣ всѣ эпохи, состоянія и перехо-

ды жизни. Здѣсь искуство не беретъ себѣ новыхъ формъ; нѣтъ, въ словѣ совершаетъ оно свой путь, слово все выражаетъ сознаніе, такъ, что движеніе духа и именно движеніе искуства, всѣ переходы его, въ немъ являются, и самое отношеніе, въ которомъ находится духъ къ слову, то мѣсто, которое оно занимаетъ, выражаетъ степень и характеръ развитія.

Мы говорили о первомъ его характерѣ; при дальнѣйшемъ развитіи, когда человѣкъ пошелъ своимъ путемъ, то и слово стало его орудіемъ, какъ будто сопровождая его на этомъ пути. Среди новаго состоянія, среди новыхъ нуждъ и потребностей и успѣховъ, съ одной стороны мелкихъ, матеріальныхъ, внѣшнихъ, съ другой стороны возвышенныхъ движеній мысли и сознанія, — слово быстро являлось въ умѣ и устахъ человѣка; едва касаясь его, шелъ онъ и развивался, оно стало какъ будто намекомъ, равновѣсіе его нарушилось; оно какъ-бы подчинилось другимъ интересамъ. Вспомнимъ, что слово облекаетъ собою цѣлый міръ; въ его области всѣ возможныя явленія находятъ мѣсто, его сфера необходима человѣку какъ воздухъ, какъ условіе его существованія; мы говорили о томъ отношеніи, которое получаетъ этотъ міръ слова къ природѣ, о томъ естественномъ его изяществѣ; но мы сказали, что это не осталось и не могло оставаться такъ, и что слово потеряло свой просто изящный характеръ. Сопутствующее человѣку, оно съ нимъ вмѣстѣ пошло далѣе; вмѣстѣ съ этимъ утратился характеръ его созерцательности, утратилось его отношеніе. Перемѣнилась самая жизнь—и вмѣстѣ утратилось свойство *повсемѣстности*, такъ сказать, его изящества; оно само стало другимъ, выражая другое. Иначе явился человѣкъ, и слово, какъ и всегда, обхватывало и теперь всѣ его интересы, всѣ самыя мелкія и устыя стороны его жизни. Слово стало отвлеченнымъ,

но все-же самая отвлеченность слова, самое значеніе его въ этой сферѣ ему-же принадлежитъ; и какъ-бы ни былъ блѣденъ его образъ, но этотъ образъ—его, и никогда оруді̀е и намекъ; красота его какъ-бы ни была отвлеченна, все его красота; оно никогда не теряетъ своей самостоятельности. Въ другихъ искуствахъ среди природы, человѣкъ создавая, могъ взять одинъ предметъ, бросить другой, могъ выбрать, однимъ словомъ,—и являлось изящное созданіе, свободное отъ окружающей жизни природы. Но здѣсь иное, здѣсь человѣкъ постоянно въ словѣ, въ томъ словѣ, которое для всего ему служитъ. Если-бы намъ сказали, что всякое явленіе природы, также въ природѣ; на это мы можемъ сказать: во 1-хъ, что связь общая жизни есть здѣсь конечно; но эта связь становитъ и человѣка съ словомъ сюда-же разница-же, собственно природы въ другомъ заключается. Здѣсь не находимъ мы этой общей среды, общаго слѣдовательно матеріала, изъ котораго-бы создана была природа; тогда какъ слово въ одну свою общую сферу собрало, совлекло всю природу, давъ ее сознанію человѣка. Во 2-хъ, мы видимъ, какъ природа измѣняется подъ рукою человѣка, слѣдуетъ новымъ законамъ; природа не ваяетъ, и мраморъ не принимаетъ у нее формъ скульптуры, ни масса—строеній архитектуры, ни краски—видовъ картины, ни звуки—явленій музыки. Здѣсь не ея развитіе; здѣсь вездѣ человѣкъ къ ней касающійся и измѣняющій ее; но въ словѣ опять иное, здѣсь человѣкъ въ своей средѣ, здѣсь все его; съ тѣхъ поръ какъ изъ звука явилась буква, явилось слово,—оно все созданіе и достояніе человѣка. И такъ здѣсь не выходитъ человѣкъ въ иную сферу, и слово не подлежитъ другимъ, чуждымъ ему, его измѣняющимъ, законамъ, чтобы такъ отрываться отъ случайности. Все, что ни творится и ни образуется, есть развитіе самого слова, всюду развиваются его за-

коны; здѣсь нѣтъ чуждаго дѣянія, здѣсь внутренній путь должно совершать оно; дѣло человѣка здѣсь свое; слово само создано человѣкомъ отъ природы. А оно, какъ мы сказали, обхватываетъ собою весь міръ, всѣ дѣянія человѣка и выражаетъ всѣ его состоянія, все, что ни производитъ онъ, и даже самое отвлеченное и мелкое.

Среди этой жизни, обращенной въ другую сторону, полной другихъ интересовъ, въ тоже время мелкой и ничтожной, слово само получило характеръ достойный ея состоянія. Среди жизни уже другой, является, не какъ зеркало ея, не простирающаяся надъ нею, но какъ область въ ней,—*поэзія*. Поэзія сама уже не можетъ быть та, что была прежде; содержаніе ея, также и жизнь перемѣнились; она отрываетъ отъ случайности эту жизнь; передъ ней падаетъ въ прахъ все мелкое, все корыстное и низкое,—и то высокое стремленіе, которое несется въ жизни съ одной стороны,—та скорбь и горькая насмѣшка, юморъ, съ другой,—одушевляютъ ее. Этой жизни служитъ слово; и, поэзія отрывая жизнь отъ случайности, при этомъ новомъ состояніи жизни человѣческой, себѣ преданной, не удовлетворяясь созерцаніемъ жизни: — съ одной стороны, отрывая ея благородное внутреннее стремленіе, съ другой, противопоставляя ей, ея образу, болѣе или менѣе человѣческій юморъ,—поэзія отрываетъ отъ случайности и самое слово; тогда какъ прежде слово само было оторваніе отъ случайности и было уже потому изящно; въ поэзіи является эта вѣчно прекрасная и великая область, великое благородное наслажденіе, дѣятельность человѣка, освобождающая человѣка отъ случайности и дрязга жизни, дающая миръ его душѣ, дающая простое, человѣческое наслажденіе. Поэзія, вѣчная хранительница благороднаго существа духа, вѣчная увѣрительница во всей глубинѣ и возвышенности, во всей необходимости и истинѣ, безко-

нечности его; она такъ просто хороша, и она никогда не оставитъ міръ, какъ никогда не оставитъ человѣка его человѣческое достоинство. Поэзія, это существенная принадлежность человѣка; конечно идя вслѣдъ за его движеніемъ, иное высказывала она, иной характеръ имѣло и въ ней слово; но это была все-же она, поэзія, глубоко человѣческую живую потребность осуществляющая: безъ нея, еслибъ это можно было вообразить, міръ представилъ-бы ледяную поверхность, страшную отвлеченность, жизнь, въ которой-бы не было сердца. Человѣкъ не долженъ забывать ее; это глубоко понималъ великій Шиллеръ; такъ говоритъ онъ:

Berauscht von dem errungnen Sieg.
Verlerne nicht die Hand zu preisen.
Die an des Lebens ödem Strand
Den weinenden verlassen Waisen,
Des wilden Zufalls Beute fand,
Die frühe schon der Künftgen Geisterwürde
Die junges Herz im Stillen zugekehrt
Und die befleckende Begierde
Von deinem zartem Busen abgewerht (1)

Въ поэзіи вновь является изящнымъ слово, вновь во всемъ благородствѣ предстаетъ оно и, не имѣющее уже созерцательнаго характера, какъ прежде, оно своею-же силою, какъ слово, выражаетъ, осуществляетъ внутреннее духа человѣческаго, содержаніе поэзіи, какой бы ни было. Поэзія по существу своему уже признаетъ слово, и какъ слово; поэзія, какъ непосредственное представленіе истины въ образѣ ей соразмѣрномъ, признаетъ слѣдовательно ея образъ и непосредственность и сохраняетъ какъ мате-

(1) Schillers sämmtliche Werke 1838, Stuttgart und Tübingen v. 1. стр. Die Künstler.

ріалъ. Но здѣсь еще сверхъ того является значеніе самого слова облекающаго собою, заключающаго въ себѣ, воплощающаго весь человѣческій міръ. И такъ среди этой жизни, только поэзія освобождаетъ слово отъ случайнаго, мелкаго, подчиненнаго употребленія; въ поэзіи слово находитъ свое оправданіе, обновленіе, достоинство. Вспомнимъ съ другой стороны, что когда слово имѣло въ первобытныя времена все свое значеніе, было самостоятельно такъ сказать,—оно было уже поэтическимъ. Слово вообще есть уже актъ поэтическій, оторваніе отъ случайности цѣлаго міра, явленіе его въ новомъ образѣ; такъ и было прежде, когда оно стояло лицемъ къ природѣ. Потомъ, когда жизнь человѣка замѣшалась, когда онъ пошелъ далѣе и когда слово потеряло и свою самостоятельность и свое поэтическое значеніе, тогда поэзія среди жизни часто мелкой, часто ничтожной или преданной другимъ интересамъ, является вновь; тогда вмѣстѣ съ тѣмъ *оправляетъ* (реабилитируетъ) она слово, освобождая его отъ случайности, отъ подчиненности, получающее въ ней вновь свое самостоятельное и изящное значеніе. И такъ поэзія отрываетъ здѣсь отъ случайности и жизнь и слово, и въ свою очередь дѣлаетъ его поэтическимъ. Связь здѣсь опять, какъ съ необходимымъ матеріаломъ, также полна и свободна.

Отсюда видимъ, что языкъ въ поэзіи имѣетъ другое, болѣе настоящее, значеніе, нежели въ другомъ мѣстѣ; какъ языкъ, предстаетъ онъ съ своимъ богатствомъ, со своею силою. Въ поэзіи и для поэзіи имѣетъ онъ самостоятельное мѣсто. Поэзія въ свою очередь, являя въ словѣ имъ признаваемомъ свою дѣятельность, свое изящество, свои тайны, открываетъ въ немъ новыя стороны, какъ въ словѣ, воспитываетъ его, такъ сказать; она дружна съ нимъ. Хотя конечно другое значеніе имѣетъ слово въ послѣдующія времена, когда сила поэзіи освобождаетъ его и вновь воз-

вращаетъ ему его права; но все-же слово, значитъ въ поэзіи какъ слово, имѣетъ въ ней свою самостоятельность, и измѣненіемъ своего значенія не теряя значенія своего самостоятельнаго, оно выражаетъ также степень, характеръ въ поэзіи, въ которой болѣе или менѣе выражается характеръ времени, степень, особенность человѣческаго развитія вообще. (Объ этомъ мы уже говорили).

И такъ видѣвъ, какое важное, самостоятельное значеніе имѣетъ слово въ поэзіи, посмотримъ, что сдѣлалъ собственно Ломоносовъ, какъ поэтъ, для Русскаго слова, что принесла собственно поэзія слову у насъ, какъ ознаменовалось оно собственно въ поэзіи.

Ломоносовъ былъ поэтъ; это выходитъ, какъ мы сказали прежде, изъ существа самаго момента. Но это постараемся мы показать при разсматриваніи самаго его, самыхъ его произведеній, прежде всего, какъ мы сказали, въ языкѣ; ибо здѣсь языкъ самый долженъ былъ и могъ выразить поэтическое само по себѣ начало. Въ языкѣ должна была и могла явиться личность поэтическая. Далѣе возникаетъ вопросъ: въ чемъ выразилась именно личность поэта Ломоносова, его особенность; потомъ намъ должно предстать поэтическое лицо, элементъ, талантъ самаго поэта, и наконецъ мы должны увидѣть, какъ собственно *выразился* этотъ моментъ языка и поэтъ Ломоносовъ. Мы должны *прочесть* стихи его; здѣсь моментъ требуетъ полной конкреціи, здѣсь не примѣры уже, а полное конкретное явленіе.

Ломоносовъ писалъ много и въ прозѣ и въ стихахъ. Цѣль его жизни, его дѣятельности была наука или лучше просвѣщеніе; стихи, поэзія не наполняли его жизни; онъ писалъ много намѣренно; въ его запискахъ находимъ замѣтку: *писать оду*. Это многіе ставятъ ему въ упрекъ и, нейдя далѣе, отвергаютъ его поэтическое достоинство. Но это

совершенно ничего не значитъ. Что-бы ни дѣлалъ, какъ-бы ни понималъ вещь человѣкъ; но если у него есть поэтическая натура, его поэтическая натура пробьется наружу на зло всему, не смотря на его понятія, на противорѣчія ихъ съ существомъ поэзіи, на способъ, какъ принимается онъ за дѣло; она нечаянно явится и среди прозы и среди сухихъ изложеній и среди ложныхъ взглядовъ, и поразитъ безпристрастнаго читателя. Тогда какъ есть много людей, готовыхъ всю жизнь остаться въ области поэзіи, вѣчно только стихи пишущихъ; много даже людей умныхъ, глубоко, истинно понимающихъ, одаренныхъ чувствомъ изящнаго; — но нѣтъ у нихъ дарованія, и то, что пишутъ они, какъ-бы ни было согласно съ теоріей поэзіи, съ эстетикой, какое-бы поэтическое ни было содержаніе,— обличаетъ только отсутствіе поэтическаго, творческаго дарованія. И такъ вышеприведенное обвиненіе кажется намъ поверхностнымъ и ничтожнымъ, и мы оставляемъ его въ сторонѣ. —Мы сказали, что Ломоносовъ писалъ много и въ прозѣ и въ стихахъ; но въ прозѣ, хотя дѣло его, какъ мы говорили выше, вполнѣ свободно и истинно, въ прозѣ однако, онъ, согласно съ значеніемъ этого дѣла, писалъ съ преимущественнымъ оттѣнкомъ общаго; обороты его и весь языкъ имѣетъ тамъ характеръ односторонности, и къ тому-же прозой написаны у него разсужденія, и вообще сочиненія прозаическаго содержанія. Въ стихахъ видимъ мы другое. Впрочемъ можемъ мы здѣсь указать на одно поэтическое мѣсто (поэтическія мѣста встрѣчаются у него и въ прозѣ) въ его разсужденіи: о пользѣ чтенія книгъ церковно-Славянскихъ. Мы должны, разумѣется безпристрастно, объективно прочесть эти строки, отрываясь отъ современнаго характера нашего времени. Конечно здѣсь есть отпечатокъ той эпохи, есть понятія, которыя ошибочны, есть мысль о меценатствѣ, мысль совершенно ложная и оскорбительная.

Но здѣсь есть порывъ, есть поэтическое движеніе, и это мѣсто прекрасно; прекрасно, ибо какъ-бы ни выразилось чувство, хотя-бы въ смѣшныхъ даже формахъ, но человѣческое сочувствіе человѣка, свободное отъ затемняющей его односторонности понятія, отъ ограниченности горизонта, проложитъ къ нему дорогу, найдетъ его всюду. Намъ кажется, что такое воззрѣніе истинно; оно должно всюду утвердить свои права, оно должно стряхнуть много пыли съ старины и воззвать къ сочувствію много поруганныхъ явленій; оно должно отдать справедливость всему и всюду, что́ только носитъ на себѣ отпечатокъ искренняго движенія, не смотря на объемъ, на образъ или мѣсто имъ занимаемое. Разность и времени и понятій да изчезнетъ какъ преграда между живымъ-же чувствомъ человѣческимъ выразившимся теперь, и между чувствомъ выразившимся прежде; это одно, эта одна струя,—и между всѣми выраженіями чувства да будетъ сочувствіе, да проложитъ его себѣ человѣкъ ко всѣмъ временамъ, во всѣхъ народахъ. Это ни сколько не во вредъ побѣдоносному торжеству настоящаго времени, его скипетродержанію міра, и также живому сочувствію, тѣснѣйшему и ближайшему съ своимъ народомъ, условіемъ нашего бытія; отъ народа отправляясь, идемъ мы во всѣ земли, и какъ себя, такъ и его обогащаемъ, принося новое содержаніе, новое богатство, возвышая свой духъ и духъ своего народа, насъ опредѣлившаго, и передаемъ нами пріобрѣтенное въ общее достояніе. Человѣкъ и народъ не раздѣльны; человѣкъ не имѣетъ никакого значенія, никакой дѣйствительности безъ народа.—Эти слова идутъ не къ оправданію только нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ хотимъ показать поэтическое одушевленіе человѣка, и донынѣ еще предмета одностороннихъ похвалъ, которыми давно его величали, и можетъ быть уже предмета порицаній, также односторонних, такъ что теперь, ко-

гда время односторонних похвалъ проходитъ, и почувствовали ихъ ложную сторону, — для многихъ вмѣстѣ съ этимъ изчезаетъ и значеніе и достоинство Ломоносова; его порицатели принимаютъ похвалы за самаго человѣка; они правы въ отношеніи одностороняго взгляда, которымъ и они условлены; но не правы въ отношеніи къ предмету; сверхъ того они могутъ быть просто односторонни, какъ были ихъ предшественники, и близоруки какъ они. — Нѣтъ, наши слова идутъ вообще къ точкѣ воззрѣнія. — Вотъ эти строки Ломоносова: «Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкой голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздные потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ-же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ ревнія? Возможноли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?» (1)

Но Ломоносовъ, какъ мы сказали, является поэтическимъ въ стихахъ, потому уже, что стихъ есть собственно форма поэзіи, и потому, что здѣсь языкъ его является свободнѣе, даже вполнѣ свободенъ и прекрасенъ, такъ что онъ имѣетъ тоже достоинство и для нашего времени и вообще для всѣхъ временъ; ибо онъ достигаетъ полнаго

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 9—10.

совершенства. Здѣсь можно-бы сказать вообще о значеніи стиха, значеніи весьма важномъ; но мы ограничимся немногими словами.

Языкъ, становясь изящнымъ, получаетъ уже значеніе какъ языкъ; утверждаетъ свои формы изящно созданныя; онѣ не распадаются, не уносятся потокомъ жизни, онѣ повторяются, ибо онѣ сами изящны. Это есть первое основаніе стиха, какъ намъ кажется; простая поэтическая рѣчь, повторяясь, являетъ уже изящныя формы; строй ея постоянъ. Въ словѣ лежитъ музыкальный элементъ, оно все создано изъ звука; онъ освобождается, когда свободно, свободно отъ случайности, само по себѣ является слово; онъ значитъ въ немъ, когда оно все значитъ. Но строй первой, изящной рѣчи не установленъ; онъ потомъ развивается болѣе и болѣе и наконецъ получаетъ опредѣленныя формы; является опредѣленный размѣръ, являются вмѣстѣ его видоизмѣненія и разнообразіе размѣра; является стихъ, рѣчь оторванная отъ случайности, и становится по преимуществу выраженіемъ поэзіи и вмѣстилищемъ изящнаго явленія языка. И такъ стихъ есть законная, свободная, разумная форма поэзіи; въ стихѣ собственно выражается она. Тамъ является такъ сильно и прекрасно музыкальная, существенно ему принадлежащая сторона слова; въ размѣрѣ и въ звукахъ самыхъ словъ выражается изящное. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы говорили, что только въ стихахъ выражается поэзія, но преимущественно и соотвѣтственно въ стихѣ проявляется поэтическая дѣятельность, и преимущественно въ стихѣ выразилась поэтическая дѣятельность Ломоносова, и вмѣстѣ, разумѣется, изящество языка.

Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ, въ лирическомъ, эпическомъ и драматическомъ. Какъ мы уже сказали, не онъ ввелъ эти роды поэзіи: они были уже обработаны на

западѣ и отчасти извѣстны и занесены прежде, хотя не въ полномъ развитомъ своемъ видѣ, оттуда къ намъ. Онъ взялъ ихъ готовыми, какъ и все брали тогда вообще, вслѣдствіе Великаго Прыжка. Онъ взялъ готовымъ также стихъ топическій и вмѣстѣ размѣръ его. Ни въ какомъ произведеніи его не находимъ мы одного цѣлаго; мы не можемъ указать на какое нибудь одно произведеніе, какъ на полное, оконченное созданіе. Но во всѣхъ этихъ произведеніяхъ находимъ цѣлое ихъ связующее, одно изящное созданіе, въ которомъ могущественно является поэтическій геній, — это языкъ, это стихъ, дошедшій до нашихъ временъ, и только у Пушкина вновь раздавшійся во всей своей силѣ, во всей внутренней поэтической красотѣ своей. Очень ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что гладкость стиха принимаемъ мы за его достоинство, или что великолѣпіе языка понимаемъ мы здѣсь отдѣльно; нѣтъ, это не такъ; у Ломоносова именно полный содержанія стихъ, стихъ, который никогда не можетъ стать условнымъ, стихъ, который можетъ быть созданъ только поэтическимъ талантомъ, устремленнымъ къ самому языку, такъ сказать, — языку, который такимъ образомъ самъ становится изящнымъ. Мы нисколько не думаемъ, чтобы въ томъ все заключалось; содержаніе поэтическое само по себѣ необходимо: — и у Пушкина, имѣвшаго и стихъ Ломоносова, было великое поэтическое содержаніе. Но въ тоже время мы должны видѣть и здѣсь не отвлеченное достоинство стиха, какъ это и бываетъ часто, но полное, конкретное, изящное его образованіе, только поэтическою природою даруемое изящество языка, такого рода созданіе, которое и требовалось въ тоже время законно самою эпохою, самымъ моментомъ. Надо сказать также, что часто въ стихѣ слова не имѣютъ всего своего значенія, что въ рамы размѣра вставляются они не искажая только смы-

сла и звучно наполняя пространство стиха; и не много такихъ стиховъ, въ которыхъ каждое слово требуетъ вниманія и подаетъ раздѣльно, явственно свой голосъ, не даромъ становясь въ стихъ, не звуча только въ немъ, но въ тоже время, не только извнѣ по смыслу своему, но и какъ слово, прекрасно въ немъ являясь. Такой-то стихъ видимъ мы у Ломоносова, стихъ лишь поэтическою природою созданный, — его величайшая, полная, истинная заслуга; но въ тоже время видимъ мы у него, при этой общей его заслугѣ, множество поэтическихъ мѣстъ, являющихъ его поэтическую природу, присутствіе которой необходимо уже для самого языка и которая должна-же какъ нибудь прорываться наружу.

И такъ въ стихахъ Ломоносова является Русской языкъ во всей своей силѣ и красотѣ; онъ открываетъ новые свои обороты, новое богатство, въ немъ всегда лежавшее, и если обороты, даже употреблявшіеся прежде, то теперь получившіе окончательное утвержденіе и занявшіе прочно свое мѣсто. Здѣсь именно видимъ мы языкъ и не въ отвлеченномъ его смыслѣ, являющійся прекрасно. Освобожденный и движимый поэтическою природою Ломоносова, принимаетъ онъ новые изящные образы, раздается вся его звучность, и наконецъ покорный его генію, становится онъ въ стройныя, изящныя формы, только истинною поэтическою природою могущія быть произведенными. И сверхъ того эта поэтическая сила, такъ направленная къ языку, выходитъ сама изящно, доказывая истинность поэтическаго генія, образующаго языкъ. Мы постараемся показать это. Языкъ и собственно стихъ Ломоносова, именно потому, что Ломоносовъ былъ истинный поэтъ (мы устраняемъ особенности времени, они не составляютъ существеннаго), до нашего времени прошелъ неповторенный, и только (скажемъ еще) у Пушкина, вполнѣ по крайней мѣрѣ,

вновь раздался. Здѣсь удивляемся мы именно Русскому языку. Вопросъ языка былъ вопросомъ момента; отсюда является второстепенность самого созданія поэтическаго.

Обратимъ вниманіе на самыя произведенія Ломоносова, укажемъ на нихъ, и постараемся объяснить, если можно, ихъ достоинство.

У Ломоносова, какъ мы сказали, нѣтъ цѣлаго художественнаго произведенія, но много прекрасныхъ, изящныхъ, поэтическихъ мѣстъ, какъ относительно языка, который составляетъ общее его достоинство, такъ и относительно достоинства просто внутренняго, поэтическаго. Они встрѣчаются всюду. Обратимъ-же на нихъ вниманіе (1).

Вообще очень трудно дѣлать разборъ поэтическихъ красотъ. Если говорить о изящномъ языкѣ, тогда надобно

(1) *Ломоносова обвиняли* въ подражаніи Нѣмецкому стихотворцу Гюнтеру, его современнику; но мы не находимъ никакого подражанія и никакой даже близости, кромѣ размѣра стиховъ, строфы и развѣ строя оныхъ. Считая нужнымъ отыскать, нѣтъ-ли какого нибудь сходства и слѣдовательно нѣтъ-ли оправданія этому повторяемому мнѣнію, мы могли найдти только слѣдующее мѣсто, которое имѣетъ какое-то натянутое сходство:

Byſanz erkenn' anjetzt den Werth
Von Rudolphs göttlichem Geblüthe,
Und küſſe Carls gereiztes Schwerdt:
Es hat nicht minder Schärf'als Güte.
Du fehlſt, es ſtraft; du flehſt, es ſchenkt,
Und wird durch Demuth abgelenkt,
Und läſſt ſich ſiegend überwinden.
Das Erbtheil Joſephs lebt in Ruh,
Und nährt ſich von des Bruders Glücke;
Der Schäfer lacht, ſein Vieh nimmt zu,
Die Lämmer werden fett und dicke.

Johann Chriſtian Gunther Gedichte. Breſlau und Leipzig. 1764. часть 1. стр. 98. 107.

изслѣдовать языкъ собственно; но это совершенно особенный и важный вопросъ, сюда не совсѣмъ входящій; отчасти-же мы это исполнили. Что-же касается собственно до поэтическихъ мѣстъ, то надо опредѣлить воззрѣніе на нихъ, поставить ихъ въ извѣстномъ свѣтѣ,—и потомъ они сами уже говорятъ за себя. Послѣ опредѣленія такого воззрѣнія, чтеніе, почти одно чтеніе,—вотъ что намъ остается. Мы думаемъ, что уже опредѣлили воззрѣніе, и теперь надобно намъ только кинуть взглядъ на самыя произведенія. И такъ мы просто указываемъ, дѣлая сколько то возможно болѣе близкое опредѣленіе поэтической особенности Ломоносова.

Въ 1739 году появилась первая ода Ломоносова. Мы уже на нее указали и привели изъ нея нѣкоторые примѣры, собственно относительно языка; но они могутъ служить (нѣкоторые по крайней мѣрѣ) и примѣрами поэтическаго достоинства, какъ и другіе примѣры, приведенные во второй части, изъ преложеній псалмовъ.—Приведемъ теперь примѣры изъ другихъ его произведеній; укажемъ прежде всего на Оду Девятую, Преложеніе изъ Іова, такъ намъ знакомую, такъ опрофанированную частыми повтореніями и учебниками.

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ, и разогналъ туманъ
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,

И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошолъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну? (1)

Каковъ стихъ! Здѣсь является полное его совершенство; разница можетъ быть только въ видоизмѣненіяхъ. И это было сказано вдругъ, въ то время, какимъ-то чудомъ, силою геніальной личной природы! Какъ хорошъ Русской оборотъ послѣднихъ двухъ стиховъ! Далѣе—

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли затмить,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805 ч. 1. стр. 47—48.

Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай съ нимъ своей ты силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Ты можешь ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой. (1)

У Ломоносова встрѣчаемъ мы чудныя риѳмы, въ которыхъ такъ является звучность языка; напр:

Парящей поэзіи ревность
Твои дѣла превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
Похвалъ твоихъ не пресѣчетъ.

Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Прострите вашъ усердный трудъ,
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, паствой, блескомъ рудъ. (2)

Укажемъ сперва замѣчательныя, отдѣльныя выраженія, прекрасные эпитеты; напр.

Когда томитъ *протяжный* день....

---

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 48 — 49.
(2) Тамъ-же, 119 — 172.

Коль тщетно *пышное* упорство....

—

Смущенный бранью міръ миритъ Господь тобой.... (1)

—

Которой лишены *пугливые* невѣжды....

—

Но кромѣ этого, у Ломоносова видимъ мы, такъ у немногихъ настоящимъ образомъ встрѣчаемую, вѣрность, простоту и безъискуственность эпитетовъ, — глубокое поэтическое свойство, находящееся собственно только у древнихъ; напр.

Гдѣ въ *мокрыхъ* берегахъ крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна....

—

Затѣмъ *прохладныя* поля свои любя....

—

Когда лишась цвѣтовъ, поля у васъ *блѣднѣютъ*....

—

Простерся *мягкій* снѣгъ въ спокойствѣ на поляхъ.... (2)

—

Сколько поэтическихъ мѣстъ въ его одахъ, такъ называемыхъ похвальныхъ. Вообще надо сказать, что похвала, случай, на который онъ пишетъ оду, часто у него бываетъ только предлогомъ; часто оставя предметъ въ сторонѣ, удаляется онъ въ поэтическій образъ, и часто дѣлаемое сравненіе является у него именно поэтическимъ про-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Соб. 1803, ч. 1. стр. 142. 184. 278.
(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 14. 13. 192. 300.

изведеніемъ. Скажемъ здѣсь, что въ стихахъ Ломоносова особенно является человѣкъ любящій и понимающій природу; и часто естествоиспытатель и ученый; видно, что Петръ сильно на него дѣйствовалъ и одушевлялъ его; видно также, что великое пространство Россіи поражало его. Въ примѣрахъ, которые приведемъ мы, это будетъ видно. Наши слова относятся и не къ одамъ однѣмъ, но и ко всѣмъ его стихотвореніямъ. Мы выписываемъ много; но мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать. Не смотря на то, наши примѣры далеко не заключаютъ въ себѣ всего; мы думаемъ, что выписки этихъ прекрасныхъ, по нашему мнѣнію, поэтическихъ мѣстъ, выставленныхъ на видъ, интересны и имѣютъ свою, и большую, важность. Намъ кажется, что послѣ нашихъ изслѣдованій мы должны представить и прочесть его поэтическія произведенія (1).

Мы сказали уже, что мы у Пушкина видимъ стихъ Ломоносова, или по крайней мѣрѣ у обоихъ видимъ мы одинъ стихъ, одного рода. Приведемъ въ доказательство тому хотя одинъ небольшой примѣръ изъ Пушкина.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину,
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

(1) Чтеніе поэтическихъ мѣстъ въ стихотвореніяхъ Ломоносова, какъ нарушающее теченіе самаго текста «разсужденія», помѣщаемъ мы въ концѣ книги, въ «приложеніяхъ». Чтеніе это составляетъ отчасти критику его простѣ съ избраніемъ мѣстъ, имѣющихъ поэтическое достоинство, чего мы не предположили себѣ въ нашемъ разсужденіи.

Давноль, друзья.... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что-же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава (1).

Сверхъ того скажемъ, что, хотя самъ Ломоносовъ пренебрегалъ своими поэтическими произведеніями, хотя часто въ нихъ видѣнъ былъ восторгъ ученаго; но съ другой стороны, по природѣ своей, согласно съ своимъ значеніемъ, онъ былъ по преимуществу поэтъ; онъ былъ поэтъ вездѣ: и въ жизни своей и въ своихъ ученыхъ занятіяхъ и въ своихъ произведеніяхъ, какія бы они ни были. Мы уже упомянали прежде о томъ, какъ одушевленно написаны его ученыя разсужденія; повторяемъ это здѣсь. Самое то даже, что въ его поэтическія произведенія входятъ ученыя предметы, показываетъ, какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, сколько видѣлъ въ нихъ прекраснаго, живаго, поэтическаго. Повторимъ: Ломоносовъ былъ поэтъ по природѣ своей и былъ имъ всюду, во всей многообразной дѣятельности, изъ которой одну, собственно литературную, мы разсматриваемъ.

И такъ, думаемъ, мы достаточно показали, что Ломоносовъ поэтъ, что внутри его былъ поэтическій огонь, проявлявшійся въ его сочиненіяхъ. Это, какъ мы сказали, необходимо уже по значенію момента имъ выражаемаго. Это видѣли мы по значенію того-же момента въ языкѣ; ибо дѣло языка могло совершиться только такъ. Это видѣли мы въ самомъ уже языкѣ, столько изящно и ощути-

(1) Сочиненія А. Пушкина. Спб. 1841. т. 9, стр. 157.

тельно являющемся: что̀ все вытекаетъ согласно съ необходимымъ значеніемъ, осуществленіемъ момента. И наконецъ это видѣли мы просто проявляющимся въ его произведеніяхъ, какъ поэтическія мѣста. Отъ общаго его значенія, какъ момента, перешли мы черезъ моментъ исторической, необходимо его конкретирующій, и дошли наконецъ до него самого, до лица, до полнаго конкретнаго проявленія, гдѣ предстаетъ уже онъ самъ со всею своею дѣятельностію, гдѣ наконецъ мы его читаемъ, гдѣ является его свободная личность. Здѣсь при полномъ осуществленіи момента, мы дошли до свободы, до свободы законной, допущенной и оправданной. Выведемъ-же общее заключеніе и взглянемъ на весь ходъ нашего разсужденія, на значеніе и явленіе Ломоносова какъ момента.

Ломоносовъ выражаетъ моментъ отрицанія исключительной національности, особности въ литературѣ, прекращеніе круга только—національныхъ пѣсенъ; онъ есть моментъ индивидуума, лица, единичности въ литературѣ,—есть поэтъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и потому самому, есть явленіе *общаго*, только чрезъ лицо могущаго явиться,—общаго и лица вмѣстѣ; въ тоже время онъ есть начало собственно литературы, гдѣ уже является общее, не уничтожая національности, становя ее присущимъ моментомъ. — *Моментъ общаго*.

Этотъ моментъ конкретируется въ языкѣ, слогѣ, какъ средѣ, въ которой является и совершаетъ, какъ литература, развитіе свое поэзія. Здѣсь моментъ является какъ прекращеніе исключительной національности языка и отвлеченнаго общаго значенія въ слогѣ, языка церковно-Славянскаго; какъ пробужденіе въ языкѣ національномъ *общаго*, возведеніе его въ эту сферу, и

вслѣдствіе того живое, уже родственное, отношеніе его съ языкомъ церковно-Славянскимъ, что́ также могло совершиться только индивидуумомъ, лицомъ; ибо языкъ, въ которомъ выражается *общее*, долженъ былъ явиться, раздаться, какъ голосъ индивидуума, лица. Но это моментъ еще только историческій.—*Моментъ особности.*

И наконецъ этотъ моментъ необходимо, сообразно съ существомъ своимъ, конкретируется еще далѣе, вполнѣ. Ломоносовъ является намъ какъ лицо, какъ оправданіе, полное явленіе этого момента, — какъ поэтъ; ибо моментъ его есть моментъ лица и только лицо могло совершить это. И такъ онъ долженъ былъ явиться, какъ лицо, какъ поэтъ, и онъ является намъ, какъ поэтъ, и собственно въ языкѣ, гдѣ выражается его геній, какъ лица; слѣдовательно: въ изяществѣ языка; но вмѣстѣ съ этимъ его поэтическая природа, необходимая для такого явленія и для изящества языка, слога, проявляется сама поэтически, во многихъ прекрасныхъ мѣстахъ. — *Моментъ единичности* (1).

И теперь мы стоимъ передъ Ломоносовымъ, какъ передъ лицомъ; и лице, соразмѣрно выразившее великій моментъ, получаетъ, какъ лицо, колоссальный характеръ и влечетъ наше вниманіе и удивленіе. Этотъ колоссальный образъ является намъ въ нашей литературѣ, раздѣляя ее,—на рубежѣ національной поэзіи и литературы собственно. Здѣсь Ломоносовъ предстаетъ намъ уже вполнѣ конкретно и живо, уже просто какъ великій человѣкъ. — И сама наружность его была исполнена силы: широкія плеча, могучіе члены, высокій лобъ и гордый взглядъ. Въ груди его

(1) Мы показали выше значеніе языка, слога, относительно поэзіи, литературы.

жилъ пылкій до бѣшенства духъ, неукротимый характеръ, не знающая отдыха дѣятельность, безкорыстная, глубокая любовь къ знанію. Сама необыкновенная судьба его много придаетъ интереса этому огромному явленію нашей литтературы, столь важной сферы духа, столь важной области народа. Судьба и призваніе нашли его рыбакомъ на берегахъ Ледовитаго моря, и оттуда, послышавъ призывъ и кинувъ вѣрное, спѣшилъ онъ влекомый жаждою знанія на подвигъ ему соразмѣрный, великій, согласный съ любовію, желаніемъ души его, но представлявшійся ему еще тогда въ неясномъ, невѣрномъ, сомнительномъ свѣтѣ.

Онъ принялся за дѣло свое, и дѣло пошло. Но Ломоносовъ во все время своей дѣятельности, и за границей и въ Россіи, ревностно принимая плоды просвѣщенія отъ Запада, оставался и душею и характеромъ и всѣмъ,—Русскимъ вполнѣ. Онъ скоро замѣтилъ необходимую односторонность подвига Петра и необходимое одностороннее направленіе,—внѣшнюю форму и результатъ этого подвига. Онъ видѣлъ, какъ, во имя науки, чужеземное одолѣвало Русское, какъ выписывали Нѣмцевъ, чтобы объяснять Русскимъ Русскую исторію, Нѣмцамъ чуждую совершенно; какъ во всѣхъ отношеніяхъ одолѣвала Нѣмецкая партія. Ломоносовъ видѣлъ все это; великій сынъ Русской земли, онъ возсталъ противъ этой односторонности, тогда сильной, ибо она была въ естественномъ ходѣ развитія. Одаренный геніемъ, онъ понималъ настоящее значеніе просвѣщенія, обще-человѣческихъ благъ; можетъ быть и самая сфера, въ которой былъ онъ, по праву, истиннымъ дѣятелемъ, сфера поэзіи, сфера полная, становила ему это доступнымъ. Ломоносовъ видѣлъ, что вмѣсто просвѣщенія, вмѣсто общаго, человѣческаго, чего онъ желалъ для Россіи, въ Россіи составилось общество Нѣмецкихъ ученыхъ, со всею Нѣмецкой особенностью, — Нѣмецкій Университетъ; и онъ

вступилъ въ жаркую, непримиримую борьбу съ Нѣмецкимъ направленіемъ; здѣсь обнаруживался его пылкій, неукротимый характеръ. Въ то-же время онъ излагалъ свои необыкновенно вѣрныя и глубокія мысли, необыкновенно ясно выраженныя объ устройствѣ Университета и вообще ученой части, и замѣчанія на современное состояніе ученія въ Россіи. Видя, какъ выписываютъ изъ за-моря профессоровъ, видя Нѣмецкихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ за деньги въ Россію, не имѣющихъ ни малѣйшаго къ ней сочувствія, ни сколько не заботящихся о просвѣщеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ забирающихъ въ руки всѣ его средства; видя, что дѣятельность ихъ ни сколько не переходитъ въ обладаніе Россіи и остается чуждою для нея,—Ломоносовъ не годовалъ всею душею, и въ одной отмѣткѣ на-полѣ проэкта Академическаго Регламента, имъ составленнаго, онъ говоритъ: *дивлюсь что и студентовъ изъ за моря не велѣно выписывать* (1). Ломоносовъ соединялъ любовь къ просвѣщенію съ любовью къ Россіи, и съ рѣзкою бранью нападалъ на Нѣмцевъ въ Россіи, противниковъ своихъ, ведя за Россію и за ея просвѣщеніе неутомимую, ожесточенную борьбу; это видно во многихъ его письмахъ и бумагахъ. Въ письмѣ къ Теплову онъ говоритъ: «Одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія, или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, *дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго.* Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и нема-

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840, стр. 52.

лую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

«Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину.»

Зачеркнутый постскриптумъ:

P. S. «Вчерашняго числа Клейнфельдъ удавился. Таубертъ отозвавъ меня къ сторонѣ просилъ никому того не сказывать ради чести Академіи. А про Софронова дурную смерть ходитъ вездѣ сказывать, что Русскіе такіе-то, сякіе, не думалъ про честь Академіи» (1).

Онъ говоритъ про Миллера въ своей запискѣ, переписанной и поправленной его рукой: «16. Не токмо въ ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи, напр. описывая Чувашу, не могъ протти чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть Россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ Россійскаго тѣла, проходя мимо многія истинныя ея украшенія» (2). Онъ нападалъ на Нѣмца Шлецера; въ собственноручной черновой запискѣ о издававшейся въ печать Шлецеровой Грамматикѣ Россійской, разбирая его нелѣпое въ самомъ дѣлѣ словопроизводство, онъ говоритъ между прочимъ: «3. Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина» (3). Но это было неодносторонне; онъ уважалъ великаго Эйлера и былъ также имъ уважаемъ и переписывался съ нимъ. Нѣмцы не могли обвинять его въ

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840 г. стр. 38. 39.
(2) Тамъ-же, стр. 78.
(3) Тамъ-же М. 1840. стр. 46.

односторонности, въ невѣжествѣ, его, который такъ высоко стоялъ въ сферѣ знанія, котораго такъ высоко цѣнилъ, которому удивлялся великій Нѣмецкій ученый Эйлеръ. Стремленіе Ломоносова было благородно и душа его была также благородна; это видно изъ его замѣтокъ черновыхъ, изъ писемъ, изъ всего того, что онъ писалъ, однимъ словомъ. На клочкѣ бумаги, гдѣ написаны разныя замѣтки, находится между прочимъ:

«8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi».

«9. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., чтобы выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство pro aris etc.».

«10. Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ.»

«11. Ежели не пресѣчете—великая буря возстанетъ» (1).

Одно, въ чемъ можемъ мы упрекнуть и въ тоже время оправдать его, это понятіе о меценатствѣ, понятіе того времени и сверхъ того имѣвшее силу и прелесть классическаго понятія, хотя у него это была скорѣе одна форма. (Мы разумѣемъ подъ меценатствомъ это оскорбительное, снисходительное покровительство, а не служеніе наукѣ и искуству); но если живо что нибудь его волновало, онъ писалъ къ своимъ меценатамъ прямыя и жесткія письма. Мы уже выписали нѣсколько изъ письма къ Теплову, изъ чего также можно видѣть его прямой и открытый тонъ. Выпишемъ изъ этого письма еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ особенно и рѣзко въ тоже время, этотъ тонъ выражается.

«Кромѣ многихъ недавнѣйшій примѣръ сами довольно помните, и въ совѣсти своей представить можете, что вы осердясь на меня, по безсовѣстнымъ и лживымъ жалобамъ двухъ студентовъ, кои отнюдь требовали быть

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840, стр. 40.

адъюнктами по недостоинству, а сами отъ Университета во все отстали, и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вамъ сватъ, здѣлали неправое дѣло. (1) Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть; она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже. »

«Нѣкогда отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу писали вы къ нему: L'academie, sans academiciens, la chancelerie sans membres, l'université sans étudiens, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusque à present sans remede. Кто въ томъ виноватъ, кромѣ васъ, и вашего непостоянства? » (2)

«Но все не смотря еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ ничего инаго не ищу, какъ только чтобъ закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840. стр. 34.
(2) Тамъ-же, М. 1840. стр. 35—36.

васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднова восстать за грѣхъ не ставлю ». (1)

Вотъ одно письмо его къ Шувалову: «Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сего дня къ себѣ — я думалъ можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: Помирись съ Сумароковымъ! — то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ; свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ; и вы сами неради. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое рифмачество выше всего человѣческаго знанія ставитъ; Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мешать не хочу ни коимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ ни какимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи, и знаю каково въ крапиву..... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ и ежели не смотря на мое усердіе будете гнѣвится, я полагаюсь на помощь Всевышняго, которой мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство имѣя нынѣ случай служить отечеству вспомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшіе дѣла производить, не-

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840. стр. 58.

жели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю, мстить за обиды и не думаю, и только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знатся. Будѣ онъ человѣкъ знающій искусной, пускай дѣлаетъ пользу отечеству, я по моему малому таланту такъ-же готовъ старатся. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, которой всѣ прочія знанія позорилъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу; но ниже у самаго Господа Бога, которой мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ вынметъ. Г. Сумароковъ привязавшись ко мнѣ на часъ столько всяково вздору наговорилъ, что на вѣсь мой вѣкъ станетъ и радъ что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіантами обхожденія. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную скимосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не изчезло въ памяти; постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ какъ о мѣлочномъ дѣлѣ позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю». (1)

Никогда не хвастался онъ тѣмъ, что онъ бросилъ все для науки, что онъ сынъ рыбака ставшій ученымъ; однажды говоритъ онъ объ этомъ со всѣмъ благородствомъ, въ двухъ (одно за другимъ какъ кажется слѣдующихъ)

(1) Изъ рукописи.

письмахъ своихъ къ Шувалову, вызванный, какъ видно изъ его словъ, симъ послѣднимъ; говоритъ также о наукѣ прекрасно и благородно. Мы выпишемъ оттуда:

«Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ пóтомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія росхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыя и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ

быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ беспечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны» (1).

«Полученное вчерашняго числа отъ 24 Мая писмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ щастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили. А напротивъ того (извольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за кни-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 324—325.

гами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушолъ въ Спаскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, *могу-ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить предъ моимъ дѣтствомъ.* Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваше справедливое мнѣніе» (1), — и далѣе говоритъ онъ о наукахъ и о новыхъ опытахъ. Всюду выражается его пылкій характеръ, его искренность и жаркое участіе, твердость въ своихъ убѣжденіяхъ, благородство и сила души его; слогъ его вообще сильный и твердый, особенно когда подвигнутъ его духъ, — часто становится рѣзокъ и жестокъ, когда досада волнуетъ его (2).

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 326—328.

(2) Въ приведенныхъ выпискахъ есть тому примѣры. Выписываемъ еще одно мѣсто изъ разсужденія о распространеніи Русскаго народа: Ломоносовъ здѣсь распространяется о значеніи поста «А сверхъ того,» воображаетъ Ломоносовъ рѣчь Святителей, «ученьемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичь, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть

Такимъ является Ломоносовъ, по нашему мнѣнію, выразившій собою великій моментъ въ нашей литературѣ. Сужденія о немъ были ошибочны; безусловныя похвалы поставили его высоко, окружили классическимъ блескомъ и скрыли настоящее достоинство и великость; съ другой стороны было-бы ошибочно нападать на него и мѣрять мѣрою настоящаго времени, не понимая всего его великаго значенія, не вникнувъ въ смыслъ его генія. Ложенъ и страхъ противорѣчить авторитету, ложенъ и страхъ съ нимъ соглашаться. Теперь, во время сознанія насъ самихъ, время свѣтлое, оправдывающее все, полное жизни,— пришла кажется пора настоящей оцѣнки, настоящаго, справедливаго взгляда для Ломоносова. Мы сказали, какъ мы его понимаемъ, какъ понимаемъ его великое значеніе и дѣятельность въ нашей литературѣ, столь важной сферѣ народа. Скажемъ въ заключеніе:—Колоссальное лице Ломоносова, которое встрѣчаемъ мы въ нашей литературѣ, является не формальною, но живою точкою начала; вся наша дѣятельность, явившаяся, и являющаяся, и имѣющая явиться, вся примыкаетъ къ нему, какъ къ своему источнику; онъ стоитъ на границѣ двухъ сферъ, дающій новую жизнь, вводящій въ новую полную сферу. Развитіе двинулось и пошло своимъ путемъ, своими односторонностями,— это уже историческій ходъ самого дѣла; но выше всего этого стоитъ образъ Ломоносова, и какъ-бы ни пошло развитіе, онъ является, какъ давшій его. Да замолкнутъ-же всѣ невѣжественныя обвиненія и толки; отъ нашихъ дней требуется свободное признаніе его великаго подвига, и

доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротамъ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и Пророки висятъ. Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя...» Москвитянинъ, 1842 г., N 1, стр. 136.

*

полная, искренняя, глубокая благодарность. Образъ его исполински является намъ, и этотъ исполинскій образъ возвышается передъ нами во всемъ своемъ вѣчномъ величіи, во всемъ могуществѣ и силѣ генія, во всей славѣ своего подвига,—и безконечно будетъ онъ возвышаться, какъ безконечно его великое дѣло.

КОНЕЦЪ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Къ стр. 132.

Въ XI-же столѣтіи находимъ мы чрезвычайно интересный памятникъ; это сочиненія Иларіона, Митрополита Кіевскаго: два его Слова и исповѣданіе вѣры (1). Въ нихъ встрѣчаемъ мы языкъ Остромирова Евангелія почти совершенно удержанный, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ дальнѣйшихъ памятникахъ; близость времени дѣлаетъ это естественнымъ. По этому мы и не выписываемъ примѣровъ правильнаго употребленія. — Кромѣ соблюденія особенностей окончаній въ склоненіяхъ, соблюденія тонкостей языка церковно-Славянскаго, мы видимъ также сохраняющееся полногласіе въ прилагательныхъ образованныхъ; какъ: *глаголлаше; мудрыихъ; разумныихъ;* (2); также употребленіе прилагательныхъ первообразныхъ какъ существительныхъ, въ падежахъ и кромѣ именительнаго: *въ странахъ многахъ* (3) — Встрѣчаются иногда ошибки, но по большой вѣроятности это описки переписчика; ихъ не много; напр: *отъ Дѣвицы; земля твоей; сердечныими очима; мы бо. . . . овцъ пастыы твоей; души наши; младенць* (4).—Какъ особенности употребленія, замѣтимъ: *на Христіаныихъ* и т. д., какъ прилагательное. Далѣе встрѣчается: *Христіанми* (5); это могло быть *ми*, окончаніе творительнаго падежа, потомъ гораздо позднѣе встрѣчающееся и въ подобныхъ словахъ, или-же это объясняется предыдущимъ употре-

(1) Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ, книжка 2, книжка, 3. 1844. Прибавленія, стр. 223—253.—стр. 295—296.
(2) Твор. Св. Отц. годъ 2-й. кн. 2. приб. стр. 250.
(3) Тамъ-же, стр. 259.
(4) Тамъ-же, стр. 251. 247. 248. 249. 250. 252.
(5) Тамъ-же, стр. 228. 255.

бленіемъ этого слова, какъ прилагательнаго.—Также замѣчательны слова: *стѣнь;* напр: *прежде стѣнь, ти потомъ истина;* также: *бѣгуки; — быхомъ бѣгуки*; *своего Владыкы* (1) —Въ первомъ Словѣ: *О законѣ Моисеомъ данномъ ему* и пр., есть сравненіе Іисуса Христа какъ Бога и человѣка, которое потомъ если не повторяется, то напоминается много въ проповѣди Кирилла Туровскаго на святую Пасху. — Всѣ сочиненія, особенно упомянутое Слово, прекрасны; языкъ вообще носитъ отпечатокъ древности.

(1) Тамъ-же, стр. 223. 250.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Къ стр. 207.

Собр. Госуд. грам. и догов., 1813 г., т. 1, стр. 23. — Договорная грамота Новгорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ, 1426 — 1461 гг.

А на семъ на всемъ, Господине Князь Великій Борисъ Олександровичь, челуй крестъ ко всему Великому Новугороду. А старый, Господине Князь Великий, рубежъ земли и водѣ дай промежи Тферью и Кашиномъ, и Новгородчкой отцинѣ, и Торжкомъ и Бѣжичкымъ верхомъ; и Князь Великий Борисъ Олександровичь далъ рубежъ земли и водѣ промежи своего Великого Княженья Тфери и Кашина, и промежи Новгорочкой отцинѣ, и Новоторжской земли и воды и Бѣжичкой, по Великого Князя грамотѣ Ивана Даниловича. А какъ почелуетъ крестъ Князь Великий Борисъ Олександровичь къ Великому Новугороду, а земли и водѣ дастъ старый рубежъ, по Великого Князя грамотѣ Ивана Даниловича; ино дати Князю Великому Борису Олександровичу своего Боярина судьею на рубежъ, а Великому Новугороду дати своего Боярина судьею на рубежъ; а тымъ судьямъ судити порубежныхъ людий, татей и разбойниковъ съ обѣ половинѣ по хрестному челованью. А на кого възговорять изъ Новгорочкыхъ волостей на Тферьского татя или на разбойника, а възмолвятъ нѣтъ; ино ему и потомъ не быти во Тферьскыхъ волостехъ; а

будетъ, ино его безъ суда выдати по хрестному целованью: а на кого взговорятъ изъ Тферьскыхъ волостей на Новгорочкого татя или разбойника, а възмолвятъ пѣтъ; ино ему и потомъ не быти въ Новгорочкыхъ волостехъ и въ Новоторжскыхъ; а будетъ, ино его безъ суда выдати по хрестному целованью. А судьи слати Князю Великому Борису Олександровичу и Великому Новугороду на рубежъ черезъ годъ. А Князю Великому Борису Олександровичу, и его братьи, и его дѣтемъ, и его Княгини, и ихъ Бояромъ земли и воды Новгорочкой и Новоторжской не купити, ни даромъ не приимати, ни закладниковъ не держати. А хто почнетъ Новгородцевъ или Новоторжцовъ во Тфери жити, или во Тферьскомъ Княженьи, или въ Кашини, земля ихъ къ Новугороду, а Князю Великому Борису Олександровичу то не надоби: или хто почнетъ Тферичь жити въ Новѣгородѣ, или въ Торжку; земля ихъ Князю Великому Борису Олександровичу, а Новугороду то не надоби А имуть чего искати на Новгородцехъ или на Новоторжчехъ; судъ съ Новгородцемъ въ Новѣгородѣ, а съ Новоторяцемъ въ Торжку: или цего имуть искати Новгородци или Новоторяци на Тферитинѣ; судъ имъ въ Тфери, а судити съ обѣ половинѣ по хрестному целованью, а посула не взяти съ обѣ половинѣ. А въ Русѣ и въ Торжку имати у Тферичь гостиное по старинѣ, а во Тфери у Новгородцевъ и у Новоторжцовъ имати гостиное и мытъ по старинѣ. А приведутъ Тферитина съ поличнымъ къ Новгорочкому Посаднику или къ Новоторжскому; судити его по хрестному целованью, а посула не взяти съ обѣ половинѣ; а приведутъ Новгородца или Новоторжца съ поличнымъ на Тфери къ Великому Князю, или къ его Намѣстнику; судити его по хрестному целованью, а посула не взяти съ обѣ половинѣ; а гдѣ орудье почнетъ, ту его и концать. А гостю гостити всякому съ обѣ сторонѣ, путь чистъ безъ рубежа; а воротъ ти не затворяти и всякый гость пустити въ Новгородъ; а силою ти гостя Новгородчкаго и Новоторжскаго во Тферь не переимати. А чересъ рубежъ ти въ Новгородчкую волость и въ Новоторжскую Дворянъ и приставовъ не всылати; а посломъ Новгорочкымъ, и Новгородцемъ и Новоторжцемъ ѣздити сквозѣ Князя Великого отчину Бориса Олександровича, путь

чистъ бесъ пакости. А холопы, и робы, и беглеци выдати съ обѣ стороцѣ по исправѣ и по хрестному челованью. А на томъ на всемъ Князь Великий Борисъ Олександровичь челуй, Господине, крестъ къ Великому Новугороду, по любви въ правду. А похоцетъ Князь Великий на той грамотѣ за то ятися; и Великий Новгородъ повелѣлъ за то ятися Павлу Ѳедоровичу: или Князь Великий Борисъ Олександровичь того не похочетъ; ино Великому Новугороду на Павла не помолвити.

Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 35. — Грамота Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича и Великаго Князя Василія Василіевича Ѳедору Константиновичу.

Отъ Князь Михайла Андреевича Ѳедору Костянтиновичу. Присылалъ ко мнѣ игуменъ Екимъ и старецъ Мартемьянъ Ѳерапонтовы пустыни и вся братья, старца Еустратья, а билъ ми челомъ о томъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста Волоцкой мою грамоту такову, что имъ пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ, изъ Мартемьяновскихъ деревень монастырьскіе половники въ серебрѣ, межень лѣта и всегды, да кто деи выйдетъ половникъ серебряникъ въ твой путь, ино деи ему платитися въ истое на два году безъ росту: и язъ пожаловалъ игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы манастырьскихъ людей серебрениковъ отъ Юрьева дни до Юрьева дни не принималъ, а принималъ бы еси серебрешики о Юрьевѣ дни о осеннемъ, и которой поидетъ о Юрьевѣ дни манастырьскихъ людей въ твой путь, и онъ тогды и денги заплатитъ, а ту есми полѣтную подернилъ, а игумену есми и всей братьи отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебреникоѵъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ серебреникоѵъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни; а которые будутъ вышли въ манастырьскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили. А прочетъ сію грамоту да отдай назадъ игумену Екиму и старцю Мартемьяну и всей братьи.

Акты, собр. Арх. Эксп., т. I, стр. 38. — Жалованная грамота Великаго Князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю.

Святыя дѣля Живоначалныя Троицы, се язъ Князь Великій Василей Васильевичь пожаловалъ есми игумена Мартемьяна съ братьею Сергіева монастыря, или кто по нихъ иный игуменъ будетъ: что у нихъ въ Галичѣ двѣ варницы да третьея варница Семеновская Морозова, и язъ Князь Великій ихъ пожаловалъ, съ тѣхъ варницъ ненадобѣ имъ никоторая моя дань и тамга, ни поминокъ, ни плошки, ни иная никоторая пошлина; а которой соли противенъ есть, а сей соли монастырьской противня нѣтъ; а коли закличетъ мой соловаръ продавать мою соль, а монастырьскому соловару волно соль продавати и тогды, а мой ему соловаръ не возбропяетъ. Да что имъ же далъ Князь Юрьи Дмитреевичь дворъ поповъ Опуринъ, да что ихъ деревня Гнѣзниковская, да деревня Верховье, да въ Раменьѣ ихъ пустошъ Красникова, да Рошково, да въ Жилинѣ ихъ деревня Погорѣлое, на Горцѣ, на Солдѣ, и кого къ себѣ въ тотъ дворъ, да въ тѣ деревни, да и на тѣ пустоши людей окупивъ посадятъ, и тѣмъ ихъ людемъ ненадобѣ моя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подводы, ни тамга, ни восминича, ни мытъ, ни коски, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни иная никоторая пошлина ненадобѣ, ни къ старостѣ не тянутъ ни въ которыя пошлины, ни въ которое дѣло, ни двора волостелина не ставятъ; а волостели мои Усолскіе и ихъ тіуни къ тѣмъ ихъ людемъ доводчиковъ своихъ не всылаютъ ни почто и не судятъ ихъ ни въ чѣмъ, опричь душегубства; а праветчики поборовъ у нихъ не берутъ, ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ. А смѣшается судъ смѣсной ихъ монастырьскимъ людемъ съ волостными людми, и волостели мои Усолскіе и ихъ тіуни судятъ, а игуменовъ заказникъ съ ними судитъ: а правъ ли будетъ, виноватъ ли, монастырьской человѣкъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ монастырьскому заказнику, а волостели мои не вступаются, ни въ праваго, ни въ виноватаго, въ ихъ человѣка; а волостной человѣкъ правъ ли будетъ, виноватъ ли, и онъ въ правдѣ и въ винѣ волостелю, а заказникъ монастырьской не вступается въ волостного человѣка.

А коли кто пріѣдетъ мой приставъ Великого Князя по ихъ соловаровъ, или по ихъ людей по монастырьскихъ, и приставъ мой имъ даетъ два срока въ году, на Сборъ да другой срокъ уговѣвъ Петрова говѣйна недѣлю; а опроче дву сроковъ на нихъ кто на иные сроки срочную накинутъ, и кто что на нихъ опроче тѣхъ сроковъ двою по тѣмъ срочнымъ и безсудную возметъ, ино та моя безсудная не въ безсудную. А коли привозитъ монастырьской ихъ заказникъ продавати соль въ городъ, ино ему ненадобѣ моя тамга, ни восминичья, ни иная никоторая пошлина; а дрова монастырьскому соловару волно купити у моихъ людей. И черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто у нихъ возметъ, быти въ казни; а на сю мою грамоту иныя моей грамоты нѣтъ. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6961 Іюля въ 3 день. — А сзади на грамотѣ написано: «Князь Великій».

Собр. Гос. грам. и дог., т. 1, стр. 76. — Жалованная грамота Вологодскаго Князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю.

Се язъ Князь Андрей Василіевичь пожаловалъ есмь игумена Игнатіа съ братьею Кирилова монастыря, или по немъ кто иный игуменъ будетъ у Пречистыя въ Кириловѣ монастырѣ: что ихъ деревни монастырскіе на Колкачѣ, и въ тѣ деи ихъ деревни изъ моихъ волостей ѣздятъ попрашаи жита просити, также и мои дѣти боярскіе ѣздоки въ тѣхъ деревняхъ ставятся и кормы деи и проводники у нихъ емлютъ силно, да и псари деи мои съ собаками въ ихъ деревни ѣздятъ полничяти, и язъ Князь Андрей Василіевичь пожаловалъ игумена Игнатья съ братьею: попрашаи житъ просити въ ихъ деревни не ѣздятъ, также и ѣздоки мои въ ихъ деревняхъ не ставятся, ни кормовъ ни проводниковъ у нихъ не емлютъ, ни псари мои въ ихъ деревни полничяти не ѣздятъ, ни по деревнямъ по ихъ не ставятся ни кормовъ не емлютъ; а кто попрашаи поѣдутъ по ихъ деревнямъ житъ просити, или мои ѣздоки имутъ ставиться и кормы имати, или псари мои имутъ по ихъ деревнямъ полничяти, и у кого что стравятъ силою, игуменъ Игнатей съ братьею на тѣхъ сроки наметываютъ по сей грамотѣ и учинятъ имъ срокъ передъ меня Князя Андрея Васильевича.

Къ стр. 244.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 63. — Посланіе Митрополита Фотія Псковичамъ.

Слышаніе мое, сынове, еже въ преизначалныхъ жителствъ вашихъ православныхъ, еже между васъ, богоизбраннаго Христова стада, сущихъ нынѣ нѣкоторыхъ нововьзмущенныхъ отъ пропинаемыхъ діявольскихъ сѣтей, и того яда отрыгновеніемъ, слышу, тѣхъ нѣкоторыхъ, яко отступлены отъ Бога, о своемъ христьаньствѣ небрегуще, но и чинъ великаго Божіа священьства и иночьства яко ни во что же полагающе, но и умаляюще.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 485. — Грамота Митрополита Фотія.

Вѣсте, еже изъ начала началственаго всяко ухищреніе лукавьственое и попущеніе есть отъ супостата врага дьявола на родъ человѣческый, паче же того коварьствъ и многыхъ сѣтей пропинаемыхъ на родъ человѣческый, убійствомъ и татбами и иными таковыми Богу оттуждаемыми мерзостьми, и всѣми таковыми далече отъ Бога сътворяя душа человѣческая и кровь погыбели низпоревая: и се убо оттуду древлѣ, вѣсте, коликымъ ухищреніемъ того общаго врага дьявола, ради лакомьства, праотца нашего Адама на преслушаніе введе и рая изгна; того же пакы врага сѣтми и коварьствы, и Каина подвиже на убійство Авелево; и по семъ того же супостата врага ухищреніемъ, Іюду отъ лика Апостольска отлучи и на предателство его введе, еже сребролюбья ради Творца небу и земли Іюдѣмъ прода; и по сихъ многочислены суть сѣти его, пропинаеми на родъ христіяньскій, всякими прелестьми и мерзостьми душа человѣческая отлучая.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 486. — Грамота Митрополита Фотія.

И сего ради убо и нынѣ ти о семъ пишу, яко да блюдеши о семъ, внимая, каковыхъ откуду спріобщеваеши; понеже при-

бѣгше въ завѣтренее пристанище, въ святую кую обитель, и въсприимающе ту смиренїя великый ангельскый образъ, и всяку нужу и скорбь обѣщевающе себе до послѣдняго издыханія ту понести, и тое тогда о семъ исповѣданіе отъ Ангелъ написано есть и держимо въ руку нашего Творца Христа Владыкы, къ немуже таково обѣщаніе положихомъ, и явленно убо будетъ предъ лицемъ нашимъ въ день великаго суда.

Акты историческіе, ч. 1, стр 95. — Посланіе Митрополита Іоны Кіевскому Князю Александру Владиміровичу.

Божіею пакъ, сыну, благодатію и освященіемъ Святаго Духа, господинъ нашъ и сынъ нашего смиренія, благородный и благовѣрный и благочестивый и христолюбивый Великій Князь Василей Василіевичь, побораа по Божіей церкви и по законѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ, по древнему благолѣпію, разжигаася сердечною теплотою и ревнуя святыимъ своимъ прародителемъ, благочестивому святому первому православному, равному святымъ Апостоломъ Царю Констянтину и Великому Князю Владимеру, взирая въ божественаа и священная святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отецъ святаа правила и во все святое божественое писаніе, и со всѣми Святители своея земля, съ боголюбивыми Епископы и съ преподобными архимандриты, съ честнѣйшіими игумены и со многими духовныими мужми съ разсудителными, и со всѣмъ священьствомъ бесѣдуя, съединяяся волнѣ, во многія времена, и съ вами съ православными Князьми обсылаясь во вся мѣста, а и нашія Русскія земля обыскиваа старину, и по святымъ правиломъ и по разсуженіу святительскому и священничьскому, и по старинѣ, обыскавъ того, что прежъ того въ Руси бывало поставленье Митрополитомъ, аще не на Москвѣ ни въ Володимерѣ, но на Кіевѣ· понеже, сыну, и о томъ добрѣ вѣси, еже въ тогдашнаа времена было господарьство того православнаго святаго Самодержца всея Русскіа земля Великаго Князя Владимера на Кіевѣ, а поставленіе бывало на Русскую митрополью Митрополитомъ, не токмо, якоже нынѣшняго ради еже во Цариградѣ церковнаго нестроеніа, но токмо еже въ

господарьствѣхъ Русскіихъ Господарей со Цариградскіими Цари негладости ради.

Къ стр. 286.

Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ, часть 3-я, глава 12, листъ 492—497. — О дѣлѣхъ расколническихъ.

Отъ града Вологды, въ пути ведущемъ къ Каргополю, на странѣ яже отъ моря, въ мѣстѣ пустынномъ, живяше нѣкій врагъ Божій, волхвъ и чародѣй, пустынножителное носяй имя, и лицемѣрную имѣяй добродѣтель, и мнимый бяше отъ окрестныхъ поселянъ святъ и преподобенъ; и мнози пришедше сожителствоваху тому, имуще его себѣ учителя и наставника. Не точію же мужей, но и женъ и дѣвицъ та пустыня уже наполнилася бяше: ученіемъ бо его лестнымъ и лицемѣрнымъ житіемъ, влекоми бяху къ нему аки къ великому угоднику Божію. Учаше же той окаянный мнимый святецъ тайно, еже всѣмъ жити блудно безъ всякаго зазора, глаголя: Яко нѣсть грѣхъ плотьское совокупленіе по согласію, но любовь есть, токмо да не вѣнчается ниже да благословится въ супружество. Нѣкій же человѣкъ отъ Вологды града, отягченъ бывъ многими грѣхами, и въ чувство пришедъ, каяшеся предъ Богомъ. И положи обѣтъ, еже прочее время жизни своея пожити чисто, и ити въ пустыню, да въ безмолвіи поживъ, получитъ отъ Бога прощеніе грѣховъ своихъ. Слышавъ же о ономъ пустынножителѣ, яко мнози къ нему собравшеся живутъ въ пустынѣ, пойде тамо, не вѣдый тайнаго ихъ житія блуднаго. И пришедъ ко оному пустыннику и пустынножителей блудныхъ началнику, моли его, да повелитъ ему при себѣ жити въ пустынѣ яко же и прочымъ. Онъ же глагола пришедшему: Брате любимый, добрѣ пришелъ еси къ намъ: нынѣ бо нѣсть уже на земли церкви Божія· вси уклонишася и непотребни быша, понеже въ церквахъ поютъ и читаютъ по новому; а у насъ еще здѣ милость Божія покрываетъ, и новости ни каковой не пріемлемъ, и крестимся по преданію блаженнаго Ѳеодорита: а Никонова преданія не пріемлемъ: добрѣ убо сотворилъ еси избѣжавъ отъ антіхриста. Человѣкъ же той слышавъ сіе со умиленіемъ

рече къ нему: Азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія, сего бо ради пріидохъ ко твоей святыни, слышавъ твое по Бозѣ житіе. могущее приводити душы ко Христу Богу, спаси убо мене желающаго спастися. Окаянный же той пустынникъ отвѣщавъ, рече: Чадо доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искуситися, да не яси ниже піеши дни нѣкія, дондеже намъ извѣститъ о тебѣ Господь Богъ, и тогда тя пріиземъ съ радостію. Онъ же обѣщася вся повелѣнная ему творити безъ сумнѣнія, спасенія ради души своея. Пустынникъ же повелѣ ввести его во внутреннюю едину отъ келлій своихъ храминку малу, яже бѣ присовокуплена къ келліи его, идѣже самъ живяше. Въ храминкѣ же оной едино токмо бяше оконце, на путь зрящее, зѣло малое, точію да свѣтъ будетъ въ храминкѣ, входъ же затверди крѣпцѣ, во еже всажденному никакоже изыти оттуду.

Пребывая же человѣкъ оный въ затворѣ томъ дни три безъ пищи и питія, начатъ въ стѣнѣ келліи ко оному пустыннику творити малу скважию, между бревнами мохъ истерзая, и сотворивъ, смотряше что творитъ той пустынникъ. Зрящу же ему оною скважиею, се пріидоша до пустынника два человѣка, глаголюще: отче святый, дѣвицу оную беремянную Богъ простилъ есть, родила младенца мужеска полу, что повелѣваеши о немъ творити. Той же окаянный мнимый святый пустынникъ, рече имъ: Не рѣхъ ли вамъ прежде сего, да егда та дѣвица родитъ отроча, абіе у новорожденнаго младенца ножемъ поднявъ груди, измите сердце, и да принесите на блюдѣ ко мнѣ: идите убо и сотворите якоже рѣхъ вамъ. Они же абіе отшедше, по маломъ часцѣ принесоша на блюдѣ древяномъ оное новорожденнаго младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и вдадоша ему. Онъ же вземъ ножъ, своима рукама разрѣза е на четыре части, и рече имъ: Пріимите сіе, и въ печи изсушивъ истолките. Скверніи же тіи слуги окаяннаго онаго пустынника, шедше сотвориша повелѣнное имъ, и паки принесоша къ нему истолченное на муку то младенческое сердце. Пустынникъ же вземъ листъ писчія бумаги, и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки. И призвавъ нѣкія послушники своя, рече имъ: Возмите бумажки сія со святынею, (чаро-

ваніе свое святынею нарекъ) и идите во грады, и веси и деревни, и входяще въ домы глаголите людемъ, чтобъ отнюдь не ходили въ церковь, и у поповъ нынѣшнихъ благословенія не принимали бы, и къ нимъ бы не исповѣдалися, и никаковой святыни церковной не причащалися бы: а крестъ бы на себѣ творили двѣма персты, а троеперстнаго сложенія да никакоже пріемлютъ, то бо есть печать Антіхрістова. И аще васъ послушаютъ или не послушаютъ, вы отъ сего дашнаго вамъ истолченія, тайно влагайте имъ въ брашно или въ питіе, или въ сосудъ идѣже у нихъ вода бываетъ въ дому, или въ кладязь. Егда отъ того вкусятъ, тогда къ намъ обратятся на истину, и имутъ вѣру словесамъ вашимъ, и самоизволіи мученики будутъ.

Сія видѣвъ и слышавъ сѣдяй въ затворѣ человѣкъ, весь отъ страха оцепѣнѣ, и не вѣдяше что творити. Начатъ же прилѣжно молитися ко Господу Богу въ Троицѣ Святѣй славимому о своемъ отъ таковыя бѣды избавленіи, и крестное знаменіе на себѣ начатъ трема персты творити: (прежде бо двѣма персты то творяше, якоже отъ сквернаго онаго пустынника наученъ бысть). Богъ же молящыяся ему въ бѣдахъ слушаяй, человѣку тому въ затворѣ сѣдящему, посла свобожденіе сицевымъ образомъ: Во утріе купцы нѣкія путемъ мимо келліи тоя грядяху; затворенный же тѣхъ узрѣвъ, и рукою ко окошцу призвавъ, исповѣда имъ тайно вся, яже о себѣ и о пустынникѣ, что видѣ, и что слыша, и моляще ихъ, да избавятъ его оттуду. Како же бы имъ его избавити, научи: да скажутъ, яко рабъ ихъ окрадъ имѣнія ихъ, бѣжа, и крыется здѣ, и да молятъ пустынника, отдати имъ раба ихъ. Купцы же сожалѣвшеся зѣло о затворенномъ томъ, притворишася, аки бы ищутъ раба своего окрадшаго ихъ, и бѣжавшаго отъ нихъ, и аки бы увѣдаша, яко крыется въ пустынѣ той: и молиша пустынника того, да отдастъ имъ раба ихъ. Пустынникъ же призвавъ отъ затвора человѣка, глагола ему: Что се сотворилъ еси брате, оболстилъ еси насъ, сказуяся аки бы спасенія искій, ты же окрадъ господей своихъ, притеклъ еси къ намъ. Человѣкъ же той падъ на землю, глаголаше: Согрѣшихъ отче на небо и предъ тобою, зліи люди на сіе мя наустиша; но молю тя, да не предаси мя въ руцѣ господей моихъ, яко не быти мнѣ

живу отъ нихъ. Пустынникъ же рече: Иди брате, и служи имъ, якоже велитъ Апостолъ: Раби повинуйтеся господемъ своимъ. Моляше же пустынникъ притворныхъ господей тѣхъ; да не сотворятъ зла рабу своему, аще имѣніе ихъ возвратитъ. Они же даша слово пустыннику, еже не озлобити раба своего, и поемше человѣка того отидоша.

По отшествіи же купцовъ тѣхъ съ человѣкомъ онымъ, возвѣщенно бысть пустыннику, яко вся тайны его вѣдомы сотворишася купцемъ онымъ отъ человѣка бывшаго въ затворѣ. Пустынникъ же той собрався со всѣми ученики своими съ мужескимъ поломъ и женскимъ, и келлія оныя сожегъ, иде въ предѣлы великаго Новаграда, и вселишася въ пустыни на езерѣ нѣкоемъ, въ монастырѣ Палеостровскомъ, и завладѣша монастыремъ тѣмъ: начаша бо и тамо къ нему мнози отъ окрестныхъ весей собиратися, ученіемъ его лестнымъ прелщаеми, и волшебствомъ привлекаеми. Слышавъ же о нихъ преосвященный Корнилій Митрополитъ великаго Новаграда, посла къ нимъ честныя мужы отъ духовнаго чина и мірскаго, увѣщати я къ согласію церковному. Тіи же развратники пустынножители съ предводителемъ своимъ, не точію увѣщанія не послушаша, но и погибели предашася. Ибо хуливше первѣе много святую церковь и вся православныя христіаны, затворишася въ монастырѣ томъ, и зажгоша церкви, и келліи, и ограду окрестъ, и тако вси съ монастыремъ сгорѣша и погибоша.

Къ стр. 311.

Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805 года, часть третья, стр.

Хвалю я сію звѣздочетцовъ мудрость, что время жатвенное львомъ изобразили, и по ихъ разумѣнію безъ льва жатва быти не можетъ. А о Марсовой побѣдительной что возглаголемъ жатвѣ? О воистинну безъ льва Марсовой быти нѣсть мощно! Свидѣтельствуйте истинѣ вы всѣ, которые духомъ Марсовымъ дыхаете, непреодолѣнніи кавалери Россійстіи! Можетъ ли жатва ваша побѣдительно быти безъ льва, безъ мужества? Орете муже-

ственніи воини мечемъ аки раломъ, по шіяхъ непріятельскихъ аки по нивамъ мещете сѣмена трудовъ вашихъ, кровавыми дождями орошаете Марсовую ниву, а побѣдоносная жатва подъ такимъ знаменіемъ созрѣваетъ. Подъ знаменіемъ льва не имѣли бысте такъ изобильнаго въ побѣдные лавры и фінікы процвѣтающаго жнива, аще не бы въ сердечномъ вашемъ зодіакѣ ясніло знаменіе льва, то есть мужества. Подъ симъ-то знакомъ созрѣваютъ вамъ класы мечемъ побѣдительнымъ пожинаемые. Засѣваете горчичныя зерна, горькіе труды полагающе, но жатва побѣды о коль сладка!

Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1765 года, часть 3, стр. 279.

Видѣли мы уже, колико грѣхъ тяжкій есть грѣшнику, посмотримъ еще сколь и другимъ онъ мерзокъ и заразителенъ. Въ первыхъ яко же тѣло прокаженаго нестерпимый смрадъ отъ испорченныхъ влажностей изъ себе испускаетъ, такъ и грѣшникъ, а наипаче мерзостями тѣлесными зараженный хотя бы не вѣдаю въ какія скрылся углы, однако явитъ его мерзская воня, еже не иное что есть, только гласный слухъ и слава о дѣлахъ его. Яко же благоуханіемъ Хрістовымъ святый Апостолъ доброе имя Хрістіанское нарицаетъ, такъ и злыхъ людей исполненную безчестія славу не инымъ чемъ, какъ только сатанинскимъ смрадомъ подобаетъ называти. А что еще дивнѣе, нещастливый всякъ сицевый хотя бы о немъ, что онъ таковъ, и никто не зналъ, однако самъ себе будто по неволи являетъ, не можетъ болѣзни своей утаити. Худо, какъ то не вѣдаю, пахнутъ и повороты и ходъ таковаго, и взоръ и поглядыванія, и шутки: а наипаче изъ устъ адскій нѣкій смрадъ исходитъ.

Къ стр. 292.

Манифестъ о дѣйствіяхъ измѣнника Гетмана Мазепы ко вреду Россіи.

Божіею споспѣшествующею милостію, мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій Государь, Царь и Великій Кнлзь Петръ

Алексѣевичь, Самодержецъ Всероссійскій и пр. всѣмъ вообще коемуждо особливо же вѣрнымъ нашимъ подданнымъ Малороссійскаго народа духовнымъ и мірскимъ объявляемъ: что хотя мы, въ первыхъ своихъ граматахъ о всемъ на выданныя непріятельскія Шведскія и измѣнника Мазепы прелестныя къ народу Малороссійскому письма, съ явными доводами описали въ какомъ намѣреніи къ порабощенію народа Малороссійскаго оный непріятель съ измѣнникомъ богоотступнымъ Мазепою согласясь, въ сей край пришелъ; такожъ и какихъ ради праведныхъ причинъ, мы, Великій Государь сію войну противъ короны Шведской начали, такъ что и не потребно бъ было болѣе сего повторяти. Но попеже намъ въ сихъ числахъ донесенъ выданный за подписью и печатью Короля Шведскаго отъ 16 Декабря мѣсяца прошлаго 1708 года безстыдный универсалъ на Малороссійскомъ языкѣ, который наполненъ грубой лжи, касающейся высокой персоны нашей, и ради нескладной, явной всѣмъ и простымъ, а не то что умнымъ людямъ лжи, самохвальства и кичения, его удобнѣе можетъ студнымъ и возмутительнымъ пасквилемъ нежели королевскимъ универсаломъ названъ быти. И хотя мы, Великій Государь, во всю сію, съ Королемъ Шведскимъ, войну, отъ всѣхъ таковыхъ безплодныхъ и между политическими и христіанскими народы, а не то что коронованными главами незвычайныхъ хулъ къ персонѣ его Королевской какъ въ письмахъ такъ и въ разговорахъ удерживались, однако принуждены были уже многократно отъ него такія Королевскимъ особамъ неприличныя хулы особѣ своей, славѣ народа нашего касающіяся *высокодушно* сносити и наипаче оныя правостью оружія нашего, нежели тщетными взаимными укоризнами письменными оную обиду нашу мстить намѣряя. Но нынѣ видя въ семъ названномъ универсалѣ наипаче прежняго оныя хулы и лжи, мѣру превзошедшія и како признаваемъ по совѣту и составленію богоотступнаго измѣнника Мазепы подданнымъ нашимъ Малороссійскаго народа для возмущенія выданныя; принуждены на оныя взаимною мѣрою отвѣтствовать повелѣть, не для такого намѣренія, яко бы мы чаяли, что оныя клеветы у вѣрныхъ нашихъ подданныхъ вѣру обрѣтутъ, въ чемъ не сомнѣваемся, видя къ

себѣ непоколебимую вѣрность оныхъ; но наипаче дабы не вмѣнилъ себѣ вышеписанный и самохвальный нашъ непріятель то въ разумъ и похвалу, яко бы не могли мы студную его ложи ясными доводами опровергнути. И первое объявляется въ томъ его клеветъ исполненномъ возмутительномъ письмѣ будто бы преломивъ мирные договоры съ нимъ Королемъ Шведскимъ безъ причины воевать провинцію его начали; и то первое есть ложь; ибо уже довольно въ первыхъ грамотахъ нашихъ праведныя причины начинанію сея отъ насъ войны объявлены, что мы, мстя свою персональную и посламъ нашимъ нанесенную обиду въ Ригѣ, за которую управу на грубаго Губернатора Рижскаго по публичному прошенію нашему чрезъ пословъ Шведскихъ учиненному, онъ Король Шведскій намъ дать явно отрекъ; такожъ и для отысканія и привращенія отъ многихъ столѣтнихъ временъ предкамъ нашимъ, Великимъ Государямъ Россійскимъ принадлежащихъ провинцій: Ижерской и Корельской, которыя корона Шведская, по истинѣ рещи, измѣннически а не честнымъ военнымъ способомъ во время трудныхъ и отъ непріятелей иностранныхъ въ Россійскомъ Государствѣ тогда свирѣпствующихъ по обычаю своему древнему какъ со многими Государствы оная корона тожъ учинила, вкравшись притворною своею приязнію и будто помощію, за мирнымъ постановленемъ вѣроломно и неправедно отторгнула и вначалѣ будто въ залогъ въ претендованныхъ никакихъ деньгахъ хотя и за непоказанную помощь но нѣсколько оными завладѣла; а потомъ усмотря наше трудчѣйшее Россійскому Государству военное время съ Королевствомъ Польскимъ, взятіемъ коварнымъ Новаграда и добываніемъ Пскова до невольнаго уступленія оныхъ вышепомянутыхъ провинцій принудила. И понеже всякій Государь обязанъ усматривая доброй случай о привращеніи неправедно отъ Государствъ своихъ отторгнутаго стараніе свое прилагати; того ради *невинно* сей гордый непріятель насъ Великаго Государя такими хульными словесы за то поносить не имѣя силы оружіемъ оныя отобрать; и того ради ищетъ, по древнему обычаю своихъ вѣроломныхъ предковъ, подысками и измѣнами и возмущеніями безчестныхъ подданныхъ противъ Государя своего къ тому намѣ-

решію достигнути; ибо оные предки его не токмо отъ нашего Россійскаго Государства, но и отъ Римскаго Императора и отъ Датскаго и Польскаго Королевствъ, многія пространныя провинціи и города неправедно и вѣроломно за трактами и союзами отторгнули и завладѣли, усмотря смятеніе междоусобное или иностранныхъ непріятелей на тѣ Государства тогда сильно наступающихъ; какъ и онъ Король онымъ послѣдуя въ сей войнѣ не своею силою оружія, но паипаче измѣнами и учиненными *факціями* и возмущеніи подданныхъ въ Польшѣ и Саксоніи большую часть дѣлъ исправилъ и въ силу пришелъ; ибо подъ образомъ защитителя вольностей въ Польшу и Саксонію *вмѣнясь* и подданныхъ обольстя, права ихъ и вольности переламовъ и имѣніи пограбя войско свое гладное и безоружное размножилъ, вооружилъ и удовольствовалъ; и подъ такимъ же образомъ и злымъ намѣреніемъ склоня измѣнника Мазепу обѣщаніи своими, вошелъ въ Украйну, хотя ему поработить народъ Малороссійскій и отторгнуть отъ нашея державы, привесть паки подъ прежнее несносное ярмо Польское и послушника воли своей, Лещинскаго, какъ-то явно народу Малороссійскому доказано и изъ перепятаго подлиннаго листа измѣнника Мазепы, къ Лещинскому писаннаго показано, въ которомъ письмѣ оной его на завоеваніе Украйны призываетъ, называя его Государемъ своимъ а Малую Россію наслѣдіемъ онаго. Изъ чего ихъ враждебныя умыслы о порабощеніи сего народа явные, хотя въ семъ своемъ письмѣ, Король Шведской ложно того отрекается, объявляя, будто никогда того ненамѣривалъ, чтобъ Украйну Польшѣ завоевать и отъ Польши себѣ, что присвоить: на то первое уже явно изъ письма помянутаго Мазепина къ Лещинскому писаннаго; второе жъ изъ присвоенія Княжества Курляндскаго къ Шведской области, въ которомъ и Губернаторы Шведскіе уже постановлены. Что же напоминаетъ Король Шведскій о преступленіи измѣнническомъ Мазепы, будто бъ первенствующими народа Малороссійскаго, и что по прошенію будто народному то учинено, для отвращенія раззоренія и полученія обороны сему краю, и то явное жъ всему народу Малороссійскому ложъ и обманъ; ибо извѣстно имъ самимъ, что собою и безъ совѣта

и вѣдома народнаго, оный богоотступный измѣнникъ Мазепа ту измѣну учинилъ для собственной своей тщетной славы и властолюбія, и факціями своими въ сей край впроводилъ непріятеля *изнищалое* и оголодалое войско Шведское паки отчасти поселилъ, которое при Смоленскихъ рубежахъ при продолжаемомъ проходѣ съ гладу и нужды стоявъ и отъ войскъ нашихъ достатку разорено быть могло. И кто же изъ Малороссійскаго народа кромѣ самыхъ малыхъ единомысленниковъ и поставленныхъ въ знатные уряды особъ при немъ измѣнникѣ нынѣ остались, изъ которыхъ многіе пребывая въ крѣпкомъ карауле Шведскомъ не могущи убѣгнути тамо остатися принуждены; ибо отъ какой бы неволи всему народу Малороссійскому обороны себѣ еретической требовать, когда подъ высокодержавною нашею рукою въ такомъ изрядномъ и довольномъ состояніи, при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ, живучи, день отъ дня умножался; понеже мы, Великій Государь, ниже пенязя въ казну свою со всего Малороссійскаго народа никогда не брали и не требовали, но развѣ отъ того жъ измѣнника Мазепы какія обиды и налоги безъ вѣдома нашего оной претерпѣлъ и кромѣ службы ихъ звычайной казацкой во время нужное и военное ничего съ нихъ не спрашивали себѣ; а какую добротливость король Шведской по тому своему фальшивому обѣщанію къ народу Малороссійскому по вступленіи своемъ въ сей край являетъ и како оной раззоряетъ и какими тяжкими поборами подъ видомъ несносныхъ провіантовъ отягчаетъ, то тѣмъ извѣстно, въ которыхъ мѣстахъ они Шведы были; такожъ какъ уже многіе мѣста свирѣпо по указу его позжены и невинные жители, яко вѣрные Государю своему тирански порублены. Что же принадлежитъ о самохвальныхъ его Короля Шведскаго ложныхъ объявленіяхъ о побѣдахъ будто надъ войскомъ нашимъ, причитая уступленія войскъ нашихъ съ добраго воинскаго разсужденія учиненное для утомленія его войскъ къ побѣгу. И тако надлежитъ то во осмотрѣніи имѣти, что въ нынѣшніе вѣки и сильнѣйшія и обученнѣйшія войска и славнѣйшіе генералы, кромѣ отчаянныхъ вертоглавовъ, безъ крайней нужды и усмотрѣннаго фортелю, никогда до главной баталіи не приступаютъ;

но воинскія свои дѣйства отправляютъ вымыслами утомляя непріятеля маршами и партіями; ибо трудно на одной баталіи главной счастіе и благосостояніе своего Государства отважить; но съ помощію Вышняго мы усмотря удобное время и мѣсто и отъ оной баталіи не отречемся. Какіе же однако съ помощію Вышняго воинскими нашими дѣйствы приключены непріятелю уроны, то признаваютъ сами Шведскія главнѣйшія особы въ перенятыхъ отъ нихъ письмахъ до Шведской земли писанныхъ, такожъ и взятые отъ нихъ плѣнные и приходящіе непрестанно перебѣжчики; ибо изъ главнаго Королевскаго войска близь половины, по выходѣ изъ Саксоніи, онаго убыло, и не то что удивленію, то смѣху достойно, что въ томъ письмѣ Шведскаго Короля не токмо Головчинскую акцію, при которой они однакожъ вдвое или больше передъ нашими людей потеряли, но и побіеніе части своего войска при Черной Капѣ, гдѣ 6 знаменъ ихъ взято, но что еще удивительнѣе и совершенную побѣду надъ Левенгауптомъ, который отъ 1600 человѣкъ войска, на силу съ тремя тысячами къ нему Королю привелъ и всѣ пушки и большую часть знаменъ потерялъ и съ 8-ю тысячами возовъ нашимъ въ добычу оставилъ, которое все и съ 1500 плѣнныхъ въ Смоленскъ явно въ знакъ побѣды привезено такъ, что едва оный Генералъ вплавь съ достальными чрезъ рѣку бѣгствомъ спастись ушелъ; однакожъ себѣ съ безстыдною въ лицѣ всего свѣта ложью въ побѣду и побіеніе нашего войска приписуетъ; также и Генерала Либетрова корпуса разрушеніе, который видя свою погибель, пострѣлявъ всѣхъ у конницы своей коней насилу съ достальными людьми на корабли ушелъ, признать не хочетъ; и не знамо, какими никогда бывалыми будто находками надъ войски нашими хвалится, гдѣ всегда войскъ не мало потерялъ; яко и на Деснѣ, которой рѣки удержаніе, ради крутыхъ съ другой стороны береговъ и наступавшихъ морозовъ, отъ которыхъ оная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрываться льдомъ было уже начала и ради потребнаго взятія Батурина съ единомышленниками Мазепиными не возможно было но по знатномъ уронѣ непріятелю приключенномъ войски нашими для потребнѣйшихъ дѣйствій оттуда отведены; также онъ Король Швед-

ской и уронъ своихъ подъ Сѣнымъ отъ нашихъ войскъ претерпѣнной съ явною ложью себѣ въ выигрышъ приписуетъ. О которыхъ всѣхъ тщетныхъ похвальбахъ болѣе смѣху нежели почтенія достойныхъ не разсуждаемъ потребно быть разпространять ибо оныя ихъ лжи и самохвальство всему уже свѣту извѣстны и никто въ Европѣ ихъ Шведскимъ разглашаемымъ вѣдомостямъ яко отъ всегдашнихъ лживцевъ происходящихъ вѣры не подастъ и Король ихъ лживый во всей Европѣ никому не имовѣренъ. Но уповаемъ мы при помощи Вышняго, во время удобное ему гордому непріятелю своему въ самомъ дѣлѣ оружіемъ нашимъ показать, что то его поношеніе войскъ нашихъ ложно, какъ и Левенгауптовъ корпусъ, который усилыѣе нашего корпуса числомъ былъ, то довольно чувствовалъ; что же принадлежитъ лживой его Короля Шведскаго клеветѣ, гдѣ прикрывая ненависть свою къ благочестивой нашей церквѣ и православной вѣрѣ и знатно по злобному и боготступному совѣту Мазепину напоминаетъ будто оное, Великій Государь, съ Папою Римскимъ и соединеніи вѣры праотцемъ; и то паче посмѣянію нежели имовѣрію достойно, и да сохранитъ насъ Вышній дабы мы, яко поборитель о благочестіи и въ мысли о томъ имѣли; чего во вѣки истиною доказати никто не возможетъ. А что онъ въ доводъ тоя лжи представляетъ, будто отъ насъ позволены Римлянамъ Костелы на Москвѣ имѣти и іезуитомъ школы отправляти: и то не есть новое отъ насъ позволеніе, но отъ предковъ нашихъ, Великихъ Государей, Царей Всероссійскихъ, для иноземцевъ въ службѣ нашей сущихъ и въ государствахъ нашихъ купечество отправляющихъ позволено, не одной Римской но и Лютеранской и Кальвинской вѣры костеламъ быти и школы имъ для обученія дѣтей ихъ держати въ одной Нѣмецкой слободѣ, гдѣ они живутъ; въ Казани же и Астрахани и Сибири и въ иныхъ нашихъ земляхъ позволено издревле и бусурманамъ мечети а Калмыкамъ и инымъ поганымъ мольбищи свои имѣти; и знатно что ввержены сіи лживыя плевелы по внушенію воровскому Мазепину, для наведенія какого либо на насъ, Великаго Государя, подозрѣнія и для прикрытія показаннаго грабежа и ругательства Шведскаго церквей благочестивыхъ и свя-

тыни въ Литвѣ и въ сдѣшнемъ Малороссійскомъ краѣ, о чемъ пространнѣе прежде сего объявлено. Обнадеживаніе же его Короля Шведскаго сдѣшнему Малороссійскому краю обороны, какъ ложно, такъ и невозможно; ибо какъ можетъ онъ въ такомъ отдаленіи земель своихъ отъ сего края пребывая, оной оборонять? Къ тому же укоряетъ онъ насъ отягченіемъ земель нашихъ не объявляя о себѣ, како его земли отъ многихъ поборовъ и выборовъ рекрутъ такъ разорены, что многія пусты остались; а провинція Лифляндская, которую предки его за клятвою при такихъ кондиціяхъ, что оная при вольностяхъ и правахъ своихъ содержана быти имѣетъ, изъ подъ Польской власти отторгнули, въ такую неволю отецъ его и онъ поработили, какой больше нигдѣ быти не можетъ; ибо всю шляхту, безъ всякихъ причинъ, маетностей ихъ и имѣній лишили и откупщикамъ оныя отдали, которые же изъ нихъ знатные, на привилегіи свои ссылаясь, просили въ томъ пощады, вносили протестаціи, и тѣхъ многихъ мучительными смертьми тирански казнили. Однакожъ не устыжается онъ Король Шведскій такія свои немилосердія къ подданнымъ на насъ возлагати, чего намъ доказать не можетъ; ибо мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ ихъ не нарушимо всегда содерживаемъ а особливо Малороссійскому народу все обѣщенное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя Его Царскаго Величества руку содерживали и впредъ содерживать будемъ. Прочія же его Короля Шведскаго противъ коронованныхъ главъ обычая нанесенныя на насъ клеветы и хулы, сокращенія ради не разсуждаемъ достойны быти отвѣту, ибо не надлежало бъ потентату честолюбивому обходиться такими возмутителямъ однимъ обычными дѣлами; но наипаче мы уничтожая оныя, яко самыя клеветы милуемъ и токмо вышеписанное вѣрнымъ нашимъ подданнымъ на улику лжи въ томъ хульномъ письмѣ содержанной объявить сіе потребно быти разсудили, напоминая имъ притомъ паки милостиво, дабы на сіи злодѣйственныя къ конечной погибели и порабощенію ихъ съ совѣта измѣнника Мазепы вымышленныя прелести не смотрѣли, и ни обѣщаньями, ни угрозами непріятельскими, себя отъ нача-

той своей къ намъ Великому Государю, вѣрности отступать не допускали, по оному при Великороссійскихъ нашихъ войскахъ вездѣ мужественно отпоръ и промыслъ надъ ними чинили; ибо уповаемъ на милость Вышняго, что вскорѣ оной непріятель наиначе утомленъ и отъ нашего оружія пораженъ и изъ государствъ нашихъ выгнанъ будетъ и оные вѣрные наши подданные по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ; отъ насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ.

РЕГЛАМЕНТЪ КРИГС-КОММИССАРІАТУ.

8) Когда будутъ въ полкахъ офицерскіе плацвакансы и на тѣ мѣста будутъ присылать указы отъ Генералъ-Фельдмаршаловъ: и тѣ указы принимать и по онымъ въ запатъ исполнять отъ нижняго офицера даже до подполковника; токмо въ окладахъ смотрѣть, чтобъ авансирующій на вакансъ чрезвычайнаго оклада не получилъ, кромѣ нововыѣзжихъ иноземцовъ, которые въ его Царскаго Величества въ службу по капитуляціямъ призываны и дабы тѣ ихъ капитуляціи въ ордерахъ Генералъ-Фельдмаршаловъ именно были описаны, а отъ Генералъ-Лишефтовъ, которые отлучатся отъ командъ Генераловъ-Фельдмаршаловъ принимать ордеры въ повышеніи чиновъ отъ вышняго даже до капитана и въ запатѣ имъ чинить, какъ о томъ въ семъ пунктѣ вышепомянуто. А ежели отъ помянутыхъ господъ Генералъ-Фельдмаршаловъ и прочихъ Генералъ-Лишефтовъ будутъ ордеры присыланы выше градусовъ помянутыхъ чиновъ, хотя и на плацъ-вакансію: о томъ отписываться съ вышнимъ Коммиссаріатомъ; а между тѣмъ онымъ повышеннымъ персонамъ или вновь принятымъ въ службу Царскаго Величества выше тѣхъ оффицій жалованья удержать, дабы резолюцію получить отъ вышняго Коммиссаріата, подъ прещеніемъ, какъ въ 4-мъ пунктѣ помянуто, кромѣ имѣнаго его Царскаго Величества указа, о которомъ имѣнно въ указахъ будетъ объявлено.

12) Въ препозиціяхъ учрежденнаго Коммиссаріату Г-мъ Губернаторомъ предложено, дабы у всякаго полка былъ особый

коммиссаръ, которые всегда будутъ подъ повелѣніемъ Оберъ-Криге-Коммиссара требовати и тѣ Цаль-Коммиссары всегда должны безотлучно быти при тѣхъ порученныхъ имъ полкахъ для заплаты, куда оный ни будетъ въ маршъ опредѣленъ: а пастиговать фискаламъ въ обѣихъ мѣстахъ въ братьѣ и кражѣ денегъ при коммиссарствѣ и прочаго, какъ казеннаго, такъ и съ людей на квартирахъ и по всюду, а въ неисполненія служба, убійствахъ, дракахъ и прочихъ преступленіяхъ подобныхъ имъ у генералитетства.

13) Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ Г-дъ офицеровъ не употреблялъ какъ драгуна, такъ и солдата и всего данного изъ казны Царскаго Величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради фискалы должны въ томъ обсервовать и противу тѣхъ у Коммиссаріату протестовать и по протестаціи помянутыхъ фискаловъ во отлученіи главнаго Коммиссаріату, Оберъ-Криге-Коммиссаръ долженъ доношеніе имѣть главному командующему, дабы того, на кого протестація подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до коммиссарства и потому соверша инквизицію требовать офицеровъ къ Криге-рехту а потому дѣлу окончаніе чинить, какъ сентенція будетъ подписана. Будетъ же дѣло великому валеру и знатному убытку состоитъ: описываться съ главнымъ Коммиссаріатомъ; а ежели къ тому розыску обязана, будетъ Генеральная персона: то принявъ у фискала протестацію ежели не въ дальности будетъ отстоять, писать такожъ до главнаго Коммиссаріата, а будетъ разлучится въ дальности: о томъ чинить, не описываясь, розыскъ, какъ о томъ вышепомянуто, дабы между тѣмъ въ перепискѣ его Царскаго Величества интересу чего не упустить.

Именный данный Сенату.—О примиреніи Короля Польскаго съ Рѣчью Посполитою на предложенныхъ кондиціяхъ со стороны Царскаго Величества.

Г-да Сенатъ! О сдѣшнемъ объявляю, что дѣло между Королемъ Польскимъ и Рѣчью Посполитою почитаю окончали, ибо пункты на чемъ быть миру между Королевскими Министры и

послами Конфедератскими здѣсь на мѣрѣ поставили и обѣ стороны приняли, и отданы послу Князю Долгорукому, который ѣдетъ въ Ярославль и тамъ яко медіаторъ при съѣздѣ вершить будетъ, съ которыхъ посылаю при семъ списокъ, изъ которыхъ увидите, что сами такъ себя обязали въ волю медіаторскую, что вихнуть нельзя.

Кондиціи, предложенныя со стороны Царскаго Величества къ примиренію межъ его Королевскимъ Величествомъ и чинами сконфедерованными Рѣчи Посполитой и войскъ обоихъ народовъ съ случая ссоръ между ими и войски его Королевскаго Величества Польскаго Саксонскими учинившихся, чрезъ интерпозицію его Царскаго Величества, на которыя его Царское Величество Королевское Величество для имѣющей своей приязни къ Рѣчи Посполитой, склонять изволилъ, и его Королевское Величество уже склонность свою къ соизволенію явить обѣщалъ, и понеже его Царское Величество разсуждаетъ, что оные согласны съ желаніемъ Рѣчи Посполитой, того ради уповать, что и отъ оныхъ приняты будутъ.

1) Чтобъ конгрессъ, какъ наискорѣе учиненъ быть могъ и для трактованія Король своихъ плениипотенціаровъ послать соизволяетъ, и дабы Г-да Конфедераты своихъ плениипотенціаровъ съ пленипотенціями туда назначили, а мѣсто конгрессу къ тому примиренію опредѣляется быть въ Ярославлѣ по предложенію Г-дъ пословъ.

2) Время же оному конгрессу назначивается быть въ среднихъ числахъ Маія по новому стилю.

3) Чтобъ съ посланнымъ нынѣ офицеромъ отъ его Царскаго Величества Конфедераты прислали къ послу, Князю Долгорукому, который опредѣленъ отъ его Царскаго Величества, яко медіатора, полномочнымъ посломъ на тотъ конгрессъ, пашпорты для его и Королевскихъ пленипотенціаровъ, которые имѣютъ на съѣздъ ѣхать, и дабы на имена во оныхъ оставлено было мѣсто, чтобъ его Королевское Величество по своему изволенію могъ кого опредѣлить въ оныя вписать, кого онъ соизволитъ послать, также его Королевское Величество такожъ будетъ тѣмъ доволенъ, кого они отъ себя похотятъ на тотъ конгрессъ

послать и для того бъ прислали и они роспись, кого къ тому конгрессу отъ себя назначиваютъ, противъ которой и къ нимъ для свободнаго проѣзду отъ его Королевскаго Величества паспорты присланы будутъ, такожъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ въ войскахъ публиковать и на крѣпко приказать, дабы почты для пересылки съ обѣихъ сторонъ имѣли свободное хожденіе.

4) Такожде и курьерамъ съ паспортами съ обѣихъ сторонъ, и прочимъ людямъ, на тотъ конгрессъ пріѣзжающимъ, свободный проѣздъ былъ.

5) Чтобъ на мѣстѣ конгресса войску быть съ обѣихъ сторонъ по 300 человѣкъ пѣхоты для карауловъ.

6) Обѣщается, что тотчасъ сначала онаго конгресса, при объявленіи армистиціи, отставленіе всѣхъ непріятельскихъ поступковъ, такожъ и контрибуцій должно имѣть быть соглашено вдругъ съ обѣихъ сторонъ.

7) А по заключеніи трактата, выводъ всѣхъ войскъ Саксонскихъ изъ Польши и Литвы, во время 4-хъ недѣль за границы имѣетъ быть учиненъ и не оставитъ Король болѣе изъ своихъ Саксонскихъ войскъ въ земляхъ Рѣчи Посполитой кромѣ гвардіи по статутамъ въ 1200 человѣкахъ состоящей, которую однакожъ на своей платѣ содержать изволитъ.

8) Сеймъ его Королевское Величество, по окончаніи трактата, назначить соизволяетъ какъ наискорѣе.

9) Чтобъ Рѣчь Посполитая его Королевскому Величеству довольную безопасность дала и обязалася, что она, по выходѣ Саксонскихъ войскъ, въ случаѣ новаго нападенія Короля Шведскаго, пока сія война не кончится, сама себя и Королевское Величество оборонять будутъ, не требуя тогда отъ Королевскаго Величества какаго вспоможенія.

10) Чтобъ разрѣшеніе и отставленіе обоихъ конфедерацій войсковой и воеводствъ, по выступленіи за рубежъ въ 4 недѣли, послѣ окончанія и подписаннаго договора, войскъ Саксонскихъ, наидалѣе потомъ въ 2 недѣли дѣйствительно слѣдовало подъ кондиціею, что внутренняя безопасность, какъ въ цѣлости персонъ, такъ и въ имѣніи ихъ въ трактатѣ съ обѣихъ сторонъ заключена и постановлена была.

11) Чтобъ совершенное безопасеніе его Королевскому Величеству исходатайствовано было, противъ всѣхъ, какъ внутреннихъ замышланій, такъ и особливо противъ Шведскихъ адгерентовъ и всякихъ иныхъ наружныхъ неспокойствъ. Сіе нынѣ за фундаментъ предлагается.

И Его Царское Величество, ради постановленія и заключенія трактата между обѣими сторонами, опредѣляетъ съ своей стороны, яко медіаторъ на тотъ конгрессъ своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Господина Князя Долгорукова, снабдя полною мочью и съ такою инструкціею, дабы имѣлъ добрыми своими средствы обѣ партіи къ примиренію привесть, а ежели которая партія на добрыхъ кондиціяхъ, которыя согласны суть съ правами, какъ выше изображено, паче чаянія помириться не захочетъ, чтобъ въ такомъ случаѣ онъ посолъ объявилъ, что его Царское Величество другую партію возметъ и противъ той, которая примириться не хочетъ, себя объявить, на что въ нужномъ случаѣ имѣть будетъ онъ посолъ полной указъ къ Генералу Царскаго Величества Рену, чтобъ оный по его опредѣленію съ войски Царскаго Величества изъ Украйны маршировалъ и противъ того дѣйствовалъ, кто внутреннему покою противенъ, на что его Королевское Величество, являя истинное намѣреніе къ примиренію, соизволилъ; такожъ обѣщаетъ его Царское Величество Г-дамъ сконфедерованнымъ чинамъ трудиться, чтобъ тотъ трактатъ отъ его Королевскаго Величества содержанъ былъ (*).

П. с. з. Р. И. т. V. стр. 596—7. 3244. — 1718 Ноября 26. Именной. — Объ опредѣленіи въ губерніяхъ должностныхъ людей, согласно съ Шведскимъ Земскимъ Управленіемъ; о дачѣ имъ инструкціи и о введеніи въ С. Петербургской Губерніи новаго управленія съ 1-го Іюля.

Въ губерніяхъ, всѣхъ людей во всемъ управленіи опредѣлить, чинамъ дать инструкціи и прочіе порядки всѣ противъ Шведскаго

(*) Таковыя кондиціи подписаны и заключены съ обѣихъ сторонъ министрами Апрѣля въ 16 дня 1710 года.

(или что переправя), дабы все распорядить нынѣшнимъ годомъ; а въ правленіе ея вступать имъ съ будущаго 1720 года, но управлять по старому, а съ 1720 года почать по новому.

А для примѣра лучшаго, въ С. Петербургской Губерніи зачать съ 1-го Іюля по новому управлять.

РОСПИСЬ ЧИНАМЪ:

1) Ландс-гевдингъ, Голова земской.
2) Оберъ-ландс-рихтеръ, Вышній земской судья.
3) Ланд-секретарь, Земской Дьякъ
4) Бухгалтеръ, Земской Надзиратель сборовъ.
5) Ланд-рект-мейстеръ, Земской Казначей.
6) Ланд-фискалъ, Земской Фискалъ.
7) Ланд-мессеръ, межевщикъ.
8) Проессолъ, Староста тюремной.
9) Ланд-коммисаръ, Земской Коммисаръ.
10) Ланд-рихтеръ, Земской Судья.
11) Ланд-шрейберъ, Подьячій Земской.
12) Кирхшпиль-Фохтъ.

П. с. з. Р. И. 670 стр. 3316. — 1719 Марта 3. Именной. — Объ утвержденіи и исполненіи приговоровъ Военныхъ Судовъ.

Великій Государь указалъ: надъ всѣми офицерами и рядовыми, кто какого чина ни будетъ, которые подержанными надъ ними кригсрехты явятся не въ смертныхъ винахъ чинить экзекуцію при тѣхъ командахъ, гдѣ такіе кригс-рехты будутъ держаны однако напередъ, тѣ кригс-рехты конфирмовать командующимъ тѣми корпусами генераламъ. А которые офицеры приличатся въ смертныхъ винахъ: и тѣ кригс-рехты подписавъ подъ ними командующимъ генераламъ свою сентенцію, для совершенной конфирмаціи присылать въ Военную Коллегію, а въ Военной Коллегіи тѣ кригс-рехты конфирмовать и о экзекуціи докладывать Самому Его Царскому Величеству, а безъ того экзекуціи не чинить. А надъ унтеръ-офицерами, надъ рядовыми и неслужащими,

которые приличатся въ смертныхъ винахъ. чинить экзекуцію по конфирмации въ Военной Коллегіи.

П. с. з. Р. И. стр. 691. 3350.—1719 Апрѣля 9.—Декларація о Коммерціи на Балтійскомъ морѣ.

Его Царское Величество Всероссійское повелѣлъ всѣмъ Своимъ при иностранныхъ неутральныхъ державъ дворахъ и городахъ пребывающимъ министрамъ и агентамъ высокіе Свои Указы дать: помянутымъ Державамъ и городамъ объявить, чтобъ оные нынѣ домогались Королевство Шведское къ тому склонить, дабы купецкимъ кораблямъ всѣхъ ихъ подданныхъ, которые какъ въ Его Царскаго Величества, такъ и Королевства Шведскаго на Сѣверномъ и Балтійскомъ морѣ лежащія пристани Коммерцію свою отправлять намѣрены суть, свободно и безъ препятствія ходить позволено было; и того ради всѣмъ ихъ военнымъ кораблямъ, фрегатамъ и арматорамъ крѣпко заказано было: ни изъ вышепомянутыхъ мѣстъ въ пристани Его Царскаго Величества идущихъ, ниже оттуда съ грузомъ возвращающихся купеческихъ кораблей брать; но онымъ свободную и невозбранную навигацію позволить. И ежели Швеція безъ всякаго изключенія и изъятія на всѣ товары генерально позволитъ, то Его Царское Величество равнымъ образомъ изъ вышепомянутыхъ мѣстъ, съ какимибъ товарами оные ни были, въ Швецію идущимъ и оттуда возвращающимся купеческимъ кораблямъ свободный и невозбранный проѣздъ позволитъ; и для того всѣмъ своимъ военнымъ кораблямъ, фрегатамъ и арматорамъ именно запретить повелитъ онымъ въ торговлѣ и проѣздахъ ихъ ни малѣйшаго препятствія не чинить. Но ежели Швеція по предложенію вышереченныхъ Державъ и городовъ нагруженнымъ купеческимъ кораблямъ въ пристани Его Царскаго Величества хотя на свободной пропускъ позволитъ, однакожъ съ изъятіемъ нѣкотораго, что оныя иногда за контрабандъ почесть, и для того съ оными вещами брать велитъ, то Его Царское Величество тожъ Себѣ предоставляетъ, и въ разсужденіи того повелитъ своимъ военнымъ кораблямъ и фрегатамъ тѣ торговые корабли изъ вышепомянутыхъ кораблей

въ Швецію идущіе, которыхъ товары за контрабандъ не могутъ почтены быть, свободно допускать, но прочіе которые съ контрабандомъ будутъ, кому бы оные ни принадлежали, по учиненному осмотру брать и приводить велитъ. Единымъ словомъ, на что Швеція въ такомъ случаѣ себя декларуетъ, то и отъ Его Царскаго Величества позволено будетъ, но ежели помянутыя неутральныя Державы и города Королевству Шведскому какъ прежде сего коммерціумъ въ Россіи не токмо запретить но и весьма запереть стараться будетъ: то Его Царское Величество противу того равнымъ образомъ поступитъ, и всѣмъ Своимъ военнымъ кораблямъ и фрегатамъ указы дать повелитъ, дабы всѣхъ тѣхъ неутральныхъ Державъ и городовъ въ Швецію идущіе и изъ Швеціи возвращающіеся купеческіе корабли со всѣми нагруженными купеческими товарами безъ разбора брать и приводить, еже тогда Его Царскому Величеству помянутыя Державы и города никоимъ образомъ зазрѣть, ниже за несправедливо толковать не могутъ; ибо Его Величество никоимъ образомъ снесть того не можетъ, чтобъ его непріятель чрезъ коммерціумъ и взятіе тѣхъ многихъ знатныхъ призовъ къ продолженію войны противъ онаго одного такъ великіе авантажи получилъ. Но понеже въ сей деклараціи токмо неутральныя Державы и города упомянуты, а Его Царскаго Величества высокихъ союзныхъ поданные въ томъ не выражены и то учинено того ради, понеже оные и безъ того по силѣ между Его Царскимъ Величествомъ и оныхъ высокими принципалами учиненныхъ союзовъ, въ томъ обязаны, и ради великаго резона весь коммерціумъ въ Швецію яко общаго непріятеля запретить и всемъ удобомышленнымъ образомъ Королевству Шведскому какъ въ коммерціи, такъ и въ прочемъ ущербъ чинить и ни до малаго авантажа не допускать, того ради онымъ симъ декларуется, что ихъ корабли ни въ которое время свободны не будутъ. Но ежели нѣкоторые изъ купецкихъ кораблей, которые въ Швецію пойдутъ, или оттуда возвращаться будутъ и оные отъ Его Царскаго Величества военныхъ кораблей, фрегатовъ и арматоровъ на морѣ найдены будутъ, то оные отъ нихъ безъ дальнаго разсмотрѣнія взяты быть имѣютъ, развѣ когда напередъ кому изъ оныхъ кораблей о сво-

*

бодномъ пропускѣ у Его Царскаго Величества потребные пасы исходатайствованы будутъ. И дабы каждый по сему поступать и отъ всякаго слѣдованія благовременно предостерегать себя могъ, и того ради сія декларація напечатана и всюду публикована.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Вотъ указаніе, критическое отчасти, поэтическихъ мѣстъ въ стихотвореніяхъ Ломоносова.

Въ одѣ второй:

Взойди на брегъ крутой высокой,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину (1)

Послѣдній стихъ напоминаетъ стихи Языкова:

И бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

И такъ вотъ гдѣ отозвалось это смѣлое и прекрасное употребленіе слова.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 93. 99. 103.

Изъ оды пятой:

На востокѣ, западѣ и югѣ,
Во всемъ пространномъ свѣта кругѣ
Ужасны Россіе полки
Мечи и шлемы отложите,
И въ храбры руки днесь возмите
Зелены вѣтьви и цвѣты.
Союзны царства утверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ тишину,
Вы бурны вихри не дерзайте
Подвигнуть нынѣ глубину.

Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены,
Во дни трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Какъ мысль въ весельѣ утопаетъ.
О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами;
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Между млечными облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ степяхъ Азійскихъ
Единогласно говорятъ:

. . . . . .

Не будетъ страшной ужь премѣны,
И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплются противныхъ стѣны
И сильныхъ изнеможетъ лукъ. (1)

Изъ оды шестой:

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 98. 99. 103.

Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады.
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы.
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы

Да возрастетъ Ея держава,
Богатство, щастье и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава;
Какъ токъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
И множество градовъ поитъ;
Разлившись на поля восходитъ,
Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
И жатвы щедро богатитъ. (1)

Изъ оды седьмой:

Тамъ мужъ звѣздами изпещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діана стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.

Вотъ между прочими доказательство словъ нашихъ, что сравненіе становится и на первомъ планѣ и собственно поэтическимъ мѣстомъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,

Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Береговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою,
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
Златой даетъ Египту вѣкъ.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пленахъ Твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ тобою
Падутъ полки потомковъ ихъ.

Да будетъ тое (счастіе) невредимо,
Какъ верьхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть;
Взнесетъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ. ([1])

У Державина:

Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

([1]) Полн. собр. соч. М. В Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1. стр. 116–120.

Изъ оды восьмой:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами,
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

Онъ говоритъ про побѣду:

И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ,
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ;
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межь льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей,
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

У Державина:

Лѣса, которые отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ.

Далѣе:

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы. (1)

Изъ оды девятой:

Заря багряною рукою,
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Пушкинъ пародировалъ съ любовью эти стихи въ Евг. Онѣгинѣ:

Заря багряною рукою; и пр.

Далѣе:

Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.
Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ тебѣ послушныхъ берегахъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 120 128.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ борей
Покрытаго судами моря
Пловущими къ земли Твоей:
Да всѣхъ глубокой миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудъ безмолвныхъ селъ.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крылами,
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается, оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы,
Со тщаніемъ отвсюду рой.

Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

Прекрасная мысль; вотъ значеніе и назначеніе Россіи. Ломоносовъ кажется понималъ его.

И мечь твой лаврами обвитый,
Не обнаженъ, войну пресѣкъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,

И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ. (1)

Изъ оды десятой:

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь.
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь. (2)

Изъ оды двѣнадцатой:

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сѣдя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасной лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада ходящи межь цвѣтами,
Обильность сельскаго труда,
И желты класы межъ браздами;
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?

Тамъ въ кругъ облекъ Драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,

(1) Полн. собр. М. В. Ломоносова М. 1843, ч, 1. стр. 150—156.
(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 143.

Единъ лишь смѣло устремиться
Россійскій можетъ Геркулесъ.
Единъ сто острыхъ жалъ притупитъ
И множествомъ низвергнетъ ранъ,
Единъ на сто головъ наступитъ,
Возставитъ вольность многихъ странъ.

Въ своихъ увидитъ предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Уже младаго Михаила
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять,
И послѣ страшной перемѣны
Въ предѣлахъ удержать враговъ,
Собрать разсыпанные члены
Такого множества градовъ.

Сарматъ съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ Алексѣю.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новый флотъ готовилъ въ морѣ;
Но все то Богъ Петру судилъ.

Но нынѣ мы не зная брани,
Простремъ сердца и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ небесамъ.
О Боже крѣпкій Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ разширитель,
Коль милостивъ бывалъ Ты намъ!

Воззри къ намъ съ высоты святыя,
Воззри, коль широка Россія,
Которой далъ ты власть и цвѣтъ.
Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,

Отъ всѣхъ морей и горъ высокинъ,
Къ тебѣ взывали девять лѣтъ. (1)

У Языкова:

Изъ равнинъ, степей широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

Изъ оды тринадцатой:

Онъ (Петръ) живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ;
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Натуру духомъ превосходитъ,
Герой въ моряхъ и на земли.

Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ. (2)

Изъ оды шестнадцатой:

Безгласна видя на одрѣ
Защитника, отца, героя,
Рыдали Россы о Петрѣ
Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
И сѣтовали всѣ мѣста:
Земля казалася пуста:
Взглянутъ на небо, не сіяетъ;
Взглянутъ на рѣки, не текутъ,

(1) Пол. Соб. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 153—166.
(2) Тамъ-же, стр. 166—172.

И горъ высокость осѣдаетъ;
Натуры всей пресѣкся трудъ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли, водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнной производятъ гадъ.

Ведетъ Творецъ, Онъ идетъ въ слѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россы ускоряйте,
На образъ въ знакъ Его побѣдъ
Рифейски горы изтопчайте,
Дабы Его безсмертый ликъ,
Какъ солнце, свѣтелъ и великъ,
Сіялъ во всѣ концы земныя. (1)

Изъ оды семнадцатой:

Когда по глубинѣ невѣрной,
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной,
И не является конецъ;
Прилѣжно смотритъ птицъ полеты,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты,
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву. (2)

(1) Полн. собр соч. М. В. Ломоносова. Соб 1803, ч. 1, стр. 187. — 192.
(2) Тамъ-же, стр. 201.

Изъ оды восмнадцатой:

Какъ хорошъ оборотъ:

Любовь твоя къ Екатеринѣ,
Екатеринина къ тебѣ,
Побѣду даровала нынѣ.

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите тьму сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго олтаря. (1)

Изъ оды девятнадцатой:

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.

Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
Кто ходъ его остановитъ?
Какъ океанскихъ водъ разливу,
Навстрѣчу кто поставитъ щитъ!

(1) Тамъ-же, стр. 266. 211.

Гдѣ звуки? гдѣ огни и страхи?
Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахи?
Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
Въ свою не принялъ благостыню.

Превыше облакъ восходящій
Недвижно зритъ отъ звѣздъ Атлантъ,
На вихрь въ подножіяхъ шумящій.

О ты, пресвѣтлый предводитель
Отъ вѣчности текущихъ лѣтъ,
Цвѣтущихъ, дышущихъ живитель,
Ты око и душа планетъ,
Позволь къ твоему мнѣ дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь приближившись воззрѣть!
Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сапфирныхъ
Направилъ коней ты эфирныхъ,
Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.

Ты съ новымъ торжествуя годомъ,
Между блистающихъ колесъ
Лазуревымъ пустился сводомъ,
Течешь на крутизну небесъ;
Стремясь къ пріятствамъ вешней нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги:
Таковъ Екатерининъ нравъ.

Далѣе: опять доказательство сказаннаго нами о сравненіяхъ.

Когда съ превыспреннихъ несносной
Приближится на землю жаръ;
То дождь прольешь намъ плодоносной,
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ.
Умѣришь тѣмъ прекрасно лѣто....

Уже по изобильномъ лѣтѣ
Достигнетъ солнце, гдѣ вѣсы
Равняютъ день и ночь на свѣтѣ.

Я слышу нимфъ поющихъ гласы,
Носящихъ сладкіе плоды;
Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы:
Шумятъ огромныя скирды.
Среди охотничей тревоги,
Лѣсами раздаются роги,
Въ покоѣ представляя брань.

«Цвѣтутъ во славѣ мною царства,
«И пишутъ правой судъ цари;
«Гнушаясь мерзостью коварства,
«Рѣшу нелицемѣрно при.
«Могу дѣла изчислить задни,
«И что раждается по вся дни;
«О будущемъ предвозвѣщу;
«Мои полезны всѣмъ совѣты;
«Отъ чтителей моихъ навѣты
«Предупреждая отвращу.

«Господь творенія начало
«Премудростію положилъ;
«При мнѣ впервые возсіяло
«На тверди множество свѣтилъ;
«И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
«Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
«Со мною солнце онъ возжегъ,
«Въ стихіяхъ прекратилъ раздоры,
«Унизилъ долъ, возвысилъ горы,
«И предписалъ пучинѣ брегъ.»

Смотри, смотри, внимай, вѣщаютъ,
Въ обширны Русскіе края,

Гдѣ силныя рѣки протекаютъ,
Народы многіе поя;
Изъ нихъ чрезъ горъ хребты высоки
Прольются новые потоки
Екатерининой рукой.
Дабы, чрезъ сочетанны воды,
Другъ другомъ пользуясь, народы
Размножили избытокъ свой (1).

Надо помнить, что мы выписываемъ и относительно языка.

Сколько есть прекрасныхъ стиховъ въ его Разговорѣ съ Анакресономъ:

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велятъ звенѣть.
Я гусли со струнами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ,
Да гусли поневолѣ
Любовь мнѣ пѣть велятъ.
О васъ герои болѣ,
Прощайте, не хотятъ. (2)

Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,
И зеркало мнѣ дали;
Смотри, ты лысъ и сѣдъ.
Я не тужу нимало,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 214—222.
(2) Тамъ-же, стр. 259.

Ещель мой волосъ цѣлъ,
Иль темя гладко стало,
И весь я побѣлѣлъ. (1)

Мастеръ въ живописствѣ первой,
Первой въ Родской сторонѣ,
Мастеръ наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри черны,
Безъ искуспыхъ рукъ уборны,
Съ благовоніемъ духовъ,
Буде способъ есть таковъ.

Дай изъ розъ въ лице ей крови,
И какъ снѣгъ представь бѣлу.
Проведи дугами брови
По высокому челу.
Не своди одну съ другою,
Но разставь ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей. (2)

Какъ хороши еще стихи его изъ Анакреона; такъ они просты и граціозны:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою,
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери купидонъ;
Пріятной перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
Кто такъ стучится смѣло?

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 243.
(2) Тамъ-же, стр. 241.

Со гнѣвомъ я вскричалъ.
Согрѣй обмерзло тѣло,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ;
Чего ты устрашился?
Я мальчикъ чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу.
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши ни мало
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной;
Колчанъ набитъ стрѣлами;
Лукъ стянутъ тетивой.
Жалѣя о несчастьѣ,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ (1).

Сколько также прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ въ переводѣ оды на счастіе, Руссо, особливо когда сравнить съ переводомъ Сумарокова:

Слѣпые мы судьи, слѣпые,
Чудимся таковымъ дѣламъ!
Однѣ ли приключенья злые
Даютъ достоинство царямъ?
Ихъ славѣ бѣдствами обильной,
Безъ брани хищной и насильной

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 6, стр. 440—441.

Не можно развѣ устоять?
Не можно божеству земному,
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величествомъ блистать?

Вотще готовитъ гнѣвъ Юноны
Енею смерть среди валовъ;
Премудрость! чрезъ твои законы
Онъ выше рока и боговъ (1).

Какъ хорошъ его шестистопный ямбическій стихъ, какъ слышенъ онъ у Пушкина съ своею простотой и важностію вмѣстѣ; напр: въ надписи къ статуѣ Петра Великаго:

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ, и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.

Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ. (2)

Надпись 4:

Ваяннымъ образомъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,
Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра правая творить всегда претитъ.
Но вамъ простительно, о поздые потомки,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. 1803, ч. 1, стр. 253—261.
(2) Тамъ-же, стр. 271.

Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите олтарь предъ сей геройскій видъ. (1)

Надпись 20:

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ,
Лежитъ оружіе, и съ кровью слезъ не льетъ;
И земледѣлецъ плугъ выноситъ безопасно. (2)

Надпись 22:

Желая нѣкогда преславный островъ Родъ
Пловущихъ по морю спасти отъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискать, другимъ давать отраду,
Поставилъ на брегу пречудную громаду;
Великій исполинъ седмидесять локтей
Свѣтильникъ чрезъ всю ночь держалъ поверхъ зыбей,
Далече блескъ пускалъ чрезъ море неустройно,
И корабли вводилъ въ пристанище спокойно. (3)

Надпись 25:

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ.
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ;
Но только лишь оно въ луга свой лучь прольетъ,
Открывшись въ теплотѣ сіяетъ каждый цвѣтъ,
Богатство красоты предъ онымъ отверзаетъ,
И свой пріятной духъ, какъ жертву проливаетъ. (4)

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 272.
(2) Тамъ-же, стр 281.
(3) Тамъ-же, стр. 283.
(4) Тамъ-же, стр. 285—284.

Надпись 25:

Побѣдѣ слѣдуетъ весело торжество,
Герой пріемлетъ честь и жертву божество.
Звучатъ въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты багровы. (1)

Надпись 26:

Хотя щастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.
Велико дѣло въ томъ, чтобъ часто побѣждать;
Но болѣе того всегдашній миръ держать.
Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ счастію почти дана вся воля.

. . . . . .

Производить плоды природно только лѣту,
И кроткій миръ единъ даетъ богатство свѣту.
То правда, надлежитъ и зиму тѣмъ хвалить,
Что можетъ суровство повѣтрій отвратить,
И вредны умертвить въ лѣсахъ и нивахъ гады.
Подобныя даетъ щастлива брань отрады.
Но какъ между стихій съ зимой мипетъ война,
И намъ является прекрасная весна;
Отъ ней неистовы Бореи убѣгаютъ:
Отъ ней пріятные Зефиры вылетаютъ;
Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
Велятъ всходить цвѣтамъ, велятъ упасть волнамъ.
Ведутъ суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
Готовятъ сладкой плодъ и въ пристань путь щастливой.

. . . . . .

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 285.

Въ довольствѣ сидѣть трутъ, довольствіе въ трудѣ

. . . . . .

Толикимъ множествомъ божественныхъ даровъ
Довольствуемся мы имѣя всѣмъ покровъ. (1)

Надпись 27

Не зубы стеръ боецъ предъ Римлянами львицъ,
Ниже кто облетѣлъ всѣхъ прочихъ въ колесницѣ. (2)

Надпись 29:

И тщится ускорить щедротой всходъ наукъ,
И хитрость разную художественныхъ рукъ. (3)

Надпись 38:

По правдѣ вѣчность есть пространный Океанъ,
Что вихрямъ завсегда на колебанье данъ.
Въ ней лѣта, корабли, что скоро пробѣгаютъ,
И въ дальности себя безвѣстной закрываютъ.

. . . . . .

Сіи наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ веселясь со счастливой земли.

. . . . . .

Да многіе потомъ довольствъ увидимъ полны,
Не вѣдая, что́ вихрь, не вѣдая, что́ волны. (4)

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 286—287.
(2) Тамъ-же, стр. 288.
(3) Тамъ-же, стр. 290—291.
(4) Тамъ-же, стр. 298—299.

Стихи Ея Императорскому Величеству Елисавет Петровн. Въ нихъ особенно видно, какъ сильно поражало Ломоносова пространство Россіи, о которомъ такъ прекрасно говоритъ Гоголь:

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство
Подобная странѣ, Монархиня, Твоей?
Отъ запада твое простерлось государство,
Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей.

Какъ утреннимъ лучемъ престолъ Твой здѣсь сіяетъ,
Другую часть страны Твоей покоитъ ночь;
Какъ утренняя заря Камчатку озаряетъ,
Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь;
Когда имѣетъ ночь народъ Твой южный лѣтомъ,
То сѣверный народъ въ трудахъ полдневныхъ бдитъ;
Какъ звѣзднымъ Астрахань въ ночи блистаетъ свѣтомъ,
То Колъ во полнѣйшемъ блистаньѣ солнце зритъ.

Начавши отъ Двины огнь праздничный пылаетъ,
По дальнейшій Амуръ, что Хинъ отъ насъ дѣлитъ.
И съ восклицаніемъ во всѣхъ странахъ шумящимъ
Языки разными вѣщаетъ твой народъ. (1)

Письмо къ И. И Шувалову:

Прекрасны лѣтни дни сіяя на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплютъ въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всѣмъ открыла общій пиръ.
Созрѣлые плоды древа отягощаютъ
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ,
И руку жадную пригожствомъ привлекаютъ;
Что спятъ своей рукой, тотъ слаще плодъ устамъ.

(1) Полн. собр. соч. М В. Ломоносова. Спб. 1803, ч, 1, стр. 307–308.

Сіе довольствіе и красота всемѣстна,
Не только жителямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечетъ она пріятностью своей.
Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елисаветъ;
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ,
Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ дастъ весны прекрасный видъ,
И принуждаетъ въ верхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ.

. . . . . .

Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу. (1)

Выпишемъ хотя нѣсколько мѣстъ изъ его поэмы: Петръ Великій.

Закрылись крайней пучиною лѣса;
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліяшны небеса.
Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 311—312.

Но промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ разныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
Однако доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовыя:
Такъ Сѣверъ укротясь впослѣдни возстенялъ.
По усталымъ валамъ Понтъ пѣну разстилалъ;
Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый,
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межь ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ.
. . Бездонный океанъ травой какъ лугъ покрытъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межь валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ-зальдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ свѣтѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Между высокими кампистыми горами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями.

Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ жемчугами усыпаный янтарь;
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ царь.

«Твои, сказалъ, моря, надъ нами царствуй вѣкъ;
«Тебѣ теченіе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
«Построй великой флотъ; поставь въ пучинѣ стѣны.»

Принесши плодъ земля, лишилась лѣтней нѣги;
Разносятъ блѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги;

Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей,
Дожди и снѣгъ и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей.
Наводитъ на воду глубокія морщины:
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водой на берегъ илъ. (1)

Въ примѣръ простыхъ, но прекрасныхъ разговорныхъ стиховъ приведемъ:

Пахомей говоритъ, что для святаго слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь казнодей лишь только стань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако время, Похомъ.
На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь. (2)

Въ примѣръ того-же приведемъ басню, ненапечатанную въ его стихотвореніяхъ, но въ Риторикѣ:

Лишь только дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушей посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ посоху рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ,
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что Жучко спитъ,
Обнявъ пастушку Ѳирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова Спб. 1803, ч. 1. стр. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 55.
(2) Такъ-же, стр. 312 — 515.

И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пасть разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчей вой.
Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
И Жучко бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ;
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ,
Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался;
Но Ѳирсъ не долго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать (1).

Здѣсь есть одинъ отрывокъ, который указываетъ, что Ломоносовъ просилъ объ учрежденіи Университета; онъ интересенъ и не въ поэтическомъ отношеніи:

Любитель тишины, соборъ драгихъ наукъ,
Защиты крѣпкія отъ бранныхъ ищетъ рукъ....
И славный слухъ, когда твой Университетъ,
О имени Твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ!...
Въ Россіи древности, въ натуры тайны вникаемъ....
Для славы Твоея, для общаго плода,
Не могутъ милости быть рано никогда (2).

Мы должны сказать еще объ одномъ замѣчательномъ произведеніи Ломоносова, которое все заслуживаетъ полнаго вниманія: это письмо къ Шувалову о пользѣ стекла.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 6, стр. 438—439.
(2) Тамъ-же, стр. 314—315.

Наука много значила для Ломоносова; она наполняла всего его, наполняла живо, и онъ былъ не сухой ученый, ремесленникъ. Наука имѣла для него всю поэтическую сторону. Это видимъ въ посланіи о пользѣ стекла. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать изъ него сравнительно большія выписки. Удивительно, какъ здѣсь обращается онъ съ языкомъ, какъ вмѣщаетъ онъ въ него свои мысли и трудныя, почти техническія выраженія, и какъ силенъ и соразмѣренъ является языкъ. Вотъ наши выписки:

Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.

Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя.
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь;
И въ ночь ужасную перемѣнился день.

Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло....
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобративъ въ фарфоръ.

Потомъ какъ человѣкъ зимой сталъ безопасенъ;
Еще при томъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ

И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленой садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.—
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы.

Взирая въ древности народы изумленны,
Что грѣетъ, топитъ, льетъ и свѣтитъ огнь возженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные знать хотя, кто съ неба могъ принесть,
Представили въ своемъ мечтаньѣ Прометея.
Не огнь ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила.

Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудѣ,
Запутанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ,
Презритель зависти и варварству соперникъ.

Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль; изъ свѣта въ свѣтъ иной.
Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣніи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости, и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворитъ кромѣ Его такое?

Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,
И видимъ множество божественныхъ тамъ дѣлъ,
Земель и острововъ, людей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ тѣмъ и странныхъ тамъ животныхъ,
Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчотныхъ.
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ (стеклѣ) неложны

Поставлены Творцемъ; другіе не возможны
Въ благословенной намъ и провѣщенной вѣкъ
Чего не могъ дойти по оными человѣкъ?

По въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ живогны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ Понтъ, и воздухъ и леса.

Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
И видя быстрой блескъ, мятется слабый умъ.

Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.

Вертясь стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственный сверканіемъ и трескомъ;
Дивился сходству умъ: но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителемъ въ томъ былъ;
Довольствуя одинъ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи.

Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ;
Что таже сила тучь гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движеніемъ изходитъ;
Что зная правила изыскашны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истинѣ стекло увѣритъ насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?

Ходя за тайнами въ искуствѣ и природѣ,
Я слышу восхищенъ веселый гласъ въ народѣ. (1)

Въ стихахъ Ломоносова вообще, и въ этомъ произведеніи особенно, часто является наука, такъ имъ любимая, и въ тоже время глубокое сочувствіе природы; вездѣ, гдѣ онъ только ея касается, стихи его становятся прекрасны.

Ломоносовъ написаль двѣ трагедіи: *Тамира и Селимъ*, и *Демофонтъ*. Ни ту, ни другую нельзя назвать цѣлымъ поэтическимъ созданіемъ; но и въ той и въ другой, особенно въ первой, есть истинныя поэтическія мѣста не только относительно языка. Такъ какъ эти трагедіи имѣютъ мало всеобщей извѣстности, то мы изложимъ одну изъ нихъ, именно первую, въ которой болѣе достоинства, и выпишемъ оттуда замѣчательныя мѣста; сверхъ того въ ней въ самыхъ характерахъ лицъ, въ положеніяхъ, есть много изящнаго.

Дѣйствіе въ Крыму, въ Кафѣ; лица: Муметъ Царь Крымскій, Мамай Царь Татарскій, Тамира дочь Муметова, Селимъ Царевичь Багдадскій, Нарсимъ братъ Тамиринъ, Надиръ братъ Муметовъ, Заисанъ визирь Муметовъ, Клеона мамка Тамирина, два вѣстника и воины. Основаніе взято изъ историческаго сказанія, что Мамай, разбитый Димитріемъ на Куликовомъ полѣ, бѣжалъ въ Кафу и былъ тамъ убитъ. Содержаніе самой трагедіи состоитъ въ томъ, что Селимъ осадилъ съ войскомъ Кафу, что Муметъ обѣщалъ въ супружество Мамаю свою дочь и послалъ къ нему въ помощь Нарсима съ войскомъ. Въ началѣ трагедіи ни Мамая, ни Нарсима еще нѣтъ. Селимъ видѣлъ на стѣнахъ Тамиру и полюбилъ ее, и любимъ взаимно; вслѣдствіе этого онъ готовъ дать миръ Мумету, и вступаетъ съ

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 188—201.

нимъ въ союзъ. Такъ начинается эта трагедія. Тамира, въ первомъ явленіи съ Клеоной, говоритъ:

Насталъ ужасный день, и солнце на восходъ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ,
Любезна тишина мнѣ ныня въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился;
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть
Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной ночи
Закрыла отъ меня поля, его, и строй.
Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой:
Во снѣ ли было то, или то было въ явь;
Смущался мысльми сонъ, смущались мысли сномъ;
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,
И стрѣлы пущены уже подъ облаками,
Направленными въ слѣдъ стрѣлами разсѣкалъ (1).

Она усылаетъ Клеону смотрѣть, не началось-ли сраженіе; оставшись одна, она старается себя увѣрить, что противникъ ихъ не Селимъ, а отецъ его, который послалъ его противъ Мумета, и невольно увлекается въ другую сторону, все думая о Селимѣ. Это мѣсто истинно поэтическое; мы его выпишемъ:

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, ч. 2, стр. 53-54.

Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его! отецъ, не онъ нашъ сопостатъ.
Онъ счастливъ, что ему есть въ старости замѣна;
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно! (1)

Клеона возвращается и говоритъ, что Селимъ кажется идетъ прочь отъ Крыма. Тамира, еще не признаваясь Клеонѣ въ любви, говоритъ, что вѣрно какой нибудь предатель измѣнилъ Селиму —

Или отецъ объятъ нечаянно войною,
И требуетъ себѣ его на по́мочь силъ.
Я чаяла конца и по паденьѣ мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ оставшій прахъ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ (2).

Клеона видитъ ея смущеніе, спрашиваетъ, отъ чего? —

Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обезпокоили младую мысль во снѣ? (3)

Наконецъ Тамира признается; здѣсь прекрасные, поэтическіе стихи:

Что̀ дѣлать мнѣ теперь, когда онъ прочь идетъ?
Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова Спб. 1803, ч. 2, стр. 55.
(2) Тамъ-же, стр. 57.
(3) Тамъ-же, стр. 57.

Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
И горы Крымскія отъ насъ изъ виду скрылись!
Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!
Уѣдетъ, о моей любови неизвѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять! (1)

Клеона говоритъ ей, что Селимъ считаетъ блаженствомъ только —

Какъ стѣны падаютъ и города дымятся,
Когда мечи блестятъ, течетъ по конямъ кровь. (2)

Тамира отвѣчаетъ.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
Любовію горятъ не рѣдко и герои;
Отъ ней избавиться не можно никому.
Кому любезнѣе сраженія и бои
И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хотя въ Россійской край пошелъ вооруженъ,
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
Всѣ мысли клонитъ къ той, которой уязвленъ. (3)

Муметъ приходитъ и возвѣщаетъ дочери о мирѣ съ Селимомъ, и что Мамай назначенъ ей женихомъ; Тамира отвѣчаетъ:

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;

(1) Полн. собр. соч М. В. Ломоносова Спб. 1803, ч. 2, стр. 59.
(2) Тамъ-же, стр. 59.
(3) Тамъ-же, стр. 59–60.

Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ (1).

Но проситъ его погодить по крайней мѣрѣ. Она остается одна и не знаетъ, что дѣлать. Такъ оканчивается первое дѣйствіе.—Во второмъ дѣйствіи Селимъ вмѣстѣ съ Падиромъ; они видятся и съ изумленіемъ узнаютъ другъ друга, они вмѣстѣ были въ Индіи. Здѣсь является намекъ на прежнюю, другую, внѣ настоящаго дѣйствія лежащую жизнь Селима; это прекрасное мѣсто; оно обнаруживаетъ поэтическую природу. Не нужно для трагедіи, не нужно для хода дѣйствія, знать, что Селимъ былъ въ Индіи. Но это совершенно поэтическое явленіе, когда бросается свѣтъ на другую, сюда не входящую жизнь человѣка, на другіе его дни; это даетъ знать, что была иная жизнь, иные годы, иные интересы,—и въ невѣрномъ, неопредѣленномъ свѣтѣ является другая часть многообразной жизненной дѣятельности человѣка, и невольно поднимается рядъ возможныхъ картинъ и возможныхъ явленій жизни; думаешь, что иначе жилъ человѣкъ, было для него другое время. Прекрасно, когда какое нибудь слово, какой нибудь намекъ напоминаетъ, указываетъ на это. Это мы здѣсь видимъ, и это показываетъ истинное поэтическое чувство (такой отчасти намекъ встрѣчается еще, когда упоминается о Димитріѣ Донскомъ, о Куликовой битвѣ, о Русскихъ вообще). Надиръ и Селимъ, сказали мы, узнаютъ другъ друга. Нарсимъ былъ также вмѣстѣ съ ними въ Индіи, гдѣ они не говорили другъ другу о своемъ происхожденіи. Надиръ говоритъ:

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1809, ч. 2, стр. 65.

Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ,
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геоскихъ водъ свидѣтель.

Селимъ.

Сѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго попынь мѣста воспоминаютъ,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя.
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ,
Однако онъ царемъ не мной на свѣтъ рожденъ (1).

Селимъ признается Надиру въ любви своей къ Тамирѣ:

Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣстна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобой,
Бывалаль красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые Брамины
Съ младенчества въ моей оставили крови,
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму порабощенъ;
Преодолѣнны я имѣлъ подъ игомъ страсти,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 67.

Но нынѣ подъ общей я подверженъ сталъ законъ,
И мыслей быстраго сдержать не силенъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду,
Любовь изторгнула изъ рукъ военныхъ мечь;
Тамира, не полки, была защита граду,
Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ (1).

Селимъ говоритъ Надиру, что онъ видѣлъ Тамиру на стѣнѣ, что онъ боролся съ тѣхъ поръ самъ съ собою, воевать ли съ Муметомъ, или поставить миръ; онъ рѣшился-было на первое —

Я въ руки принялъ мечь; но сердце вопіяло:
Селимъ, на то ли ты дерзаешь устремленъ,
Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало...
. . . . . .
И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ сгущенный прахъ (2).

Приходитъ Тамира, видитъ Селима; Селимъ говоритъ, что ее любитъ. Здѣсь прекрасные стихи:

Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и копья и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ,
Удержанъ силою толикой красоты! (3)

Онъ уговариваетъ ее соединиться съ нимъ, идти за собою:

Послѣдуй мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 68.
(2) Тамъ-же, стр. 69.
(3) Тамъ-же, стр. 71.

Гдѣ вешніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя;
Царицу воспріять великую стекаясь,
Богинею почтитъ чудящійся народъ,
И красотѣ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой приходъ (1).

Тамира открываетъ ему все, и уходитъ. Являются Муметъ и Заисанъ. Селимъ объявляетъ Мумету, что залогомъ и печатью союза должна быть его дочь; Муметъ даетъ неопредѣленный отвѣтъ. Остаются Муметъ, Падиръ и Заисанъ; Муметъ въ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что Парсимъ ненавидитъ Мамая; два послѣдніе даютъ противоположные совѣты Мумету: Падиръ за Селима, Заисанъ за Мамая. Прекрасны слова Падира, когда Заисанъ угрожаетъ могуществомъ Мамая:

Что мѣру превзошло,—стоитъ надъ стремниною, (2)
Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать;
Безумна власть падетъ своею тяготою;
Что срамно пріобрѣсть,—срамнѣе потерять.
Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки,
Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
Упали тягостью поверженныхъ враговъ.

. . . . . .

Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
Кто гонитъ одного, тотъ всякому грозитъ.
Россію варварство его (Мамая) безчеловѣчно
Изъ многихъ областей въ одну совокупитъ.
На плачъ, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ стекутся;
Разсыпанныхъ враждой сберетъ послѣдній страхъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 72.

(2) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, кстати замѣтимъ, ударенія въ словахъ Ломоносова другія, не такъ какъ теперь у насъ.

Какою силою въ единствѣ облекутся,
Владимиръ нашъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
Сей вредные своей земли отмстивъ набѣги,
Лавровымъ верьхъ вѣнцемъ и царскимъ увѣнчалъ,
А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріялъ (1).

Приходитъ вѣстникъ съ Придонскихъ полей съ вѣстью, что Мамай побѣдилъ. Здѣсь стихи, которые какъ-то отзываются въ стихахъ Озерова:

Одно несчастіе Мамая сокрушаетъ,
Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ (2).

Въ третьемъ дѣйствіи является Мамай, бѣжавшій съ Куликова поля; онъ хочетъ скрывать свое пораженіе, онъ думаетъ, что погубилъ Нарсима и что некому сказать о его пораженіи; онъ разсказываетъ Мумету и другимъ о своей побѣдѣ и о томъ, что Нарсимъ остался еще на поляхъ Россійскихъ и что онъ (Мамай) пожаловалъ его краемъ:

Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

Является Тамира. Мамай объявляетъ ей о своемъ желаніи на ней жениться; Муметъ и Надиръ уходятъ; изъ отвѣта Тамиры Мамай замѣчаетъ, что она его не любитъ, и объявляетъ ей это. Тамира говоритъ, что она любитъ другаго, и удаляется. Изъ словъ Клеоны Мамай видитъ, что Тамира любитъ Селима. Мамай, оставшись одинъ съ Заисаномъ, спрашиваетъ о Селимѣ. Заисанъ ему разсказываетъ; Мамай приходитъ въ гнѣвъ и рѣшается отмстить

(1) Полн. собр. соч М В Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 76—77.
(2) Тамъ-же, стр. 78.

Селиму; они уходятъ. Выходятъ вновь Тамира и Клеона. Тамира усылаетъ Клеону и остается одна; она намѣрена бѣжать съ Селимомъ, борется сама съ собой, и наконецъ рѣшается бѣжать съ нимъ. Она говоритъ:

Бѣги, бѣги отсель, Тамира, и спасайся,
Пока тирапскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся.
Селимъ принять тебя на кораблѣ готовъ.
Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плаватели всѣ направилися въ путь;
И небо искренней любови поспѣшаетъ:
Уже намъ и Борей способный началъ дуть.

. . . . . .

Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной....

. . . . . .

Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Понтъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.

. . . . . .

Прости, дражайшее отечество, прости! (1)

Такъ оканчивается третье дѣйствіе. Въ четвертомъ дѣйствіи Заисанъ объявляетъ Надиру, что онъ встрѣтилъ Тамиру бѣгущую къ судамъ Селима, воротилъ ее и ввелъ въ домъ; онъ хочетъ объявить объ этомъ Мумету. Надиръ говоритъ:

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти (2).

(1) Полн. Собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1856, ч. 2, стр. 89—91.
(2) Тамъ-же, стр. 94.

Клеона приходитъ къ Надиру и разсказываетъ ему о горести и слезахъ Тамиры. Надиръ говоритъ, что подозрѣваетъ Мамая въ хитрости. Клеона говоритъ:

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
Стухъ въ городѣ прошелъ, что онъ совсѣмъ побитъ?

Надиръ.

Всегда есть Божій гласъ, гласъ цѣлаго народа;
Устами онаго Всевышній говоритъ (1).

Далѣе Надиръ говоритъ что небо —

Горами потрясетъ, и воспалитъ пожары,
Или опустошитъ повѣтріемъ луга,
Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
Потопомъ скверные очиститъ берега (2).

Далѣе говоритъ онъ же (Надиръ). Какіе прекрасные стихи!

Хоть радостенъ Муметъ, но войска не имѣетъ;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣетъ
Озлобить мечь въ рукѣ держащую любовь.
Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
На пышны горъ верхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жить.
Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрешне себѣ могъ щастье обѣщать.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2. стр. 94.
(2) Тамъ-же, стр. 97.

На лживость онаго никто не полагайся·
Что утромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ нещастіи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.
Неутомимый рокъ все колемъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.
Но симъ смущаются лишь только подлы души,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются съ недвижимыя суши,
И чаютъ на брегу высокомъ потопуть (1).

Приходитъ Селимъ и узнаетъ, что Тамира поймана на пути къ нему; онъ говоритъ, что вновь обратитъ воинство противъ города.

Ударитъ женской стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стынъ (2).

Наконецъ онъ оставляетъ это намѣреніе и хочетъ драться съ Мамаемъ; онъ отвѣчаетъ Надиру:

Владѣетъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ;
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть.
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тьмѣ безславія кончаютъ долгой вѣкъ?
Добротами всходить на верьхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человѣкъ (3).

Надиръ его удерживаетъ, говоритъ ему объ его родителяхъ:

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. ч. 2, стр. 97, 98.
(2) Тамъ-же, стр. 99.
(3) Тамъ-же, стр. 102.

Они во срѣтенье давно къ тебѣ взираютъ,
И простираютъ мысль чрезъ горы и валы,
И въ нетерпѣніи минуты всѣ считаютъ,
Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которымъ прежъ сего себя ты покорялъ,
И вспомни прежніе свои на сей часъ нравы,
Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ. (1)

Селимъ отвѣчаетъ:

Ужъ я не тотъ Селимъ.... (2).

Является Мамай; между имъ и Селимомъ завязывается жаркій споръ; они бросаются драться другъ съ другомъ, но ихъ разнимаютъ.

Въ пятомъ дѣйствіи Муметъ объявляетъ Тамирѣ, что она должна соединиться съ Мамаемъ, Клеону же приказываетъ бросить въ темницу. Надиръ утѣшаетъ Тамиру и говоритъ:

Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ,
И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣлъ;
Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ летѣлъ (3).

Приходитъ вѣстникъ и разсказываетъ о поединкѣ Селима съ Мамаемъ:

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;
. . . . . .
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;

(1) Полн. соб. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 107.
(2) Тамъ-же, стр. 102.
(3) Тамъ-же, стр. 103.

Ударилъ по щиту, звукъ гряпулъ межъ горами;
Распался, разомъ щитъ и копска голова. (1)

Въ то время, какъ Селимъ одолѣвалъ Мамая, прибѣжали Мамаевы мурзы и бросились на Селима. Вѣстникъ въ это время оставилъ мѣсто поединка; Надиръ уходитъ мстить за Селима, а Тамира остается одна; она увѣрена, что Селима больше нѣтъ; она говоритъ, что ей нѣтъ отрады —

Одно спасенье мнѣ, не ожидать спасенья. (2)

Все это мѣсто также вообще прекрасно.
Она рѣшается послѣдовать за Селимомъ:

И смерь зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаетъ.

. . . . . .

Что должно потерять, то должно презирать....

. . . . . .

Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ. (3)

Она хочетъ заколоться. Въ это время являются Селимъ и Нарсимъ; они говорятъ, что Мамай убитъ. Приходитъ и Муметъ съ прочими. Нарсимъ разсказываетъ пораженіе на Куликовомъ полѣ:

Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучь.
Въ густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дожжевыхъ гуще тучь.
Ужь поле мертвыми наполнилось широко,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 108.
(2) Тамъ-же, стр. 110.
(3) Тамъ-же, стр. 111. 112.

Непрядва трупами спершись едва текла.
Различный видъ смертей тамъ представляло око,
Различнымъ образомъ повержены тѣла.
Иной съ размаху мечь занесъ на сопостата;
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ,
Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стопетъ подъ конемъ.
Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая;
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ. (1)

Въ это время, когда побѣда клонилась на сторону Татаръ, Мамай,ославъ его (Нарсима) отыскивать Димитрія, окружилъ его Нарсима своими воинами, чтобы истребить съ его войскомъ; тогда вдругъ войско Русское вышло изъ засады; Татары, (также и напавшіе на Нарсима) побѣжали:

Я къ верьху мутные возвелъ свои глаза;
Тогда надъ Русскими полками отворились,
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ ноборoя. (2)

Селимъ оканчиваетъ разсказъ и говоритъ о томъ какъ Нарсимъ, въ то время, какъ онъ (Селимъ) былъ окруженъ, явился и убилъ Мамая:

Какъ тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
Однако посмотрѣвъ на раненый хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И ратовище злясь въ себѣ зубами рветъ:
Такъ мечь въ груди своей схватилъ Мамай рукою;

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, Спб. 1805, ч. 2, стр. 114.
(2) Тамъ-же, стр. 116.

Но палъ, и трясучись о землю тыломъ билъ.
Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
Разинулъ челюсти, но гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ (1).

Муметъ соединяетъ Селима и Тамиру, и прощаетъ Клеону,—и трагедія оканчивается.

Мы выписали всѣ или почти всѣ поэтическія мѣста. Изъ нашихъ выписокъ видно, какъ прекрасны, какъ совершенны часто стихи Ломоносова, и какъ далеко выше эта трагедія трагедіи Озерова.

Трагедія Демофонтъ не имѣетъ такого достоинства, какъ трагедія Тамира и Селимъ; но и здѣсь есть прекрасныя мѣста и прекрасные стихи. Удержимся отъ многихъ выписокъ, и выпишемъ одно мѣсто изъ разсказа Мемнона Полимнестору:

Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ,
Отъ берегу вдали пучина почернѣла,
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла;
Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верьхи, стремились волны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли,
Которы лютость водъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, ч. 2, стр. 117.

Мы чаяли тогда Енеева прихода,
Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ (1).

Конецъ приложеніямъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

(1) Полн. собр соч. М. В. Ломоносова, ч. 2, стр. 133. 134.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Вопросъ литтературы не можетъ разсматриваться отвлеченно; но долженъ быть изложенъ въ связи съ исторіею народа.

II.

Явленіе Ломоносова тѣсно соединено съ явленіемъ Петра Великаго; дѣятельность и того и другаго имѣетъ внутреннее соотношеніе между собою.

III.

Значеніе Петра въ исторіи Русской есть значеніе индивидуума, лица въ народѣ, которое воплотилось въ Петрѣ.

IV.

Переворотъ Петра не кончился. Для того чтобы онъ могъ быть окончанъ и оправданъ, могъ явиться въ своей истинѣ, —необходимо воздѣйствіе.

V.

Значеніе Ломоносова въ литтературѣ есть значеніе индивидуума, лица въ поэзіи, иначе: поэтической отдѣльной личности, дотолѣ поглощаемой цѣльною, исключительно-національной жизнію, народными пѣснями.

VI.

Языкъ Церковно-Славянской былъ орудіемъ отвлеченной *общей* дѣятельности въ религіозной сферѣ, служилъ вѣчному—языкъ по преимуществу письменный. Языкъ Русской былъ орудіемъ дѣятельности народной въ сферѣ его національной жизни, служилъ случайнымъ живымъ движеніямъ—языкъ по преимуществу разговорный, устный.

VII.

Исторія слога въ Россіи до Ломоносова представляетъ безпрестанное смѣшеніе того и другаго языка, помѣръ столкновенія тѣхъ областей, которымъ по преимуществу служили они—въ грамотахъ и договорахъ съ одной стороны, въ посланіяхъ духовныхъ лицъ къ народу, съ другой. Это производитъ пеструю смѣсь и волнующуюся цѣпь ошибокъ очень живую, понятную вслѣдствіе внутреннихъ причинъ.

VIII.

Языкъ Русской не смотря на кажущуюся ошибочность и недостаточность правописанія въ грамотахъ и пр., съ изу-

мительною строгостію сохраняетъ многіе свои оттѣнки; ибо здѣсь есть присутствіе народной грамматики, живой, естественной, истинной. Это видимъ напр: въ употребленіи родительнаго падежа послѣ частицы *не*; въ оттѣнкахъ употребленія отглагольнаго прилагательнаго съ *есмь*, *еси*, *есть*; въ употребленіи *ти* и *тобѣ*, и пр.

IX.

Сферы Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ возмутились въ своей отвлеченности передъ явленіемъ Петра Великаго. Церковно-Славянскій языкъ утратилъ свою неприкосновенность и былъ употребляемъ для комедій, гдѣ перемѣшивался съ самыми пошлыми, обыденными словами. Ломоносовъ внесъ порядокъ въ этотъ хаосъ слога. Онъ возвелъ Русской языкъ въ общую сферу и опредѣлилъ его живое отношеніе къ языку Церковно-Славянскому, Права сего послѣдняго въ Русскомъ языкѣ и словѣ—вѣчны.

X.

Языкъ Ломоносова имѣетъ свое основаніе и оправданіе въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, и въ языкѣ Русскомъ,—языкѣ грамотъ, народномъ.

XI.

Ломоносовъ, явившись какъ лице въ поэзіи,—необходимо поэтъ; это опредѣляется существо его подвига.

XII.

Ломоносовъ—поэтъ преимущественно въ языкѣ; это всеобъемлющій его подвигъ. Но его поэтическая природа вы-

сказывается также прекрасными поэтическими мѣстами въ его произведеніяхъ. Мало того, его поэтическая природа является и въ наукѣ и въ прочихъ его занятіяхъ, какъ существенная, основная, необходимая его принадлежность. И потому Ломоносовъ во всей своей многообразной дѣятельности — поэтъ.